

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Таня Диттрич

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Таня Диттрич

МОСКВА

ЖИЗНЬ ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ

УДК 94(420)“18”
ББК 63.3(4Вел)52
Д 49

Художественное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

ISBN 978-5-235-02978-1

© Диттрич Т. В., 2007
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2007

Завидовали ли вы когда-нибудь людям из других столетий? Признайтесь, наверняка возникали мысли о том, что за спокойная, тихая жизнь была, к примеру, в XIX веке. А если человек к тому же был богат и родился в Британии, то наслаждения подстерегали его на каждом шагу: особняк в центре Лондона, имение в пяти милях, другое, третье — у моря, верные слуги, светские развлечения, ривьеры, скачки, балы, ложа в театре. Приятная жизнь, полная забот только о том, как провести день. Да, так рисует нам наше воображение. Легко судить обо всем, не зная деталей и подробностей. А ведь именно они и делают жизнь не контурной и иллюзорной, а ясной и правдивой.

Во все времена так же страшились завтрашнего дня, беспокоились, чем будут кормить детей, волновались о потере работы или источника дохода, трепетали за судьбу близких. Пуританские периоды чередовались с распутством, щедрость меценатов сменялась скупостью ростовщиков, порядочность и достоинство теснились расчетливостью, показухой и завистью.

В каждом веке поколение отцов сокрушалось, глядя на нравы молодежи:

«Куда мы идем? Что творится с миром? В наше время было чище, проще и достойнее!»

Чудесный предмет история. Рассказывает, что было в прошлом, помогает не бояться настоящего, подсказывает, чего можно ожидать в будущем. Пото-

му как все, что есть — уже было когда-то. В другое время, с другими людьми, но было.

Наши огорчения оттого, что мы видим только то, что случилось в наше время, и ужасаемся предсказаниям, какие сами себе рисуем о будущем. Но поверьте, это дело пустое! История — наш путеводитель во времени показывает, что любое общество проходит через кризисные периоды. Неизбежная синусоида бросает мораль вверх и вниз, от одной крайности к другой, и хуже всех приходится тем, кто попадает на эти пики.

Однако жизнь, как река, всегда отыскивает верное русло!

Убедиться в этом вы сможете на примере Англии во время долгого правления королевы Виктории.

Пример королевской семьи — образец для подражания всей Англии

Виктория — королева Британская, Австралийская, императрица всей Индии, владелица колоний в Африке и других странах — самая влиятельная женщина на земле в XIX веке, правила 60 лет. Она была внучкой сумасшедшего короля Георга III, имевшего троих сыновей. Никто не мог и предположить, что дочь его младшего сына ожидает венценосная судьба. Одно Провидение знает, почему оно выбрало именно Викторию в качестве королевы и устранило с ее пути более пятнадцати претендентов на трон.

В марте 1819 года по дороге из Германии во весь опор мчалась шестерка вороных коней. Князь Кентский — отец будущей королевы, сам правил каретой, изо всех сил стегая лошадей. В карете стонала, держась за огромный живот, находившаяся на восьмом месяце беременности княгиня Кентская. У супругов имелись все причины так торопиться. Цыганка предсказала им, что вынашиваемый ребенок будет правителем Соединенного королевства и всех его колоний. Несмотря на то что отцу будущей королевы не на что было нанять кучера и самому пришлось править лошадьми, он, услышав предсказание, не мешкая отправился с женой в Англию. В кулуарах много шептались об амбициях князя Кентского. Его несколько комичная внешность — пышные бакенбарды при голом черепе давала повод острить, будто он лыс

оттого, что у него мало мозгов, а волосы не растут в пустыне. Его называли величайшим подлецом, которого еще не повесили, и смеялись над его тучностью. Однако напрасно пара так торопилась. Девочка, которой при крещении дали имя Виктория, родилась лишь 24 мая 1819 года в Кенсингтонском дворце в Лондоне. Еще целых восемнадцать лет оставалось до того дня, когда дочь князя Кентского провозгласили королевой Англии.

Восемнадцать долгих лет, в течение которых будущая наследница престола училась подавлять в себе детские желания и эмоции, прислушиваться к доводу разума и подчинять свою жизнь долгу. Князь Кентский не дождался предсказанного события. Он умер вскоре после рождения дочери, оставив жену и ребенка почти без средств к существованию. Их жизнь, несмотря на высокий титул, была очень скромной. Впоследствии королева Виктория тешила себя мыслями, что она знает, как живет народ, так как ей самой в детстве довелось испытать нужду. Конечно, это была иллюзия. Отказ от удовольствий, сокращение количества слуг, переход на постную пищу — все это было связано лишь с временными денежными неудобствами. К тому же такие ограничения соответствовали строгому воспитанию, которое старалась дать дочери княгиня Кентская. Контроль со стороны матери был настолько суров, что ребенком Виктория казалась старше своих лет, вела себя, говорила и держалась, как взрослая. Маленькой ей никогда не позволяли оставаться одной, не разрешали играть с детьми, подавляли все естественные желания, присущие возрасту. Привычка ставить долг на первое место осталась с ней до конца жизни и очень пригодилась, когда она начала править страной. А сильный характер, выработанный с детства, проявлялся во всем. Виктория доходила до самоистязания, чтобы стать лучше. В воротник ее платья около подбородка были вшиты колючки остролиста, которые больно впивались в тело, когда она опускала голову, заставляя всегда высоко держать подбородок, чтобы казаться выше. Весь день был подчинен раз и навсегда заведенному распорядку, как того желала строгая мама. Выработавшаяся у Виктории вследствие такого воспитания воля

не позволяла подозревать в ней наличие слабостей, присущих простым смертным, ведь монарх являлся образцом для подражания всей нации.

Население в это время было крайне суеверным. На все случаи жизни существовали свои приметы, по которым предсказывалось будущее. После коронации по стране ходили устойчивые слухи, что правление королевы будет коротким и несчастливым.

Все было не так как надо в тот великий день. Архиепископ надел Виктории коронационное кольцо не на тот палец, главный хранитель казны рассыпал золотые и серебряные медали на пол. Когда, наконец, удалось навести порядок и лорды один за другим стали присягать королеве на верность, поднимаясь по очереди к трону и прикасаясь к короне, лорд Ролл — толстый, рыхлый человек, оступившись, покатился кубарем вниз, завернувшись в свою мантию. Злые языки после сплетничали: фамилию Ролл, что означает кататься, он получил после этого случая. Епископ во время церемонии по ошибке перевернул две страницы молитвенника, тем самым закончив обряд ранее, чем было положено по этикету. Символы власти протянули королеве так неожиданно быстро, что она их чуть не выронила.

Вскоре после коронации Виктория вышла замуж за своего кузена Альберта, влюбившись в него с первого взгляда. Бедная девушка сама была вынуждена сделать ему предложение, поскольку никто не мог предложить руку и сердце королеве. Мужа своего она обожала, хотя поначалу их семейная жизнь не ладилась. Альберт никак не мог привыкнуть к тому, что куда бы ни шла королевская чета, ему приходится следовать сзади своей супруги на полшага. Его огорчало также, что на придворных балах она танцевала с ним не более трех танцев. И все же главной причиной разногласий являлось то, что ему не была определена роль при дворе. Однажды у них возникла очень крупная ссора. Альберт выбежал из залы и заперся на своей половине. Виктория стала громко стучаться.

— Кто там? — спросил Альберт.

— Королева Англии! — послышался ответ.

Рассерженный муж ничего не ответил и дверь не открыл. Виктория стала барабанить изо всех сил.

— Кто там? — опять спросил Альберт.

— Твоя жена, — смиренно ответила королева.

Тогда он открыл дверь и поставил свои условия. Жить за городом. В его обязанности войдет управление дворцами и семейными счетами. Он будет танцевать с ней столько, сколько захочет.

После этого семейная жизнь наладилась, о чем говорит рождение девятерых детей. Девять королевских отпрысков, при том что, как видно из многочисленных дневников, наслаждаясь сексуальной жизнью со своим мужем, Виктория абсолютно ненавидела быть беременной. У королевы имелись свои слабости.

В то время, когда Виктория вступала на трон, любое решение сначала рассматривалось премьер-министром и парламентом. За время ее правления премьер-министрами были: лидер либеральной партии Гладстон, который избирался на этот пост четыре раза, и лидер консервативной партии Дизраэли, избиравшийся дважды.

Гладстон всегда выступал за сокращение налогов и улучшение условий жизни в Ирландии, Дизраэли добился для Британии контроля над Суэцким каналом и сделал Викторией императрицей Индии. В начале викторианской эры самой сильной группой в парламенте были богатые землевладельцы. В 1840 году премьер-министром страны стал Роберт Пиль. Он являлся политиком, вышедшим не из аристократов, как было до сих пор, а из среднего класса, чья семья достигла своего благосостояния с помощью бизнеса. К 1890 году уже несколько человек из рабочей среды были выбраны в парламент, чтобы там представлять интересы обездоленных. До 1911 года депутатам не платили, и поэтому бедные люди могли быть выбраны только при поддержке торговых союзов. Постепенно после актов парламента 1832, 1867 и 1884 годов, все большее количество народа получило права на участие в выборах. Однако даже к 1914 году обязательным условием для избирателей являлась регистрация по одному и тому же адресу достаточное количество времени. Из-за это-

го пункта один из четырех мужчин не имел права выбирать своих представителей в парламент, так как не мог по разным причинам долго жить на одном месте. Следующий закон ограничил время, в течение которого каждая партия проводила свою предвыборную агитацию, чтобы дать возможность остальным партиям тоже поучаствовать в выборах на равных условиях. Голосования были открытыми, каждый высказывал свое мнение с трибуны. Это облегчало задачу для противоположной партии оказывать давление на избирателей через работодателей или владельцев квартир. С 1872 года выборы стали тайными. А в 1883 году был принят закон, запрещающий подкупать избирателей. Женщины не имели права голоса до 1918 года. Чтобы привлечь внимание к своим проблемам и заставить парламент наконец разрешить женщинам принимать участие в выборах, они были вынуждены объявлять голодовки, бить стекла, устраивать демонстрации. Одна бедняжка даже бросилась под копыта лошади на скачках в Дерби, другая тайно проникла в парламент. Публика относилась крайне негативно к проявлениям женского волеизъявления. Респектабельные леди осуждали подобное поведение, называя таких представительниц своего пола суфражистками. Королева Виктория сама была против того, чтобы позволить женщинам принимать участие в политической жизни страны. Только через восемнадцать лет после ее смерти было разрешено голосование женщинам, достигшим 30 лет. Позднее возрастной ценз снизился до 21 года.

Альберт, муж королевы, так и не стал королем. Его позиция при дворе была определена как *Prince Consort*, что в дословном переводе так и означало — *принц-супруг*. Однако он был для Виктории гораздо больше, чем муж, он являлся ее советчиком, помощником, управителем, организатором. Во всех трудных ситуациях она всегда могла на него положиться.

После смерти Альберта Виктория пожизненно носила траур и всей прислуге во дворе запретила улыбаться и носить одежду другого цвета, кроме черного. Горничным до конца ее дней было приказано менять полотенце в комнате мужа, выносить ночной горшок и

подготавливать для него одежду на день, как это делалось раньше. Они не роптали, поскольку покойник был непривередлив. Виктория повсеместно устанавливала памятники и бюсты любимому и удостоивала рыцарства тех, кто возводил их на собственные средства. Она скорбела по Альберту до самой своей смерти, никогда не расставаясь с его усыпанным бриллиантами портретом. Когда любимый премьер-министр Виктории Бенджамин Дизраэли умирал и близкие спросили его, хочет ли он проститься со своей королевой, он ответил: «Зачем? Она ведь только попросит меня передать сообщение ее Альберту».

Пример королевской семейной жизни привел к тому, что в XIX веке в Британии установился культ семьи.

Викторию называли бабушкой всей Европы, поскольку многие короны европейских стран достались ее детям. В первый год ее замужества с Альбертом родилась Виктория, которая позже стала императрицей Германии и матерью кайзера Вильгельма II, развязавшего Первую мировую войну. Через год, в 1841-м, родился Берти — принц Уэльский, будущий король Британии Эдуард VII. Когда в 1860 году появился последний ребенок, Виктория была королевой уже 23 года.

Несмотря на суеверия, она правила страной долго и счастливо, а время ее правления называют золотым веком в британской истории.

ПОСЛЕДСТВИЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

В начале XIX века большинство населения Британии работало на фермах и передвигалось по земле либо пешком, либо на лошадях. Человечество веками ставило перед собой задачу изобретения механизмов, способных перевозить людей и грузы, но решило ее, занимаясь первоначально совсем другими вещами. Ученые, стремясь увеличить производительность труда на фабриках и угольных шахтах, создали первые паровые двигатели, заменившие водные мельничные колеса, использовавшиеся раньше в производстве. Вот тут и возникла мысль применить новую гигантскую силу, образуемую паром, для вращения колес повозки. Так возникла идея создания паровоза, на полстолетия опередившая изобретение двигателя для авто. В разработку новой, невиданной до того конструкции включились французские и английские инженеры. В 1813 году Джордж Стефенсон сконструировал и построил локомотив для транспортировки тридцати тонн угля по рельсам. А 27 сентября 1825 года первый паровоз с пассажирами отправился из Дарлингтона в Стоктон. К 1843 году было уже проложено 3200 километров железнодорожных путей, а к 1870 году — 22 тысячи. Владельцы крупных фермерских хозяйств негодовали. Они опасались, что от испуга коровы перестанут давать молоко, куры прекратят нести

яйца, а с овец ползет шерсть, но, уразумев, сколько денег можно заработать на железных дорогах, кинулись покупать акции и создавать паровозные компании. Это было время быстрого обогащения. В один день можно было сделаться или сказочно богатым человеком, или потерять абсолютно все. Полученные деньги вкладывались в строительство фабрик, которые как грибы разрастались по всей стране.

Раньше ткани производили в несколько стадий. Полученную шерсть с остриженных овец сначала сортировали, затем пряли на прялках или вручную с помощью веретена, после красили, а уж потом ткали. В основном работали дома, привлекая всех членов семьи, и специализировались либо на обработке шерсти, либо — льна. Изделия при этом стоили так дорого для потребителей, что большинство населения предпочитало накладывать на порванные места заплатки, чем покупать новые вещи. Когда же были изобретены прядильные, ткацкие машины, выполнявшие все работы гораздо быстрее и в несравнимо большем объеме, они перебили местный бизнес. Крестьянки, вместо того чтобы дома прядь шерсть своих овец, вынуждены были пойти на фабрику и работать там в жутких условиях. С этого времени производство вещей и механизмов стало массовым, а не штучным, как это было до изобретения парового двигателя.

Жизнь повсеместно менялась. Появились новые, неизвестные ранее профессии, такие как механик, электрик, водитель. Паровой двигатель стал применяться в сельском хозяйстве, заменяя лошадей. Это тоже способствовало усилению безработицы на селе, где больше не требовались люди привычных специальностей. Жить стало тяжелее. Цены на продукты упали, и многие фермерские хозяйства разорились. Если раньше трудились близко от дома, в удобное для себя время, то с развитием фабрик пришлось ходить на работу за несколько миль и подстраиваться под общий график, при котором станки не выключали, чтобы не растрчивать уголь на разогрев двигателя. В это время продолжительность рабочего дня в 14 часов считалась нормальной. В поисках заработка люди переезжали в города, а

многие покидали страну и уезжали в поисках счастья в Америку, Африку, Австралию. Строительство железных дорог сделало перемещение людей и грузов гораздо более быстрым и дешевым. Люди, никогда ранее не выезжавшие за пределы родных мест, вдруг смогли прокатиться на юг и север страны, побывать в столице. Ранее лошади пробегали по хорошей дороге в среднем 12 километров в час. В 1830 году паровоз выехал из Ливерпуля до Манчестера со скоростью 30 километров в час, а в 1850 году — уже со скоростью 80 километров в час.

Самый быстрый корабль до изобретения паровых двигателей пересекал Атлантику за двенадцать дней, и путешествие в Америку в начале правления Виктории занимало семь недель. Теперь же пароходы покрывали это расстояние уже за восемь дней. Еще одним преимуществом кораблей, двигавшихся благодаря силе пара, было то, что появилась возможность сделать надежное расписание их движения, независимое от скорости и направления ветра. Однако некоторые дешевые пароходики еще продолжали иногда ходить под парусами, чтобы сэкономить уголь. Пассажиров, плывших на них, просили брать с собой постельные принадлежности и умывальники. Тогда же началась эра эмигрантов, уезжавших из Соединенного Королевства, в основном из Ирландии, в Австралию и Америку. Это были молодые и здоровые люди, которые надеялись на лучшую долю и более широкие возможности в этих странах. К концу века из одной только Ирландии в Америку эмигрировали почти 11 миллионов человек.

В 1851 году по дну Ла-Манша был проложен первый телеграфный кабель, а в 1866 году впервые заработала телеграфная связь между Европой и Северной Америкой и с помощью азбуки Морзе стало возможным в считанные секунды посылать сообщения через Атлантический океан. В 1897 году королева Виктория отметила свой бриллиантовый юбилей, телеграфировав сообщение из Букингемского дворца в Австралию менее чем за две минуты. Благодаря изобретенному фотоаппарату во второй половине столетия появилась возможность остановить мгновение, а к концу — уже

запечатлеть движущиеся кадры и смотреть их в синематографе. В медицине стала впервые применяться анестезия, позволив делать невозможные до того операции и лечить безнадежные ранее болезни. Была изобретена печатающая машинка. Появилась возможность передавать сообщения по электрическому телеграфу, а чуть позже и по телефону. Грузооборот увеличился, и в Англии открылось невиданное ранее количество магазинов с импортными товарами. Освещение, свечное и газовое в середине века, к концу правления Виктории сменилось на электрическое.

Время ее правления не случайно называют золотым веком в истории Англии. Страна стала получать существенные дивиденды от своих колоний. Нашлись деньги не только на украшение Лондона и других крупных городов, но и для более важных дел, таких как прокладка подземных коммуникаций водопровода и канализационного коллектора столицы, которые очистили улицы от помоев и нечистот. Строительство железных дорог, разветвленной линии подземного метрополитена, прокладка телеграфного кабеля по дну Ла-Манша, создание самого большого корабля в мире — все это часть славных дел времен королевы Виктории.

Городская жизнь

Индустриализация, изменившая социальный состав населения городов, заставила людей относиться друг к другу с опаской. Ведь раньше они жили на той же улице с одними и теми же соседями всю свою жизнь. Знали их семьи, достоинства, слабости и недостатки, их доход и какую нишу они занимали в местном обществе. Теперь же приехавшие отовсюду люди могли сказать о себе все что угодно.

Вот как характеризует публику, заполнившую города, Чарлз Диккенс в своей книге «Наш общий друг»: «Вениринги были совершенно новыми людьми в совершенно новом доме, в совершенно новой части Лондона. Все, что касалось их, было с иголочки новое. Вся мебель была новой, все их друзья были новыми, вся их

прислуга была новая, их кареты были новыми, их лошади были новыми, они сами были новой, только что поженившейся парой, с только что народившимся ребенком. Если бы у них был дедушка, то и он должен был бы соответствовать всей обстановке и быть отполированным до блеска, без царапинки, чуть ли не с короной на голове»*.

Когда Альфред Лэмл встретил свою будущую жену, он выдал себя за обеспеченного человека, поскольку посчитал, что у нее есть деньги. «Не имея ни родословной, ни характера, ни воспитания, ни идей, ни манер, все, что они имели, — это акции!» В конце книги, правда, оказалось, что и они обманывали друг друга так же, как обманывали весь свет: «У них было не больше акций, чем родословной, характеров, воспитания, идей и манер».

Чарлз Диккенс называл таких людей «фатальной новизной при ужасном лоске». Признанный знаток характеров не случайно выбрал подобный типаж для своей книги. По всей стране происходила миграция. Одни, как описанная пара, пользуясь возможностью, «пудрили мозги», чтобы оказаться в столичном обществе. Кстати, это выражение пошло оттого, что выдать себя за члена светского общества, двумя столетиями ранее, было возможно, только надев напудренный парик. Другие бежали от старых грехов, надеясь спрятаться в большом городе. И конечно, большинство составляли люди, которые просто искали работу и стабильную жизнь для своих семей.

Центр индустрии находился на севере. Бирмингем давал стране металл, в Манчестере производили хлопковые ткани, Ньюкасл снабжал углем, а Бат (*Bath* переводится как ванная) был модным городом, куда ездили принимать горячие грязевые ванны после тяжелой работы по управлению мануфактурами и фабриками. В Ливерпуле находился главный северный порт, соединявший Англию с Атлантическим океаном и Западной Индией, Портсмут на южном побережье считался основной морской базой.

* Все переводы с английского выполнены автором.

Экономическая роль Лондона определялась рекой Темзой, и в XIX веке основным, приносившим огромные деньги городу, был бизнес, основанный на морских грузоперевозках из Индии, Китая, Африки, Америки и других стран. Главным двигателем прогресса XIX века стал уголь. Без него не раскручивались колеса пароходов, не катились поезда, не разогревались домны, не пылали горны. Все производства работали на нем, уголь сжигали в огромных количествах в топках паровозов, на фабриках, его использовал весь скоростной транспорт. Воздух в городах был переполнен угольным смогом. Солнечный свет не мог пробиться сквозь него даже летом, поскольку в каждой кухне, кроме очень бедных домов, растапливались печи для приготовления пищи и каминные для обогрева. Города находились под постоянным дымовым облаком, не пропускавшим солнце. Отсюда и такое большое количество туманов, о которых упоминается и у Конан Дойла, и у Чарлза Диккенса. В произведении Диккенса «Мрачный дом» рассказчица Эстер Саммерстон, впервые приехав в Лондон и увидев улицы, наполненные густым плотным дымом, спросила своего сопровождающего:

«— Что, где-то большой пожар?

— О нет, мисс! — ответил тот. — Это просто Лондон!»

Столицу Англии с XVIII века так и называли — «Большой дым», поскольку для этого были все причины. После индустриальной революции проблема загрязнения воздуха стала еще больше, и в XIX веке, проходя днем по Лондону, довольно привычно было видеть только в шаге от себя. Если джентльмен протягивал даме руку, помогая ей сойти с мостка над открытой дренажной системой, то он видел только ее перчатку и рукав, но лицо ее уже скрывалось в тумане.

«Туман опустился и окутал девушку, как молочная пелена. Нэнси казалось, что она плывет, так как не могла разглядеть своих ног. Где-то раздавались голоса, стучали подошвы по камням мостовой, цокали копытами лошади, лаяли собаки. Ориентироваться в таком тумане было очень трудно. Через некоторое время девушка уже не знала, откуда она пришла и в каком направлении центр города.

— Пойду там, где шумнее, — решила она и, выставив перед собой руки, тихонько ступая, пошла вперед. Скоро и руки растворились в тумане, и Нэнси стала себя чувствовать бестелесным существом.

— Тетя Поли рассказывала о таком, говорила, что если смотреть из дома на улицу, то чувствуешь себя как на острове, так как вокруг больше ничего не видно. Она говорила, что это оттого, что все начинают топить и готовить и туман получается от этого дыма.

— Поберегись! — раздалось справа. Сначала рядом проехала невидимая лошадь, а затем и невидимая повозка, которая глухо простучала своими металлическими ободами по камням.

Нэнси испугалась:

— Так ведь и задавить могут! Пойду-ка я ближе к домам, так хоть буду знать, в какую сторону идти.

Девушка, неоднократно спотыкаясь обо что-то или о кого-то, наконец натолкнулась на стену и пошла вдоль нее. Ее рука, ощупывавшая один кирпич за другим, несколько раз проваливалась в пустоту, где когда-то были стекла в окнах, местами заткнутые подушками. Затем, нащупав угол дома, она поняла, что пришла к перекрестку. Услышав рядом шаги, Нэнси спросила кого-то:

— Как пройти к центру?

Хриплый мужской голос ответил ей:

— Вон туда, — и она поняла, что сглупила. Раз не видно говорящего, то не будет видно и направления, куда он показывает».

Дым был разного цвета: синий, темно-серый или коричневым и имел острый запах. Используя метеорологические записи, было установлено, что за выбранные четыре года в семидесятых годах XIX века в Лондоне был 51 туманный день в году, в восьмидесятых — 58, а в девяностых — уже 75. Леди, отправлявшиеся в оперу или театр и надевавшие белые накидки, возвращались домой уже в серых. Черная окраска зонтов прижилась навсегда, потому что более всего отвечала состоянию атмосферы.

Натаниел Хауторн описал один из таких дней. «Этим утром, когда я уже должен был вставать, дневной свет еле пробивался через дым и мы зажгли свечи, хотя

было уже десять часов. Этому никто не удивился, ведь в туман их жгли весь день. В одиннадцать, выходя из дома, я ничего не видел через дорогу, только зыбкие тени прохожих... К вечеру туман стал черным, как грязь, висевшая в воздухе. Вернувшись, я увидел, что он проник внутрь и все было неясно и таинственно».

А вот еще одно впечатление: «Как будто тебя поместили в разжиженный желтый гороховый пудинг, недостаточно плотный, чтобы застрять в горле, но навязчивый и неизбежный настолько, что, пробираясь через него и хватая ртом воздух, ты каждый раз захватываешь большую его порцию. В добавление к туману ты вдыхаешь испарения от газа, свечей и ламп, горящих целый день. И ведь ты еще только внутри дома. При выходе наружу, плывя неизвестно где, неизвестно куда и натываясь то на флягу, оставленную молочником, то на чье-то хранилище для угля, ты замечаешь, что всё видится непропорционально своему натуральному размеру. Газовый фонарь, на чей столб ты чуть не наткнулась по пути, кажется так высоко, где-то там, где летают птицы... Стоит сбиться с пути, и считай, что ты найдешь верную дорогу только часа через три. Главное при этом не упасть в сточную яму или канал».

Люди ходили с фонарями среди бела дня, но все равно теряли дорогу, многие тонули. Для женщин упасть в воду означало верную смерть. Плавать умели единицы, тяжелая одежда тянула ко дну. Теряя ориентацию, они заходили в вязкую, засасывающую жижу береговой линии и, застревая там порой по пояс, не могли выбраться, отчаянно барахтаясь в мутной воде прилива. В один из сильных туманов утонуло шестнадцать здоровых мужчин, работавших у реки.

Предвидеть туманы было невозможно. Они заставляли путников где угодно, накрывая землю неожиданно и плотно. Такое состояние атмосферы чрезвычайно вредно для здоровья. Неслучайно после каждого сильного тумана в церквях учащались заупокойные службы. За неделю от респираторных заболеваний в Лондоне умирало более тысячи людей и ухудшалось состояние людей с больным сердцем и легкими. Но не только люди страдали. В 1873 году в Ислингтоне — северной ча-

сти Лондона состоялась выставка крупного рогатого скота, на которой гордые фермеры, демонстрируя своих породистых коров и телок, намеревались продать их подороже. Неожиданно на поле опустился густой туман, и сотни животных задохнулись.

Падавшие птицы были неожиданным подарком для нищих, ощипывавших их тут же около общественных костров. Одни «заблудшие овцы» становились пищей для других.

Было бы довольно странным представить себе викторианскую Англию без туманов. Сколько бы потеряли тогда произведения Конан Дойла и Стивенсона. Разве смог бы тогда последний передать атмосферу действия, происходившего в «Странной истории д-ра Джекиля и м-ра Хайда».

«Всепроникающий, шоколадного цвета покров опустился сюда из рая, он был темным, как поздний вечер, как будто огненно-коричневый свет зарева далекого пожара; и здесь на какое-то время туман разорвался и изможденный луч света проглянул сквозь клубящиеся кольца... это скорбное завоевание темноты, казалось, погрузило темный город во всепроникающий кошмар». Как бы Стивенсон тогда передал загадочное настроение, подготовил читателя к действию и развитию чудовищного характера своего страшного персонажа! Не случайно слово «мистический», думается, происходит от английского слова *mist*, что означает легкий туман.

До появления железных дорог дома строили из того, что было рядом, и поэтому здания смотрелись гармонично с окружающей природой. Дома и кровли, расположенные в разной местности, сильно отличались друг от друга. Железная дорога, сделавшая транспортировку дешевой, позволила перевозить красные кирпичи и велшский сланец, которым покрывали крыши по всей стране. Города стали похожими друг на друга, повторяя один и тот же архитектурный ряд, используя одни и те же материалы. И все же, несмотря на похожесть, разные люди воспринимали городскую архитектуру по-разному. У Диккенса в «Крошке Доррит», например, видение Лондона безрадостное и мрачное: «Нечего

смотреть, только улицы, улицы, улицы. Нечем дышать, только улицы, улицы, улицы». У другого автора первое посещение столицы оставило в памяти прямо противоположные ощущения: «Величественные дома, просторные площади... где нет показухи и претенциозности... Здесь чувствуется чисто деловой воздух, воздух настоящей жизни крупного города и большой торговли».

Растущее население, расширявшееся производство требовали совсем другого образа современного города. Здания в центре стали выше, массивнее, значительнее. Утверждаясь на новом месте, они теснили старые дома, сараи, конюшни, съедали дворники, сады, огороды. Столица становилась престижнее, богаче, торжественнее. Новые строительные технологии позволяли использовать любой нужный материал, привезенный из любой точки мира, и поднимать его на огромную, по тем временам, высоту. Провинциалы, приезжавшие в столицу, открывали рты и роняли шапки, задирая головы на гигантские многоэтажные здания с огромными окнами, скульптурами при входе и внушительными, ярко освещавшимися подъездами.

Столица поражала размахом строительства, увеличившим за 60 лет правления Виктории ее площадь в несколько раз. Однако жилья все равно не хватало. Большинство людей не в состоянии были покупать себе дома и предпочитали снимать их. С 1880 года в Лондоне распространяется идея квартир. В Шотландии с начала XVII века люди жили в многоэтажных домах, снимая в них комнаты. Однако богатые англичане не прельщались идеей делить дом с кем-то еще. Им, кроме того, не нравилась идея обходиться без личного сада и двора. Несмотря на это, с расширением города, при все растущей дороговизне земли, зажиточные пары без детей стали понимать преимущества квартир, за которыми гораздо легче смотреть, их легче ремонтировать и дешевле отапливать.

Предприимчивые люди, воспользовавшись ситуацией, начали строить многоэтажные здания для продажи одному или нескольким хозяевам, которые устраивали в них доходные дома. Проживая в них и сдавая

квартиры семьям вместе с прислугой, домовладельцы тем самым образовали известную теперь систему, по которой многие люди получают средства для жизни и сегодня. Но позволить себе снять жилье в таких домах могли только очень обеспеченные люди. И хотя в столице крутились большие деньги, бедных людей, таких, кто покинул привычные места и надеялся построить в городе новую жизнь с нуля, здесь было значительно больше, нежели богачей и аристократии.

В 1850-х годах население распределялось по профессиональному уровню приблизительно в таком соотношении: лорды в парламенте уступали по своей численности чиновникам и клеркам в министерствах; управляющие на фабриках и заводах терялись среди приказчиков в магазинах; ремесленников, шивших обувь, было больше, чем шахтеров; портных больше, чем моряков; прачек в два раза больше, чем рабочих на производстве металла, и прислуга в несколько раз превышала по своей численности тех, кто мог ее нанять. Более 120 тысяч кузнецов работали в городах и деревнях, прилегавших к ним. Они не только подковывали лошадей, а также ремонтировали инструменты, ограды, механизмы. Их труд был нужен на всех предприятиях.

Большую часть населения составляли фабричные рабочие. Около воды селились грузчики с доков, моряки, ремонтники. Утром и днем на площадях толпились бродяги в поисках случайного заработка. Счастливицы тут же на рынках покупали еду, толкались, чтобы просто послушать, о чем говорят, переброситься новостями. Клерки в своих строгих черных сюртуках с белыми воротничками торопились в конторы, подметальщики улиц, энергично работая метлами и сгребая навоз в кучи, старательно пылили на прохожих. Тележки водовозов стучали ободами по булыжникам, торговки выпечкой расхваливали свой товар, приказчики из магазинов закручивали пружину, фиксирующую тряпичный навес над витринами, продавцы жареных каштанов, в испачканных сажей фартуках, выхватывали из жаровен щипчиками потрескивавшие от огня закопченные шарики и насыпали их в бумажные кульки.

А сколько на улицах было разного народа — не тех, кто просто проходил дважды за день, а тех, для кого улица была не дорогой, а домом. Перед каждым из них стояла своя задача: кто-то торговал тем, что имел, а кто-то потихоньку заимствовал то, что имел другой, кто-то старался получить деньги за особое умение — за фокусы, за необыкновенную гибкость тела, за красивый голос или акробатический этюд. Здесь же были и уличные арабы — мальчишки с перемазанными лицами в одежде с чужого плеча, с ногами либо босыми, либо в худых башмаках, из которых торчали пальцы. Они жили по понятиям того времени. Заработав немного денег, старались приобрести сукодную кепку вместо бумажной или носовой платок — принадлежности порядочных людей.

Общественное мнение доминировало даже в этой среде. Город кипел и бурлил с утра до вечера, а по ночам растекался по окраинам, чтобы с рассветом опять переполниться через край. Приливавшую и отливавшую волну образовывали в основном бедняки, надеявшиеся найти в центре работу. Осчастливленные и разочарованные, голодные или наевшиеся до отвала, возвращались они спать в свои переполненные такими же беднягами дома, опуская глаза перед вопросительными взглядами жен и детей или радостно протягивая им свертки с едой.

Чем жила улица

Если на окраине было сравнительно тихо, то центр города переполнялся скрипом телег, цоканьем копыт лошадей, криками разносчиков.

«Сразу после завтрака дочка зеленщика обегала дома привычных заказчиков и продавала зелень, затем мальчишка от мясника прибежал спросить, не хотят ли сделать заказ, чтобы через несколько часов вернуться с подносом мяса на плече. После завтрака стучался помощник булочника, развозившего на тележке товар по домам, затем фыркала лошадь и дребезжала телега молочника, который прямо из фляг разливал жирную, пенистую жидкость в бутылки тут же в тихом переулке. Жена и дочь молочника, повесив фляги на коромысла

и водрузив их себе на плечи, разносили молоко по домам. Иногда они гнали свою корову прямо в Сент Джеймс-парк и там желавшие получить парное молоко выстраивались в очередь. Чаще всего это были няни, гулявшие с детьми, которые тут же и поили своих питомцев. А летом ко всем разносчикам добавлялись девочки с вишнями, клубникой или цветами, зимой по домам разносили горячий картофель, который также очень быстро раскупался и на улицах случайными прохожими».

Если в семье был достаток, то женщины почти все время проводили дома. Гораздо больше, чем мы сейчас. Но это не свидетельствовало о их изолированности. Слуги нуждались в контроле, и продавцы, ходившие по домам, рекламируя свой товар, были отвлекающим (а порой раздражающим) от ежедневной рутины фактором. В XIX веке уже появились первые бельевыжималки и прототипы пылесосов, и дилеры, рекламируя свой товар, ходили по домам. Конечно, не все семьи, даже принадлежавшие к среднему классу, могли позволить себе иметь этих дорогих помощников по дому. Чаще всего те, у кого были деньги на это, предпочитали нанимать слуг, которые сами справлялись со всей работой. Однако такие механизмы, как кофемолки, мясорубки, картофелечистки и прочее, были предметами настоящей гордости семей и выставлялись на видное место, чтобы показать гостям, что хозяева могут это себе позволить.

Так же каждый день на улицах городов появлялись мальчики, продававшие по домам навоз, который они насобирали тут же на улице, и торговцы разным хозяйственным товаром: клейкой бумагой для ловли мух, мышеловками, душистым мылом, орнаментами для камина, инструментами для сада. Однако гораздо лучше покупались не приспособления, которые облегчали работу слуг, об этом хозяйки мало заботились, а то, что женщины могли использовать для себя: такие нововведения, как электрические корсеты, пояса для чулок с резинками вместо подвязок, красивые ленты и кружева, губная помада, гребешки. Все это можно было купить у разносчиков дешевле, чем в дорогих магазинах,

и трудно было устоять от искушения. На дом разносилась даже готовая еда. Продавец маффинс (кексы с изюмом) делился с разносчиком печеного картофеля:

«— Ты, приятель, какую погоду считаешь важнее?

— Вестимо сухую. Коли каплет, так у меня в печке огонь тухнет. Да и картошка стынет мигом. Нет, брат, мне подавай солнце али холод, токмо чтоб не мочило!

— А мне вот дождь в аккурат! Дамочки, что прислугу не имеют, сами-то в такую погоду мокнуть не пожелают, а тут и я с моим товаром! Вмиг все раскупают! Я как тучу вижу — так сразу своей приказываю: “Пеки, пока не упадешь!” Я б, ей-богу, один день дождя за неделю солнца сменял!»

За день постоянный стук в дверь так надоедал хозяйкам, что если у них были горничные, то им давалась инструкция гнать всех, не спрашивая, с чем пришли. Но даже тогда с улицы все равно несло: «Старье берем! Старье меняем!» — от старого еврея, погонявшего лошадей. На голове у него помимо его собственной старой шляпы всегда была надета еще и какая-нибудь, по его выбору, «новая», которую он приобрел в этот день. Он брал старые сломанные часы, разваливавшиеся стулья, выленявшую одежду, разношенную обувь, гнутые щипцы, кукол без волос. Брал практически все, что несли, даже вытопленный жир, который в бедных домах намазывали на хлеб вместо масла.

За все он давал либо небольшие деньги, либо обменивал на яркие детские книжки, бумажные фонарики, волшебную трубку, крутя которую, видно множество чудесных, никогда не повторявшихся узоров. За его повозкой всегда бежала куча босоногих мальчишек. Заслыша звук его колокольчика, они слетались с разных сторон, потому что, с их точки зрения, у него на повозке хранились бесценные сокровища. Они несли все, что удавалось подобрать первыми, и молили старьевщика, если он не находил принесенный предмет заслуживавшим внимания, поменять на что-нибудь из своих ярких безделушек. Только его телега трогалась с места, появлялась другая, собиравшая старый металл. Человек с обветренным лицом кричал, оповещая о своем прибытии:

«Утюги, сковородки, кочерги! Кружки, миски, ложки! Металлические обода! Есть старые подковы? Ненужное железо? Скорей неси сюда!»

Были и такие разносчики, которые предпочитали заходить в дома не с переднего, а с черного хода, поскольку их бизнес был не с хозяйкой дома, а с ее кухаркой. К таковым относился неразговорчивый мужчина с длинным шестом, на конце которого висели шкурки кроликов и зайцев. Он покупал их в домах, после того как несчастные животные уже были поданы на ужин. Во многих домах держали либо птицу, либо кроликов, и тогда кухарки имели дополнительный заработок, сдавая перо и пух на подушки и перины, а шкурки на подкладки к шубам. С черного же входа заходили и неряшливые старые мужчины с большими мешками, которыми часто пугали непослушных детей. Их появление предупреждалось скрипучими голосами: «Старые половики, бутылки, кости!» Для них у кухарок всегда находилось достаточно товара. Собирая кости по дворам, они то и дело отгоняли палками собак, следовавших по пятам.

Также в большом количестве ходили люди, промышлявшие мелким ремонтом. Иногда, завидя мастера, горничная сразу же провожала его в залу, чтобы починить сломанный стул или полку, а если ломался замок в двери, то, показав работу, так и оставалась рядом, чтобы развлекать его своими разговорами до первого нарекания от хозяйки. Мастеров предпочитали приглашать одних и тех же, и они были знакомы со всей прислугой в доме. По окончании работы, если кухарка была в хорошем настроении, ремонтнику могло и перепасть что-нибудь перекусить. В это время его расспрашивали обо всех последних сплетнях в округе, как живут, с кем и на что. Однако долго беседовать не могли, чтобы не гневить хозяйку, которая не любила посторонних людей в доме. В некоторых местах мебель чинил цыган, который оповещал о своем приходе громким, красивым голосом:

Ремонтирую стулья, столы, табуретки!
Мебеля несите скорее, соседки!

Он обычно приходил со всей своей цыганской семьей. Женщины в ярких цветных кофтах и юбках, в шляпах с перьями и в красочных шالях садились на ступеньки перед домом и предсказывали желавшим будущее, пока их хозяин стучал молотком. Если никто не хотел узнать судьбу, то они продавали швабры, щетки, отправляя в повозку шустро бегавших цыганят.

Пыльный человек в кожаной шляпе с большими полями, который собирал пепел и золу из каминов, приезжал на своей телеге. Поля его шляпы предохраняли лицо и шею от угольной пыли, когда он опрокидывал собранное в каждом доме в крытую и похожую на большой сундук телегу. Когда он появлялся, то всегда звонил в колокольчик, а не стучал, чтобы дать время хозяйке забрать детей с улицы и закрыть все окна и двери. Кроме как собирать золу, у него были и другие обязанности, о которых мы расскажем позже, и если они превышали объем его ежедневной работы, то щедрое вознаграждение компенсировало затраты на его пыльный труд.

Пыль не отпугивала точильщика ножей, который вставал возле дома со своим колесом, вращавшимся от нажатия на педаль, и тогда летели искры и звук «вжиг-вжиг» был слышен в соседних домах, либо, если точильщика не заметили и не нанесли еще тупых ножей, он обходил дома, чтобы потом все равно встать на глазах у всех. Точильщик тоже был любимым развлечением у местной детворы, которая всегда приставала к нему. Кто-нибудь побойчее выходил вперед и просил: «Дядь! Дай покрутить! Я смогу! Ей-ей!» Особенно бывали счастливы дети, если точильщик доверял им подержать нож над колесом. Какой восторг был написан на их лицах, когда они сами производили яркие, до боли в глазах, искры!

С завистью на это волшебство смотрели детишки медника, следовавшие за отцом, громко оглашавшим окрестные дворы: «Чиню кастрюли, сковородки, чайники!» Они были на работе и не могли остановиться и поглазеть. Вместе с матерью дети несли инструменты и переносную печь для работы. Сам медник с наковальной на плече, завидя служанок, спешивших навстречу кто с погнутой кочергой, кто с поломанным совком для

мусора, ставил свою ношу на землю и рассматривал предмет, который требовалось починить. А пока отец работал, дети его с удовольствием глазели на маленьких артистов, которые показывали свое нехитрое представление. Оно могло состоять из разыгранной сценки, танца вместе с дрессированной собачкой, акробатов, демонстрировавших чудеса гибкости и ловкости на тут же расстеленном ковре, и даже канатоходцев. Появление их обычно привлекало много народу. Большинство смотрело задаром, но «чистая публика» кидала монеты в шляпу, с которой обычно кто-нибудь из детей обходил зрителей. Также по улицам иногда проходили дрессировщики с танцевавшими бурыми мишками, но этот вид развлечения стал очень редким в конце XIX века.

Шарманщиков можно было увидеть ближе к вечеру. Они вставали на углу какого-либо дома и заводили свои жалостливые песни. Желавшие узнать судьбу за небольшую плату подходили к ним, и тогда попугай шарманщика вытягивал клювом то слово, написанное на карточке, а то и целое послание, запеченное в пресную трубочку. Когда начинало темнеть, на улице появлялся фонарщик. Чаще всего это был пожилой человек, который, несмотря на возраст, довольно ловко взбирался по приставленной лестнице наверх, открывал дверцу газового фонаря и, вращая вентиль, выпускал газ наружу и поджигал. Затем, закрыв дверцу и полюбовавшись на свою работу, спускался вниз и шел к следующему фонарю. Утром он повторял свою работу уже с целью закрутить вентиль, чтобы остановить доступ газа.

Освещение улиц по вечерам, которое стало производиться в XIX веке, увеличило продолжительность ночной жизни в городе. Если раньше по вечерам, кроме бездомных бродяг, посетителей пабов и людешек, промышлявших грязным бизнесом, на улицах невозможно было никого встретить — возвращаясь после бала или театра, люди из общества со ступеньки кареты ступали на ступеньку собственного жилища, — то с установкой газовых фонарей и «чистая публика» стала выходить из домов после наступления темноты. Наряду с учреждением полиции газовое освещение улиц несло огромную пользу городу. Преступность сразу со-

кратилась в несколько раз, и мертвые тела, обнаруживаемые утром на улицах или в реке, уже перестали быть обычным явлением. Ужасные случаи, связанные с именем Джека-потрошителя, в 1881 году вошли в историю, потому что в целом к этому времени криминальная ситуация в городе была благополучна.

Кроме опасности, на улицах было еще и много грязи. «Было довольно утомительно гулять в тяжелых твидовых юбках. Несмотря на то, что я поднимала подол, он все равно подметал дорогу, собирая столько грязи, что потом приходилось отчищать ее целый час. Хорошо, что я подшивала подол крупной тесьмой». Выходя из дому, девушки не забывали подвешивать к поясу специальные щипчики, которыми они держали полы юбок, не пачкая при этом руки. Мальчишки, завидя хорошо одетую даму или джентльмена, хватались за метлу и старательно расчищали путь перед ними от навоза и грязи, в надежде заработать мелкую монету.

Эмигранты из Ирландии, покинувшие дома из-за неурожая картофеля — основной крестьянской еды и наступившего вследствие этого голода, — из Уэльса и Шотландии сконцентрировались в крупных городах. Они приплывали в основном на Собачий остров, находящийся напротив Гринвича и недалеко от Тауэра, где были выкопаны глубокие каналы для прохождения груженых кораблей со всего мира. Тогда там строились доки для погрузки и разгрузки судов и складские помещения для хранения экспортируемого товара. Иммигранты охотно шли на тяжелые работы по строительству метро, на рытье канализационных коммуникаций, на прокладывание водопровода, ведь здесь был гарантированный заработок. Особенно много приезжих собиралось возле пристаней. Ближе к кораблям, на которых приплыли, и если не понравится новая жизнь, то можно было на них же отправиться в путешествие через океан. Каждый выживал как мог! Вдоль рек строились мастерские по ремонту кораблей, фабрики по производству проволоки и свинца. Работа на них была очень вредной для здоровья, ведь никакой техники безопасности тогда не существовало. Заболевшие

безжалостно вышвыривались на улицу, ведь всегда находились желавшие занять их место, даже зная, что случилось с предыдущим работником. Нужда и безработица царили повсюду.

Здесь, как и в других частях восточного Лондона, разворачивалось множество драматических событий, описанных в книгах XIX века. И это не случайно, ведь не все приезжали тогда в столицу в поисках лучшей жизни, многие хотели укрыться от старых грехов. Джекпотрошитель нашел здесь свои жертвы, Шерлок Холмс приезжал сюда по одному из своих дел, да и Элизу Дулитл из «Пигмалиона» Бернарда Шоу профессор Хиггинс сразу же узнал как жительницу восточного Лондона и обладательницу кокни-акцента, при котором глотаются первые буквы в словах перед гласными. Английский язык имеет такое количество оттенков, что в деревнях, окружавших один и тот же город, говорили на разных наречиях. Когда деревни вошли в состав города, то поговору можно было судить, из какой местности человек.

Крепкие напитки.

Скажи мне, что ты пьешь, и я скажу, кто ты!

В перенаселенных местах, в бедных частях города, где в каждой комнате жило по несколько человек, а то и семей, число пьющих было гораздо больше. Спившиеся женщины и дети здесь никого не удивляли. Джин был самым доступным напитком и самым легким способом забыться. Довольно часто многие оставались в алкогольных грезах навеки. Забредя в подпитии не туда и застряв на отмели реки, они тонули при наступлении прилива или, упав в помойные ямы, захлебывались в отвратительной жиже. Пабы были на каждом шагу. Выйдя из одного, через два дома можно было опять освежиться в другом. Чем беднее район, тем больше в нем находилось питейных домов. Пьяные драки, бои, где соседние улицы сорековались в крепости кулаков, поощрялись посетителями пабов. Демонстрация силы была очень важна. Сегодняшние

собутыльники назавтра вместе вставали в очередь за работой. Предпочтение отдавалось здоровым и сытым и тем, кто победил во вчерашнем кулачном бою. Такие развлечения любили все жители улицы. Они же подначивали смельчаков переплывать Темзу. Если же те достигали противоположного берега, то, выскочив на берег, радостно махали руками под дружные крики «Хурэй! Ура!» своих болельщиков, поставивших на них пинту пива. Главное, во время заплыва не попасть под лопасти проплывавшего корабля, ведь Темза в XIX веке была перегружена. Мальчишки, бравируя своей храбростью и ловкостью, перебирались на другой берег, перепрыгивая с одного судна на другое.

Кроме джина, любимыми алкогольными напитками среди простых горожан были бренди и ром. За столетие в Лондоне поглощалось тридцать галлонов одного только пива ежегодно. Конечно, сегодня эта цифра кажется небольшой, но если вспомнить, насколько меньше было население города, особенно в начале века, то становится понятным, что действительно пиво и эль употребляли каждый раз, когда хотелось пить. Ни для кого это не казалось странным. Пиво пили даже маленькие дети, поскольку вода из колонок на улицах, откуда ее брали для всех нужд, была так грязна, что являлась частой причиной кишечных заболеваний, а то и эпидемий. Алкоголь или кипяченые напитки, такие как кофе, чай или сиропы, являлись единственно безопасными для здоровья. Во многих произведениях Диккенса, Элиота и Харди приведены сцены, в которых члены клубов, посетители таверн, рабочие после тяжелого дня пьют джин, порт, вино или пиво. Они описывали то, что происходило у них на глазах. Напитки покрепче даже доставлялись домой. Правда, происходило это обычно по выходным, когда главы семей своим присутствием гарантировали, что выезд не пройдет впустую. Обычно спиртное разносилось постоянным клиентам, но кроме них любой мог открыть окно и позвать к себе разносчика, как это сделал Дик Свивелер. Он скомандовал пробежавшему с подносом на плече мальчишке остановиться и обслужить его пинтой портвейна. Около пабов часто останавливались певцы баллад, заинтересовав

слушателей своим мелодичным рассказом. Видя любопытный блеск в глазах, они прекращали петь на середине, а затем продавали каждое слово за полпенни. Это обычно вызывало много веселья, на которое легко откликалась подвыпившая публика. Даже самые грустные баллады вызывали смех, когда каждое слово отгадывалось и постепенно вытягивалось из певцов.

Чай был дорог из-за огромных пошлин на импорт, хотя Восточная Индия, откуда его везли, являлась Британской колонией. Зато все, что нужно для производства пива, имелось здесь же в Англии. Английское сельское хозяйство базировалось на выращивании кукурузы, овса, пшеницы и ячменя, последний использовался для приготовления солода и эля. Производство алкоголя являлось огромным и очень выгодным бизнесом в стране, и очень многие крупные и мелкие хозяйства жили этим.

Хозяева таверн были в деревнях уважаемыми людьми. Многие из них, покупая маленькие пивоварни, затем, увеличивая объем производства, пристраивали к ним помещение, куда можно было зайти, выпить и поговорить, и делали на том состоянии. Кто-то шел дальше в своих амбициях, создавая свою марку пива и продавая его по всей стране. Им принадлежала четверть лицензированных таверн из пятидесяти тысяч, разбросанных в 1816 году по всей стране. К тому же они контролировали еще большее количество неразвитых хозяйств, которые зависели от них в той или иной степени. Дочери владельцев таверн считались очень хорошими женами, понимавшими своих мужей и помогавшими им во всех их нуждах.

Большинство населения страны предпочитало коротать вечера не дома с семьей, а в накуренной и шумной атмосфере питейного дома. Мужчины скрывались туда от семейных проблем, от ворчаний или требований жены, от забот о детях, а часто пытались уйти от действительности, тяжелой жизни, от самого себя. Богатые люди уходили из домов в свои клубы, где атмосфера была гораздо более благородной и аристократичной, разговоры, язык и манеры более достойные, но цель оставалась все той же — уйти от реальности.

«Какая жалость, что молодой человек поступил так непоправимо необдуманно! — сокрушалась богатая миссис Кравли о своем родственнике. — С его рангом и положением он мог жениться на дочери пивовара с приданым в четверть миллиона!»

Питейные места подразделялись на таверны, куда чаще всего заходили выпить каждый день, пабы, служившие этой же цели, и постоянные дома для проезжавших, чаще всего стоявшие на основных дорогах или перекрестках. Они были необходимы для путешественников, утомившихся до предела долгой тряской по проселочным дорогам. С удовольствием выкарабкиваясь из дилижансов, усталые, холодные и голодные путники останавливались в постоянных домах на ночь, получали ужин, подкрепленный кружкой-другой. Или просто пережидали, пока кузнец подкует лошадь, чтобы продолжить путь. Кучер также заходил вместе со всеми, и никому не приходило в голову, что ему негоже пить во время работы. Подчас уже и не знали, кто кого расстлкивал через несколько часов, ездок возницу или наоборот.

Пивные дома стали очень популярными только после 1830 года, когда напиток этот сильно подешевел. Каждый желавший мог заплатить хозяину две гинеи в год и приходиться за выпивкой каждый день. Тогда же примерно стали появляться и джиновые дворцы, как они назывались сначала, подчеркивая новую моду и вознося хвалу понравившемуся напитку. Распространению джина и его популяризации способствовало то, что долгое время не был установлен налог на его ввоз и он стал дешевле пива. Классовая принадлежность определялась, кроме всего прочего, и по тому, что человек пил. Таверны разделялись на бар или кухню, по правую руку от входа, где располагались менее достойные посетители, и переднюю часть налево, резервированную для более достойной публики. Эта часть обставлялась лучшей мебелью и украшалась картинками, развешанными по стенам. У камина же оставались места для самых важных посетителей, которые не занимались, даже если пустовали.

Алкоголь смещал границы не только в голове, но и в пространстве таверны. Встречая на своей территории

людей не своего круга, подвыпившие посетители не гнушались их веселой компании, снисходительно относясь к грубоватым шуткам. Обслуживали жаждущих буфетчица и портбой (мальчик, разливавший порт), которые разносили напитки по столам. В начале XIX века бары в тавернах сначала были очень маленькими. Тогда только появилась традиция пить стоя, заимствованная от забегаловок-барабанов, как их называли, где пили на ходу, не останавливаясь. Стойка была оттуда же, а бар представлял собой стол у входа, где хозяин наливал проходившим мимо, провожая затем к камину тех, кто решил войти и остаться.

Такой бар описал Диккенс в своей книге «Наш общий друг»: «Миссис Потерсон — душа, владелица и управительница, царила на своем троне около бара. Свободного места там было не больше, чем в повозке, но никто не хотел, чтобы бар был больше. Это место было занято тучными, маленькими бочонками, бутылками сердечного-лучистого... лимонами в сетках, бисквитами в корзинках... и маленьким столом хозяйки в тесном углу около камина, со скатертью, которая никогда не менялась. Этот рай был отделен от грубого мира стеклянными перегородками и половинкой двери со свинцовым подоконником, куда ставили для удобства рюмки с ликерами».

Богатые же пили вино и виски, а портвейн предпочитали пить после застолья. Джеймс Кравли, из книги «Ярмарка тщеславия», перестал считаться претендентом на наследство своей богатой родственницы, когда та увидела его пьющим джин с грубыми местными работягами.

«Если бы он выпил дюжину бутылок кларета, старая дева простила бы его. Мистер Фокс и мистер Шеридан пьют кларет. Джентльмены пьют кларет. Но восемнадцать стаканов джина, употребленные среди драчунов в неблагородном питейном доме, — это ужасное преступление в ее глазах!»

К середине XIX века в Англии были в продаже самые разнообразные вина, которые предназначались для обедов и ужинов в благородной компании. «Вишневый ликер подавался с супом и рыбой, кларет — с поджа-

ренным мясом, пунш — к блюдам из черепахи, порт — к оленине. Бургундское — к дичи, искрящееся вино — между основным блюдом и кондитерским, мадера — к сладкому, еще один вид портвейна — вместе с сыром и десертом, так же как и токайское вино». Остальные напитки употреблялись по желанию.

Транспорт

Город продолжал расти и нуждался все больше в лошадях для перевоза пассажиров и тяжелых грузов, которые доставлялись сюда по железной дороге ежедневно. Люди шли пешком, брали кеб или садились на омнибус (по-латински — «для всех») — прототип современного двухэтажного автобуса. Его тащили лошади, так же как и конку, которая передвигалась по рельсам. Омнибусом и конкой пользовались в XIX веке люди достаточно обеспеченные, и ездить они начинали с восьми утра, когда все рабочие были уже на производстве. Оплата проезда здесь была дороже, чем стоил билет третьего класса на рабочих поездках.

«Кондуктор омнибуса отказался посадить меня вместе с леди, потому что, по его мнению, я была плохо одета. Я в этот день сильно торопилась и поэтому выглядела лохматой. Мне пришлось ждать следующего, на котором я и доехала».

Часто случалось, что водители не останавливались для плохо одетой публики. В лучшем случае они замедляли движение, позволяя запрыгнуть на подножку. Пассажиры второго этажа, куда они поднимались по чугунной лестнице, сидели под открытым небом на двух скамьях, располагавшихся спиной друг к другу, и упираясь ногами в горизонтальный внешний барьер. По негласному правилу это были места для мужчин. На дам, осмелившихся проехать на втором этаже, смотрели с явным неодобрением, как на не возражавших, что прохожие будут заглядывать им под юбки. Сара Дункан, автор книги «Американская девушка в Лондоне», сказала своей кузине, которая ехала на омнибусе:

«— Я полагаю, ты имеешь в виду *в омнибусе*. Не могла же ты, в самом деле, ехать *на омнибусе*, если только ты не была наверху! — миссис Портерис насмешливо улыбнулась.

— Вот именно! Я ехала наверху! — возразила я спокойно. — И это было здорово!

Миссис Портерис чуть не потеряла контроль над собой от такого неслыханного заявления. Губы ее заметно затряслись, и она сказала, еле сдерживая себя:

— Проехать через весь Лондон наверху омнибуса! Никогда больше не делай этого! Второй этаж — это не место для тебя! Ни за что и ни при каких обстоятельствах!»

Первый этаж негласно закреплялся за леди, но при плохих погодных условиях им предпочитали пользоваться и мужчины. Таких женщины рассматривали как вещь для удобства пассажиров. Та же Сара Дункан пишет:

«Их называли “джентльменами в углу”. Его рука, или трость, или зонт всегда использовались любой леди, которая намеревалась позвонить в колокольчик, чтобы попросить остановиться. Казалось, что это была обязанность каждого, кто занимал угловое место, и каждый мужчина принимал это с покорностью».

По правилам этикета, которые сопровождали каждую сторону жизни, включая поездки, считалось, что мужчина не должен освобождать места для дам, но кондуктор, видя стоявших леди, постоянно спрашивал: «Может быть, кто-нибудь из джентльменов поднимется наверх и уступит место для леди?» — и сидевший, не выдержав давления со стороны взиравших на него дам, отправлялся наверх в холод и дождь.

Внутри омнибуса на первом этаже, лицом друг к другу, устанавливались сиденья на пять пассажиров с каждой стороны, покрытые синим бархатом. Сзади — окна, которые никогда не открывались, на полу — солома.

«Внутри вы подвергаетесь воздействию бесчисленных досадных раздражителей. Трости и зонты тыкаются вам в спину, как вежливое предупреждение, что кто-то хочет выйти и что вы должны дергать кондуктора за

полу пальто или щипать его за икру с просьбой остановиться. Вы задыхаетесь от запаха влажных зонтов, пальцы ног отдавлены сходящими или входящими пассажирами. Ваши соседи кашляют и сморкаются, младенец орет, карманные воры шныряют рядом, мушки, таящиеся в грязной соломе, вот-вот угодят вам в рот или глаза, и при этом все кругом грохочет, дребезжит и трясется!»

Помимо мест на первом и втором этажах, было четыре сиденья рядом с кучером, которые он за чаевые резервировал для постоянных пассажиров. Кондуктор стоял на узкой ступеньке слева от двери, и в его обязанности в кринолиновую эру, помимо взимания платы, входило помогать дамам с их широкими юбками, которые с трудом проходили в узкий проход.

«— Неплохая работка! — подмигнул пассажир кондуктору.

— Как хорошо, что я женат! — ответил тот, почесывая затылок под высоким черным котелком. — Это место не для холостого!»

Билетов в это время не существовало, и плата взималась по усмотрению кондуктора, который делился с кучером-водителем. Отсюда понятно, почему количество остановок определялось наличием хорошо одетой публики.

Молли Хагес писала в 1870 году: «Мы останавливались где угодно, и главная цель была подобрать пассажиров, а не доехать до места как можно скорее. Путешествие из Ислингтона в западную часть города, что приблизительно две мили, заняло больше часа!»

Когда же наконец-то были введены билеты, это встретило большое недовольство у обслуживающего персонала омнибусов и конок. Они устроили забастовку, и несколько дней транспортная система Лондона пыталась справиться с перевозками, используя ресурсы лишь железной дороги. Впрочем, после все наладилось, и пассажиры более уже не зависели от настроения и прихоти водителей и кондукторов, которые были обязаны не только брать установленную плату, но и останавливаться в строго определенных местах.

К концу века городские дороги уже не справлялись с огромным потоком. Решение проблемы было найдено в строительстве подземной железной дороги внутри города. В 1863 году в Лондоне было проложено первое в мире метро-труба (так его называют англичане), где поезда первоначально двигались с помощью паровых двигателей, а позднее с помощью электричества.

Вагоны в нем были крытыми для первого и второго классов и без крыши — для третьего. В какой-то степени транспорт сыграл большую роль в кардинальном изменении викторианского сознания об одиночном путешествии девушек. Ведь общественными средствами передвижения пользовались юные девы разных сословий. В 1875 году Хетта Карбури, из книги Троллопа «Как мы сейчас живем», девушка из высшего общества, «доверилась подземной железной дороге и довольно скоро вышла на Кинг Кроссе». Слугам, даже горничным леди и валетам, полагалось ездить соответственно своему классу — то есть в открытом вагоне.

И как всегда в Англии, тут же были напечатаны правила о том, как вести себя оставшимся без защиты девушкам на подземной железной дороге: «При въезде в туннель рекомендуется держать в зубах расстегнутой недавно изобретенную безопасную булавку (острый конец такой булавки вдевается в круглую головку). Это предохранит вас от нахала, который, воспользовавшись темнотой, возможно, захочет запечатлеть поцелуй на ваших губах». Рекомендация, кажущаяся смешной сегодня, в те времена была очень уместна. Ведь девушки, получившие хорошее воспитание, ни при каких других обстоятельствах не могли оказаться одни в компании незнакомых людей, тем более мужчин. Довольно часто волокиты пользовались случаем и пытались всеми способами привлечь к себе внимание, возможно, надеясь на выгодный для себя брак. Позже, правда, горничным было разрешено сопровождать хозяек в первом или втором классе. Случилось это после того, как стало довольно много случаев, когда несчастные девушки, не привыкшие к грубому флирту, выходили из вагонов в состоянии, близком к потере сознания. Однако появление одиноких девушек на улице на

самом деле считалось небезопасным. И если крестьянка или бедная, простая горожанка, практически выросшая на улице, знала, откуда эту опасность ждать и как себя вести, то благородная мисс была на улице беззащитна, поскольку полагалась на правило этикета, которое учило, что достаточно холодного взгляда и слов «Я не имею чести быть с вами знакомой», чтобы этим отпугнуть любого навязчивого прохожего. Считая эти слова крайней мерой, она прибегала к ним для последней защиты и с ужасом обнаруживала, что такого языка неучтивые, грубые уличные нахалы не понимали.

Тогда их возмущенные отцы, являвшиеся членами парламента, добились небольшого отступления от правил, позволившего горничным сопровождать их дочерей в вагонах первого класса. После этого девушки выезжали самостоятельно гораздо охотнее, ведь если в метро они ехали одни менее часа, то при поездке на поезде из одного города в другой путешествие занимало несколько часов. Они чувствовали себя защищеннее в обществе знакомых людей, даже если это была всего лишь горничная.

В то время грузового вагона еще не было и дорогие саквояжи и ручную кладь, принадлежавшую пассажирам, грузили на крышах вагонов первого и второго классов. Меблировка в них была дорогой и очень комфортной. Красивые обои на стенах, удобные кресла и диванчики, газовые лампы, всегда слегка запаздывавшие осветить эту роскошь. За определенную плату в поездах даже предлагали пледы и нагреватели для ног (наполненные солью уксусной кислоты, которая плавилась при 200 градусах по Фаренгейту и в процессе рекристаллизации выделяла тепло в течение двадцати часов).

Путешествие для пассажиров третьего класса было лишено удобств. С 1883 года специальные поезда для рабочих стали регулярно довозить трудяг до центра Лондона. Стоимость билета на них была гораздо дешевле, и большинство населения, независимо от пола, добиралось с их помощью до работы. Грубо сколоченные скамейки, на которых, стиснутые плечами работяг в замызганных пиджаках, робко жались, сжимая колени, девушки в скромных юбках. Они старались зани-

мать как можно меньше места и держались подальше от расставленных ног в клетчатых заплатанных брюках, на которых лежали потертые картузы и кепки. Газовые лампы в открытых вагонах были очень тусклы, и бедняжкам то и дело приходилось сбрасывать с себя сильные лапищи желавших воспользоваться темнотой. Прибывших на станцию пассажиров можно было определить только по фигуре и одежде. Лица у всех пассажиров третьего класса были черны от копоти, так же как и у машиниста, — передний вагон которого, где находилась топка, тоже не имел крыши.

На некоторых станциях были очень сильны разделения по классовому признаку. Существовали отдельные входы для «чистой публики» и «грязной», отдельные лестницы, комнаты ожиданий и даже залы для продажи билетов и бронирования. Рестораны и буфеты также разделялись и, кроме того, считались прерогативой мужского населения. Любая входившая туда дама должна была быть сопровождаема спутником мужского пола. Леди поэтому предпочитали оставаться в вагонах, ожидая отправления поезда.

Железная дорога являлась не только самым удобным, но и самым быстрым видом транспорта. К середине XIX века на поезде можно было доехать из Лондона до Брайтона — расстояние почти в пятьдесят миль — быстрее, чем по шоссейной дороге от той же станции до следующей. Это и неудивительно, поскольку пробки на дорогах, даже по стандартам сегодняшнего времени, были ужасными. Не существовало светофоров, улиц с односторонним движением, регулировщиков. Экипажи занимали гораздо больше места на тротуаре, чем сегодня машины, лошади пугались и, не желая ехать, кусали напиравших на них встречных коней. В часы, когда делались покупки: с одиннадцати до двенадцати тридцати утра и зимой — с трех до четырех, на главных, центральных улицах покупатели перемещивались с теми, кто делал утренние визиты. Повозки цеплялись и не могли разъехаться, кучера, размахивая кнутами, кричали друг на друга, требуя дать дорогу, лошади вставали на дыбы, пассажиры грозили тростями, мальчишки свистели и улюлюкали, дамы прикла-

дывали ладошки к ушам — словом, был полный хаос! Джанет Маршалл находилась в экипаже своего отца, когда, возвращаясь из концерта в «Альберт-холле», под их лошадь попала пожилая дама. Количество наездов, поломок, столкновений увеличивалось при плохой погоде, особенно в дождь, туман, снег.

За въезд в город нужно было платить определенную сумму. В 1860 году в Лондоне все еще было 178 ограждений, которые не позволяли въезжать в город бесплатно. На колесах, без оплаты, разрешалось въезжать только тележкам и коляскам, которые катили их хозяева. Тогда же французский историк зафиксировал в своем дневнике, что видел овцу около здания парламента, а когда гулял на Грин-парке (где сейчас отель «Риц»), мимо него пробежали три барана и ягненок. Это не удивительно, потому что на «Ковент-Гардене», там, где профессор Хиггинс встретил Элизу Дулитл, до середины XIX века продолжали пригонять на продажу скот.

После открытия метро все предпочитали пользоваться подземным транспортом. Его считали самым безопасным, несмотря на то, что террористы викторианского периода неоднократно взрывали линии между Черинг-Кросс и Вестминстером. Лондонцы были очень горды своим метро не только потому, что оно было первым в мире и со всего света съезжались посмотреть на это чудо современной техники, ввод его в эксплуатацию позволил людям устраиваться на работу в других районах города и при передвижении рассчитывать не только на свои ноги. К концу века подземка стала гораздо более демократичной. В ней остались вагоны только двух классов, она стала быстрее и удобнее. Но конечно, даже путешествие во втором классе не все могли позволить себе каждый день, тем более что оно обходилось не дешевле, чем стоила поездка на гужевом транспорте. Чиновники, клерки — голубые воротнички, как они назывались, имея постоянную работу или клиентуру, всегда заполняли вагоны второго класса. Усевшись поудобнее и положив трость и котелок на стол, просматривали газеты при мерцании ламп и, спросив дозволения у дам, курили взамен трубки недавно изобретенные сигареты. К концу правления ко-

ролевы Виктории в Лондоне уже существовали разветвленная сеть подземных линий и около сотни станций. Если наложить старую карту подземки на новую, то, к сожалению, линий XIX века на ней практически нет. Только несколько станций осталось от этого чуда позапрошлого века, как, например, *Bakker Street*, связанная с именем Шерлока Холмса. Остальные были переделаны под магазины, жилые дома, а то и вовсе разрушены. Лондонская подземка была гордостью англичан, и вскоре в других крупных городах тоже стали прокладывать метро. Его строительство в шестидесятых годах XIX века демонстрирует то, как сильно индустриальная революция повлияла на всю жизнь населения, когда из сельскохозяйственной страны Британия стала промышленной державой.

Три великих корабля Брюнеля

Англия, окруженная со всех сторон водой, веками считалась одной из сильнейших морских держав мира. В викторианское время, в период индустриального прогресса, благодаря Исамбару Брюнелю — великому инженеру, строителю и изобретателю — кораблестроительный бизнес страны достиг своего апогея. Как только был изобретен паровой двигатель, Исамбар задумал пересечь Атлантику на корабле, плывущем при помощи пара. В доках Бристоля началось строительство «Грейт Вестерна». Это был самый большой и остойчивый корабль в мире. Чтобы укрепить корпус, Брюнель впервые стал прокладывать ребра корабля стальными полосками, державшимися с помощью металлических заклепок. Огромные колеса с каждой стороны, приводимые в движение паровым двигателем, посылали судно вперед или назад. Однако вращение колес заставляло корабль рыскать по курсу, что приводило к большой потере топлива и времени. Чтобы выправить движение, Исамбар установил мачты с парусами. Благодаря этим новшествам, парусник Брюнеля достиг Нью-Йорка в рекордные сроки — за 15 дней! Триумф подстегнул его на строительство еще большего

судна. Однако дерево ограничивает размеры, и Брюнель решился на небывалый шаг — строительство «Великой Британии» — первого в мире корабля с металлическим корпусом. Задача ставилась непосильная! Недоставало необходимых инструментов. Например, величина размаха молота, поднимаемого вращающимся колесом водяной мельницы, была меньше метра. Брюнель начал использовать механический молот, поднимаемый силой пара, изобретенный Джеймсом Нейсмитом. Это изобретение открыло колоссальные возможности для металлообработки и дальнейшего развития индустриализации. Таким инструментом можно было, прикладывая небольшое усилие, ковать металл любой толщины. Тут же, по ходу строительства судна, создавалась новая технология. Корпус обшивался стальными пластинами. Отверстия для заклепок сверлили с ювелирной по тем временам точностью. При создании «Великой Британии» Брюнель использовал совершенно новый способ передвижения, добавив к колесам вращающийся винт, заимствованный им у изобретателя Фрэнсиса Смита. В 1845 году корабль наконец торжественно был спущен на воду в Бристоле. За год судно семь раз пересекло Атлантику. Это был грандиозный успех! Однако 27 сентября 1846 года «Великая Британия» налетела на рифы. Прибывший на место крушения Брюнель писал друзьям: «Я был потрясен, увидев мой корабль брошенным без всякого присмотра. Как родитель на свое чадо, смотрел я на него».

Под наблюдением Брюнеля через шесть месяцев корабль был возвращен в Бристоль, где он стоит до сих пор. Второй корабль изобретателя доказал, что стальной корпус гораздо крепче и долговечнее, чем деревянный, что натолкнуло Исамбара на идею создания еще большего судна-гиганта, превышающего размерами «Великую Британию» в шесть раз. Трудности сопровождали строительство с самого начала. Нехватка железа, недостаток средств, разногласия с партнером. Но главная проблема заключалась в том, как спускать колоссальный корабль на воду. Обычно судно идет в воду носом, постепенно соскальзывая со стапелей. Однако «Грейт Истерн» был таким огромным, и Брюнель бо-

ялся, что при вхождении в воду корабль просто врежется в противоположный берег. Тогда он решился на невиданный шаг — спускать судно бортом. На подготовку спуска ушло полгода. Несмотря на постоянные боли в печени, Брюнель не оставлял своего детища ни на час. И наконец в 1858 году судно было спущено на воду. «Грейт Истерн» опережал свое время на 50 лет. Он маневрировался колесом и передвигался с помощью винта. Вдоль трюма корабля располагалось десять поперечных водонепроницаемых отсеков. И в случае, если судно расколется надвое, обе его отдельные части могли плавать самостоятельно. На нем могли путешествовать 1100 пассажиров первого и второго класса, и оно перевозило столько угля, сколько было достаточно для нахождения в пути 45 дней без захождения в порт. «Грейт Истерн» был самым большим кораблем в мире. Он принимал участие в 1865 году в прокладке электрического кабеля по дну Атлантического океана, благодаря которому было установлено телеграфное сообщение между Европой и Северной Америкой. Когда работы были закончены, Виктория решила опробовать новую связь: через пять минут после скачек Дерби имя выигравшей лошади стало известно за 8 тысяч километров в Калькутте (Индия).

Брюнель не успел порадоваться успехам своего детища. Он умер почти сразу после спуска судна на воду. «До сих пор я никогда не посвящал всего себя работе так, как я посвятил себя этому кораблю!» — писал Исамбар. Идеи великого мастера живут и по сей день. Его технологии использовались и при строительстве «Квин Мэри» — самого большого современного корабля, и при создании «Роял Арк» — авианосца, гордости английского военного флота.

Одна ступень вниз

Пропасть между сословиями в XIX веке была огромной. Она выражалась не только в материальном положении, размере домов и количестве прислуги, но и в воспитании, круге общения, времяпровождении, раз-

влечениях. Как образ жизни сословий отличался друг от друга, так расходились и их понятия о нравственных и гигиенических нормах. Чем приземленнее были люди в неприглядной среде своего существования, тем грязнее были их руки и лица. Обозначения «чистая публика» и «нечистая» буквально передавали положение дел. Даже имевшие угол не всегда беспокоились о том, чтобы умыться, а порой и работа их была такова, что грязь намертво въедалась в кожу. Не имевшие же крыши над головой беспокоились о гигиене в последнюю очередь. С грязью было даже теплее. Недаром Элиза Дулитл из «Пигмалиона» так сопротивлялась, когда ее засунули в ванну. У нее не было такой привычки! Стирать одежду беднякам не пришло бы и в голову, и приобретя «обновку» на барахолке, до этого долго носимую предыдущим хозяином, они спокойно донашивали ее, добавляя к въевшейся грязи новую. В то время вполне нормальным и привычным считалось то, что дамы разговаривали с людьми из нижнего сословия, держа нюхательную соль около носа, для заглушения неприятного запаха. Причем последних это совсем не обижало, они понимали, что у дам очень чувствительная природа.

Многих аристократов и богатых людей угнетало, когда они видели на улицах обездоленных бедняков и детей, искалеченных нищетой. Сострадав им, многие аристократки, под впечатлением «Оливера Твиста» Чарлза Диккенса, брали домой на воспитание сироток из работных домов, другие организовывали бесплатные обеды для нищих, где сами, подвываясь фартуками, разливали суп и раскладывали хлеб. Грязных, бездомных людей сначала заставляли мыть руки, но потом отказались от этого, потому что на них был такой слой грязи, что воды хватало только на нескольких бедолаг.

Если же человек еще не пал так низко и не желал продавать свою свободу за миску размазни и кусок хлеба в работном доме, грубую одежду и крышу над головой, для таких правительство устраивало *Casual Ward* — приют и пищу на три дня за тяжелую работу. Там бездомные люди, отстояв около входа среди огромного числа желавших целые сутки на холоде и

дожде, наконец, когда подходила очередь, оказывались внутри, в палате. Если они попадали в приют в понедельник, то до утра среды им были гарантированы чистая постель на набитых соломой матрасах, ужин и завтрак. Работа была тяжелой. Такую же исполняли преступники в тюрьмах. Разбивание камней, щипание пакли, но здесь за нее получали деньги. Те, кто трудились хорошо и тем самым демонстрировали свое желание всеми силами встать на ноги, могли быть рекомендованы для устройства на постоянную работу. Однако для некоторых это становилось невыполнимой задачей, поскольку ежедневные нормы были слишком велики. Полтонны камня в день тяжело разбить даже для сытого, здорового человека, а не то что для изголодавшихся, часто больных людей. Мало кому удавалось выполнить ежедневную норму по щипанию пакли, поскольку она была даже больше, чем у заключенных в тюрьмах. Если бедняги оказывались не в состоянии представить свое дневное задание, их тащили в магистрат и могли посадить в тюрьму, хотя для многих это в своем роде тоже был выход из положения.

Некоторых либералов возмущало такое положение вещей. Они говорили о том, что даже в русской Сибири такой объем работы считался бы чудовищным, не то что в Англии! Однако обсуждение оставалось кулуарным и ситуация менялась очень медленно. Женщины спали в отдельных палатах и либо щипали паклю (половину мужской нормы), либо работали в прачечных, где стирали несметное количество грубой солдатской или тюремной одежды и до крови истирали свои руки. Единственной поблажкой было то, что там они могли постирать и собственную одежду. Инспектор, следивший за порядком, мог зайти в женскую спальню в любое время дня и ночи. Иногда это приводило к тому, что женщины вынуждены были уступать его домогательствам, надеясь в будущем получить здесь место вне очереди.

На подобный труд соглашались люди, которые не имели возможности найти ничего другого, но при постоянно растущем населении города очень многие оказывались вообще без какой-либо работы. Тогда сначала они теряли комнату или угол, не имея возможнос-

ти оплачивать проживание, а затем распродавали или просто обменивали на еду те жалкие пожитки, которые у них оставались. Правительству полагалось помогать таким обездоленным людям, но, как всегда, те, кто особенно нуждался, не получали ничего. До тех пор, пока у человека оставалась хотя бы единственная личная вещь, кроме того, что на нем было надето, он не имел права ни на что рассчитывать, даже на место в вышеописанном заведении.

Самую низшую ступень на социальной лестнице человек занимал, устраиваясь в работный дом — жуткое место, где к людям относились как к работавшим скотам и где из них выжимались последние остатки сил и здоровья. Сюда шли отчаявшиеся, обездоленные, обнищавшие люди, зная, что выход из этого жуткого государственного учреждения только один — на кладбище. Матерей здесь разлучали с детьми, которых они могли видеть только один час по субботам, если те выживали при ужасном питании и изнурительной работе. Чарлз Диккенс в своем произведении «Оливер Твист» описывал это «чудесное» местечко, откуда маленький сирота Оливер, привыкший к людской подлости и жестокости, стремился бежать как можно скорее. Чарлз Диккенс оставил свои личные воспоминания о работном доме.

«В одно из воскресений я посетил собрание, которое происходило в часовне в большом рабочем доме. Кроме чиновников, которые должны были, но не присутствовали на службе, там были только бедняки и те, кто за ними приглядывал. Лица бедняков... были покорны и равнодушны. Всех их роднило совершенное отсутствие какого-либо цвета. Старые люди были собраны во всем своем немощном разнообразии: бормочущие, глухие, глупые, хромые, моргающие на непривычный для них солнечный свет; с бельмами на глазах, с трясущимися, иссохшими руками, бессильно опущенными на Библию... Там были странно выглядевшие старые женщины, в капорах и без них, похожие на скелеты, постоянно вытиравшие глаза грязными тряпками, в которые превратились их носовые платки, там же были уродливые старые вороны мужского и женского пола с жутким видом довольства, от которого передер-

гивало; были там и слабые и беззубые, и тяжело дышавшие, и, возможно, уже не дышавшие совсем.

Когда служба была закончена, я прошел по всему рабочему дому с джентльменом, вид которого говорил, что его трогало все, что здесь происходило. В его обязанности входило совершать обход по воскресеньям через клетушки, населенные бедняками, число которых постоянно менялось от полутора тысяч до двух. Осмотр начинался от новорожденных детей и заканчивался стариками, умиравшими на казенных кроватях. И везде, где бы ни проходили, мы наталкивались на тупое, угрюмое, почти летаргическое безразличие людей, которые не верили, что в их жизни уже что-то может измениться к лучшему, и ни о чем не просили.

— Все ли в порядке здесь? — спрашивал джентльмен, проходя из закутка с сидевшими и лежавшими, оборванными людьми. Ответа не следовало.

— Достаточно ли вам еды?

Опять безразличное молчание...

Вдруг к нам подошел высокий пожилой человек с осанкой, показывавшей, что он получил хорошее воспитание. Он заговорил с отличной правильностью.

— У меня нет жалоб, сэр. Умереть от голоду нельзя. Нам бы немного хлеба, сэр. Нам его дают так мало!

— Вы же получаете шесть унций в день, — вмешалась сестра, служившая там, — разве этого недостаточно? И потом вам ночью дают чай.

— Да.

— Значит, хлеб, что вам дают утром, вы можете оставить себе на вечер, — заметил джентльмен.

— Да, сэр. Если, конечно, удастся что-то оставить.

— Вы что же, хотите больше?

— Да, сэр, — ответил старик с озабоченным лицом.

Как только мы уже хотели уйти, с кровати, как из могилы, приподнялся другой старик.

— Прошу прощения, сэр, могу ли я взять на себя смелость кое-что сказать?

— Да, что вы хотите?

— Мне уже лучше, сэр, но что я хочу — это немного свежего воздуха, сэр. Это всегда очень хорошо для меня. Нам разрешают выходить так редко, и если один

джентльмен в следующую пятницу разрешит мне выйти погулять, но даже тогда это будет всего лишь на один час! А ведь он может не разрешить и этого!»

Система работных домов позволила чиновникам отчитаться перед королевой о своей помощи неимущим, о предоставлении им крыши над головой и пищи, и к тому же сэкономить средства на практически бесплатном рабочем труде и решить проблему с детскими домами. Так было написано в отчете. На практике все было ужасно! Грубые, безжалостные надсмотрщики, палками напоминавшие о необходимости работать на минуту остановившимся передохнуть людям, администрация, объедавшая голодных и продававшая продукты на сторону, детский разврат, унижения, холод и грязь. Сердца, огрубевшие от горя и нужды, не реагировали на чужие несчастья, люди ломались, превращаясь от безысходности в тупые, безразличные механизмы, реагировавшие только на лишнюю порцию отвратительной похлебки.

Можно только представить себе, какова же была жизнь у них вне работного дома, если они предпочли ей жуткие кошмары последнего. Вся система была построена так, что хотя все обитатели подобных заведений работали практически бесплатно, они считались в постоянном долгу за заботу о себе. Расплатиться с долгом за кров и пищу они не могли и оставались пленниками работного дома до конца жизни.

Богатые люди и аристократы предпочитали не сталкиваться с реальной жизнью, а проливать sentimentальные слезы над произведениями Диккенса. Если же они действительно хотели помочь и пытались войти в положение низшего класса, то свое же сословие осуждало их.

«Безработные мужчины собирались около железнодорожных станций и поджидали экипажи, ехавшие с сошедшими с паровозов пассажирами домой. Они надеялись, что, пробежав несколько миль, заработают шесть пенсов или шиллинг, помогая переносить багаж в дом. Довольно часто они проделывали этот путь напрасно и, понуря голову, возвращались опять на станцию, чтобы вновь бежать за следующим экипажем.

Тетя Этти никогда не позволяла им войти в дом. И вообще она предпочитала заранее нанимать человека, который помогал вознице перетаскивать всю поклажу. Мой отец при этом высовывал голову из окна кеба и говорил бегунам, что они не понадобятся, но они продолжали бежать за нами... Однажды один из них зарыдал, и отец мой, стыдясь, дал ему шиллинг, но так, чтобы этого никто не видел. Его бы осудили, ведь он помог тому, кто умолял дать, а не тому, кто действительно нуждался!»

Создание полиции

С ростом городов стала расти и преступность. Ранее все соседи на улице знали друг друга, а все жители городов узнавали друг друга в лицо. Дома в это время не запирались даже по ночам. В ходе индустриализации население менялось так быстро, что не только на улице люди не знали друг друга, им даже были неизвестны имена их соседей. Наличие в домах крепких засовов стало жизненной необходимостью, а создание полиции, следившей за порядком в городе, — неизбежностью.

Строительство фабрик и заводов сделало некоторых людей очень богатыми и миллионы — очень бедными, отобрав у них возможность кормиться своим семейным трудом. Если крестьяне, в случае потери работы на ферме, могли как-то выжить с помощью леса, диких фруктов, орехов и грибов и протопить дом с помощью веток и корневищ, то городским жителям в случае потери работы приходилось туго. Найти заработок было чрезвычайно трудно из-за того, что на каждое рабочее место приходилось по десять, двадцать и более желающих. Увольнялись за малейшую провинность, а порой и вовсе без вины, просто потому, что предпочтение отдавалось молодым, здоровым и холостым. Не существовало никакой социальной помощи больным и старым людям, потерявшим свое здоровье на производстве. Выброшенные из домов, за которые они больше не могли платить, люди умирали от голода или замерзали на улицах.

В это время помощь бездомным оказывали благотворительные организации и протестантская церковь, которые понимали, что люди бедны не от лени, как считалось, а от обстоятельств жизни. Правительство помогало очень мало, зато много наказывало. Создавая работные дома, оно боялось, что бесплатная помощь стимулирует бездельников, желавших сесть государству на шею. Уход там был хуже тюремного, и население как огня боялось этих государственных организаций и было готово на все, даже на преступление, лишь бы не попасть туда. Безвыходность ситуации и растущие долги приводили к тому, что женщины шли на панель, а мужчины становились преступниками. Однако, несмотря на тяжелую жизнь, не все спешили пополнить криминальную среду, когда ситуация становилась безвыходной. Преступники карались очень сурово. При этом убийство человека на дуэли считалось приемлемым с общественной точки зрения и не наказывалось до 1840 года. После экзекуции тела преступников вывешивались на цепях на перекрестках в назидание остальным, еще не пойманным, или оставляли на виселице, чтобы было видно издалека. До организации полицейских войск такие меры считались необходимыми, поскольку в одном только Лондоне с 1805 до 1848 года преступность выросла в восемь раз, а весь порядок в городе поддерживался только за счет стражей, которых называли «чарли», поскольку именно при короле Карле II была организована служба. «Чарли», вооруженные тесаками и дубинами, освещая себе дорогу масляными фонарями, патрулировали на улицах. Они ходили взад и вперед и каждый час извещали жителей о времени и погоде: «Полночь! Идет дождь! Все спокойно!» Если нужна была подмога, они гремели колотушкой, рассчитывая управиться с нарушителями с помощью тех людей, которые прибегали на их зов. После обхода «чарли» возвращались в крошечные, узкие будки, стоявшие на перекрестках, чтобы укрыться в них от непогоды.

Первые попытки организовать полицейские войска предпринимались еще в XVIII веке. Тогда было выбрано семь уважаемых домовладельцев, которым

платили за совместную работу по предотвращению преступлений. Они организовали группы людей, которые довольно успешно ликвидировали крупные банды воров, действовавших в районе. К концу XVIII века они назывались «бегунами Боу-стрит», поскольку скорость им была нужна, чтобы угнаться за ворами. Еще неоднократно жители пытались своими силами собираться в группы, чтобы противостоять преступным элементам, однако дисциплины не было, а отсутствие униформы не позволяло установить, на чьей стороне в конфликтах они выступали. Укомплектованная и выделявшаяся из масс своей красивой строгой формой полиция появилась впервые в Лондоне на Боу-стрит в 1805 году. Отряд из 52 всадников, заметных издали, вооруженный дубинами, наручниками и пистолетами, патрулировал улицы. Интересно, что даже после утверждения полиции как государственного органа «бегуны Боу-стрит» продолжали оставаться самостоятельной организацией до ее закрытия в 1839 году. Через три года после этого их бывший инспектор основал детективное агентство.

К 1800 году действие государственных охранительных органов (до создания полиции) было развернуто на Темзе с целью контроля контрабанды. Корабли, нагруженные экспортным или импортным товаром, были очень притягательны для разного вида воров, которые неустанно совершенствовались в способах освобождения торговцев от их грузов. Залезая ночью на корабли, частенько они просто выбрасывали товар за борт. Затем его выуживали из воды и делились с подельниками, бизнес которых состоял в том, чтобы вытаскивать после отлива из воды все, что стоило хоть каких-либо денег. Чтобы перегрузить бочки с бренди на берег, хозяева обычно нанимали грузчиков, перекидывавших их в маленькие лодки, чтобы затем доставить на место. «Случайно» сброшенные одна-две бочки с каждого судна, чтобы быть подобранными позже, были обычным делом. Речная полиция, организованная в 1798 году, и создавалась для пресечения подобных махинаций. Это первая в мире организация, в функции которой входили обнаружение и предотвращение

преступлений до того, как они были совершены. Было образовано тридцать пять групп, каждая — из десяти докеров, во главе которых стояли констебли. Докеры были вооружены фонарями, дубинами и трещотками, а также саблями и пистолетами для защиты. Их униформа выделялась прежде всего отсутствием карманов, чтобы не было искушения, воспользовавшись ситуацией, самым что-нибудь прихватить. В течение первого года работы речная полиция сумела обезвредить более двух тысяч преступников, из которых двоих повесили и двести сослали в тюрьмы. Речная полиция действует и по сей день, хотя с уменьшением потока грузов, идущих через Лондон по Темзе, их обязанности теперь связаны более с безопасностью на реке, чем с арестом контрабандистов.

Секретарь офиса внутренних дел Роберт Пиил решил расширить существовавшие полицейские войска актом 1829 года и к четыремстам полицейским добавить тысячу только что взятых на службу. Он хотел, чтобы они действовали на суше так же успешно, как речная полиция на воде. Вновь образованные войска называли в честь него «пилерские» или «боби». Каждому служаке были выданы униформа и недельная плата, шесть шиллингов, которые он получал в основном офисе в Скотленд-Ярде. Следующий город, в котором в 1839 году появилась своя полиция, был Бирмингем. Успешная работа новой контролирующей преступность системы привела к тому, что в 1862 году в парламенте было принято решение о создании собственной полиции в каждом городе Англии.

Первая униформа для констеблей была довольно забавной. Поскольку они считались слугами народа, ведь именно народ платил им жалованье, то должны были носить одежду подобную той, в какой ходят слуги. Отсюда решение одеть их во фраки. Но в их обязанности входило и контролировать ситуацию, приказывая жителям, что делать, поэтому на головы им водрузили цилиндры — символы власти. Работать в высоких головных уборах было крайне неудобно. В начале 1850-х годов цилиндры заменили более практичными шлемами. Они не только защищали голову от удара,

но, как и цилиндр, добавлял высоту и заметность полицейским, которых теперь легко можно было узнать в толпе. Униформа не была теплой, промокала от дождя, и для службы требовалось хорошее здоровье. Главной задачей полицейских всегда являлось предотвращение преступлений, и поэтому сам их вид порой заставлял преступника бросить свою жертву и скрыться. Страж порядка подпоясывался тяжелым кожаным ремнем, с которого свешивались наручники, дубинка и сабля. Пустить последнюю в ход он мог только после прямого приказа высшего командования против выстроившихся в линию бунтовщиков. Сабля висела скорее для устрашения. Известна история, приключившаяся с одним полицейским, который при подавлении кулачных боев в Бирмингеме сам был атакован одним из разгоряченных бойцов. Недолго думая он выхватил саблю и отсек ухо напавшему на него. После приведенного случая этот вид оружия был изъят у патрулировавших улицы полицейских. Они ежедневно рисковали жизнью, не имея даже достойного оружия.

Передвигаться во время патрулирования, по уставу, полицейские должны были по краю тротуара, ближе к проезжей части. Это считалось необходимым не только для того, чтобы быть более заметными, но и чтобы уберечь себя на узких английских улицах от резко открывавшихся дверей или от помоев, выливаемых горничными из окон. Работа констебля состояла в том, чтобы вышагивать по улицам со скоростью две мили в час и на определенных точках, встречая сержанта, докладывать ему о всех своих наблюдениях. Глаз у патрульного должен быть острым, все замечать вокруг: волнения, крупные беспорядки, продажу с рук краденного, драки, взломы, погнутые фонари и даже грязь на мостовых. Если он не заметил что-то или забыл доложить, то ему грозил штраф. Иногда в обязанности полицейских входило также зажигать лампы на улицах, оповещать голосом жителей, который час, предупреждать о пожарах или просто помогать тем, кто просил об этом.

Вскоре после поступления на службу констебль, патрулировавший один и тот же участок, становился зна-

комым лицом для жителей. Правила были строги, и если патрулировавшего полицейского замечали стоявшим без дела, сплетничавшим с горожанами, болтавшим с проститутками или пившим свою пинту пива в пабе в рабочее время, то к провинившемуся применялись строгие меры наказания. Дневной патрульный находился на службе в течение 14 часов, без перерыва с семи утра до девяти вечера. Покинуть пост он мог только после того, как ночной патрульный приходил его сменить. Констебли носили с собой еду из дома, запивая ее водой из питьевых фонтанов. Поскольку униформа была без карманов, то принесенное старались побыстрее съесть, чтобы освободить руки. С собой не разрешалось иметь даже блокнота. Всю информацию патрульный должен был держать в голове. В случае, если он чувствовал, что не может сам справиться с ситуацией, полицейский начинал вращать трещотку, издававшую резкий неприятный звук, и на него сбегались ближайшие констебли. В 1880 году трещотку заменил свисток, троекратный звук которого означал: «...нужна срочная помощь!» Свистки вскоре вошли в обиход всех полицейских участков, и их трели наводили ужас на криминальный мир.

С изобретением фотографии идентификация преступников значительно облегчилась. Галерея жуликов — как называлась картотека лиц, которые были осуждены ранее и разыскивались вновь, стала широко применяться в полиции. Однако засветившемуся в одном месте преступнику достаточно было отъехать всего на несколько миль и сменить имя, чтобы он мог быть уверен, что местные власти его не поймают.

Шерлок Холмс — герой, созданный гением Артура Конан Дойла, настолько прочно вошел в жизнь с момента публикации первой книги, что многие читатели верили в его реальное существование. В Лондоне на Бейкер-стрит предприимчивыми любителями истории даже создан музей знаменитого детектива, где он якобы жил вместе с доктором Ватсоном у милой миссис Хатсон. Первое расследование Шерлока Холмса «Красный кабинет», опубликованное в 1887 году, поразило читателей описанием метода логической дедук-

ции, сплава науки и необыкновенной наблюдательности, с помощью которой герой объяснял совершенно невероятные вещи. Некоторые из его фраз современные и сегодня: «Если исключить возможное, то все что останется, даже маловероятное, должно быть правдой!» «Самая главная ошибка — это придумывать версии. Не осознавая, человек начинает переворачивать факты, чтобы они подходили к его теории, вместо того, чтобы теория соответствовала фактам!»

Научный метод Шерлока Холмса отражал развитие системы судебной науки. В 1856 году сэр Уильям Херчел в Индии — тогдашней колонии Британии, начал использовать на документах вместо росписи людей, не умевших ни читать, ни писать, отпечатки пальцев. В 1880 году шотландский доктор Генри Фолдс использовал тот же метод, чтобы исключить невинных подозреваемых при задержании домушника в Токио. Он написал статью в научный журнал «Природа», где объяснил свою идею. С этого момента отпечатки пальцев стали привычной уликой при работе с преступниками. Химия тоже значительно прогрессировала. К началу 1860-х годов уже можно было узнать, какая кровь принадлежала тому или иному человеку, хотя группы крови были открыты в 1900 году. С того момента даже по мельчайшей капле на одежде преступника становилась понятна его виновность.

Отравление — популярный метод убийства — стало возможным доказать после того, как Джеймс Марш, шотландский химик, открыл метод, устанавливавший наличие в организме мышьяка. Этот яд покупали для того, чтобы травить крыс и мышей, и он был почти в каждом доме. По этой причине он чаще всего использовался для избавления от слуг и членов семьи. Во Франции его даже называли «порошок для наследников», поскольку жадные претенденты на состояние именно им ускоряли кончину старых родственников. Жертва испытывала некоторое недомогание при постоянном и грамотном подсыпании его в пищу, но не догадывалась о его причинах. Когда же мышьяк накапливался в организме в чрезмерном количестве, наступала смерть, причину которой трудно было устано-

вить. Джеймс Марш заметил, что присутствие яда выдавалось коричневым высыпанием на коже, но его можно было спутать с пигментацией. В метод Марша включалась как раз обработка кусочка кожи химикатами. При наличии там мышьяка он выделялся в газ и при горении над холодной, фарфоровой чашей откладывался черным металлическим порошком, как нагар от свечи на подсвечнике. Этот метод был так эффективен, что правду можно было доказать даже после эксгумации трупа.

Развитие науки во многом помогало поиску преступников, но и в ней были свои перегибы. Под воздействием всевозможных исследований в обществе появилось устойчивое мнение, что преступниками рождаются. Некоторые ученые утверждали, что могут узнать вора или бандита по форме черепа, и, рассматривая структуры голов бедняков, предсказывали их будущность. Однако не все преступники были из низшего класса. Воры, фальшивомонетчики, убийцы часто выходили совсем из другой общественной среды, как мы это видим в произведениях того же Конан Дойла.

В музее полиции в Вест-Мидленде хранятся дела с 1839 года. По ним видно, что справедливость торжествовала не всегда. В 1860 году, например, братья шестнадцати и семнадцати лет были посажены в тюрьму на восемь месяцев за изготовление фальшивых монет, а другого молодого человека посадили на десять лет за кражу кролика. Можно только догадываться, что, видимо, он был замешан во многих преступлениях ранее, и такая малая вина являлась лишь поводом, чтобы он получил по заслугам за прошлые провинности. Телесное наказание было очень распространено. Провинившихся привязывали к лавке и били: подростков — за кражу тридцати шиллингов по шесть ударов хлыстом, взрослых — до ста ударов и более за серьезные провинности. В 1800 году в Англии вешали за воровство в магазине, за кражу хлеба, за поломку оборудования на фабриках. Эта мера наказания назначалась более чем за 200 мелких и крупных преступлений.

И все же за время правления Виктории меры пресечения постепенно стали менее беспощадными и в ко-

нечном итоге к повешению приговаривали только за убийство и за измену стране. В 1860 году было окончательно прекращено депортирование преступников. Ранее их приковывали цепями в трюме корабля, чередуя пары в сидячем и лежащем положении, располагая так близко друг к другу, как только было возможно, чтобы разместить как можно больше человек. Их отправляли в колонии, в основном в Австралию. Если подготовленный к отплытию корабль по погодным условиям задерживался в порту на несколько дней, то преступников так и оставляли прикованными к палубе, отчего многие умирали еще до отправления. Смертность в пути была очень большая, ведь оставаться без движения в течение плавания, составлявшего три-четыре недели, страшная мука. Иногда депортируемых меняли местами, давая возможность полежать сидевшим и наоборот, но выгуливать на палубе чаще всего забывали или не решались, зная, какой опасный везут контингент. Сегодняшнее население Австралии в большей своей части — предки выживших преступников, которые, отбыв наказание на каменоломнях, шахтах, галерах, осели в стране и начали новую жизнь.

Самым известным убийцей викторианского времени был Джек Риппер-потрошитель, зарезавший нескольких проституток в районе Уайтчепел в восточном Лондоне в 1888 году. Об этом написано очень много книг, ставились пьесы, даже снимались фильмы. Делались всевозможные предположения, однако так никем и не было с полной достоверностью доказано, кто же был на самом деле этот человек чудовищной, по тем временам, жестокости.

Полиция была убеждена, что только один преступник был ответственным за убийство Мэри Энн Николс в пятницу 31 августа в 3.40 утра, Энни Чепмэн в субботу 8 сентября ранним утром, Элизабет Страйд в субботу 30 сентября в час ночи, Кейт Эддоуз приблизительно еще через час в ту же ночь и Мэри Джейн Келли в пятницу 9 ноября около четырех утра. Два первых убийства и четыре последних, с их точки зрения, принадлежали одному и тому же человеку, но в то же время не было доказательств, указывавших точно на определенное лицо.

Из пяти жертв только у Элизабет Страйд в момент ее обнаружения было перерезано горло. Преступник был потревожен. Возница кеба почти застал его за этим занятием. У всех остальных были также вырезаны внутренние органы. Это обстоятельство навело полицию на мысль, что преступник был знаком с анатомией.

27 сентября 1888 года Центральное Агентство Новостей получило странное письмо от неизвестного:

«Дорогой Босс!

Я обрушусь на шлюх и не перестану драть их, пока не скрючусь!»

Подписано: «Совершенно Ваш, Джек Риппер».

Удивительно то, что в письме он использовал слово драть, рвать (*ripping*), как бы уже этим подчеркивая, что это было его предназначение, ведь он назвал себя как *Jack Ripper*.

1 октября от него была получена открытка, в которой он хвалился двумя, совершенными им 30 сентября убийствами.

Было увеличено число констеблей, патрулировавших в этом районе, и даже использовались собаки, с помощью которых полиция намеревалась напасть на след. Пока ищейки находились в Лондоне — убийств не совершалось. Но вскоре полицейское начальство решило, что слишком дорого кормить псов, и сняло их с патрулирования. И через несколько дней — новая жертва.

Полицию здорово критиковали за то, как велось это дело. В результате тщательного анализа всех убийств в Скотленд-Ярде остановили свое внимание на четырех подозреваемых: польском еврее Косминском, адвокате и учителе Джоне Друitte, русском воре и жулике — Михаиле Острогове и американском «докторе» Фрэнсисе Тамблети. Джон Друитт покончил с собой в декабре 1888 года. Тамблети, возможно, знал анатомию, поскольку он назывался доктором и оказывал за плату медицинские услуги. Он был арестован в ноябре за неприличное поведение сексуального характера, затем был освобожден под залог и покинул страну. Острогов также был арестован и провел некоторое время в изоляции. Однако полиция так и не смогла никогда собрать строгих

доказательств вины этих подозреваемых, и ужасные убийства остались нераскрытыми. Население было чрезвычайно напугано событиями. Королева Виктория написала секретарю Офиса внутренних дел и выразила свое беспокойство. Везде только и говорили о случившемся, и газеты печатали все новые и новые подробности, которые первоначально были завуалированы соответственно морали эпохи. Многие читатели с трудом верили в жуткие детали совершенных преступлений и подозревали, что репортеры специально придумывают их, чтобы повысить продажу газет.

Другая убийственная история была связана с именем Мари Энн Коттон, которая потеряла четверых своих мужей и двенадцать детей. Первоначально все это выглядело как непрекращавшаяся трагедия. Она впервые вышла замуж в 1844 году, когда ей было 22 года. От мужа Уильяма у нее было пятеро детей, которые умерли от «гастрической температуры» еще в младенчестве. Затем Уильям тоже умер по той же причине. Мари устроилась работать младшей медсестрой, и у нее был доступ к мышьяку. Вскоре она опять вышла замуж, и через пятнадцать месяцев умер второй муж. Так же как и первый, он застраховал свою жизнь. Следующим мужем был Джон Робинсон, у которого было тоже пятеро детей. Трое из них умерли в тот же год от той же «гастрической температуры». Самому мужу повезло, так как Мари от него сбежала, прихватив его ценности. Вскоре она поехала навестить старую мать, которая вслед за тем покинула этот свет все по той же причине. После этого Мари вышла за богатого вдовца и отравила его и их общего ребенка. Наконец местный доктор стал подозревать ее в совершении преступлений. Когда после смерти сына ее нового мужа взяли анализ Марша, то обнаружили, что для отравления было использовано количество мышьяка, достаточное для убийства пяти-шести человек. Мари Энн Коттон убила в общей сложности 21 человека и была повешена 24 марта 1873 года. Драматические изменения в этом виде казни стали происходить в 1875 году. Сапожник Марвууд из Хорн-касела придумал, что обычная система, при которой повешенный остается жив в течение 10 минут после

казни, бесчеловечна. Даже если родственники, желая сократить время агонии, тянули его за ноги, бедняга все равно продолжал еще жить некоторое время в страшных мучениях. Марвууд предложил более «человечный» метод, когда у заключенного переламывался шейный позвонок и наступала мгновенная смерть. Разница была в том, что узел веревки помещался не сзади приговоренного, а под углом к челюсти под левым ухом. Марвууд очень гордился своим нововведением и хвалился: «Они их вешают, а я казню!» Сам он вскоре стал местной достопримечательностью. Люди издали приходили посмотреть на изобретателя, и он, показывая на шнурках изготовленных им ботинок, как нужно завязывать петлю, продавал обувь за двойную цену.

Строительство канализации

В Лондоне в 1890 году насчитывалось 116 600 лошадей, которые оставляли после себя на улицах города сотни тонн навоза в день, большая часть которого стекала в реку. Помойные ямы имелись в каждом дворе. Во время дождя они переполнялись и вся грязь текла на улице по открытым углублениям для нечистот, через которые были перекинута мостки. Собираясь в низких местах в один большой поток, лавина со всевозможным мусором заканчивала свой путь в реке.

Майкл Фарадей однажды решил проехаться по Темзе на пароходе и был поражен, насколько грязна была вода. Вот что он написал в газете «Таймс» 7 июля 1855 года:

«Я разорвал несколько белых карточек на кусочки, намочил, чтобы они легко тонули, и в каждом месте, где пароход причаливал, опускал их в воду. Вода была так мутна, что при погружении их на толщину пальца при ярком, солнечном дне они были совершенно неразличимы. Запах от реки был такой, что казалось, мы плывем по открытой канализации». В некотором роде слова Фарадея стали пророческими, поскольку жарким летом, через три года после их публикации в «Таймс», канализация протекла в реку и с приливом направилась сначала

ла вверх по реке к центру города, а затем с отливом потекла в сторону Гринвича. Освободившийся после отлива берег был весь покрыт разлагавшимися фекалиями, и запах становился все нестерпимей. Дышать в городе стало совершенно нечем из-за постоянно висящего смога от домов, топившихся углем. Люди падали на улицах замертво, а больницы, переполненные пациентами, не могли спасти ослабленных изнурительной работой и плохим питанием людей, так как сами находились в зоне жуткого смрада. Наконец невыносимая вонь из Темзы достигла такого предела, что в новом, только что построенном здании парламента, стоящем на реке, которым правительство так гордилось, все шторы были пропитаны хлором и дезинфектами в тщетной попытке защитить комнаты от запаха. Изобретатель вентиляции Герней, чьи идеи живы и поныне, написал спикеру парламента, что в таких условиях он снимает с себя всю ответственность за только что внедренную систему. Этот кризис вошел в историю под названием «Great Stink of London» («Великий смрад Лондона»). Спасаясь от запаха и поднося то и дело к носу платки с розовой водой, члены парламента решили срочно выделить деньги на строительство новой канализации и водопровода. Ими тогда же был принят закон, обязывавший определенные организации осуществить проект в кратчайшие сроки. В истории Англии это был, пожалуй, единственный случай, когда от решения до принятия закона прошло всего 18 дней.

Задача непомерной важности по созданию проекта и осуществлению его на практике была поручена итальянскому архитектору Джозефу Базалгетти. Он решил возвести пять основных перехватывающих систем, три — на севере реки Темзы и две — на юге. Для строительства канализации русло Темзы во многих местах было несколько изменено. Идея заключалась в том, чтобы, сузив течение реки, заставить ее бежать быстрее и прочистить всю грязь и нечистоты, которые скапливались в ней на протяжении многих веков. Каким образом удалось отгородить воду на время строительства стены, определившей ее русло, чтобы она не вымывала с приливами и отливами новую кладку? Как средствами

того времени смогли так утрамбовать новую насыпь еще не осевшего грунта, чтобы уровень его до сих пор был равен естественно образованному?

Базалгетти при устройстве укреплений береговой линии применял кирпичную кладку и был новатором в способе соединения кирпичей. Ранее они клались на известковый раствор. Однако он затвердевает очень медленно и не может наноситься на влажную поверхность, поэтому гениальный строитель решил использовать портландский цемент, который был изобретен в 1824 году каменщиком из Йоркшира. Этот вид цемента использовался только для отделочных работ, но Базалгетти был убежден, что он прекрасно подойдет для его строительства, потому что затвердевает даже под водой. Он приказал каменщикам смешивать его с грубым песком, вместо привычного мелкого, и даже использовать гравий для этих целей, то есть применил бетон для строительного раствора, что было к тому же дешевле. Гравий до сих пор виден в соединениях между кирпичами, и укрепляя время от времени берег реки, строители утверждают, что старую кладку разрушить невозможно. Качество работы было таким, что до сих пор на ней нет ни трещин, ни крошек.

После того как стена была сложена и граница нового берега стала соответствовать задумке Базалгетти, выкачали воду и образовавшееся пространство заполнили колоссальным количеством земли, расширив тем самым набережную на большом отрезке реки. Но даже все эти с невероятным трудом преодоленные препятствия ничто по сравнению со строительством самих туннелей, которые не только пролегли гораздо глубже дна реки, но и шли вдоль нее на протяжении 82 миль. Пропускная способность туннеля составляла сто миллионов галлонов в день. Можно только восхищаться мужеством и стойкостью людей, работавших при постоянной угрозе упасть с лестниц при укладке кирпичных стен канализационного туннеля, быть либо засыпанными землей, либо затопленными рекой, либо задавленными лошадьми в темном, бескрайнем коридоре.

Постоянный риск для жизни присутствовал каждую секунду! Большинство строительных работ проводи-

лось под землей совершенно незаметно для населения, однако когда Базалгетти строил что-то наверху, то это было достойно внимания. Гросснесс — станция с элегантными чугунными лестницами и четырьмя огромными паровыми двигателями. Очень интересная с архитектурной и инженерной точки зрения и станция Абби Милс с восемью паровыми двигателями, поднимающими содержимое канализации уже на высоту 42 футов. Великолепные архитектурные сооружения — превосходные монументы фекалиям! Обе эти станции были недавно реставрированы и открыты для желающих полюбоваться красотой производственного дизайна XIX века. Закончена была прокладка канализации к 1870 году. Три миллиона фунтов пошло на ее строительство. Автор книги «Что викторианцы сделали для нас!» Адам Харт-Дэвис лично спускался в зловонную темноту, туда, где Базалгетти начинал строительство в январе 1859 года. И вот через 140 лет современный исследователь был восхищен великолепным строем кирпичной кладки стен, крепостью труб, которые, несмотря на непрекращающийся поток ядовитых, разлагающихся веществ, стоят крепко, прочно, насмерть! Воистину в викторианское время все делали на века! Базалгетти не только подарил городу чистый воздух, но и утвердил использование портландского цемента и бетона, применяемых повсеместно при современном строительстве.

РАБОТА, НА КОТОРУЮ ВЫ БЫ НЕ СОГЛАСИЛИСЬ

Ради куска хлеба люди готовы на все! Вот что говорилось, к примеру, в отчете о свинцовой индустрии в 1893—1894 годах: «Известно, что свинец в любой форме, даже в бесконечно малых дозах, постепенно собирается в системе человека, после чего обнаруживаются серьезные проблемы со здоровьем, первыми признаками из которых являются колики. Практически все работники на свинцовых фабриках выглядят очень бледными. И именно этот недостаток крови, а также голубая линия около зубов на деснах являются показателем серьезности заболевания. Следующая ступень — это паралич запястий рук, за которым следует стадия, начинающаяся с жалоб на головную боль с припадками и потерей сознания. Смерть в таких случаях наступает через три дня. Если же человек приходит в сознание, то часто остается слепым. Особенно поражает эта болезнь молодых девушек от 18 до 24 лет. Свинец поступает в систему через поры кожи, а также, попадая под ногти, заносится внутрь вместе с едой. Однако самый страшный вред наносится организму при вдыхании свинцовой пыли».

В 1893 году был основан специальный комитет в парламенте для разбирательства условий работы в химической индустрии. В результате исследований выяснилось, что наиболее опасными для здоровья челове-

ка считаются предприятия по производству индийской резины, морению дерева и бумаги, красящих веществ, по лакированию стекла, мукомольные комбинаты, фабрики по разливу и запечатыванию в бутылки газированной воды, мастерские по окраске кораблей воспламеняющейся краской, а также производство спичек и свинца. Были выработаны необходимые меры для предохранения случаев потери здоровья на производстве, однако чаще всего они сводились лишь к тому, что владелец бизнеса обязывался давать молоко сотрудникам в 11 часов дня, выделять деньги на шитье фланелевых респираторов, которые чаще всего заменялись носовыми платками, и обеспечивать всех работников фартуками. Для контроля за соблюдением даже таких минимальных мер были назначены специальные инспекторы и впервые в истории — женские инспекторы, с которыми работницы могли более открыто обсуждать все свои проблемы.

Вот что рассказывалось в департаменте комитета о белом свинце в 1893 году. Комитет решил расследовать обстоятельства смерти семнадцатилетней Хатти Уолтер. Она жила в трех милях от фабрики в бедной семье. Поступила на работу за год до того в качестве эмалировщицы и была ею шесть месяцев. Эта должность считалась самой опасной. Хатти должна была, наклоняясь над изготавливаемой продукцией, смахивать с нее щеткой мелкие частички, перед тем как наносился новый слой эмали. Девушка постоянно глотала вредную пыль. Проработав полгода, однажды она почувствовала себя плохо и попросила мастера отпустить ее домой, куда ее проводил работник фабрики. Направленный к ней доктор зафиксировал сильное отравление свинцом. Через шесть дней она умерла. Столь быстрая смерть объяснялась тем, что девушка была крайне истощена, жила впроголодь и в любую погоду должна была проделывать долгий путь к месту работы, где оставалась на целый день.

Другой девушке, Энни Харрисон, повезло больше. Она осталась жива. После того как Энни потеряла сознание, она, почувствовав первые признаки отравления, вскоре бросила эту вредную работу.

«— Скажите мне, — спросили ее на дознании, которое последовало после смерти Хатти, — всегда ли вы надевали носовой платок на лицо?»

— Нет, сэр. Когда я поступила, то там были очень старые халаты, такие изношенные, рвались по швам, и уже не было шапочек на голову. А насчет платка на рот, так и их сначала не было. Потом только, после нового закона они дали нам эти фланелевые штуки — респираторы.

— Много ли пыли вы глотали?

— Очень, сэр. Она такая сладкая на вкус. Когда меня тошнило, то выходили целые куски.

— Черные?

— Да, большие шматки. Каждая девушка на фабрике вам скажет то же, если они захотят говорить правду, сэр. Если работаешь в красном цехе, то выходят красные куски, в голубом — голубые, но самая худшая желтая пыль! Вот она меня погубила, сэр!

— Скажите, проникала ли пыль вам под одежду?

— Да, через халат и сквозь робу.

— Мыли ли вы руки регулярно?

— Да, сэр.

— А другие девушки?

— Сказать по правде, сэр, там и рукомойников-то не было, пока не приехали инспекторы.

— Собираетесь ли вы возвращаться на фабрику?

— Нет, сэр. Меня выгонят из дома, если я вернусь.

Председатель комитета, обращаясь к мастеру с фабрики:

— Вы думаете, что женщины более подвержены отравлению, чем мужчины?

— Нет, сэр. Их только тошнит больше, но некоторых женщин я бы не нанимал вообще.

— Каких же?

— Женщин с большими, влажными глазами. Им пыль особенно вредна. Такие женщины часто получают заболевание мозга и слепнут».

Еще хуже, пожалуй, была работа только на спичечных фабриках.

За мизерную оплату в пять шиллингов в неделю, работая по 14 часов в день, рабочие должны были окупать

деревянные палочки в раствор фосфора и серы, налитый в лотки. Заводчики, не думая о нанимаемых рабочих, среди которых часто были дети, устраивали производство в крошечных комнатах без окон и вентиляции, где люди проводили целый день, дыша испарениями фосфора. Здесь состав смешивали и нагревали, и здесь же готовые спички высушались перед их раскладыванием по коробочкам. Работа несложная, но уже через несколько лет у бедняг начинались мучительные зубные боли, распухали десны и челюсти. Единственным способом прекратить мучения хоть на какое-то время было выдергивание всех зубов. Если же рабочий продолжал работу на вредном производстве, а в большинстве случаев у него не было выбора, то испарения фосфора проникали в костную ткань, и у человека начинала светиться в темноте челюсть, а часто и другие кости на теле. Районы, где жили спичечники, называли трущобами светящихся скелетов. Редко кто из бедняг доживал до сорока лет. Если организм был крепкий и оставалась надежда, что болезнь не охватила все ткани, то единственным способом избавиться от мучительных болей было удаление зараженной челюсти, что сопровождалось ужасной операцией без всякой анестезии и длительным и не менее мучительным выздоровлением. Не случайно *Victorian Match Girls* (работницы на спичечных фабриках) считаются первыми борцами за права рабочих.

Английский актер Тони Робинсон, тот, который стал очень популярен после комедии «Black Adder» («Черная гадюка»), где он играл Болдрика вместе с Рованом Аткинсоном (Мистером Бином), провел один очень странный эксперимент. Он решил выяснить, какая же работа может считаться самой худшей во всей истории Англии. Для того чтобы оценить степень тяжести того или иного дела, он захотел все попробовать сам. Благодаря его опыту телезрители смогли увидеть, что все их личные проблемы ничто по сравнению с тем, с какими трудностями приходилось сталкиваться людям других профессий. Все перечисленные далее работы он освоил, так и не придя к выводу, какую же из них назвать самой худшей.

Кто выгребал земляные туалеты

Взять, к примеру, профессию мусорщика. Сегодня она сводится в основном к тому, чтобы собирать выставленные из каждого дома пластиковые пакеты со всем тем, от чего люди хотели бы избавиться. Огромная машина, вбирая мусор в свое просторное чрево и прессуя внутри себя, привозит его в центры переработки, где вручную, на конвейере рабочие отделяют бумагу — в одни контейнеры, стекло — в другие, тряпки — в третьи. И хоть занятие это не из приятных, все же его можно назвать чистой работой, по сравнению с XIX веком. Тогда мусорщик назывался *Dustman* — пыльный человек.

«Раз в неделю мусорщик приезжал, чтобы собрать пепел, шлаки, золу, оставшиеся после растопки печей и каминов. И именно из-за угольной пыли он получил свое прозвище. Однако на самом деле ему приходилось убирать не только продукты сгорания, но и всевозможный мусор, отбросы, гнилье. Его приезд всегда сопровождался страшным грохотом колес высокой и похожей на ящик телеги, внутри которой гремели лопаты, совки, ведра, пустые корзины. Он приезжал с помощниками, членами семьи. Один из приехавших наполнял корзины угольными остатками, а второй, становясь на лестницу, приставленную к краю телеги, укладывал их на дно, стараясь разместить как можно плотнее. Туда же утрамбовывался и весь накопившийся за это время мусор. Затем все увозилось на свалку на их дворе. Там жена, дети и родственники принимались за сортировку привезенного мусора».

При всей своей неприглядности профессия эта была очень выгодной. Деньги делались из ничего. Зола и пепел после просеивания продавались на поля ферм и служили прекрасным удобрением. Крупные куски золы отправлялись на кирпичные фабрики.

«Нэнси понимала, что дети пыльного человека в прямом смысле слова рождены, чтобы стать мусорщиками, и однажды не выдержала и заговорила с грязным мальчишкой, который помогал отцу чистить выгребную яму. На нем был надет кожаный фартук гигантско-

го размера, закрывавший его почти с головы до ног, а поверх него еще один — короче, из более грубой кожи и с глубокими карманами, куда он прятал свои находки.

— Как дела, Джонни? — спросила она его.

— В порядке, мисс, — сказал мальчик.

Нэнси подумала, что это очень уместный ответ из уст уборщика мусора.

— Я хотел спросить о вашем брате Тиме. Я не вижу его больше, он не приходит играть на поле. Здоров ли он?

— Здоров, Джонни, спасибо. Он теперь работает на фабрике и очень устает.

— На фабрике! — мальчишка восхищенно присвистнул. — Теперь он, наверное, больше не захочет играть со мной! Кто хочет водиться с сыном мусорщика?

— Нет, нет, Джонни, совсем не в этом дело! У него просто очень тяжелая работа!

— Но от него хотя бы все время хорошо пахнет, не то что от меня! Как бы я мечтал пойти работать на фабрику!

— Подрастешь и пойдешь!

— Что вы, мисс! Отец ни за что меня не отпустит! Он говорит, что теперь наша работа становится все более чистой, ведь скоро уже совсем не останется земляных туалетов, канализация будет везде, как в большом городе, и тогда можно будет работать в белых перчатках! Не уйдешь же ты, говорит он, тогда как твой отец, дед и его отец очистили столько дерьма, простите за слово, мисс, чтобы обеспечить твое будущее, в котором скоро тебе не придется делать то, что приходилось делать нам!

— Джонни, я давно хотела тебя спросить, — Нэнси замялась, — как ты можешь это делать? Тебя не тошнит? Меня от одного запаха выворачивает наизнанку, я в дырку туалета и смотреть не могу, не то что чистить!

— Ну, теперь-то у нас насосы есть, установим там и качаем в бочки. В саму-то яму не лезем, а вот отцу и деду приходилось! А потом, мисс, я ведь к этим запахам с детства привычный. Только вот сторонятся нас все».

Мусорщики считались в своем роде изгоями общества. В XIX веке, когда мораль и этика были очень высоки, большое значение придавалось тому, как деньги

зарабатывались. И хотя в нравственном отношении деньги мусорщика были чище, чем американского работорговца, все же последний мог быть принят в определенных кругах, а разбогатевший мусорщик нет.

«Дом у мусорщика стоял на отшибе, его в прямом смысле слова можно было найти по запаху. Подойдя к высоким воротам, Нэнси пришлось довольно долго стучать, пока ей открыли. Видимо, свои все были в сборе, а гости сюда не заходили. Открыл сам мусорщик, который, не спросив ничего, просто пригласил ее во двор, разделенный на две части — свалку и огород. Там же стояли нераспряженная лошадь, высокая колымага, рядом с которой были наполненные мешки и бочки, видимо, приготовленные для продажи. Дом же оказался большим и на удивление уютным. Джонни подскочил к ней радостный, видно, гости были здесь в диковинку. Он пригласил ее внутрь.

— Я очень рад, мисс, что вы пришли. Да вы садитесь. Смотрите, какие хорошие прочные стулья подобрали мы с отцом в городе и этот шкаф. Он, правда, был разломан совсем в пьяной драке в пабе. Хозяин расплатился им с отцом за очистку мусора. Мы починили его, и он теперь совсем как новый.

Вошла мама Джонни. Вытерла руку о фартук на случай, если Нэнси захочет ее пожать в приветствии, но первой не протянула, хотя и была старше. Девушка понимала ее чувства. Люди обычно брезговали знакомиться с ними, и их жизнь протекала изолированно от соседей. Нэнси доброжелательно поздоровалась с женщиной, а та в ответ сердечно ответила, узнав, что девушка ищет Тима:

— Не беспокойтесь, мисс, ничего с вашим братом не случится, найдется.

— Спасибо, миссис Спенсер, Джонни успокоил меня, сказав, что видел его. Тим недавно устроился работать на фабрику, и ему очень тяжело.

— Да, хлеб нелегко достается! И жалко их, — жена мусорщика кивнула на Джонни и остальных детей, с любопытством окруживших пришедшую, — и помощь нужна! Ко всему человек привыкает! Здесь мы хоть и гоняем их, да подзатыльники получают от любящих

рук, а на фабрике, небось, не жалеют его, сердешного, и бьют все, кому охота придет!

— Вы совершенно правы, миссис Спенсер, даже меня не стеснялись, когда я навещала Тима. И труд у него хуже, чем у каторжника, я бы и часа не выдержала!

— Надо, мисс Нэнси, в любом деле приятную сторону видеть. А ежели не разглядишь, то хоть помирай на работе! Даже в нашем деле можно светлую сторону разглядеть. Да-да! Не удивляйтесь! Возишься в дерьме, извините за слово, возишься, а нет-нет да и найдешь что-нибудь интересное. Вот посмотрите, — женщина показала на полку, где были выставлены три красивые фарфоровые тарелки и скульптурки. — Хороши?

Нэнси кивнула. Такую посуду она видела только на витринах дорогих магазинов.

— А ведь все это наши находки! Правда, пришлось их помыть, поскоблить как следует, где-то подмазать, что-то подклеить, но теперь они украшения нашего дома! Узор-то какой на них! Блюда — словно прозрачные! Многие ли в наше время могут таким похвастаться? Мы, конечно, с них не едим, бережем. На каждый день вон, металлические миски — им сносу нет и не бьются! Но поглядеть приятно! И другим показать. Правда, мы знакомство водим только с такими же мусорщиками, но иногда к нам по делу заходят.

Нэнси понимала, что миссис Спенсер очень хотелось показать, что они живут не хуже других!

— Здесь о каждой вещи можно целую историю рассказать. Вот в этом и есть та приятная сторона в нашем деле, о которой посторонние не знают. Все думают, что мусорщик только с грязью и пылью дело имеет. Да и то, работа здоровая, не то что на химических фабриках или на производстве спичек. У нас все крепкие, сильные и долго живут. Ой, заговорила я вас, мисс, можете чаю попить или поесть? У нас сегодня прекрасная утка, третьего дня попала под колеса нашей колымаги в городе.

— Нет, спасибо. Побегу своих успокоить, что Тим нашелся.

— Ну как хотите. Вы заходите к нам, мисс Нэнси. Мы гостям всегда рады!>

Что выбрасывалось викторианцами

О времени можно судить не по тому, что производится, а по тому, что выбрасывается. Это гораздо более четкий показатель достатка, избытка и нужд поколения. Могли ли представить себе миллионы людей, завидовавшие счастливым, приобретшим телевизор, крошечный экран которого увеличивался с помощью линзы, прикрепленной перед изображением, что скоро их можно будет легко подобрать на свалке. И не только такие экземпляры, которые уже отслужили свой век, а еще и вполне работающие, только устаревшие. Такие, например, где в круглую, плоскую емкость перед экраном была налита дистиллированная вода для увеличения изображения и все, что транслировалось с Шаболовки, смотрелось как в аквариуме. Соседи в коммуналках, составлявшие графики, чья очередь идти на просмотр, удивились бы безмерно, узнав, что через несколько лет на помойках будут стоять работающие «Рекорды», от которых хозяева избавились только потому, что они давали черно-белое изображение. А машины! Вспомните, еще 30—40 лет назад в московских дворах можно было увидеть копошившихся около брошенных «Побед» трудяг, которые, приходя каждый вечер к покинутому сокровищу, старались реанимировать его. Около них всегда собирались советчики, которые, сами не решаясь взяться за непосильную задачу, тем не менее с наслаждением вдыхали машинные запахи и с уважением поглядывали на перепачканного смельчака-умельца. А ведь тот принимался за свой труд с авто, у которого порой и внутренностей не оставалось. Все было разобрано и растащено механиками-любителями. Теперь же свалки переполнены отслужившими свой срок автомобилями, которых бросили только за то, что они устарели.

Если бы жившие в XIX веке могли заглянуть в будущее, то первое, что бы их поразило, даже не то, сколько нужных вещей выбрасывается на улицу, а то, что они не подбираются никем. Такое было невозможно два века назад. Во времена, когда изготовленная

вещь стоила дорого, каждый старался сделать нужное своими руками и тем самым сэкономить.

Вещи перешивались, перелицовывались, то есть переворачивались наизнанку, которая не выцвела, и шивались по новой выкройке. (В советское время в России и республиках этим искусством владела почти каждая женщина. В Англии — послевоенное поколение.) Сапоги несли к сапожнику, который из голенищ выкраивал пару для подростков. Любая изготовленная вещь стоила денег, недаром же до тех пор, пока у горожанина было что-то кроме одежды на теле, он считался собственником. Что вещи, даже чай считался напитком до тех пор, пока из него можно было выжать цвет. Спитый чай собирался, высушивался, расфасовывался заново, перемешивался с мятой или другой пахучей травой и продавался для бедняков. А также его сдавали на красильные фабрики или в мелкие мастерские для обновления цвета изношенных тканей. Табак, так же как и чай, доставлялся в Англию на кораблях и, как любой импортный товар, ценился довольно высоко.

«Мальчишки лазили между столами в пабах, собирая грязные окурки с пола. Наберут в мешок и продают на затычку беднякам. А такие, что уж никак не раскурить, несли на табачную фабрику на переработку для папирос низкого сорта. Получали за это немного, но достаточно, чтобы как-то прокормиться».

Чтобы понять, что в XIX веке абсолютно все шло в дело, достаточно узнать о существовании профессии речных подбирал (*mud* — грязь, *lurk* — таиться), которой занимались люди разного возраста, от сопливых мальчишек до стариков. Она описана у Чарлза Дикенса во многих произведениях и не является плодом его фантазии. Чтобы лучше себе представить условия, в которых находились эти люди, вспомните, что в XIX веке реки были подчас ненамного чище, чем современная канализационная система, свидетельства чего проступали на берегу везде, где обнажалась земля после отлива.

«Когда идешь вдоль реки, то везде видишь подбирал, тех, кто ходил вдоль илистого берега и выуживал из грязи то доску, то кусок угля, то старую лампу, то худую

галошу. Как только наступал отлив и уходила вода, они торопились на берег, потому что из-за прилива могли работать только по два часа в день. Сколько бедняг потонуло, не сумев выбраться из глубокого ила! Застряв по пояс, они с ужасом видели поднимающуюся воду и судорожно делали последнюю попытку освободиться, понимая свою обреченность. Хорошо, если рядом был напарник! Беспризорники — уличные арабы, устраивались на ночь в каком-нибудь брошенном баркасе или под перевернутой лодкой. Территории между ними были поделены. На чужую — не ходи! Побьют! Лучше всего промышлять рядом с улицами, где жили богатеи. Течение менялось, при приливах — к центру города, при отливах — от него, и тогда обязательно приносило что-нибудь стоящее! Стоя босыми ногами по колено в ледяной воде, они не брезговали ничем! Уголь и дрова шли на растопку, любая годная найденная вещь — на барахолку, металл — на переплавку, старая одежда — к старьевщику. Старые веревки, сети, канаты относились в работный дом, где бедняги, стирая в кровь пальцы, расплетали их на тонкие волокна. Работа эта была очень тяжелая, пальцы не слушались и костенели, не в состоянии разъединить намертво скрученные, как вросшие друг в друга веревки. У кого еще были зубы, пытались раскусить. Потом из них свивались новые веревки. Старые газеты и журналы шли на обертку при продаже еды или на использование при выходе переработанного продукта. Земляные туалеты стояли на всех улицах. Абсолютно все шло в дело и можно было продать. Даже трупы приносимых водой животных не оставались на берегу. Шкуры шли на кожу, кости на мыло».

Вся их жизнь крутилась вокруг приливов и отливов. Жили они тут же на берегу в хижинах, сколоченных из принесенных рекой досок, и готовили на воде, которую зачерпывали тут же из реки. В речной же воде, в местах, где фабрики, остудив свои механизмы, делали выброс, они грели свои окоченевшие ноги. Согласно описанию современника Генри Мэтью, одежда и внешний вид представителей этой профессии были самыми презренными и ничтожными из тех, какие он только встречал! Мэтью однажды расспросил четырнадцати-

летнего мальчика о его жизни. На нем не было рубашки и обуви, только грязные брюки. Он их засучивал по колено и шел в воду. Гвозди и разбитое стекло то и дело втыкались ему в ноги, но, даже не обрабатывая раны, мальчишка возвращался опять в реку, поскольку ему нужно было успеть пройти свою территорию до прилива. «Если я не найду ничего до того, как поднимется вода, я буду голодать до следующего отлива!» Однажды, после того как медный гвоздь вонзился ему в ногу, он хромал несколько месяцев! «Было жутко больно лезть в воду, но зато я загнал его (гвоздь) за хорошие деньги!»

На что шли куриный помет и дерьмо собачье

По иронии судьбы, собиратель перечисленного выше назывался *Pure collector* — собиратель чистоты. В смысле того, что продукция должна была быть не перемешанной с уличной грязью, а, как говорится, сразу из-под курочки. Представители этого занятия ходили по улицам с корзинами и подбирали все, что оставалось после каждой присевшей собаки. Органические соединения, находящиеся в этих «продуктах», были незаменимыми при изготовлении кожи. После отсоединения шерсти, остававшейся на коже животных, она должна была какое-то время пролежать в ванной, наполненной куриным пометом и собачьим калом, которые уничтожали все сохранившиеся бактерии. В природе, как известно, нет ничего лишнего. Викторианцы знали об этом очень хорошо и умело использовали для своих целей. Такое мудрое отношение к естественной органике они заимствовали у римлян, которые еще две тысячи лет назад закрепляли краску на тканях с помощью человеческой мочи, собираемой по дворам рабом, принадлежавшим к не менее приятной профессии, чем вышеописанные работяги.

А если учесть, что в викторианское время еще не было искусственной кожи, то становится понятным, что «собиратели чистоты» были просто необходимы. Без их неприятного и неблагодарного труда мог бы встать весь транспорт в Англии, ведь сбруи лошадей, верх ка-

рет и омнибусов, ременные передачи в поездах — все изготовлялось из кожи.

Итак, в XIX веке люди ценили гораздо больше, чем сейчас не только то, что производилось руками человека, но и то, что создавалось природой. В это время всячески поощрялась бережливость.

Собиратель костей и тряпичник

Этой профессией занимались только те люди, которым уже некуда было падать. Гниющие, разлагавшиеся кости пахли омерзительно, и отмыться от этого запаха было невозможно. За работу платили очень мало, и кроме того, она требовала большой выносливости. Вставать надо было в два часа ночи и, пока еще все спят, отправляться из дома, чтобы, обойдя все помойки на расстоянии двадцати с лишним миль, набрать в свои мешки гниющих костей, выбрасываемых кухарками после готовки. Почему же ночью, когда ничего не видно? Потому что было очень много конкурентов, которые могли добраться первыми и, пошарив своим длинным шестом с крючком на конце, найти кости или тряпки быстрее. Материал в любом, даже самом бросовом виде был в большой цене. Десять тысяч тонн тряпок ввезли в Англию в 1851 году. Можно было продать четыре фунта за полпенни уличному старьевщику. В викторианское время из тряпья изготавливалась бумага. (Ранние произведения Чарлза Диккенса были напечатаны именно на такой бумаге. Бумага эта намного долговечнее современной, сделанной из древесной массы. Британская библиотека — одна из самых крупных в стране, сталкивается с проблемами сохранения современных книг. Но книги викторианского периода до сих пор в очень хорошем состоянии.)

Если собиратель специализировался по костям, то помимо конкуренции еще одной причиной, почему он работал ночью, был отвратительный запах, который исходил от него и его мешка. Работы, связанные с дурным воздухом, не разрешалось производить днем. Помните, как викторианцы, по примеру римлян, относи-

лись к чистому воздуху? Как земляные туалеты опустошались от содержимого ночью, так и собиратель костей пешком или на телеге обходил свои точки до рассвета. У этой работы, как и у всякой другой, были свои ступени роста. Так, например, днем забирал из домов отбросы тот, у кого уже были налаженные многолетние связи со всеми кухарками округи. Большие кости животных доставлялись посредникам во Францию. Там из них делали искусственные зубы, ручки для расчесок, ножей и щеток, кольца для младенцев из богатых семей, у которых чесались десны, а мелкие продавались на пищевые фабрики для выработки желатина и на производство мыла.

А теперь мы подошли к профессии, которая, с точки зрения очевидца Тони Робинсона, по праву может быть признана самой отвратительной из всех. Хотя, возможно, многие с ним не согласятся. Называется она *tanner* — дубильщик. Профессия эта, несмотря на всю свою, мягко говоря, неприятность, являлась абсолютно необходимой в викторианское время, когда люди еще не научились получать синтетические ткани и искусственную кожу.

По описанию современников, было практически невозможно подъехать на лошадях к фабрикам по производству кожи. Почувствовав чудовищный запах разлагавшихся трупов животных, лошади становились на дыбы, и никаким кнутом нельзя было заставить их въехать в ворота. Они поворачивали в сторону дома.

«Однажды Нэнси вместе с мамой возила продавать свою сдохшую корову на такую фабрику. Шкуру их бедной любимицы бросили на ночь в известковую ванну, чтобы потом легче очищалась шерсть. Прямо при них уже отмокшую шкуру другой коровы, перекинув через перекладину, работники счищали большими плоскими ножами, пока не показалась плотная, светлая кожа. Помощник управляющего был в хорошем настроении и все поглядывал на Нэнси. Он водил их по этому кошмарному месту и рассказывал, что потом шкуру поместят на несколько суток в другую ванну, полную куриного и собачьего дерьма, и будут подогревать. Нэнси тогда поняла, почему видела на улицах людей, подбиравших

кучки за каждой присевшей собачкой. Это тоже был их заработок. Такая смесь, как оказалось, убивает все бактерии в шкуре, и она после не гниет. А после этого кожу бросят в ванну с дубовой корой. Рассказав все, помощник поинтересовался, не захотят ли они потом выкупить готовый товар, а когда Нэнси с мамой отказались, засмеялся:

— Да она все равно к вам вернется! Или ремешком для сбруи, или лемехом в кузню! Хотя кто знает, может, ваша корова отправится в поезде в виде ременной передачи крутить колеса! У нее теперь большие возможности!

Мама тогда замахала на него руками и назвала богохульником.

Ну и вонь стояла на этой фабрике! Нэнси потом целую неделю не могла от нее избавиться! Она еще удивилась, когда их провожатый сказал:

— А что, моя женка каждый сезон новую обувь получает! — И покосился на стоптанные ботинки Нэнси. Она спрятала сбитые носы под длинной юбкой и отметила про себя, что у работавших в таком месте, оказывается, были семьи и жены, которые не брезговали кошмарным запахом».

Молочник в Лондоне

В Лондоне работало много молочников. Менеджерам платили от тридцати до шестидесяти шиллингов в неделю. Им также полагались дом или комната, за которую из зарплаты не вычиталась аренда. Они были обеспечены молоком, яйцами и маслом. Сборщик молока получал до двадцати шести шиллингов в неделю. Причем те, кто развозили товар на телеге, имели на шиллинг больше, чем те, кто это делал на коляске, поскольку они должны были заботиться так же о лошади. Кроме этого, у них были неучтенные виды дохода. Молоко разбавлялось водой, а поскольку покупатели предпочитали его не белым, а желтым, что указывало на жирность продукта, они его таковым и получали, не подозревая, что желтизна характеризует не качество

продукта, а количество добавленного безвредного красящего вещества. Молочники подразделялись на тех, кто собирал молоко у горожан, державших коров, и тех, кто его продавал. Коровы доились по три раза каждый день, куры неслись, и молоко и яйца от поставщиков нужно было собирать по два, а то и по три раза на дню. Работа начиналась около четырех утра и заканчивалась около шести и семи часов вечера. Независимо от того, чем занимался молочник, был ли он оптовик или торговал в розницу, проблемы были схожи, и самая главная из них та, что они работали без выходных. Это одна из тех профессий, где работа не должна останавливаться ни на день, будь то праздники или будни.

*Как прожить на тридцать шиллингов в неделю**

Артур Моррисон, автор статьи, написанной в апреле 1901 года в «Cornhill Magazine», выбрал эту сумму (30 шиллингов) не как среднюю для рабочего класса, она несколько выше, а как среднюю с учетом непредвиденных обстоятельств, вследствие которых человек не работал несколько дней. И жил он в районе для низкого сословия, но при этом в достойном месте не очень далеко от работы. У него трое детей школьного возраста. Арендная плата за половину дома, в котором его семья занимала три комнаты, составляла семь шиллингов в неделю. За нее он расплачивался в субботу, когда получал свое еженедельное жалованье. Вечером его миссис отпраивалась за покупками на неделю, прихватив мужа, чтобы потом нести купленное домой. Сначала они шли к бакалейщику, поскольку цена на его продукты не изменялась, потом к продавцу рыбы, мяснику и зеленщику, чьи продукты дешевели, когда начинали слегка портиться. У бакалейщика они покупали четверть фун-

* 2,25 фунта = 1 килограмм;
20 шиллингов = 1 фунт;
5 шиллингов = 1 крона;
1 шиллинг = 12 пенсов.

та чая, заплатив за это четыре с половиной пенса. Чай должно хватить на семь дней, если не пожалуют неожиданные гости. Затем она покупала четверть фунта кофе, что стоило три пенса, фунт сахара кускового и два фунта жидкого за три пенса, банку варенья весом в три фунта за семь с половиной пенсов. Следующей покупкой было полфунта масла — шесть пенсов, восемь яиц за ту же сумму, фунт бекона за восемь пенсов и полфунта сыру за три пенса. К мяснику она шла позже. Он по знакомству всегда оставлял ей говяжье рагу — косточки, на которых было достаточно мяса на воскресный ужин. Хозяйка оставляла мяснику от двух-трех шиллингов до половины кроны. Мяса должно было хватить на всю неделю. Горячего — в воскресенье, холодного — на два-три дня, и из остатков сварить «стю» — тушеное мясо с овощами (недоеденные куски мяса варятся с картошкой, морковью и луком, бульон, образуемый при этом, делается густым с помощью добавленной муки).

У продавца рыбы обычно покупали треску, хека по два с половиной пенса за фунт, скумбрию, угрей, скатов, селедку, много недорогой рыбы, — всего на десять пенсов. Покупали достаточно на воскресный завтрак и ужин, а также к завтраку или чаю в понедельник и во вторник. Если была жаркая погода, то рыбу всю готовили сразу. В жареном виде она дольше сохранялась.

В овощной лавке хозяйка брала картошку, если она закончилась, за три пенса, зелень — за ту же сумму. Таким образом, ее траты за этот вечер составляли семь шиллингов и шесть пенсов. К этому добавлялась сумма за три буханки хлеба, которые она купила днем за семь с половиной пенсов, и муку, стоившую три пенса.

После того как владелец дома забирал плату за аренду жилья, больше половины денег за неделю уже были истрачены. В последующие дни семья докупала хлеб, истратив на него один шиллинг три пенса, с расчетом приблизительно буханка на день на пятерых, и другие продукты, такие как мясо, рыба, яйца и бекон. Их приходилось докупать среди недели, так же как и овощи. Что касается дров или угля, расходы на них зависели от времени года. Счастливики, у которых был

чулан или подвал, могли позволить себе закупить топливо летом, когда оно стоило дешево. Описываемая семья себе такого позволить не могла. Экономя уголь, готовили перед камином в большой комнате. Это был единственно горевший камин зимой. Летом его зажигали, только когда готовили много или в дни больших стирок, чтобы нагреть воды. В остальное время кипятили чайники и варили яйца на масляных печках. Цена на уголь и дрова равнялась двум шиллингам в неделю. Парафиновое масло для ламп и печи стоило шесть пенсов в неделю. Шведские спички в коробках для разжигания огня обходились в неделю полтора пенса и дороже, если хозяин курил. Мыло, крахмал, синька и сода стоили шесть пенсов в неделю. Стирали и гладили дома, но выжималку — барабан, который крутили, затягивая постельное белье в узкую щель, брали напрокат. Это стоило три пенса. Перец, соль, горчица и другие мелочи — на все это уходило четыре с половиной пенса.

А теперь об одежде. Младшим всегда доставались обноски от старших. Приблизительно уходило два шиллинга в неделю на обувь, нитки, ремонт порванных вещей. Одежда зависела от профессии. Большинство рабочих, имевших постоянную работу, покупали ее в 1901 году в дешевых магазинах новой, перебивавшиеся случайными заработками донашивали свое или чужое старье. Детям перешивали матери из одежды старших детей или своей собственной. Как уже говорилось, очень распространена была перелицовка, когда, сшив вещь, например пальто, с лицевой стороны, переворачивали на изнаночную и сшивали заново либо на дочерей, либо на сыновей. Еще два шиллинга уходило на страховочные деньги, куда включалась оплата за докторов.

Если дети ходили в школу, то всегда надо было быть готовыми к непредвиденным расходам, несмотря на то, что обучение являлось бесплатным. Также полкроны уходило на пиво и табак. Если рабочий и его жена выпивали по пинте пива каждый день, а из-за качества питьевой воды вместо нее пили пиво и эль даже дети, то на это тратилось два шиллинга и четыре пенса в неделю. Это позволяло выпить по пинте за обедом и пол-

пинты за ужином. Оставался всего шиллинг и три пенса для писем, развлечений, если нужно было за них платить, и на непредвиденные расходы. Здесь не учитывается шиллинг на метро, поскольку рабочий жил недалеко от места работы. Но эти оставленные деньги могли быть истрачены любым другим путем, к примеру на лишние полпинты пива. Автор не учитывал случаи болезни, когда деньги нужны были на лекарства, не брал во внимание ситуации, когда одежда или обувь членов семьи приходила в полнейшую негодность и требовалась новая. Также хозяин дома мог поднять квартирную плату, неожиданно могли приехать пожить родственники из деревни, понадобится подарок на день рождения. Или дети разбили стекло у соседей, и срочно нужно было вставить, потребовалось заплатить штраф за поломанный инструмент на работе, расплатиться за оторванный в драке рукав! Да мало ли на что нужны деньги! Учесть все ситуации невозможно, и, как известно, денег всегда не хватает!

Сюда также не включены ситуации, когда семья выезжала из города на выходные или приглашала к себе гостей, или просто, гуляя по улицам, захотела купить что-то перекусить. Ведь оставшихся денег было недостаточно даже для того, чтобы оплатить один билет на поезде. И все же, даже при таком ограниченном бюджете, члены этой семьи могли считаться середниками рабочего класса, если бы тогда существовало такое понятие. У них были постоянный заработок, еда, одежда и крыша над головой. Большинство этим похвастаться не могло.

ДВОРЦЫ И ПАРКИ, ХИБАРЫ И ДВОРИКИ

Исключительно с приглядной стороны

Архитектура — лицо поколения. Построенные в Лондоне в XIX веке высокие добротные здания, со строгими, классическими формами, со снисходительностью аристократов смотрят на стеклянных выскочек — современные высотки, помня о том, что дешевизна всегда выпячивается. Безкомплексность нынешних характеров показана в прозрачных, стеклянных конструкциях, не заботящихся о том, чтобы что-то скрывать. Они контрастируют со строгими украшениями закрытых викторианских особняков, доказывающих, что в XIX веке люди стремились выставить себя только с приглядной стороны.

В богатых имениях дворцы чаще всего располагались в глубине парка. К главному входу вела засыпанная песком дорожка, обрамленная красиво подстриженным кустарником. Парадный вход располагался по центру здания и выделялся на фасаде массивным портиком и красивой лестницей. Если это был замок, то он часто окружался водой, и подход к нему мог быть только через мост, опускавшийся на цепях. В XIX веке возродилась мода на средневековые жилища, и многие удачливые предприниматели, разбогатев на строительстве железных дорог или удачно вложив акции на бирже, покупали родовые замки у обедневших аристократов. До сих пор в Британии бережно сохраняются эти ве-

ликолепные крепости-жилища. Возраст некоторых из них насчитывает около тысячи лет. Есть и такие, которые все время принадлежали одному и тому же роду. Однако сейчас только единицы могут позволить себе безраздельно владеть подобными сокровищами. Налоги на землю огромные, и на ремонт уходит много денег. Поэтому чаще всего владельцы сдают часть замка, не затрагивая территорию, где все еще живут сами, на 50 или 100 лет в аренду государственным организациям *Trustees* (фондам), которые ухаживают за ветшающим зданием, получая деньги на это с туристов.

А в XIX веке имения были переполнены слугами, а не любопытными. Тогда аскетичная архитектура замков компенсировалась изысканным убранством внутренних покоев, где главным предметом гордости являлся огромный холл. В него титулованные прапрадеды хозяина могли заезжать прямо на лошадях и, бросив на каменный пол охотничьи трофеи — кабана или оленя, приказывали слугам зажарить их здесь же на костре. До сих пор во многих замках, где живут очень зажиточные люди, в этих огромных холлах с высокими потолками, на полу ступенью возвышаются места для сословий. Они показывают, где находился длинный, крытый ковром стол, за которым пировал хозяин со своими гостями, освещенными отблесками пламени от факелов. Военные доспехи предков и дорогое оружие, веером развешанное вокруг щитов и знамен, в викторианское время выставлялись напоказ, чтобы восхищать и устрасать одновременно. Впрочем, обо всем этом можно было бы говорить и в настоящем времени, поскольку желание производить впечатление присуще любой нации в любую эпоху.

Если же хозяева предпочитали жить во дворцах, а не в замках, то и здесь внутреннее убранство было великолепным. Центральный холл с разодетыми лакеями, стоявшими по обе стороны от парадной лестницы на второй этаж, ведущей в бальную залу. Расписанные амурами потолки, лепнина, люстры на 100 свечей, огромные зеркала подле французских окон, открывавшихся, как балконные двери, мраморные каминь, китайские напольные вазы, золото колонн, витиеватый рисунок

паркетного пола. Богатые стулья около стен для тех, кто хотел отдохнуть от танцев, изящество подсвечников, мраморные скульптуры — все это нам знакомо из жизни наших аристократов. Только в Англии при явном богатстве всегда чувствовалась некоторая умеренность, поскольку чрезмерность считалась дурным тоном.

На стенах залов красовались расписанные обои, для чего приглашались художники, старательно украшавшие дорогую бумагу диковинными птицами, букетами цветов, античными видами. Очень модны были итальянские пейзажи, особенно роскошные картины Каналетто с площадями Венеции. Путешествие считалось дорогим удовольствием, и до строительства железной дороги большинство населения никогда не выезжало от места рождения далее, чем на недельный конный путь. Поэтому заморские виды завораживали, и такие картины гости рассматривали подолгу, мечтая увидеть диковинные пейзажи когда-нибудь наяву. Наличие зеленого цвета в интерьере указывало на людей очень богатых, так как для изготовления этой краски использовался свинец. Производство было вредным и очень дорогим. Роспись зеленою и золотом встречалась только во дворцах у титулованных особ. И именно высшее общество переняло новую моду на лиловый цвет. Пурпурный краситель для него впервые получил англичанин У. Г. Перкин (Старший) в 1856 году из угольной смолы.

Вскоре начался лилово-фиолетовый бум. Платья, перчатки, шляпы, пальто, подвязки, сумочки были ярко-лилового цвета. Новая мода коснулась и интерьеров домов, где богатые дамы сливались в своих фиолетовых нарядах со шторами, обоями, терялись на диванах и креслах. Карикатуристы развлекались историями о том, как муж, заигрывая со светской красавицей, любезничал с ней в присутствии жены, слившейся своим туалетом с цветом софы. И это при том, что отношение к нравственности у викторианцев было настолько серьезным, что часто ножки столов, стульев и кресел прикрывали, чтобы они не шокировали дам своей наготой.

В таких гостиных ничего не называлось своими именами. «Мой бедный муж поскользнулся на том, о чем не говорят, упал на то, что не упоминается в при-

личном обществе, и порвал свои нижние необходимости». Этим словосочетанием в свете заменялось шокирующее слово «брюки». Лицемерие викторианского общества напоминало накрытую красивым покрывалом помойную яму, откуда злые языки пытались достать грязь, чтобы всех измазать ею. Любые проявления чувств подавлялись, эмоции скрывались, прятались под опущенными ресницами, равнодушными улыбками, ничего не значившими словами. Блеск глаз хоронился за равнодушным выражением лица, закрывался веером, так же как и тайные симпатии, желания, мысли. Увидеть слегка выступавшую туфлю из-под платья считалось чрезвычайно волнительным, и чтобы не вводить мужскую половину в искушение, по этикету джентльмен поднимался по лестнице впереди леди и спускался сзади.

Добавьте к общей картине, что предметом вождения являлись голая женская рука между рукавом и длинной перчаткой, завитки волос на шее и направленный на мужчину взгляд, задержать который на оном долее двух секунд считалось дурным тоном. А как же флирт, романы, вздохи, мечты? О, этого было более чем достаточно! Деятнадцатый век славился своей романтичностью. Симпатии возникали мгновенно и «навсегда». Ведь так легко обожать то, о чем не имеешь ни малейшего представления! Чем больше препятствий на пути любви, тем большим счастьем она кажется. А препятствия встречались на каждом шагу. Видеться молодым людям было негде. Бал — единственное место для встреч, и танец — короткий миг объятий и разговора наедине. Однако танцевать с одним кавалером разрешалось не более двух раз. Третий — только для супружеских пар. Поэтому в викторианское время в бальных залах устраивались уютные ниши и альковы, где, спрятавшись за колоннами, парочки могли перекинуться друг с другом парой слов, теоретически находясь при этом в общей зале. Можно было, конечно, уединиться в музыкальном, бильярдном, обеденном залах, карточной комнате, библиотеке, картинной галерее и конечно же в зимнем саду, где считалось модным ставить высокие пальмовые деревья. Но тогда ни о какой хорошей

партии для девушки уже не могло быть и речи. Ее репутация мгновенно оказалась бы разрушена, и даже предмету ее желаний не разрешалось жениться на ней. Нравы XIX века очень строги для незамужних барышень и молодых жен. Однако после рождения второго ребенка можно было позволить себе пофлиртовать. Гостиные на половинах жены и мужа*, где они принимали очень близких друзей, имели два входа — парадный и черный для прислуги, что благоприятствовало сохранению спокойного климата в семье. Оба супруга видели только то, что им было положено видеть. После рождения наследника муж, как правило, терял бдительность по отношению к жене, и личная жизнь обоих часто развивалась независимо друг от друга.

Гости, остававшиеся в имении на выходные или на более продолжительное время, привозили своих слуг: дамы — горничных леди, а мужчины — валетов, живших вместе со слугами дворца этажом выше. А на первом этаже располагались игровые и классные комнаты для детей, где с ними занимались гувернеры, зал, где глава дома хранил предметы своей гордости — охотничьи трофеи с коллекцией дорогого оружия, и многие другие комнаты, где хозяева не бывали ни разу в жизни и часто даже не подозревали о их существовании.

Кухня, разделочная, кладовые, прачечные, гладильные, холодильные комнаты, коптильня, угольная — находились в подвальном этаже такого гранд-особняка. Многочисленная прислуга жила или в подвальном, или на чердачном этаже и чаще всего набиралась из ближайших деревень.

Вся территория парка разбивалась на несколько участков разного размера, отделявшихся подстриженным кустарником. Он представлял собою своеобразную живописную стену, которая часто была выше человеческого роста, чтобы создать иллюзию уединения, которой могли воспользоваться желавшие спрятаться и полюбезничать. Парковым искусством в Англии до сих пор владеют превосходно, переняв его от завоева-

* Гостиная мужа, как правило, находилась этажом выше.

телей-римлян во время их четырехсотлетнего владычества. Если бы это не было кощунством, то можно было бы сказать, что англичанам повезло, ибо они были покорены более культурной нацией. Племена, населявшие тогда этот остров, быстро научились возводить крепости с помощью цемента, воевать, применяя камнеметные машины и другую осадную технику, проводить водопровод, укладывать прочные, на века, дороги, строить купальни и многое другое.

В имениях XIX века о стремлении к роскоши напоминают мраморные скульптуры, расставленные в самых неожиданных местах, ведь назначение парков — удивлять. Поэтому в них так много было интимных переходов, цветников, итальянских двориков с фонтанами, живых лабиринтов, замечательно описанных Джеромом Джеромом в книге «Трое в лодке (не считая собаки)», живописных развалин, иногда выстроенных нарочно, тупичков, ведущих к кирпичным стенам, с распластавшимися на них грушевыми деревьями. Груша, цепляясь за стены, прекрасно растет, так же как виноград и лимонные деревья.

В каждой усадьбе находился огород, фрукты и овощи из которого, не доверяя никому, срывал к столу для хозяев сам главный садовник. Чтобы понять, с каким уважением в Англии относятся к выращиванию растений, достаточно упомянуть, что грядки называются не иначе как *bed* — постель. Ежегодно проводятся соревнования, в которых принимает участие принц Чарльз, где выставляются самые большие и красивые, органическим способом выведенные фрукты и овощи. Такое же трепетное отношение к растениям было и в XIX веке. Чтобы достигнуть должности главного садовника, надо было пройти около десяти профессиональных ступеней, поднимаясь от мальчика для всех работ, постоянно перемазанного в грязи, до важного господина, срывавшего плоды в белых перчатках. Зато какую гордость испытывал владелец имения, когда за ужином кто-нибудь из гостей произносил:

— У вас уже созрел горох? Да какой крупный! А у меня только всходит.

— Что горох! Вот ананасы поспели, рекомендую, очень сладкие!

Мода на разведение этого экзотического фрукта в Англию была завезена в 1700 году. Именно с этого времени здесь стали строить оранжереи, которые назывались первоначально ананасницами. К викторианскому периоду они стали неотъемлемой частью каждого имения. Сюда хозяин любил водить своих гостей, хвастаясь фруктами, произрастающими круглый год. Ему также принадлежала и ферма, обычно находившаяся несколько в стороне, куда гости не заглядывали. Свежее молоко, яйца, сыр и мясо доставлялись оттуда прямо к столу. Свое натуральное хозяйство, кормившее хозяев и их слуг все двенадцать месяцев в году, требовало большого ухода со стороны скотников, которые за сохранение и приумножение поголовья отвечали перед управляющим.

Отдельное расположение фермы объяснялось тем, что домашние животные своими запахами тревожили нежные аристократические носы хозяев и их гостей. К концу XIX века, когда количество слуг в усадьбах стало сокращаться, многие владельцы имений стали считать слишком хлопотным, а то и убыточным, держать скотину. Проще было закупать свинину и говядину у мясников. Оставляли только корову из-за молока для себя, закупая при этом его для слуг. А вот птица по-прежнему разводилась, обеспечивая обитателей имения яйцами и белым мясом. Около прудов разгуливали разных видов утки и гуси, а около дворцов, распутив хвосты, вышагивали павлины, у которых горничные, воровато оглянувшись, выдергивали перья себе на головной убор. Были модны в викторианское время прогулки в дикую зону имения, где траву стригли реже. Там гуляли косули, прыгали кролики, шныряли кабаны.

В замке Хевер, где когда-то Генрих VIII (отец Елизаветы I) встретил Анну Болейн (мать великой королевы), кустарник был подстрижен в виде шахматных фигур. Это было модным и в XIX веке. Интересно, что, хотя партия давно сыграна, фигуры остались до сих пор. А сколько тайн было подслушано в интимных аллеях, сколько сплетен разнесено по свету, сколько репутат-

ций порушено! Чем выше возносилась нравственность, тем ниже низвергались с ее пьедестала!

А за высокими стенами имений шла совсем другая жизнь. Суровая и беспощадная, без сантиментов и порой без правил.

Жилища для рабочего класса

Контраст между уровнем жизни разных социальных групп в стране был колоссальный. Одни могли без затруднений прокормить несколько сотен гостей, другие еле-еле наскребали на краюху хлеба.

В бедных домах едва хватало денег, чтобы оплачивать свое убогое жилье. Особенно это чувствовалось в городах.

Расширявшееся производство требовало людей, и это привело к увеличению населения. Преобладание городов стало заметным в конце XVIII века, когда для работы на мануфактурах потребовалось большое количество народа. В начале XIX века в Лондоне насчитывалось меньше миллиона человек, в конце — численность населения приближалась к четырем миллионам. Для всех пришлых из деревень нужны были дома. К середине викторианской эры это стало такой большой проблемой, что потребовало немедленного вмешательства со стороны правительства. Под жилища использовалось все, что имело крышу. Сдавались сараи, амбары, хлевы, погреба. Во дворах строились хибары для постельщиков. Так было во всех городах страны.

Большинство рабочего населения снимало угол. Иногда в каждой комнате проживало по несколько семей, а в доме среднего размера — по сорок, а то и больше человек. Первой попыткой решения жилищного вопроса стал акт парламента 1851 года («Жилища для рабочего класса»), позволявший местным властям возводить дома для ремесленников. После этого принимались и многие другие меры, однако к 1880 году ситуация сложилась хуже некуда.

Была создана комиссия, которую возглавил старший сын Виктории принц Уэльский. В комиссию вхо-

дили также кардинал Маннинг и лорд Солсбери, ставший вскоре премьер-министром. В ходе ее работы были выявлены жуткие условия, в которых жили люди не только в Лондоне, но и по всему Соединенному Королевству. В хибары бедняков набивалось такое количество народа, что ни о какой гигиене или санитарных нормах речи быть не могло. На окнах не было занавесок, люди понятия не имели, что такое постельное белье, ежедневно заваливаясь спать во всей одежде на грязные матрасы. Жилища кишели клопами, тараканами, вшами и крысами. В таких условиях моральные устои подвергались серьезным испытаниям и очень часто совместное проживание на малой площади большого количества лиц мужского и женского пола приводило к очень ранней проституции.

В своем отчете об условиях жизни в домах рабочего класса лорд Шафтесбери отмечал: «Эффект системы одной комнаты физически и морально невозможно описать. Вы заходите в комнату и видите там только одну кровать, на которой спит вся семья, состоящая из отца, матери, взрослого сына или дочери и детей поменьше обоего пола. Невозможно даже предсказать фатальный результат такого нездорового морального климата. Во многих случаях взрослые сыновья или дочери спят в той же комнате с другими постояльцами, у которых на ночь часто остаются пьяные приятели или подружки. Все эти факты приводят к повышению безнравственности среди рабочего класса!»

Инспектор по лондонским школам мистер Уильямс соглашался с этим мнением: «У меня нет никаких сомнений, что перенасыщенность домов ведет к низкой морали. Однажды я зашел по долгу службы в такой дом и спросил встретившуюся женщину: сколько комнат она занимает?

Она ответила:

— Две.

Затем я спросил: а как велика ее семья?

Она ответила:

— Одиннадцать человек.

— Сколько же у вас кроватей?

— Две.

— Видимо, в одной из них вы спите со своим мужем?

— Да, и еще двое или трое младших детей.

— А где же спят ваши старшие разнополые дети двадцати, девятнадцати и восемнадцати лет?

— Да все вместе, еще дед с ними и младший сын. Но вы должны понять, что мои старшие дочери не всегда приходят домой на ночь и не всегда спят здесь!

Ее дочери — проститутки и скорее всего они ступили на этот путь по настоянию родителей!»

Другой серьезной проблемой была жуткая грязь в таких домах, которая образовывалась, однако, не только от лени или безысходности. Порой за чудовищные антисанитарные условия в домах нельзя было винить живущих там в настоящее время.

В своей речи капеллан Клеркенвелской тюрьмы мистер Хэслей говорил: «Заходя в дом, вы видите умопомрачительную грязь везде, куда бы вы ни ступили, но в большинстве случаев теперешним жителям дом уже достался в таком состоянии. Я знаю, что из 70 тысяч человек, приезжающих в Лондон на заработки, редко кто живет на одном месте дольше, чем три месяца. Священник церкви на Риджент-стрит говорил мне, что на всей этой улице, такой престижной в городе, вряд ли найдешь одну семью, остающуюся там дольше. Среди его прихожан почти нет старожилов. Люди все время меняются».

Такая текучесть объяснялась нерегулярностью заработка. Как только жильцы находили более высокооплачиваемую работу, так сразу же стремились подыскать и лучшее жилье. Однако, к примеру, в районах доков люди нужны были в основном для разгрузки кораблей — тяжелого, но не квалифицированного труда. Им необходимо было жить рядом с пристанью и, если приходил груженный корабль, стоять в первых рядах среди сотен грузчиков, выстраивавшихся на доках и ждущих работу. Иногда они получали 12 шиллингов в неделю, иногда девять, а бывало, что в их услугах нуждались только восемь раз за месяц, а то и вовсе они долго сидели без работы. На арендную плату даже за такое чудовищное жилье уходила треть заработка, и семьи время от времени должны были переезжать в более дешевые

дома. Уходя, они совсем не думали о том, чтобы убрать за собой, оставляя всю свою мерзость вновь вселившимся. А те, сами не зная, как надолго они там задержатся, не заботились о чистоте. Люди просто привыкли жить в жуткой грязи и не замечали этого. Да и трудно было что-либо увидеть в темноте, наступавшей зимой уже в четыре часа дня. У многих не было денег купить свечей, и они привыкли ориентироваться на ощупь. До чистоты ли в таких условиях! На полах накапливался такой слой грязи, что его невозможно было отскоблить, а кроме того, часто на это просто не хватало воды, отпускаемой ежедневно для жильцов. Как отмечал капеллан церкви, колоссальная смертность среди детей в то время была не только из-за перенаселенности в комнатах и не только по причине пьянства родителей, а оттого, что инфекционные заболевания, мгновенно распространяясь в таких условиях, убивали в первую очередь самых слабых. Правда, к детским смертям в бедных семьях исторически привыкли. Матери не позволяли себе сердечно привязываться к крошкам до пяти лет, потому что знали, что многие из них вряд ли доживут до этого возраста. Старались иметь больше детей, чтобы хоть кто-то выжил. Интересно, что в церковных книгах Средневековья, учитывавших потери каждой семьи от стихии, на первое место вписывался полегший скот, а потом уже умершие дети. Это доказывало, что о потере скота скорбели больше.

В 1882 году на многих улицах все еще был один смывной туалет на 16 домов. К примеру, в районе Вестминстера, практически рядом со зданием парламента, где обсуждался вопрос об условиях жизни бедного населения, один туалет обслуживал всю улицу, где в каждом доме проживало по 30—40 человек. И кроме того, все проходившие мимо пользовались его услугами. Так что если в доме на всех жителей была одна уборная — правительство расценивало это как удовлетворительные условия для проживания. Не удивительно, что в перенаселенных жилищах для справления нужды использовались лестницы, дворы, заборы и т. д. В некоторых хибарах под туалет приспособляли дырку в полу комнаты, где проживало несколько человек. На

многие производства, например в пошивочные цехи, брали молодых девушек, обрабатывавших петли на пиджаках или пришивавших пуговицы к пальто. Хозяева, заинтересованные в рабочих руках, позволяли им спать тут же на полу. Таких работниц называли подкроватницами, так как каждый раз, когда приходили инспекторы, чтобы проверить бизнес и условия жизни работников, они прятались кто куда мог, в том числе и забивались под топчаны с накинутыми матрасами.

Зимой в таких домах не топили. Хозяева экономили на угле, а то и просто у жильцов не было денег на отопление. Готовили на улице у общественных костров, разводимых по ночам, или у булочника, выпекавшего хлеб днем и ночью. Тогда по вечерам в дверь к нему выстраивалась очередь из желавших после рабочего дня приготовить в его огромном чане со студнем свои продукты. Туда засовывались тряпочки с черным пудингом (кишка, нашпигованная гречкой и свиной кровью), отруби, говяжьи почки. Хозяева студня не возражали. Наваристой будет бульон. Но такие сытые дни в рабочих семьях бывали редко. Чаще всего на ужин доставались краюха черствого хлеба и кружка воды.

Если же появлялась постоянная работа и люди могли переехать в лучшие условия, снять, например, отдельную комнату, то тогда появлялись другие неудобства, с которыми приходилось мириться. В викторианское время владельцы угловых магазинчиков, продававших жареную треску и картошку, разделявали рыбу прямо в своем доме, не заботясь о жильцах, которым сдавали недорогие комнаты. А во дворе они сортировали непроданную рыбу и хранили ее под своими кроватями, поливая утром водой, чтобы смотрелась свежей. Можно только посочувствовать постояльцам, узнававшим в темноте свое жилище по запаху, но все же им повезло больше, чем тем, кто снимал площадь у мясника. Тогда к ароматам протухшего мяса добавлялся меховой пух от кроликов, тушки которых ощипывали женщины, помогавшие семейному бюджету. Он летал по всему дому, попадая в нос, горло, забиваясь в легкие, и был причиной многих серьезных заболеваний.

Одним из первых предпринимателей подумал о жилищной программе Томас Кубит, который на свои деньги стал строить дома со всеми удобствами в фешенебельном теперь районе Лондона Белгрэйв-сквер. В 1828 году это было болотистое место на окраине города. Новые дома восхищали ванными комнатами и водосмывными туалетами. Вода в них впервые стала достигать верхних этажей. Такой впечатляющий результат получался благодаря тому, что Томас Кубит впервые при прокладке канализации и водопровода применил не стандартные деревянные, а чугунные трубы. Решив не экономить на качестве, он вернул свои деньги тем, что производил кирпичи тут же из местной глины, не тратясь на материал и доставку. В это время ученым Мердоком из продуктов горения угля был выделен газ, который давал ровное, бесцветное пламя. Томас Кубит, одним из первых оценив возможности нового изобретения, стал использовать его для освещения своих домов. Конечно, жить в них могли позволить себе только очень богатые люди. (До сих пор эти особняки — пример качественного строительства и предмет зависти любого, кто живет в столице. Средняя стоимость самого небольшого домика равняется двум миллионам фунтов стерлингов.) В конце тридцатых годов XIX века в Лондоне уже стало возможным выходить на улицу по вечерам. «Белгрэйв-сквер освещалась как днем», — писалось в газетах. Томас Кубит после своего успешного проекта в Белгрэйв-сквер начал строить сравнительно дешевые дома на Собачьем острове в Лондоне, где прорытые от Темзы каналы позволили создать обширную территорию доков, принимавших корабли с товарами со всего мира. Его примеру последовали многие компании, которые стали строить кварталы типовых домов по всей Британии, обеспечивая миллионы людей сравнительно дешевым жильем.

Устройство дома

Как же был устроен дом простого обывателя? Как выглядело его внутреннее убранство? Вот пример типичных строений викторианского периода. Их и теперь

можно встретить почти на каждой улице в крупных городах. Перед нами крошечный палисадник с дорожкой, выложенной мелкой ровной плиткой, ведущей к двух-трехэтажному дому с окнами, выступавшими эркером на фасаде. Открыв дверь, оказываемся в узком холле — передней. Налево и направо от него располагаются с одной стороны передняя комната — гостиная а за ней жилая, с другой же — кабинет и столовая. Кухня и подсобные помещения находятся в подвальном этаже. Стены при входе на две трети высоты от пола покрашены с помощью трафарета простым узором, а выше — бордюр, начиная от которого до потолка клеились полосатые обои. Как правило, пол в холле выкладывался плиткой. При входе ставились высокое зеркало с полочкой для свечи и подставками для мокрых зонтов, стоячая вешалка для шляп и шкаф для верхней одежды.

Гостиная, или, как она называлась в викторианское время, рисовальная комната, являлась показателем статуса и материальных возможностей обитателей. Здесь выставлялась лучшая мебель и сохранялся идеальный порядок на случай, если кто-нибудь придет. Что же здесь стояло? Софа, оттоманка или тахта, стулья с высокими спинками, различные кресла, несколько небольших столиков для написания писем, для шитья и вышивки, для чая, для подсвечников и всяких мелочей, бюро, экраны для камина, этажерки и т. д. В центре неизменно воцарялся круглый стол, за которым подавали ужин гостям, если не было столовой. Комната с помощью красивых узорных ширм часто делилась на несколько функциональных частей. За ними же хозяйка могла сменить туалет с помощью горничной и в присутствии гостя, если решила направиться куда-нибудь вместе с ней. Кресла были всевозможных форм и размеров: с низкими спинками, высокими, с длинными, вытянутыми сиденьями и короткими, чтобы только присесть, полулежачие и строгие. Даже для джентльменов и леди предназначались разные кресла. Мужские — более глубокие с широкими подлокотниками, дамские —

более вертикальные с крошечными ручками, а то и без них, отвечавшие требованиям моды, когда кринолиновые юбки в середине столетия, как эпидемией, охватили всю Британию. Еще один критерий для выбора мебели — это ее добротность, ведь дом вместе с его содержимым переходил позже к детям или внукам, и все те же бюро, столы, серванты, книжные шкафы часто использовались несколькими поколениями, менявшими только обивку на стульях и креслах. Однако те, кто не мог себе позволить купить дорогую, респектабельную мебель, иногда покупали подделки, подражавшие модному стилю. Например, фанера морилась под махагони — красное дерево, пропитанная специальным составом ситцевая обивка для диванов выдавалась за шелк, лакированная бумага с разводами имитировала мрамор.

Предметы были важны, поскольку они многое говорили о своих хозяевах. Неожиданно и скоро обогатившиеся простые люди, пришедшие к своему богатству разными путями и желавшие показать его, чаще всего не имели культурного воспитания, на котором формировался вкус. Они образовали прослойку общества, не принадлежавшую ни к аристократии, ни к интеллигентной части среднего класса. Их одежда, дома, мебель — все было чрезмерным и кричащим, все хвалилось и показывало себя. Для их вкуса изготавливали предметы ярче, больше, золоченее. У Диккенса читаем в «Нашем общем друге»: «Серебряные вазы, подсвечники, скульптурки были сделаны так, чтобы выглядеть как можно больше, тяжелее, дороже и занимать как можно больше места. Абсолютно все чванится: “Своим уродством я затмеваю все вокруг. Но зато я из благородного металла и благородства во мне ровно столько, сколько я вешу!”»

Подделать серебро было не сложно, и желавших купить вещи, выглядевшие очень дорого, хотя и безвкусно, и стоившие при этом в несколько раз дешевле, было много.

В 1851 году вышло даже несколько статей под названием «Фанерная эпоха!».

Мистер Потер в известной и очень популярной книге «Дневник неизвестного» делится с читателями: «Я

привез из Парижа две головы оленей, сделанные из гипса, и покрасил их в коричневый цвет. Они так подходят к нашему небольшому холлу и придают ему необходимый стиль! Эти две головы — прекрасная имитация!»

Претензии мистера Потера, демонстрировавшие его тщеславие, казались очень смешными в XIX веке. Особенно поражало читателей, что он рассказывает о своей покупке открыто, не скрывая, что это подделка, то есть ведет себя так, как ни один человек той эпохи никогда бы себя не повел. Моральные устои общества были таковы, что, как писалось о подобном, но секретном покупателе подделок: «Если всей своей обстановкой в доме вы учите лжи, то вряд ли вы можете протестовать, когда и окружающие будут не совсем правдивы с вами».

Однако стремление к добропорядочности порой доходило до абсурда. Вот как описывал одну из гостиных своих хозяев американский гость: «Одна из рисовальных комнат была вся в драпировках, даже цветочные вазы, лампы, часы на стенах, ножки пианино и столов. Где не было обернутой ткани, там были банты. Единственная вещь в комнате, которая не постаралась одеться, — была каминная кочерга, и в контрасте со всеми остальными вещами действительно выглядела голый!»

Конечно, это было мнение со стороны, но и англичане говорили о том же. «Мое самое яркое воспоминание детства, — писал в своих мемуарах один из викторианцев, — было то, что отовсюду что-то свешивалось, все было обернуто или задрапировано. Там был муслин-кисея вокруг кронштейна, на котором крепилась газовая лампа, то же вокруг зеркала, бахромы вдоль каминной полки».

Отголоски этой моды можно встретить в биографии известной танцовщицы-босоножки Айседоры Дункан. Приехав по приглашению А. В. Луначарского в Москву и поселившись в особняке на Пречистенке, она укутывала все люстры, лампы, зеркала газовыми шарфиками. Один из них и задушил ее, намотавшись на колеса открытого автомобиля, в котором она сидела.

Еще одной характеристикой викторианской гостиной являлось то, что она была заполнена всевозможными красивыми безделушками, висевшими на стенах, стоявшими на полочках, этажерках, столиках. Они были своего рода показателем достатка, так как в первой половине XIX века многие вещи все еще изготавливались вручную и стоили дорого. Если пространство не заполнялось, то это означало, что у хозяев не было на это средств. И таким же показателем благосостояния являлось пианино, покрытое саржей, бархатом или фетром. «Муж миссис Хавис, вы знаете ее без сомнения, думает, что пианино совершенно необходимо в доме! Но не для послаблений и развлечений, не для музыки, но оттого, что оно заставляет его дочерей сидеть прямо, а ноты вынуждают их сосредоточиться на деталях!»

Не могли благопристойные дамы XIX века открыто признаться, что поощряют развлечения. Обязательно нужно было придумать легенду, что пианино нужно в доме скорее из чувства долга и ответственности за воспитание дочерей, чем для того, чтобы приятно проводить время.

Миссис Пантон, писавшая рекомендации о том, как правильно и со вкусом меблировать дом, став известной и читаемой, осмелилась предложить поставить пианино так, чтобы игравшие на нем сидели не спиной к своим слушателям, а лицом. При этом она рекомендовала заднюю часть инструмента попросту задрапировать. Новые идеи принимались с восторгом только тогда, когда они заквашивались на старых дрожжах. Викторианцы, не видевшие пользы в такой перестановке, неохотно приняли новую идею, пока не было найдено удовлетворявшего всех объяснения. Заметив, что звук инструмента и голоса становится громче при подобной позиции, ее приняли за новую моду.

Если дом нуждался в ремонте, то главная отделка приходилась именно на гостиную, и порой на остальных комнатах вынуждены были экономить, не очень заботясь о качестве материала, ведь в спальни и на кухню гости никогда не заходили. Хозяева дома готовы были мириться с некоторым дискомфортом во имя об-

щественного мнения, от которого зависели и круг общения, и знакомство с нужными людьми. Их расположение могло обеспечить работой и комфортной жизнью, в то время как их неприязнь закрывала повсюду двери. Вся жизнь в викторианский период строилась во имя общественного мнения и ради него. Даже мебель в гостиную покупалась не ради удобства и комфорта жителей, а для оценки посетителями. Она выбиралась по принципу респектабельности, добропорядочности и соответствия позиции мужа, а не потому, что понравилась хозяевам. По той же причине и размер гостиной подчас был непропорционален спальням. Все жилые помещения в доме приносились в жертву передней комнате, по размеру которой гости могли подумать, что весь дом в целом гораздо больше, чем он был на самом деле.

Жилая комната, если таковая имелась в доме, являлась местом, где хозяйка проводила больше всего времени. Здесь она давала распоряжения слугам, писала письма, хранила свои счета. Здесь же принимала хороших, близких знакомых, родственников и друзей, здесь вышивала, рисовала, воспитывала детей и просто отдыхала, подремывая в кресле. В этой комнате висели тяжелые шторы, за которыми члены семьи могли укрыться от любопытных глаз, расслабиться и побыть наедине с собой.

Меньшего размера комната гораздо более уютная, чем гостиная. Мебель очень удобная с низкими, кривыми ножками, предлагавшая скорее прилечь, чем присесть. Здесь также преобладал женский вкус, в отличие от кабинета, который считался убежищем главы семьи. Все в мире устроено гармонично, говорилось тогда. В то время как мужчина уходит из дома, чтобы погрузиться в мир и деятельность публичной сферы, жена дома смотрит за сферой семейной. На самом деле дома являлись одновременно и частной стороной публичной жизни, и публичной стороной жизни частной. И если жесткие правила диктовали, что в гостиной не место домашним тапочкам и сигарам, то в жилой комна-

те домашние могли расслабиться и находиться в удобной для них одежде, а глава семьи мог раскурить там трубку. Обычно эта комната располагалась за гостиной, в задней части дома, и здесь отдыхала вся семья по вечерам.

Дома отапливались с помощью каминов, предусмотренных в каждой комнате. Их квадратные углубления в стене оформлялись либо красивой чугунной рамой с керамическими вставками, либо узорчатой плиткой. Над каминной полкой вешалось овальное зеркало, ставились подсвечники или скульптурки. По обе стороны от камина в стенах делались углубления для полочек, куда в зависимости от назначения комнаты ставились тома книг, дорогая посуда или дешевые безделушки. Эркерные окна гостиной, выступавшие красивым полукругом, в верхней части украшались цветным стеклом. На ночь они закрывались внутренними ставнями. Под подоконниками устраивали сиденья, повторявшие форму эркера, где любили читать, поглядывая, что делается на улице. Пол настился деревянный, крашенный, и в семьях с достатком на него клали ковер. Около камина пол выкладывался плиткой для пожаробезопасности, а перед камином ставился экран. По краям потолка шел рельефный бордюр, а в центре над люстрой находилась узорчатая розетка. Потолки были высокие, а средний размер комнат в городском доме не превышал 15—18 квадратных метров.

Личные покои. Напротив входной двери в дом находилась лестница с балюстрадой, ведущая на второй этаж в приватную часть.

Здесь размещались спальни и детские комнаты. Ванная комната, если таковая имелась в доме, располагалась на втором этаже рядом со спальнями, если ее не было, то горячая вода в цинковые купальни, ставившиеся рядом с камином, наносилась из кухни. В первой половине XIX века еще не был изобретен водой смываемый клозет, и поэтому земляной туалет строился в самой дальней части дома, а то и отдельно от него, во дворе. При этом члены семьи прибегали к уslugам ноч-

ных горшков, по очереди опорожняемых служанкой несколько раз за день.

«Если леди Энн была такой богатой женщиной, то почему она все еще пользовалась ночным горшком? Уже ведь были изобретены смывающиеся туалеты, так ведь?»

— О, безусловно! В нашем доме были все современные новшества. Туалеты, их изобрел мистер Крап, и ванны с холодной и горячей водой. Леди Энн, однако, очень не любила изменений. Мама немного подшучивала над ней, называя ее «Ваше старомодное Величество». На это леди Энн махала рукой и говорила о своих многочисленных двоюродных родственниках: «Уж доживу без электричеств и бегущей воды как-нибудь. Пусть об этом прислуга жалеет, а меня и так всё в моем доме устраивает. Вот умру, пусть после меня и меняют всё»».

Пяти-шестиметровая каморка горничной ютилась в пролете лестницы или на чердаке, а комнатка кухарки размещалась рядом с кухней. В начале викторианской эпохи большинство домов еще освещались с помощью свечей, хотя газ уже был проведен на многие улицы Лондона. Дома, где проживали молодые обеспеченные семьи, охотно переходили на газовое освещение, но люди постарше относились к нему опасно, боясь, что он взорвется или слуги отравят их ночью.

И на кухнях долгое время еще предпочитали разжигать печи углем. Даже в самом конце XIX века еще можно было встретить дома, хозяева которых отказались проводить у себя газ.

«Молли говорила, что хозяин, мистер Вуд, давно грозился поставить на кухню новую газовую плиту, но ей очень жалко расставаться со своей старой верной подружкой. Она всеми силами сопротивлялась этому, сетуя, что кухарка миссис Свон никак не может привыкнуть к новой газовой плите. Все-то у нее подгорает, выпечка получается плохо, и она ужасно боится, что внутри что-нибудь взорвется».

Люди неохотно перенимали новые веяния, предпочитая жить по старинке и не следовать моде. Роберт Эдис, дизайнер XIX века, писал в 1882 году: «Ничего

нет ужаснее, чем быть обреченным на жизнь в доме, отремонтированном по моде двадцатилетней давности. Скучные стены с кричащими обоями, или с еще более вульгарной подделкой шелка под муар, с букетиками цветов, завязанных позолоченными лентами. Красные шторы свешиваются с гигантских карнизов. Красные кресла, столы с красными покрывалами. Ковер, закрывавший всю комнату, кричащего цвета и рисунка, мебель жесткая до невозможности, огромное зеркало над камином в уродливой золоченой раме, и везде позолота, прилипшая, как летучая мышь».

Он очень хорошо передал викторианский стиль, который, несмотря на свою старомодность, продержался во многих домах до начала следующего века.

Из задних спален открывался вид на небольшой садик с подстриженной травкой, где все члены семьи любили посидеть в погожий день, и на двор, где находились все хозяйственные пристройки, такие как каретный сарай, амбары. Здесь же располагалась и мастерская.

Если хозяева имели собственный выезд, то они либо строили конюшню во дворе, либо держали лошадей в общественной конюшне, где для каждого дома, расположенного на данной улице, сдавались места для карет и стойла. Кучер и конюх жили в верхних комнатах над конюшней, являясь в своем роде и охраной для домохозяев.

Так выглядело жилище среднего класса, где одна семья, занимавшая такое строение, могла позволить себе иметь одну или нескольких служанок.

СЕМЬЯ

Большинство населения в викторианское время считало, что наивысшим достижением в жизни любой девушки было замужество. Считалось, что старая дева не выполнила своего предназначения перед Богом, ведь женщина была создана только для того, чтобы быть женой и матерью. Однако многие девушки невидной наружности никогда не получали предложений вступить в брак. К 1851 году в стране было 906 мужчин на каждую тысячу женщин, а через десять лет — только 879. В Шотландии статистика была еще хуже — только 769 мужчин приходилось на тысячу женщин. Крымская война, война с бурами, а также колоссальная эмиграция здорового мужского населения Британии в Америку и завоеванные колонии в поисках лучшей жизни приводили к тому, что многим девушкам просто не находилось женихов.

До 1823 года молодые люди и девушки, не достигшие двадцати одного года, не могли вступить в брак без разрешения родителей. Вот почему в «Гордости и предубеждении» Джейн Остин младшая сестра главной героини должна была совершить тайный побег с возлюбленным, поскольку она еще не достигла возраста, когда могла принимать решение о замужестве самостоятельно. После названной даты все изменилось, и молодые люди теперь могли жениться с четырнадца-

тилетнего возраста, а девушки — с двенадцати лет. И это при том, что в XIX веке люди вступали в брак единственный раз в жизни. Устраивали супруги друг друга в дальнейшем или нет, муж и жена оставались в браке, считая, что должны нести крест до конца. Разводы осуждались обществом и были очень редки. Если же семья распалась, то во всем винили жену, даже если муж был чудовищем и все об этом знали. Однако не только для женщин оставаться незамужней считалось плохо, мужчина с положением и не женившийся до определенного возраста, поначалу был желанным гостем в любом доме, где были девушки на выданье. Но если он не делал попытки посвататься ни к одной из них, общество подозревало, что, видимо, в нем какой-то изъян, и считало его неудачником. Достичь вершин по службе было гораздо легче женатому мужчине, чем холостому. Пока он не осядет, его не воспринимали всерьез и относились к нему как к переросшему юноше. Бедному молодому человеку было так же трудно жениться, как и девушке-бесприданнице.

В книге Гаскела «Руф» богатый мистер Брэдшоу перечислял достоинства жениха, которые он хотел бы видеть для своей дочери Эммы: «Он как раз нужного возраста, совмещающего снисходительное отеческое отношение с супружеской привязанностью... у него оставленный особняк, в удобной близости от нашего дома... и потом у него солидное состояние, в общем, он подходит во всех отношениях». Выбранный жених был ровней, что являлось также необходимым условием для брака, ведь женщины принимали не только фамилию мужа, но и его положение, поэтому выходить замуж «вниз» означало наряду с материальными трудностями осуждение и постоянные насмешки в обществе. Если мужчина входил в возраст и начинал присматривать себе жену, в первую очередь он должен был оценить свои финансовые возможности и перспективы для повышения по службе, чтобы понять, удовлетворят ли они родителей избранной им девушки. Если да, тогда он наблюдал, отвечает ли его избранница на знаки внимания. Показывать свою симпатию девушка должна была очень осторожно и деликатно, чтобы не ском-

прометировать себя. Как ни странно, но все эти действия чаще всего предпринимались молодыми еще до того, как они познакомились. Он мог обратиться на нее внимание в церкви или встретить на балу. Однако, согласно этикету, представление на балу не считалось настоящим и девушка могла, встретив на улице юношу, с которым она вчера отплясывала кадрили, скромно потупив глазки, пройти мимо и «не узнать». По правилам, незамеченный юноша не должен был обижаться или сердиться на нее за это. Тогда ему оставалось только найти способ, чтобы быть представленным ей как следует. Чаще всего это делалось через общих друзей, которые рекомендовали его родителям девушки. Если же общих знакомых не находилось, значит, это было признанием того, что данные семьи общественно несовместимы и идею нужно было бросить. Однако если он все же был представлен, то с этого момента мужчина должен был очень осторожно выстраивать отношения с семьей заинтересовавшей его девушки. Поначалу, упомянув о всех важных связях своей семьи и о своих перспективах по службе, он деликатно спрашивал, можно ли будет ему как-нибудь прийти еще раз. Если да, то довольно долгое время его посещения продолжались без какой-либо определенности в отношениях и без единого слова о важном предмете. Со своей избранницей они всегда виделись в присутствии либо замужней сестры, либо женатого брата девушки. За это время девушка приглядывалась к молодому человеку и отмечала положительные и отрицательные качества: заинтересован ли он в своем деле, сможет ли обеспечить ей достойную жизнь, отзывается ли он дурно о женщинах и о приятелях, регулярно ли ходит в церковь, есть ли nepозволительные привычки, посещает ли недостойные места?

«— Какая красивая девушка! — сказала, глядя на портрет, Аннушка. — Почему же она не вышла замуж? Не встретила достойного молодого человека?»

— Встретила, и даже день свадьбы был назначен, — остановилась на минуту Люси, — они поехали на венчание в Лондон в собор Святого Павла свадебным поездом с гостями и тридцатью слугами, мамина семья

была в числе приглашенных. Но, к сожалению, по дороге леди Энн передумала выходить замуж!

— Почему? — удивилась Аннушка. — Ее что, выдавали насильно, против воли?

— Нет-нет, отец ее обожал. Он позволял делать, что она захочет!

— Что, жених был нехорош?

— Нет, мама говорила, что леди Энн все завидовали, такой он был красавец! Галантен, умен, богат, мечта любой девушки!

— Почему же она передумала? — недоумевала Аннушка.

Люси глубоко вздохнула:

— Вам это покажется странным, но в мое время это была достаточная причина для того, чтобы брак не состоялся.

— Так что же?

— В дороге леди Энн выяснила, что ее жених не посещает церковь по воскресеньям».

Девушка также оценивала одежду воздыхателя и ее стиль: фатоватый, легкомысленный, неряшливый или эксцентричный. Он в свою очередь приглядывался к ней: выполняет ли она свои обязанности, уважительна ли к родителям и послушна их воле, добра и терпелива ли к братьям и сестрам, спокойный ли у нее характер, доброжелательна ли она к знакомым, нравится ли ей проводить время дома, или она все стремится на улицу к развлечениям. Если оказывалось, что она интересуется только новыми нарядами или, наоборот, не интересуется ими совсем, или флиртует охотно с мужчинами, раздражительна, сварлива, развязна и непостоянна, то на этой стадии отношений еще не поздно было повернуть назад. Претендент мог свободно и с достоинством выйти из этой ситуации и прекратить посещения дома девушки. Если же ему все нравилось в его избраннице, то он должен был поговорить уже серьезно о деле с ее отцом, а потом и с ней самой. Даже если между влюбленными все было оговорено, пока не было родительского на то разрешения, никаких решений не могло быть принято. Луиза Грегтон приняла предложение от своего будущего мужа, когда навещала

своих друзей в Оксфорде. В течение двух недель он не мог оставить своего колледжа и «до тех пор, пока он не увиделся с моим отцом, он полагал, что мы не можем считаться обрученными и не должны писать друг другу».

Если девушка хотела отказать претенденту на ее руку и сердце, то она должна была это делать очень деликатно, щадя его чувства. Если даже после отказа он продолжал писать ей и его письма были навязчивы и самонадеянны, тогда девушка отдавала их отцу, который и отвечал на них.

Родители играли очень большую роль в жизни взрослой дочери. На отце лежала ответственность за то, чтобы установить кредитоспособность будущего кавалера и его возможность повышения по службе, а мать через своих знакомых расспрашивала все, что известно о молодом человеке, устанавливала, одного ли он круга с ее дочерью, ровня ли он ей, и если ей нравилось то, что она слышала, тогда она создавала возможности для встреч молодых людей, иными словами, обеспечивала доступ к своей дочери, который всегда происходил в присутствии третьего лица, чаще всего *шашерон* — свахи.

Сваха была у каждой девушки высшего и среднего класса и вошедшей в возраст. Она могла быть рекомендована будущей невесте и в четырнадцать лет, и в восемнадцать. На возраст, в котором девушка вступала в свет уже не в подростковом наряде, а в белом, открытом платье, влияло также, вышли ли замуж ее старшие сестры. Если нет, то родители предпочитали не показывать ее, чтобы она не нашла себе избранника раньше их. На балах свахи при входе в зал моментально высчитывали, кто из молодых людей будет наиболее подходящим кандидатом для их подопечной, и, ведя непринужденную беседу с ним, незаметно подхваливали достоинства девушки, стараясь заинтересовать ею кавалера. Они также очень зорко следили за тем, чтобы девушка в своем желании понравиться не перешла утвержденных светом норм. Ни в коем случае не уединялась с кавалером в зимний сад или пустые залы, не открывала ему своих чувств, не смеялась громко и не старалась быть слишком заметной.

Для юных дев при встрече с молодыми людьми важнее всего было делать вид, что они не хотят особых отношений. В книге «Странная женщина» Моника Виддусон говорит о сестрах:

«— Они никогда не выйдут замуж!

— Почему? — не понимает ее муж. — Они довольно хороши.

— Да, но со стороны видно, что они хотят найти мужа!»

Это было одним из основных правил. Желания сдерживались, равнодушная маска служила достойным прикрытием, и мужчина стремился разглядеть, что же скрывалось за ней. Девушка, которая кокетничала и флиртowała, в XIX веке осуждалась почти наравне с теми, о ком говорили: «Она легкого поведения». Хотя весь грех ее сводился только лишь к тому, что она была весела, естественна и не скрывала своего интереса к противоположному полу.

Если же девушка была сиротой, как Эстер Самерсон из книги Чарлза Диккенса «Холодный дом», то в таком случае молодому человеку ничего не оставалось, как говорить о своих материальных возможностях и надеждах лично понравившейся ему девушке. Вот как это сделал мистер Гуппи: «Мое настоящее жалованье, мисс Самерсон, — два фунта в неделю. Когда я впервые имел счастье увидеть вас, оно было всего лишь фунт и пятнадцать шиллингов и довольно долго оставалось на этой цифре. Затем оно выросло на пять, и, как мне обещано, не пройдет и двенадцати месяцев, как оно поднимется еще на пять шиллингов (один фунт равен 20 шиллингам). У моей матери есть небольшая недвижимость, которая приносит ей ежегодно деньги за арендную плату. Кроме этого, она живет отдельно, хоть и довольно скромно. Она никогда ни во что не вмешивается и имеет легкий характер. Мое собственное жилище, которое я нанял в Пентоне, довольно скромно, но просторно. Мисс Самерсон, я заявляю вам самым нежным образом, что я вас обожаю! Будете ли вы столь добры позволить мне, как бы я сказал, объясниться в любви и сделать предложение!»

Юмор подобной ситуации в том, что конкретный и сухой текст, обычно предназначенный отцу, в данной ситуации произносится для самой избранницы. Предложение мистера Гуппи не было принято, так как его доход составлял только 104 фунта в год (при том, что он ожидал повышения до 117 фунтов). Клерк мог жениться, имея такие средства, но, к сожалению, он выбрал девушку, которая хоть и сама не имела средств, но рассчитывала найти себе мужа среди молодых людей среднего, а то и высшего класса. У нее были своя собственная горничная и дом, полный слуг, который содержался на деньги ее опекуна, доход которого составлял примерно тысячу фунтов в год. Обычно жена переезжала к мужу, и конечно же она хотела, чтобы ее новые условия жизни были ничуть не хуже, чем в родительском доме.

«Мы оставили Лондон и прибыли в Чарлкот на следующее утро. Уже были сумерки, когда мы проезжали через ворота парка. Все слуги вышли с факелами встречать нас. Пока мы выходили из кареты, все они прошли стройной линией в огромный старый холл, знавший Шекспира, и выстроились там в ряд, чтобы быть представленными своей новой молодой хозяйке. Как же я была смущена, когда столько глаз разглядывало меня, и как была рада убежать наверх и скрыться. Я не помню, как мы провели ночь, которая была волнительной для меня на чужом месте, а утром я обошла каждый угол и закуток огромного неуютного жилища, которое стало теперь мне моим новым домом. Утром все показалось иным. Холл, вероятно, был таким же, как и во времена великого писателя, с мощеным полом и с небольшими узкими панелями стекла на огромных, овальных окнах. Каждое из них скрипело и дребезжало, и везде было ужасно холодно и неуютно. Не то что сейчас, после того как я побудила моего мужа взяться за приведение его в порядок», — делилась впечатлениями о новом жилище в своем дневнике молодая жена Мари Элизабет Люси.

Она сама была из аристократической семьи, и ее муж мистер Люси вел свою родословную от Вильгельма Завоевателя. Но даже такой богатый человек, приво-

дя свой старый дом в порядок, не учел вкусов будущей жены, а большинство женихов часто не имели на это средств. Итак, в то время как невеста беспокоилась о своем приданом, а также приданом для дома (на чем спать, на чем есть и т. д.), обязанность жениха была снять хороший дом и обставить его. Иметь собственный дом — мечта любой новой пары. Но позволить себе это могли далеко не многие. Большая часть населения среднего города жила либо вместе с семьей жениха, где, в лучшем случае, им выделялись отдельное крыло дома или хотя бы комната. Четверть англичан снимали недорогую квартиру, и только двадцать с небольшим процентов населения имело собственные дома (от очень маленьких до громадных особняков). Появление детей заставляло молодую семью искать любые возможности, чтобы отделиться и «зажить собственным умом».

Чем богаче была семья невесты, тем меньше девушка была вовлечена в домашний труд. Поскольку невинность в девушках ценилась очень высоко, а неопытность поощрялась, то, выйдя замуж, бедняги оказывались в полной неосведомленности о жизни и ведении домашнего хозяйства. Они понятия не имели, как готовить, и если в новом доме не было кухарки, то накормить мужа представляло для них настоящее испытание.

«Просмотрев несколько книг с рецептами, я была в отчаянии, так как совершенно не знала, как воспользоваться ни одним из их советов!» Белла Вилтер из «Нашего общего друга» сразу после замужества была вынуждена обращаться за советом и поддержкой к книге «Полное британское домоводство». В любой кризисной ситуации Белла швыряла книгу со словами: «О ты, старая, жалкая вещь! И что ты под этим имеешь в виду!» Если собственный опыт не включал в себя домашней работы, то отталкиваться при чтении подобного руководства было не от чего. Если в доме не было слуг, то молодая хозяйка волею неволей училась всему, что должна была знать жена. Все свое время до рождения ребенка она посвящала уборке, готовке, закупке продуктов, штопанию, стирке, глажке и т. д. Если же слуги в доме были, то, по рекомендац-

ям миссис Битон, день замужней женщины должен быть занят нанесением утренних визитов, приемом гостей, присматриванием за горничными и кухаркой, общением с детьми. Однако многие женщины работали дома наравне со слугами, а то и больше их.

Остановясь в доме семьи Риверс, Джен Эйр, героиня книги Шарлотты Бронте, заметила: «...несмотря на то что я была счастлива остановиться у Муров, я там много работала, так же как и слуги. Она была очарована, видя, как я мою, подметаю, вытираю пыль и готовлю».

Многие обеспеченные дамы трудились по дому наравне со своими слугами. Джейн Карлейл — одна из известных в викторианское время леди, готовила завтрак, убирала кровать, красила ворота. Когда ее обоим строители забрызгали штукатуркой, она оттирала их, не позволяя делать эту работу горничной. Несмотря на эти геркулесовы труды, она сказала своей кухне на следующий год, что «собирается рассчитать свою служанку, поскольку она стала глуха и не слышит, когда звонят в дверь. Мне приходится разыскивать ее по всему дому, чтобы она открыла пришедшим».

В конце концов были вещи, до которых даже трудолюбивые леди не могли опуститься. Большинство женщин, подобно Джейн Карлейл, много работали в доме. Они мыли окна, лампы, свежевали кроликов, заготавливали овощи и фрукты на зиму, шили занавески и одежду для близких, ремонтировали ботинки и даже принимали участие в ремонте дома. Они делали такую работу, которую по современным представлениям леди не должны были делать. Однако в то время было не принято говорить о том, что они много работали, поскольку это роняло их в глазах общественности. Признание в этом означало, что они не могут себе позволить нанять столько слуг по дому, чтобы не трудиться. Поэтому книги викторианского периода, показывая идеальную сторону жизни вымышленных героев и героинь, не стремились передать действительность. Иначе довольно трудно понять, как при праздной жизни, которую они вели, согласно викторианским книгам, их дом был столь удобен и комфортен для жизни. Мужчины считали: оттого что дом так удобен, женщины и

предпочитают проводить в нем свое время, а женщины на самом деле подчас думали совсем иначе.

Эдмонд Виддоусон из книги Гиссинга «Странная женщина» был уверен, что такая привязанность к дому должна быть присуща каждой достойной женщине, и если она не обладала этим бесценным, по его мнению, качеством, то должна была постоянно работать над собой. Эмоции в женщинах считались большим минусом. Большинство описанных Диккенсом героинь, поддавшись своим чувствам, обычно плохо кончали. Так было с миссис Уэйд из «Крошки Доррит», и леди Дэдлок из «Холодного дома», и со второй миссис Домби из «Домби и сына». Все они либо лишились дома, либо жизни. Общество отнеслось к ним непримиримо и отвернулось от них. Сам Диккенс, по воспоминаниям его дочери, своей собственной жене никогда не разрешал ни выразить своего мнения, ни показать своих чувств.

В своем произведении «Венок из маргариток» английская писательница Шарлотта Мэри Йондж поет хвалебную песнь молодой гувернантке, которая поняла, что задумываться о собственных чувствах — прямая дорога к тому, чтобы быть несчастной. Она написала в своем дневнике: «Мне было очень тяжело в возрасте между двенадцатью и двадцатью четырьмя годами. Я так сильно чувствовала несправедливость, что должна была практически убить себя в себе... замкнувшись, закрыть лучшую часть в холодный железный ящик и сохранить собственную душу в молчании». К счастью, большинство женщин не относились к подавлению собственных чувств как к своего рода самоубийству. Сдержанность расценивалась как положительное, похвальное качество, ведь с детства девочки приучались на первое место ставить свои обязанности по уходу за членами семьи и потом уже за собой.

С замужеством женщина обретала свой собственный дом, уверенность в себе, уважение окружающих и признание в обществе. Даже в кругу собственной семьи — среди родителей, сестер и братьев — она имела свой голос, только выйдя замуж. Не было хуже доли, чем жизнь старой девы, которая всегда являлась приживал-

кой то в доме собственных родителей, то братьев и сестер. Никто не считался с ее мнением, слуги приносили ей еду последней, жены братьев строили ей козни, мужа сестер относились к ней как к лишнему рту. В обществе от нее сначала чего-то ждали, затем презирали за неудачу, посмеиваясь за ее спиной, а потом просто не замечали. Если девушка отказывала первому претенденту на ее руку из-за того, что он был уродлив, стар, имел дурной характер или отвратительные привычки, от него плохо пахло или были физические увечья, но при этом мог обеспечить семью, регулярно посещал церковь, то бедняжка осуждалась обществом и родителями. И если другого претендента на ее руку не находилось, то до конца жизни ото всех она слышала укоры: «Мистер Н. был таким достойным человеком, и если бы ты ему не отказала, то жила бы сейчас припеваючи! Хотя к этому времени он, должно быть, уже почил и ты была бы полной хозяйкой всему его состоянию! Говорили тебе, не слушала! Не люблю, мол! Сиди теперь, всем-то в тягость, всем-то обуза!»

Любая женщина знала, что ее ожидало в будущем, если она не находила себе мужа. Ее жизнь была подобной той, которую описал в «Старых женах» Арнолд Беннетт. «Бедная вторая кузина Джона Байнеса, одна из тех жалких родственниц, которые очень часто делают жизнь невыносимой для известных семей в маленьких городах. Одно существование тети Марии, после того как в течение столького времени она была испытанием для всех, через двенадцать лет трансформировалось во что-то совершенно необходимое. Это случилось после того, как Джона Байнеса хватил удар и его парализовало. Маленькая, сморщенная женщина способна была сидеть по двенадцать часов в день около постели больного и следовать неукоснительно самому строгому режиму».

Если женщине не удавалось прожить свою жизнь ради детей или мужа, то от нее ожидалось, что она станет либо сиделкой, как в описанном случае, либо воспитательницей детей родственников, либо рабочими руками в хозяйствах сестер и братьев. За всю свою преданность и заботу она не слышала благодарности, на-

оборот, всю свою жизнь она как бы расплачивалась за кусок хлеба, который получала в чужом доме. Родители, имевшие дочерей, испытывали постоянную заботу о том, чтобы выдать их замуж, следуя при этом очередности. Младшая не смела выйти замуж вперед старшей. Помните в «Гордости и предубеждении» Джейн Остин, как Лиси была страшно горда, что утерла нос Элизабет, убежав с любовником и позже обвенчавшись с ним? Подобный поступок сразу же ставил под удар шансы остальных сестер. Никто не хотел бы связывать себя с семьей, где дочери не повинуются отцу и чернят свою репутацию. Когда в семье было несколько девушек на выданье, родители не могли себе позволить прислушиваться к голосу сердца каждой из них. Они были озабочены только тем, чтобы, выдав очередную дочь замуж, освободить дорогу для следующей. Довольно часто они желали, чтобы одна девочка (чаще всего младшая дочь) оставалась дома и ухаживала за ними в старости. Эта традиция сохранилась с древности, когда детей в семье было очень много. Мод Беркели была самой младшей из девятерых детей, и когда в возрасте тридцати двух лет она решила выйти замуж, ее родители были очень огорчены этим. Они противились этому браку совсем не потому, что им не нравился избранник их дочери, он был из хорошей семьи и являлся племянником архиепископа, но отец невесты заявил: «Кто же теперь будет читать мне по вечерам! Любовь родителей к своим детям гораздо сильнее, чем между мужем и женой. Любовники остывают друг к другу, муж начинает ненавидеть свою жену, и только родительская любовь уходит с их последним вздохом!»

Беатриса Поттер — замечательная детская писательница викторианского периода, до сих пор с удовольствием читаемая всеми возрастами Британии, оказалась точно в такой же ситуации и вышла замуж против воли родителей, когда ей было за сорок. В своих дневниках она описывала, как проводила время в родительском доме. Она начала вести их еще с юности, и если девочки XXI века предпочитают общество подружек общению с родственниками, Беатриса не упоминает в своих записках ни об одной из них, только кузенов и дальних

родственниц. Это было типично для молодежи: все свое время проводить в обществе взрослых. Викторианцы считали такое воспитание более подходящим для дочерей высшего и среднего класса, поскольку в таком случае они не имели возможности набраться глупых и опасных мыслей, присущих молодости, и попасть под дурное влияние. С тридцати до сорока с лишним лет Беатриса жила, заучивая наизусть шекспировского «Ричарда III» и «Генриха IV». Ее деятельный ум требовал самовыражения и наконец вырвался на волю, обернувшись великолепными рассказами для детей о животных, в которых последние вели себя, как люди из общества. Придя к выводу, что она больше не может выносить своего положения, Беатриса подошла к замужеству как к практической сделке, при которой, как она сама писала: «...каждый получил, что хотел: муж — домоправительницу и компаньонку, а я — детей и хозяйство в управление».

Чуть позже у нее появилась возможность наблюдать за неравным браком ее племянницы с небогатым капитаном. «Не то чтобы я считаю, что деньги — самое ценное в жизни, слишком много их в одних руках — это зло, но когда их слишком мало, жизнь становится кислой. Как девушка, привыкшая одеваться, как Кэти, сможет прожить на 350 фунтов в год, которые берутся из ее приданого в десять тысяч! Любовь в коттедже очень романтична, но обе стороны должны быть приятны друг другу, а это может быть только тогда, когда у них есть все, что им нужно, иначе жизнь становится невыносимой».

На самом деле браки вопреки воле родителей случались очень редко. Дети, особенно девочки, находились под полным контролем отца.

«Папа послал за мной и сказал, что мистер Люси Чарлкот просит моей руки. Я упала на колени и молила отказать ему, говоря, что не хочу и не могу любить его. Папа не слушал меня и настаивал на моем согласии. Так что все мои слезы были напрасны. Я выросла в послушании и привыкла подчиняться родителям во всем, и хотя я очень любила своего отца, я также очень боялась его послушаться! Я не могла даже подумать о

том, чтобы нарушить его волю! Я пошла в библиотеку, где меня ждал мистер Люси, который там же попросил меня стать его женой. Я была так взволнована, что не помню... как я бежала наверх к моей дорогой мамочке, чтобы рассказать ей обо всем и выплакаться на ее коленях. Она поцеловала меня и постаралась успокоить, сказав: «Моя дорогая девочка! Любовь придет позже, когда ты, наконец, разглядишь все прекрасные качества мистера Люси!» Так и случилось. Позже», — писала в своих воспоминаниях Мэри Элизабет Люси — богатая женщина, прожившая очень долгую и насыщенную жизнь и сохранившая в своих дневниках драгоценные свидетельства событий и уклада викторианского периода.

В двадцать лет девушки должны были спрашивать разрешения у матери, прежде чем написать письмо своим знакомым. Лаура Фостер упоминала в своих дневниках о своей полной изоляции от внешнего мира. Ее семья редко выходила в свет, и мать считала, что дети должны быть вполне счастливы, находясь все время в собственном доме: «Я не помню, чтобы мы видели кого-нибудь кроме священника нашего прихода. Все знакомые, не находившиеся в родственной связи с нами, рассматривались матерью как зло, и в пример все время ставилась дочь Аделаида, которая была очень привязана к семье, в то время как остальные предпочитали посторонних».

В таких условиях даже привлекательным девушкам было довольно трудно встретить будущих мужей. По этой причине, с точки зрения родителей, самым лучшим браком считался тот, когда отец невесты сам выбирал ей жениха.

«Он тебе противен сейчас, ты испытываешь к нему отвращение, это вполне понятно, — убеждала Шарлотта Бронте свою подругу Элен Ниссей. — Но ты должна помнить, что ты его совсем не знаешь. И потом, мне кажется, что ты никогда не полюбишь никого до свадьбы. После того как церемония закончится и все устроится, ты начнешь привыкать к этому существу.. и вполне возможно, что ты станешь ласковой и привязанной женой, даже если индивидуум не оправдает всех твоих ожиданий».

Во всех книгах этого периода рисуется образ идеальной женщины, которая каждый раз, когда ей приходили в голову мысли о том, что муж невнимателен к ней и проводит все свободное время в клубе или бог знает где, вместо того чтобы чувствовать обиду, должна была, глубоко вздохнув и отогнав неправильные мысли, подумать: «Главная моя задача — сделать всех в доме счастливыми!»

Безусловно, в этом была разумная сторона. Избавляясь от мыслей, которые не могли ничего изменить, но привели бы их обладательниц в состояние крайнего расстройства, они концентрировались на деле, и все в семье вновь становилось на свои места. К сожалению, мир устроен так, что всегда кто-то кем-то пользуется и кто-то приносит себя в жертву. В викторианской Англии последними являлись женщины, которые, что было самым замечательным, в большинстве случаев жертвами себя не ощущали. Недаром в книге по этикету на самом видном месте находился совет о том, что не следует много читать. Зачем нужна умная жена, если муж все равно не желал выслушивать ее мнение! В «Ежедневных рекомендациях для леди» и в «Друге и наставнике молодой женщины» писалось: «Воздержание, терпение, согласие, когда не согласны, ради мира в семье, способность поступаться своими мнениями и желаниями и всем, что вы считаете своим!» А в «Советах женам» прямо говорилось: «Ваша главная установка — не раздражать!» Воистину XIX век — это был земной рай для мужчин!

Кто в даме хозяин?

В XIX веке джентльмены еще продолжали оставаться в первую очередь помещиками. При этом почти все они держали акции и имели свои интересы в производстве. С детства они приучались к исполнению обязанностей в местном суде, в приходе, в благотворительных организациях, в дворянских собраниях. Многие состояли офицерами в местных полках. Более именитые служили членами парламента, дипломатами и министрами, в то время как другие становились ди-

ректорами компаний, частных школ, юристами или писателями. Оскар Уайльд — гений этюдов, подсмотренных в свете, красочно и очень метко описал общество, в частности, в своей комедии «Как важно быть серьезным».

Леди Брэкнелл. Вы можете присесть, мистер Ворфинг.

Джек. Спасибо, леди Брэкнелл, но я предпочитаю разговаривать стоя.

Леди Брэкнелл. Я чувствую себя обязанной сказать вам, что вас нет в моем списке выгодных женихов, однако я готова включить ваше имя, если вы ответите на вопросы любящей матери. Вы курите?

Джек. Я боюсь, что да!

Леди Брэкнелл. Рада это слышать! Мужчина должен иметь какое-нибудь занятие! В Лондоне и так слишком много бездельников!»

Кандидатуры женихов для своих дочерей родители подбирали сами, основываясь в основном на титуле и благосостоянии молодого человека.

Леди Брэкнелл. Какой у вас доход?

Джек. Между семью и восемью тысячами в год.

Леди Брэкнелл (записывает к себе в книжечку). Что ж. Это удовлетворительно.

Джек. Также у меня дом и конечно же имение, приблизительно 1500 акров.

Леди Брэкнелл. Дом в имении! Сколько спален? Хотя этот вопрос можно прояснить и позднее. Я надеюсь, что у вас есть и дом в Лондоне? Не можете же вы ожидать, что такая простая и неиспорченная девушка, как Гвендолен, будет жить в деревне?

Джек. У меня есть дом в районе Белгрэйв-сквер, но он сдан сейчас леди Блоксхейм. Конечно, я могу расторгнуть наше соглашение, предупредив ее за полгода.

Леди Брэкнелл. Какой номер дома в Белгрэйв-сквер?

Джек. Сто сорок девять.

Леди Брэкнелл (качает головой). Немодная сторона улицы... Однако это поправимо».

Викторианцы считали, что минимальная сумма, нужная джентльмену для жизни, должна составлять тысячу фунтов в год, и черпалась она из имения в тысячу

акров. Из пятнадцатимиллионного населения Британии в первой половине XIX века было всего 700 семей такого уровня, включая двадцать с лишним князей. Однако титул в семье переходил только к старшему сыну, а его младшие братья были вынуждены сами строить свое будущее, идти в профессию, как тогда говорилось, или служить Господу. Иногда они получали от семьи небольшое содержание, которое было включено в завещание или милостиво предоставлено старшим братом, а иногда были его лишены. Как девушке без приданого было очень трудно выйти замуж, так младшие сыновья в аристократических семьях довольно часто оставались неженатыми, если их деловые качества не позволяли им сколотить себе состояние.

Если же родители были удовлетворены выбором дочери или сына и образовывалась счастливая семья, то и в этом случае муж большую часть времени проводил в компании своих друзей, с которыми встречался ежедневно в мужском клубе, куда не допускались женщины. Его валет — личный слуга, который мог быть в одном лице и камердинером, и дворецким, ходил при этом в другой клуб — для верхней, мужской прислуги.

Авторитет главы семьи и дома в это время оставался непререкаемым, и даже если некоторые решения хозяйина были абсурдны, а иногда и губительны для семьи, никто не мог перечить ему. Жена не могла возразить, даже вставая на защиту собственных детей, и возможно потому, что решения в парламенте принимались мужчинами, которые были далеки от дел своих домоладцев, младшие сыновья часто не имели ни копейки денег, а дочери мучились в замужестве за человеком, внушавшим отвращение, а порой и ужас. Дети боялись отца как огня, и самой страшной угрозой было: «Папе будет рассказано о твоих проказах!»

В России дети называли родителей на «вы», в Англии, где нет деления в обращении, в разговоре с отцом дети добавляли в конце «сэр», что показывало уважение. Перед сном они подходили к нему и целовали руку, в то время как маму могли поцеловать в щеку. Отцовские решения не обсуждались, и на материнское посредничество рассчитывали только в крайних случаях.

В 1854 году английский поэт Ковентри Пэтмор написал поэму «Ангел в доме», где нарисовал образ идеальной жены. Это произведение сразу стало таким популярным, что любую женщину сравнивали с героиней поэмы. Она была необыкновенно симпатична, обладала огромным обаянием, в ней абсолютно отсутствовал эгоизм. Ее повседневные жертвы в пользу семьи заключались в мелочах. Если в комнате был сквозняк, то она садилась в то место, где дуло, оберегая мужа и детей, просила горничную лучшие куски отдавать близким, ограничивала себя во всем и каждую минуту заботилась о том, чтобы всем вокруг нее было хорошо.

Имидж такой женщины родился не случайно и имел глубокие корни, недаром до XIX века сохранился обычай класть девочек в колыбель, сделанную из податливой липы, а мальчиков — из крепкого дуба. От будущей леди ожидалось, что она будет послушна отцу, а затем мужу, требовательной со слугами и строгой с детьми. Журналист «Субботнего обзора» написал в 1867 году: «Каждый мужчина надеется найти такую спутницу жизни, которая его интересы принимала бы за свои собственные, которая, пока муж трудится на благо семьи, создавала бы для него дома уют и покой, не отвлекая его воспитанием детей, домашними заботами, разбирательствами со слугами. Супругу, которая была бы ему другом и партнером во всем, но при этом — никогда его соперником».

Кроме того, с женитьбой мужчина мог решить вопрос своего благосостояния, поскольку после акта 1833 года все движимое и недвижимое имущество жены переходило мужу и она не могла им распоряжаться даже после его смерти. С этой точки зрения ухаживания за девушкой очень часто были вызваны не ее прелестями и качествами характера, а ее приданым. В этом вопросе не деликатничали. После того как поступало предложение от жениха, родители будущей невесты «выкладывали все карты на стол», объясняя в деталях, где, что и в каком количестве он может получить за их дочь. И после того как девушка давала согласие на брак, обратной дороги уже практически не было, так как жених в своих мыслях уже считал себя хозяином всех принадле-

жавших ей владений. Сын обедневших аристократов очень часто женился на дочери богатого промышленника, поскольку его титул вынуждал его найти пару, которая бы позволила ему вести образ жизни, соответствующий его положению. В свою очередь отец невесты, благодаря знатному зятю, получал возможность вращаться в кругах, куда ранее ему были закрыты все дороги. В представлении мужчин обязанности жен заключались в том, чтобы освобождать их головы от домашних проблем, в то время как они добывали необходимое для дома. В журнале «Панч» в это время печатаются такие высказывания молодых женщин: «Я не верю в другое предназначение, кроме как быть хранительницей очага!», «У меня нет других чувств и желаний, кроме как сделать моего мужа счастливым!», «Кто я и что я без моей семьи? Меня просто нет!»

В женщинах воспитывалось уважение к будущему супругу с детства. Часто дочь не могла пожаловаться матери, что была несчастлива в браке, потому что родители осудили бы ее, даже если бы и пожалели. Было принято к женщинам относиться снисходительно, прощая им слабости и недостатки, но не признавая таковых за собой. Рассказывать же своим друзьям о проблемах в семье считалось недостойным джентльмена. Образ хозяина дома, внешне сурового и молчаливого со всеми, менялся только в клубе или на охоте, в обществе равных.

В то время как джентльмены были заняты важными делами, их жены управляли домом и детьми, приглядывали за слугами. Леди должна была уметь в любое время хорошо принять многочисленных и частых гостей любого уровня и быть обворожительной собеседницей в компании и прекрасной партнершей на балах и приемах. Все важные решения о судьбе членов семьи и крупных материальных вложениях принадлежали мужчине, и не всегда мнение жены влияло на них. Он же выслушивал доклады управляющего имением, главного садовника, дворецкого. Часто утром, когда вставала жена, мужа уже не было дома, и по оставленной записке она знала, ожидать его к обеду или нет. После утреннего туалета и завтрака ее и детей хозяйка встре-

чалась с кухаркой, обсуждая меню на день вперед, а если ожидалась гости, то также меню для приема. Затем слушала отчет домоправительницы, которая следила за женской прислугой, и обходила дом, чтобы убедиться, что все в работе соответствовало заведенному порядку. Раздав необходимые указания и закончив с утренними заботами, леди, если не ожидала никого к себе в гости, отправлялась за покупками или с визитами к знакомым. К приезду мужа она возвращалась, и далее все ее внимание было направлено на ухаживание за ним и общение с детьми. Конечно, в ее обязанности входили также подготовка к приемам и балам, к пикникам на природе, закупка подарков для членов семьи, родственников и слуг, хлопоты о нарядах, посещение портних и больных родственников, участие в благотворительных акциях. В пять часов во всей Англии пили чай. Обычай этот был очень распространен, но не касался бедных семей, в которых даже на спитый чай не было денег. Семья в полном составе обычно собиралась за едой. Отец сидел во главе стола, мама напротив него, дети по левую и правую руку. Молитву перед приемом пищи произносил либо старейший в семье, либо кто-то из младших детей. В обеспеченных семьях к ужину или обеду часто приглашались гости. Ужин оглашался ударом гонга и накрывался ровно в шесть или семь часов вечера. Начинался он с супа, затем подавалось мясо с овощами, а в конце — пудинг или сыр. После еды вся семья собиралась вместе, чтобы читать вслух, играть в настольные игры, обсуждать, что произошло в течение дня. В богатых семьях музицировали. Очень развиты были дружеские розыгрыши, домашний театр, вокальное пение.

Семья и деньги

Когда женщина выходила замуж, все ее имущество, включая дом, поместье и личные вещи, отходило к мужу. Этот закон существовал до 1882 года.

После обручения Джанет Маршалл с офицером медицинской службы, занимавшим хорошую должность

в министерстве, она обсуждала с ним свои финансовые возможности. Его доход составлял тысячу фунтов в год, и он планировал сэкономить от этой суммы триста фунтов. Она, в свою очередь, при таком же доходе от приданого могла сохранить только пятьдесят, которые намеревалась истратить на свою одежду и безделушки для нового дома. Когда жених воскликнул, что не представляет, как можно столько денег истратить на наряды, она засмеялась:

«— Не волнуйся, дорогой, у тебя будет жена, которая всегда будет прекрасно одеваться, только не будет тратить много на портных, а будет почти все туалеты шить сама.

— Значит, мы все же сможем сэкономить триста фунтов в год?

— Двести семьдесят пять!»

Пенсий в это время не платили, и о старости необходимо было заботиться в юности. Если рождались дети, то тем более родители стремились оставить для них средства на случай собственной ранней кончины.

Кэти Томас, дочь баптистского священника, жившая в маленьком городке, была не так удачлива со своим женихом. Ее сестра Сара отметила в своем дневнике, что когда священник соседнего прихода заглянул к ним в дом, то он не мог говорить ни о чем, кроме как о Кэти. Он признался, что хотел бы видеть ее своей женой, однако после расспросов понял, что у него нет достаточно средств, чтобы жениться на ней. И вот Кэти, которой он так и не осмелился сделать предложение, осталась в старых девах вместе со своей сестрой. И все же они считали, что лучше быть не замужем, чем в женах за бедняком.

В книге Джорджа Киссинга «Новая улица Крабов» Эдуин Риардон и его жена Эмма снимали очень дорогую квартиру рядом с Риджентс-парком. Средств катастрофически не хватало, нужно было принимать какое-то решение, и Эдуин предложил снять скромную квартиру в другом, менее фешенебельном месте. Это была прямая дорога к падению, поскольку переезд в дешевый район немедленно ставил их на низшую ступень среднего класса, о чем становилось известно в

свете, и многие знакомства были бы потеряны. Эмма настойчиво возражала: «Ты уверял, что любишь меня, и я постаралась этому поверить. Но, говоря это, ты двигаешь меня все ближе к нужде и делаешь несчастной, поскольку я абсолютно ненавижу быть бедной!»

В завершение она отвергает его: «У тебя была возможность сделать попытку и спасти нас от падения. Ты ею не воспользовался и предпочитаешь тащить меня за собой вниз в эту жалкую жизнь. Я не могу и не хочу следовать за тобой!» Она вернулась к матери, что было встречено с сочувствием в ее кругу среди людей, которые считали, что лучше такой путь, чем потеря статуса.

Если до 1833 года вдова имела доход от третьей части земли мужа (и своего бывшего приданого), на который она могла прожить сама и прокормить детей после смерти мужа, то большую часть правления Виктории женщина была абсолютно бесправна при жизни мужа и после его смерти. Очень важно было правильно составить, как бы мы сейчас назвали, брачный контракт. Обычно этим занимался отец невесты с нанятыми адвокатами. Важным соглашением являлись: *jointure* — документ, по которому жена получала право распоряжаться значительной частью имущества после смерти мужа; *portions* — деньги на детей и *pin money* (дословно деньги на булавки) — очень маленькая сумма, выдаваемая жене ежегодно на разные мелочи. К сожалению, чем аристократичнее была семья, из которой вышла невеста, тем меньше здесь наблюдалось знания реальной жизни. Если отец невесты, рассчитывая на порядочность будущего зятя, или по незнанию законов, не подписывал эти три документа перед свадьбой, то он обрекал свою дочь на абсолютную зависимость от мужа при его жизни и нищету после его смерти. Если же это был деловой человек, то тогда он мог отвоевать права для своей дочери, ведь иначе все, что до свадьбы принадлежало ей, становилось собственностью мужа. Если последний хотел промотать все состояние, то жена не могла этому противиться, и ей ничего не оставалось делать, как готовиться к тому, что однажды она вместе с детьми лишится всего, даже дома, и будет вынуждена пойти по миру. Поэтому, если отец не-

Дворецкий удостоверился, что вино было отменного качества.

Королева Виктория
и принц Альберт.
Лондон. 1861 г.

Кувшин с портретами
Виктории и Альберта,
изготовленный в качестве
одного из памятных подарков
к королевской свадьбе. *1840 г.*

Эдуард, принц Уэльский,
старший сын
королевы Виктории.

Очки и футляр для них
с вензелем королевы Виктории.

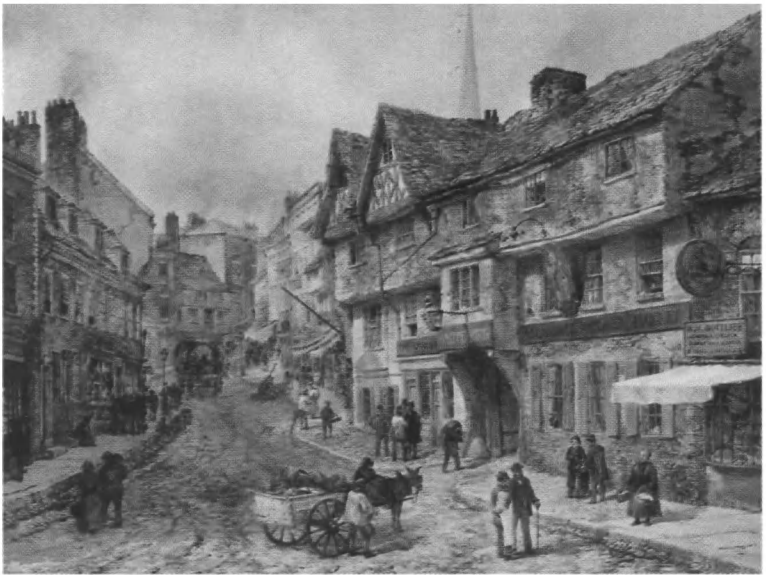

Королева Виктория.
Портрет работы
Ф. К. Винтерхальтера.
1842 г.

Королева Виктория
среди детей и внуков.

Улица Уайл Коп в Шрусбери. Акварель Л. Рейнер. Вторая половина XIX в.

Кеб на улице Лондона. 1907 г.

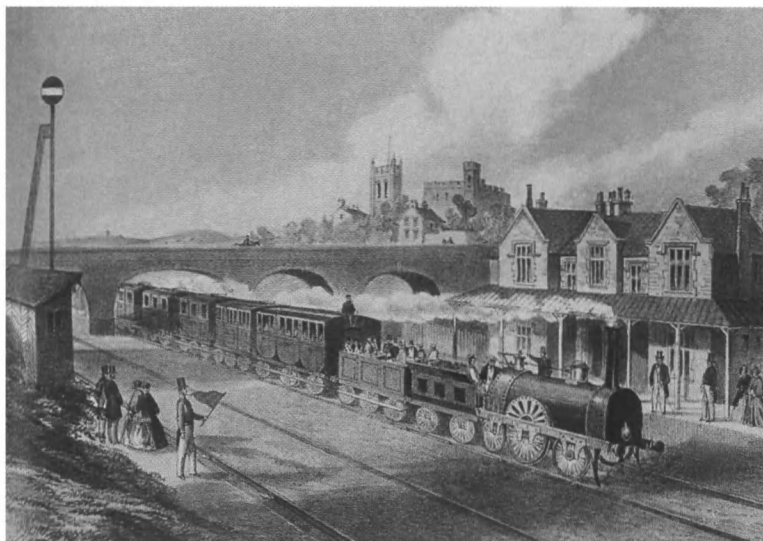

В омнибусе. Художник Дж. У. Джой. 1895 г.

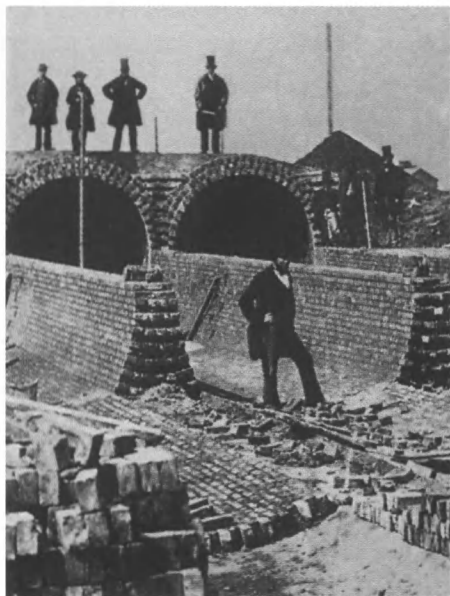
Лондон. Флит-стрит. Начало XX в.

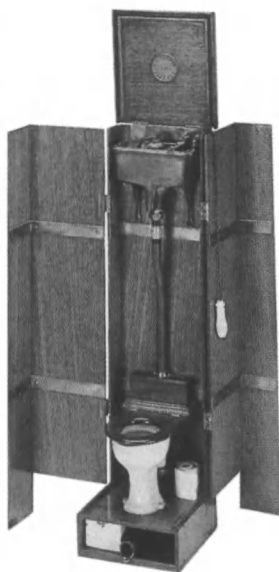

Железнодорожная станция в Англии середины XIX века.

Строительство канализационного коллектора. 1860-е гг.

Смывной туалет. XIX в.

Прибытие
«Грейт Истерн»
в порт Нью-Йорка.
Художник М. Миерс.

Исамбар Брюнель
рядом с цепью,
предназначенной
для спуска на воду
корабля «Грейт Истерн».
1857 г.

Популярность: звезды эдуардианского мюзик-холла. 1901—1903 гг.

Уличный грабёж.

На страже
общественного порядка.

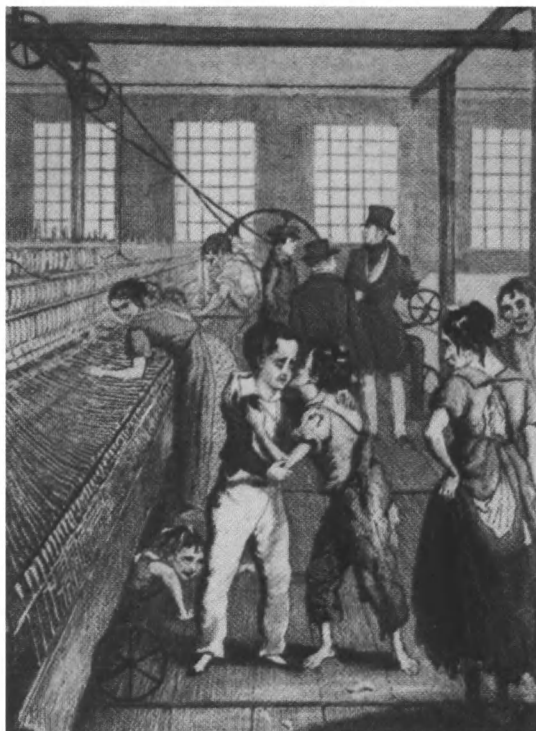

Преступник
и полицейский.

Свидание
с заключенным
в викторианской
тюрьме.

Женщины и дети
на английской
фабрике.

В небогатой семье.
Отец утешает
свою смертельно
больную дочь.

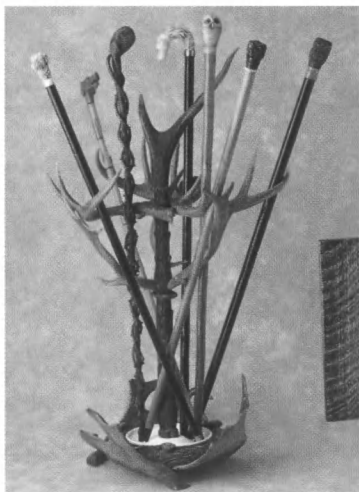

Уличный торговец.

Рынок в Ковент-Гарден.
1905 г.

Подставка для зонтов и тростей.
Англия. Конец XIX в.

Дубовый с серебряными накладками
ящичек для хранения табака
и трубок. Англия. 1880 г.

Кабинет и библиотека. Музей Города Нью-Йорка. 1899 г.

Ночная ваза. Англия. 1880 г.

Кувшин и тазик для умывания.
Англия. 1870 г.

Спальня.
Музей Города Нью-Йорка. 1904 г.

Священник Роберт Уолкер, катающийся на коньках на озере Даддингстон. Художник Г. Рейнберн. Первая половина XIX в.

весты был далек от практической жизни (что случилось очень часто), тогда дочери его ничего не оставалось, как день и ночь молиться о здоровье своего мужа, каким бы негодяем, тираном и мошенником он ни был. Иначе с его смертью для нее наступал момент, когда ей не только нечем было кормить детей, но и негде было жить.

В 1857 году был утвержден закон, разрешавший парам разводиться, не дожидаясь акта парламента. Женщина могла развестись с мужем, если у нее появлялись доказательства о его прелюбодеянии, двоеженстве, кровосмешении или жестокости. Мужчине же достаточно было доказать, что его жена ему изменила. Этот закон впервые давал женщинам, покинутым или живущим отдельно от своих мужей, какие-то права на недвижимость, принадлежавшую им до замужества. А в 1870 году был принят акт, позволявший женщинам удерживать в свою пользу деньги, принадлежавшие им в девичестве. В 1873 году разведенкам было позволено видеться с детьми, если последние принадлежали к возрастной группе от семи лет до шестнадцати.

В 1878 году женщинам разрешили опеку над детьми возраста до десяти лет, если муж был осужден и находился в тюрьме.

В 1882 году поблажки также были сделаны в пользу замужних женщин, разрешая им самим продавать свою недвижимость. В том же году английским парламентом был принят «Закон о собственности замужних женщин». Женам было предоставлено право вступать в договоры по поводу этой собственности, право завещать ее. Это позволило им оставлять наследство своим детям, а с 1886 года получать содержание от мужа и оформлять опекунство над собственными детьми в случае его смерти. И только в 1925 году матери наконец получили равные с отцами права на своих детей.

Приведенные выше законы и акты доказывают, насколько несправедливым и бесправным было положение женщины в семье, однако незамужние находились в еще худшем положении.

Разные решения предлагались в связи с данной ситуацией. Вплоть до советов желавшим дамам эмигри-

ровать в страны, где не хватало слабого пола, например, в ту же Америку. Устойчивым оставался взгляд общества на незамужних женщин как на неполноценных, которые в то же время были юридически независимы (очень редкое сочетание в XIX веке). Сейчас мы думаем совсем наоборот, что без независимости трудно быть полноценными.

Уильям Грег — политический публицист и владелец ткацкой фабрики, на которой было много работниц, писал в 1862 году: «Женщины, которые должны зарабатывать на свою жизнь, вместо того чтобы тратить деньги своего мужа, явили свою неспособность быть придатком мужчины и не отвечают своему главному предназначению на земле служить ему и быть им поддерживаемыми». Это его высказывание в основном относилось только к женщинам среднего класса и рабочим на его фабрике, но не затрагивало служанок, которым не разрешалось выходить замуж.

Интересно, что в любом произведении XIX века, написанном мужчиной, всегда упор делался особенно на том, что жизнь незамужней женщины чрезвычайно неприглядна и «нужно всячески противиться тому, чтобы женщина сама зарабатывала на жизнь и была независима, иначе они просто откажутся выходить замуж!» А те, кому не удалось обрести семью, должны идти на жительство в монастыри. «Замужество — это охрана женщин от грубости нравов современного мира, и, чтобы не допустить их к становлению на путь греха и озлобления в будущем, им лучше всего спрятать себя за крепкими церковными стенами».

Семейный статус был очень важен для мужчин и женщин среднего и высшего класса. Считалось, что женатый мужчина гораздо серьезнее и ему можно доверить ответственный пост, а холостой еще не остепенился и поэтому такого доверия еще не заслуживает. Напротив, рабочему легче было устроиться на работу, если у него не было семьи.

БЕДНЫЕ КРОШКИ И СУЧЬИ ДЕТИ

Как держать детей в строгости

Родители отличались большой строгостью к своим детям, независимо от того, богатая была семья или бедная, принадлежала ли она к аристократии или перебивалась чем Бог послал. Они надеялись, что строгое воспитание позволит их чадам вырасти ответственными, дельными людьми, уважаемыми в обществе. Такие издания, как «Книга о ведении домашнего хозяйства» миссис Битон и «Как держать детей в строгости», были написаны, чтобы помочь людям в управлении домом и семьей.

Практически все без исключения дети аристократов росли в загородных имениях, а не в Лондоне. Временами высшее общество наводняло столицу, но чаще его представители находились здесь только по необходимости и по делам. Британцы, как писалось в книгах того времени, не просто владели землей, они принадлежали ей! Именно поэтому имения окружали не только парки и сады, но и девственная природа, любоваться которой они отправлялись ежедневно верхом на лошадях. Каждый ребенок независимо от пола тоже имел своего верного скакуна, первым и самым любимым на всю жизнь становился пони. И в зрелом возрасте рассказы о лошадях с интересом слушались и джентльменами, и дамами.

За маленькими детьми в богатых семьях обычно присматривали няни. Большую часть времени малыши

проводили в детской, где играли в немецкую железную дорогу с заводными паровозиками, французские фарфоровые куклы или собирали яркие мозаики. Первые уроки часто давали дома гувернеры. Жили большой семьей с бабушками, дедушками, сестрами и золовками, благо размеры дома позволяли. Вечера проводили вместе. Читали вслух, рассказывали сказки, играли в игры. В аристократических семьях к детям с раннего возраста относились как к взрослым и спрашивали с них тоже как со взрослых. Мальчиков одевали в костюмчики, девочек в длинные платья, походившие на туалеты, которые носили леди. От маленького барона, одетого в такой же, как у его отца, костюм, только с короткими штанишками вместо длинных брюк, и в возрасте пяти лет ожидалось степенные и достойные ответы.

Главное правило, которому детей учили с пеленок, заключалось в том, что они должны быть видны, но не слышны. Находясь целый день под присмотром няни, а позже гувернанток или гувернеров и большую часть времени проводя в детской, нередко они видели маму и папу, только когда заходили в гостиную пожелать им спокойной ночи. Если в доме устраивался бал или прием, то наряженных малышей приводили показать гостям, после чего их сразу же уводили в спальню. В этот момент они старались вести себя особенно хорошо. Если же ребенок повел себя перед посетившей дом публикой не так как должно, то на следующий день он вызывался в отцовский кабинет, долго отчитывался и потом строго наказывался. Общественное мнение было главным мерилем жизни в XIX веке. К примеру, в воскресенье, когда вся семья отправлялась в церковь, у детей отбирали прежние игрушки и давали Ноев ковчег, специально приготовленный для этого дня. И навестившие семью в этот день люди видели, что здесь дети воспитываются в религиозном духе.

Проявления эмоций в детях не поощряли. Слезы необходимо сдерживать, обиды переживать в одиночестве. Мальчиков матери могли пожалеть только тогда, когда не видел отец, который иначе немедленно упрекнул бы женщину, что она воспитывает слюнтяя. К девочкам было особое отношение, им позволялось пла-

кать, но все равно малышки со своими бедами и огорчениями бежали не к маме, а к няне. Во многих семьях правила были так строги, что детям не разрешалось после последнего приема пищи никакой еды, только молоко. Бедняжки сидели голодными в своих комнатах и слышали разговоры сытых слуг о том, что соус сегодня подкачал и говяжья печень была пересолена. И хоть у них подводило живот от голода, дети не могли спуститься на кухню и попросить что-нибудь для себя.

Леди Бетти Гартврич, которая родилась в конце правления Виктории и чья сестра вышла замуж за родственника Уинстона Черчилля, рассказывала, что в Оксфордшире рядом с ними жила известная семья, которая каждый год устраивала в своем огромном доме праздники для детей. Это был действительно уникальный случай по тем временам. Никто тогда не устраивал для детей никаких мероприятий! Самое большее, на что они могли рассчитывать в смысле общения со своими сверстниками, это быть приглашенными на чай в детскую к знакомым. Попасть на детский праздник — мечта каждого ребенка в то время! О том, как он прошел, потом долго рассказывали в школах, и к попавшим на торжество относились как к небожителям. Маленькие дети приглашались с трех до шести часов вечера, постарше — с шести до восьми, и подростки — с восьми до десяти часов. Пирожные, лимонады, мороженое, надутые воздушные шары, только что изобретенные и сразу же вошедшие в моду, оркестр, море огня и прислуга, приставленная не следить и направлять, а исполнять желания! О чем еще можно мечтать!

«Я никогда не могла простить родителям, что они не разрешили мне пойти на этот праздник! — делилась в своих воспоминаниях леди Гартврич. — Мама сказала, что возбуждение от него повредит нам! Всю жизнь я жалела об этом!»

Матери из высшего света уделяли своим детям очень мало внимания. Довольно популярной была карикатура, отражавшая истинное положение дел. На ней была изображена светская дама, которая, встретив няню на улице, по ней узнала и своих детей. Порази-

тельно, почему родители не желали общаться со своими детьми, когда в доме было столько слуг, помогавшим им освобождать личное время. Может быть, матерей раздражал ужасный дискомфорт женской одежды? Или они были болезненны настолько, что не могли переносить малейшего шума и резвости? Но чем меньше дети видели родителей, тем больше дорожили их вниманием, обожали и побаивались. Конечно, во всех семьях было по-разному, но практически везде детский мир крутился вокруг няни, и никто никогда не мог вспомнить случая, чтобы ее не любили. О ней, рассказывавшей сказки перед разожженным камином, жалевшей после строгого наказания, тихонько приносившей с кухни лакомство, о ней помнили всю жизнь и относились подчас с большей привязанностью, чем к родителям.

Подрастая, дети начинали осваивать дом и имение. Целый мир открывался перед ними. Они то постоянно бегали на конюшню и слушали рассуждения конюха, то смотрели, как работал плотник или садовник, то смеялись над байками лакеев. В отличие от родителей, дети были гораздо более в курсе всех дел, происходивших в доме, знали всех слуг по именам, все их слабости, тревоги, чаяния. В начале XIX века в богатых домах взрослым даже не приходило в голову, что детям было бы интереснее в компании других мальчишек и девчонок. Вместо этого большую часть времени они проводили, наблюдая за слугами, родителями, их друзьями, если только не останавливались в их доме кузены и кузины, приблизительно того же возраста, что и они. Поэтому и их собственное поведение напоминало манеры маленьких взрослых, что вполне удовлетворяло домашних, и самым близким другом был маленький пони.

Отец Уинстона Черчилля, лорд Рандольф Черчилль вспоминал, как он умолял купить у почтового мальчика понравившегося черного пони. Он назвал его Мышь и дрессировал, чтобы тот стал скакуном, прыгавшим через барьеры, для охоты. Сколько счастливых дней осталось в его памяти, тех дней, когда он скакал на своем пони вслед за охотничьими собаками! Как у него горели щеки, когда он обогнал больших лошадей, перепры-

гивая через ограды Оксфордшира. А Дейзи Уорвик, та самая леди Уорвик, в которую был влюблен принц Уэльский, как она проводила свое детство? В конюшне, ухаживая за своим любимым белым пони и обучаясь прыгать на нем через кустарники и водные преграды. А лорд Чарльз Бересфорд, с кем у принца была ужасная ссора из-за нее? Что он помнил из своего детства? Как охотился в Ирландии и однажды, мчась на своем пони вслед за своим дядей лордом Уотерфордом, увидел, как тот упал с лошади и сломал себе шею.

Для многих детей середины пятидесятых годов, особенно мальчиков, детство заканчивалось раньше, чем для их отцов и дедов.

В стране испытывался дефицит в образованных и знающих молодых людях, годных для службы в колониях сильно расширившейся империи. Тогда стали создаваться школы, в которых дети аристократов с восьми лет вместе учились и жили в огромных, холодных комнатах по девяти месяцев в году. Вплоть до окончания заведения им разрешалось проводить дома только каникулы. Любой мало-мальски образованный человек, у которого были средства, мог открыть такую школу. Чтобы получить прибыль, хозяин платил учителям очень мало, и не всегда удосуживался собрать сведения об их собственном образовании. Лучшим способом сэкономить деньги было ограничение учеников в еде!

Лорд Кнатсфорд, которого в 1860-х годах восьмилетнего отослали в школу, рассказывал, что она была старательно выбрана его отцом.

«После жидкого супа нам давали по большому куску безвкусного пудинга для того, чтобы уже не хотелось мяса, которое должно было подаваться на второе. Раз в неделю нас мыла в цинковой ванне старая горничная. Всех 21 человека по очереди, всех в той же грязной воде!» Очень строгая дисциплина, страх перед наказанием и месяцы вдали от семьи.

А вот и характеристика одного из учителей, преподававшего в очень хорошей, по стандартам того времени, школе. «Мы должны были вставать перед ним на колени и ждать, пока он не зажимал наши головы коленями и затем со всей своей высоты бил нас по го-

лым местам мокрыми розгами, издававшими ужасающий свист».

Мистер Хантингфорд использовал метод воспитания слишком жестокий для маленьких провинившихся. В его школе было столько детей аристократов, что ее называли «Палатой лордиков». Единственный сын сэра Джона Лесли, известнейшего художника викторианской эпохи и леди Констанции Даунсон-Дамер, красивейшей женщины своего времени, близких друзей Чарльза Диккенса, вспоминал, как в возрасте 10 лет его отправляли из школы, находившейся в Ирландии, домой одного. Бедняга, добравшись до Ливерпуля, ехал до Лондона снаружи кареты без пальто, которое ему забыли вручить. До дома он доезжал замерзший как сосулька, но не возмущался и не жаловался, поскольку родители посчитали бы эти проявления чувств плохими манерами.

Почти у каждого джентльмена были свои ужасные воспоминания о начальной школе. Исключением являлся лорд Рандольф Черчилль, который был вполне доволен своим детством, проведенным там. Он никак не ожидал, что его семилетний сын Уинстон попадет в руки архисадисту! Если бы не няня, заметившая жуткие следы побоев на теле мальчика, его отец никогда бы и не узнал, что происходило с его сыном. Он был холодным человеком, но не жестоким, почему же он не рассказал обо всем другим родителям, чьи дети так же страдали от бесчеловечного обращения? Удивительно, как бездумно и легкомысленно аристократы отдавали своих детей в школы, которые не контролировались никакими органами и над которыми не было высших инстанций, кроме голоса совести! В некоторых из этих учебных заведений ситуация была настолько ужасной, что дети находились на грани истощения и ломались морально от постоянных издевательств. Подобную школу Чарльз Диккенс описал в своем произведении «Николас Никльби». Прототипом учителя-садиста послужило реальное лицо, в школу которого родители перестали посылать детей.

«Я часто вспоминал прошлое с джентльменами моего возраста, и все они говорили, что не вернулись бы в школу ни за какие деньги! Любимым занятием старших

мальчиков было заставлять младших есть жирных мух! Издевательства приравнивались к искусству. Если ты был не в ладах со счастливым обладателем посылки, то оставался голодным! Единственной едой был обед. За завтраком и ужином мы должны были разделить со всеми присланную еду. Учили нас хорошо, но страдания от учителей были ужасные! Многие и через пятьдесят лет не могут вспомнить о них без содрогания, а некоторые так никогда и не оправились!»

Пережив кошмары школьных дней, к восемнадцати годам взрослые и возмужавшие юноши выбирали себе место службы. Головастые и сметливые шли в политику и изучали законы, но и середнячки и неудачники были вполне уверены, что найдут себе место, где смогут послужить стране.

*«...ты не смеешь не оправдать
нашего доверия!»*

Строгость отношения к детям во многом исходила от королевской семьи, которая являлась примером для всех сограждан. Удивительно, что Виктория, которая сама в детстве так ужасно страдала от тирании матери, что боялась слово сказать, и выросла, не имея ни малейшего представления как играть со сверстниками, позволила своего старшего сына воспитывать в подобном духе!

В пять лет, когда дети аристократов еще были окружены заботами своих нянь, подкармливались кухарками и проводили большую часть времени на конюшне, наследника уже начали обучать языкам (английскому, французскому и немецкому). До конца жизни он произносил букву «р» на немецкий манер. В семь лет он поступил под надзор команды экспертов, возглавляемой мистером Генри Берчем. Детство кончилось. Принц должен был изучать каждый день, включая субботы: языки, религию, математику, географию, письмо, историю, рисование, музыку. Занятия проводились с раннего утра до позднего вечера и были так серьезны, что мистер Берч с гордостью докладывал Виктории, что на них совершен-

но отсутствует фривольная атмосфера некоторых английских школ! Подобные места обучения были не лучшим местом на земле, но там хотя бы наблюдались светлые моменты: игры, общение с другими мальчиками и, наконец, каникулы. У бедного Берти (так звали королевского сына) за весь год свободными от занятий были только Рождество, Пасха и дни рождения членов семьи. Наследника учили также ездить верхом и прыгать через препятствия на своем скакуне, спортивным играм, танцам, стрельбе. И все это только в обществе взрослых людей, следивших за каждым его шагом!

Год от года добавлялись и новые науки. Казалось, не было предмета, который Берти не охватил бы в своем изучении. Все занятия, даже такие приятные, как скачки, проходили без огонька, веселья, игры. Малейшая вольность пресекалась. Вместо того чтобы заинтересовать ученика, его наставники даже увлекательные предметы превращали в скучное времяпрепровождение. Все это вело к неизбежному нервному срыву. Однажды наследник, придя в состоянии совершенно неконтролируемой ярости, отказался чему-либо учиться. Истериически крича на своих мучителей, он высказал им, что ни одного из них не желает больше видеть! Виктория не углядела в этом взрыве ничего тревожного и, отнеся неожиданный всплеск эмоций к плохому поведению сына, вскоре распорядилась возобновить его занятия.

Когда наследнику исполнилось одиннадцать лет, мистер Берч оставил свою должность, написав предварительно откровенный доклад принцу Альберту, что, по его мнению, многие странности в поведении его подопечного происходили от желания контакта со своими сверстниками. «У него нет стандартов, по которым он мог бы оценить свои собственные силы. Я всегда находил, что характер подростков более формируется от общения с другими, с кого они подчас срисовывают поведение, чем с учителями. Наследнику не должен быть разрешен этот контакт!»

Когда Берти и его младший брат Альфред впервые посетили лучшую школу Англии Итон-колледж и провели несколько часов в компании предварительно отобранных мальчиков, они совершенно не знали, как

себя вести! перевозбужденные и до невозможности смущенные, они показали своим сверстникам агрессивными и грубыми. Королевские сыновья конечно же жаждали побегать вместе со всеми, как и все обычные мальчики, поиграть во что-то, порезвиться, понравиться сверстникам, но свобода приходит от быстрого умения освоиться, чего они были совершенно лишены из-за пристального наблюдения наставников!

Однако несмотря на то, что учителя наследника, казалось, стремились убить все здоровые инстинкты в своем подопечном, желание наслаждаться жизнью сохранилось в нем до конца его дней. Во время своего первого визита в Париж в 1856 году он бесконечно восхищался городом и, находясь там вместе с родителями, умолял их разрешить ему остаться немного дольше, чем было запланировано. Окружение Наполеона III также восхищалось стройным, красивым мальчиком в шотландском национальном костюме.

В шестнадцать лет наследник вместе с тремя своими учителями и четырьмя мальчиками из Итон-колледжа отправился в поездку по Германии. В первый же вечер по прибытии случился эпизод, о котором после расследования секретно докладывал ее величеству генерал Генри Понсонби. В рапорте учителя, чрезвычайно шокированного произошедшим, было замечено: «Очевидно, что принц Уэльский еще недостаточно образован, чтобы соответствовать своему положению!» Право, дело было не в образовании! Весь сыр-бор разгорелся от того, что наследник поцеловал девушку! Шестнадцатилетний юноша без всяких учителей вдруг обнаружил, что прикосновение к щечке девушки, оказывается, очень приятно! По возвращении домой провинившегося принца отослали на несколько месяцев в Виндзор для интенсивной подготовки к экзамену по военному мастерству. Нелегко было найти подходящих молодых людей для его компании, но трех примерных юношей все же отобрали. Принц Альберт подготовил для каждого из них конфиденциальный материал, в каких направлениях они должны были повлиять на его сына:

«Джентльмен не должен беззаботно потворствовать своим желанием понежиться на софе, развалиться в кресле, встать ссутулившись. Он не поставит под удар производимое о себе впечатление засовыванием рук в карманы! Он ни в коем случае не опустится до заимствования манер от конюха или глупого модного тще-славия от денди. Он должен сам позаботиться, чтобы его поведение и одежда были самого лучшего качества!» Удивительно, что отца волновала только внешняя сторона: как сын держится, и впечатление, которое он производит на окружающих. Похоже, что внутренний мир Берти не интересовал принца Альберта. Этим вопросом занимались учителя.

В конце 1858 года премьер-министр Дизраэли высказал свое мнение о наследнике престола: «Я сидел рядом с принцем Уэльским за ужином, и сердце мое переполнялось радостью! Интеллигентный, знающий, с исключительно приятными манерами!» А ведь Виктория как-то признавалась в письме к своей старшей дочери: «Берти — это карикатура на меня! Это само по себе плохо, а в мужчине — это просто ужасно! Ты, моя дорогая, несомненно дочь своего отца!»

Поразительно подобное признание для матери! Если бы Виктория не была известна своей необыкновенной привязанностью к мужу, то можно было бы заподозрить, что Берти произошел совсем от другого корня. Однако она повторяла эту фразу и своему сыну. Отношения между ними всегда были сложными!

При поступлении в Оксфордский университет ему не разрешили поселиться вместе с другими студентами. Для наследника была снята квартира, где он находился под постоянным наблюдением. Процесс обучения проходил в компании шестерых отобранных учеников, для которых лекции читались самими профессорами. Приблизительно в это время у Берти стали проявляться первые признаки болезни, связанной с неконтролируемым желанием есть, и первые намеки на тучность. Через год наследника перевели в Кембридж (в Тринити-колледж). Он поселился в четырех милях от города, откуда совершал ежедневные поездки верхом.

В 1858 году наследник посетил Турин, куда он был приглашен королем Виктором-Эммануилом II. Виктория не была рада этому. Она боялась, что грубоватые манеры итальянского короля послужат плохим примером для ее сына. Однако были и другие причины для ее переживаний, что можно видеть из письма, поступившего перед отъездом наследника в посольство Сардинии в Лондоне: «До нас дошли сведения, что ее величество опасается отпускать наследного принца в Турин, боясь, что возникнет опасность потери им невинности. Настоятельно прошу уверить, что если наследник приедет со всеми своими бесценными качествами, то вместе с ними он и вернется! Нами будут приняты все меры, чтобы в Турине не случилось ничего подобного!»

И действительно, итальянские власти так плотно опекали принца, что его «бесценные качества» были сохранены.

Летом 1861 года принца послали в военный лагерь со строжайшей дисциплиной. Принц Альберт настоял, чтобы его сын был приписан к гренадерскому полку и одет в полковничий мундир. Там наследник не только осваивал военное дело, но и учился выстраивать отношения с офицерами своего полка. Дважды в неделю он накрывал стол для старших офицеров и еще раз в неделю приглашался в другие полки. Оставшиеся вечера он проводил в тиши, занимаясь или читая книги. У Берти сложились настолько дружеские отношения с офицерами своего полка, что, заботясь о нем, они решили привести к нему привлекательную актрису Нелли Кларк. Все эти вояки имели любовниц и подружек, и им казалось странным, почему наследник не может ощутить всех радостей походной жизни. Его помещение находилось в центре лагеря, но несмотря на все преграды, верные друзья смогли доставить ему в полночь симпатичную девушку. Вскоре после возвращения наследника в Кембридж мисс Нелли Кларк стала хвастать своим знакомым в Лондоне, что она лишила невинности принца Уэльского. Скандал разразился в ноябре, вскоре после дня рождения Берти — ему исполнилось двадцать лет. Принц Альберт учинил расследование

этого дела и выяснил, что ситуация с актрисой Нелли Кларк действительно имела место.

16 ноября он написал сыну, что, узнав обо всем, почувствовал такую сильную боль, какой не испытывал никогда в жизни! «Ты не должен, ты не смеешь не оправдать нашего доверия!» 25 ноября принц Альберт отправился в Кембридж к своему сыну, чтобы, выслушав кающегося грешника, простить его. Через несколько дней он почувствовал себя больным и пожаловался старшей дочери: «Переживания и сожаления о предмете, о котором я молю не спрашивать меня, совершенно лишили меня сна. Я совершенно обессилен». Через неделю у него поднялась высокая температура, начался тиф и 14 декабря он умер.

Королева Виктория была вне себя от отчаяния и вины старшего сына в смерти любимого Альберта.

Тщетно министры пытались убедить Викторию, что для молодого человека естественно увлечься актрисами. Она не желала ни видеть Берти, ни слышать о нем. В конце концов было принято решение отправить его в путешествие по Ближнему Востоку, после чего женить принца на красавице принцессе Александре, пока Берти и сам был не против этого.

Когда же в поездке он получил письмо от Виктории, в котором она, оправившись от шока, была добра к нему, то был настолько счастлив, что это не осталось незамеченным для окружающих. Один из сопровождавших его приближенных говорил позже: «Я бы желал, чтобы вы видели лицо принца Уэльского, когда он читал письмо от королевы! Оно сияло от удовольствия!»

Наследник любил свою мать и нуждался в ее любви так же, как и самый обыкновенный человек. Викторианский век был жесток, и недостаток любви, чувствовавшийся во всех семьях, происходил от убеждения, что строгость воспитывает, а любовь балует и портит детей. Сын Эдуарда VII, Георг V, был также очень строг. Его дети по раз и навсегда заведенному порядку приходили на завтрак без пяти девять, выстраивались в одну линию и стояли так до тех пор, пока с первым ударом Биг-Бена отец не входил в столовую. Страх перед ним был панический. Однажды его сын Гарри в возрасте 19

лет, бурно проведя ночь, вернулся только под утро. Наскоро приведя себя в порядок, он опоздал к завтраку на три минуты и вошел после отца. Он так нервничал из-за этого, что упал в обморок, когда Георг V только взглянул на него. И это почти в двадцать лет! Авторитет отца был непререкаемым! Даже супруга боялась его послушаться и никогда не перечила, хотя его деспотизм по отношению к детям часто был чрезмерен.

Дети рабочих окраин

В бедных же семьях многие дети в пять лет уже начинали работать, так как даже их мизерный заработок являлся подспорьем в семье. Если они были моложе пяти лет, то родители оставляли их под присмотром нанятых для этого женщин, которые часто усыпляли малышей с помощью алкоголя. Если матери работали на дому, склеивая коробки для спичек, скручивая сигары или изготавливая щетки, дети помогали и работали порой по 15 часов в день. В деревнях бедные вдовы, чтобы заработать немного денег, часто организовывали школы в своих домах. Дети разного возраста учились в одной комнате, используя весьма ограниченное количество книг. Такая учительница (*dame*) умела только читать и писать. С ее помощью дети тоже учились алфавиту, но главное, что время, которое они проводили в школе, давало возможность их матерям спокойно зарабатывать деньги. Но многим женщинам приходилось оставлять своих чад без присмотра, и тогда они оказывались во власти улицы. Хроника 1860 года указывала, что за пять лет в одном из районов Лондона было убито 278 детей, более 60 утонули в Темзе, каналах и прудах, около сотни было найдено мертвыми под железнодорожными мостами, в подвалах и т. д. И это только те случаи, о которых полиции было известно. Дети из бедных семей, достигнув пятилетнего возраста, уже работали. На ткацких фабриках их тоненькие ручки могли пролезть в такие узкие места в станках, куда не доставали взрослые.

«В огромном жарком и влажном цехе в два ряда стояли станки, двигавшиеся сначала вперед, а потом назад.

Тим, которому было тогда пять лет, ползал под ними, собирая кусочки хлопка, скатившиеся на пол и свисавшие с рабочей платформы. Братишка, в прямом смысле слова, работал не поднимая головы, потому что машина снесла бы ее при движении назад. Ему также в любую минуту могло повредить ногу, если бы она попала в рельсы, по которым двигались колеса, или отрезать руку, потому что невозможно было приноровиться к ритму станка. Двигаясь медленно вперед, механизм стремительно набирал скорость при возвращении, заставляя Тима проворно откатываться назад. При этом на него постоянно кричал надсмотрщик, и мальчишка боялся, что скоро у него уши вытянутся как у осла, оттого что их постоянно дерут взрослые. Некоторые из них даже не постеснялись Нэнси, и ей пришлось закусить губу, чтобы не броситься на защиту брата. Она понимала, что не только не помогла бы ему, а сделала бы еще хуже. Как только бы она вышла из цеха, на мальчишку накинута бы с бранью и побоями. Десять минут, проведенные на ткацкой фабрике, показались Нэнси вечностью, а Тим должен был работать там по двенадцать часов в день!»

Многие получали увечья на всю жизнь, сплошь и рядом можно было увидеть детей с отрезанными пальцами и руками. А какой невероятный шум стоял на фабриках! Мальчишки завидовали помощникам трубочистов, которые, по крайней мере, не должны были находиться целый день в гремящем аду, где летала хлопковая пыль. Правда, и перепачканным в саже чистильщикам каминов было не легче. Взрослые трубочисты нуждались в маленьких помощниках, с помощью которых они могли прочищать дымовые отверстия. Перед тем как ребенок начинал свою работу, заключающуюся в том, чтобы забраться в узкое отверстие трубы и очистить его от забившихся продуктов горения, мастер неделями втирал ему перед огнем соль в колени и локти, до тех пор, пока не появлялась кровь. Эту жутко болезненную процедуру трубочист проделывал не из садистского удовольствия. Делалось это с целью огрубления кожи, чтобы придать ей нечувствительность к легкой боли. И в случаях, где сейчас просто

надели бы наколенники и налокотники, в XIX веке, отбросив сантименты, заткнув уши, чтобы не слышать щенячий визг, подготавливали ребенка к работе. Потом, правда, это помогало мальчишкам, которые уже не боялись ободрать локти и коленки, втискиваясь в узкие дымоходы. Опасность для них заключалась в другом, как бы не сгореть живьем и не задохнуться от дыма, когда слуги разжигали камины, не зная, что бедняги прочищают трубу.

Тяжелее всех приходилось детям, работавшим на шахтах. Задача их сводилась к тому, чтобы часами сидеть в полном одиночестве в полной темноте, на глубине, в мокрой шахте, ожидая сигнала для открытия или закрытия вентиляционной системы. Свечей у бедных не было, потому что они стоили денег. Их семьи даже из жалости к своим детям не могли потратить лишние пенни на такое удобство.

Вот что рассказывалось в детской книжке под названием «Монстр каменоломни»: «Глубоко, глубоко под землей живет огромный страшный монстр, — бабушка Милбурн шамкала своим беззубым ртом историю для внука Джорджи, которого она мыла в цинковой ванне...

— Какой он? — спросил ее Джорджи.

— Никто не знает. Никто его никогда не видел, только слышали, как он ревет и точит свои железные когти.

— А что этот ужасный монстр делает? — спросил Джорджи опять, и бабушка почувствовала, как задрожало его худенькое тельце.

— Он ест маленьких мальчиков, которые засыпают под землей, — предупредила она внука, вынимая его из ванны и вытирая сухой тряпкой. — У тебя был брат Томми. Ему было тогда восемь лет, так же, как и тебе. Однажды он спустился в шахту и больше мы его никогда не видели. Он никогда больше не вернулся!

— Что случилось? Монстр? Он съел его?

— Что это вы разговорились про монстра? — спросила мама Джорджи, входя в комнату. Ее руки были красны и мокры от одежды, которую она развешивала около огня.

— Бабушка рассказывала про монстра, что живет в каменоломне, — ответил мальчик.

— Не слушай ее! — сказала мать. — Тебе уже восемь лет, ты слишком взрослый для страшилок. Пора начинать работать. Нам нужны твои десять пенсов, которые ты можешь заработать каждую неделю в шахте. Отец не может больше надрываться один.

— Я знаю, мама... и я хочу работать. Я только боюсь, что этот монстр съест меня!

— Быстро в кровать! — мать шлепнула его и толкнула к двери в комнату. — И не вздумай будить отца, а то он отшлепает тебя ремнем.

Джорджи тихонько пробрался к кровати, где он спал с тремя сестренками и младшим братом. Мама закутала его в одеяло и прошептала ему на ухо:

— Я разбуду тебя завтра в три утра. Спокойной ночи. Когда она уходила, мальчик взмолился:

— Мам, позволь мне взять свечку с собой в шахту!

Женщина покачала головой:

— Они стоят больше, чем пенни в день. Почти все твои деньги тогда уйдут только на свечи.

— Пожалуйста, мам! Хотя бы, пока я не привыкну!

— Хорошо! — вздохнула женщина. — Но только на одну неделю! — предупредила она и задула свечу.

...Сапоги мистера Вильсона клацкали по бульжнику, в то время как Джорджи, спотыкаясь, старался не отстать от него.

Он залез в кабину вместе с толпившимися взрослыми мужчинами и почувствовал, как она вдруг стала стремительно спускаться вниз, туда, откуда тянуло сырым и затхлым воздухом. Колени Джорджи подогнулись, когда кабина коснулась дна. Спустившиеся с ним мужчины растворились в темноте.

— Видишь проложенные пути? — спросил мистер Вильсон, посветив свечей на рельсы.

Джорджи кивнул. Мимо процокала лошадь с тележкой, полной угля.

— А где же я буду работать? — наконец осмелился он спросить.

— Через милю узнаешь, — ответил мистер Вильсон.

Наконец они свернули в узкий коридор. Свеча мастера осветила рельсы и деревянную дверь в конце.

Мистер Вильсон повернулся к мальчику.

— Вот твоя работа. Видишь эту дверь? Она открывается, если потянуть вот за эту веревку. Попробуй.

Джорджи потянул за веревку и видел, как дверь поднялась, открыв щель под собою.

— Ее нужно держать закрытой, чтобы не пускать воздух в забой. Но ты должен открывать ее, когда будет проезжать тележка. Если забудешь и проморгаешь, вагонетка разнесет ее! Понял?

Мальчик кивнул.

— А что случилось с нашим Томми? — спросил он робко. — Он что, не открыл дверь?

— Нет, — Мастер наклонился к Джорджи. — Хуже! Он уснул.

— Уснул? — Джорджи похолодел. — Тогда монстр, должно быть, съел его?

— Он уснул и упал на рельсы. Когда вагонетка возвращалась, она... переехала его.

Мужчину передернуло. Он положил руку на плечо мальчика и подтолкнул его к углублению рядом с узким путем, где были проложены рельсы.

— Садись здесь и держи веревку. Первая тележка будет через полчаса.

И он ушел и взял свечу с собой, оставив мальчика в крошечной темноте.

— Мистер Вильсон! — позвал мальчик. Только эхо откликнулось на его зов. Он сел и тихо заплакал. Никогда еще он не чувствовал себя таким одиноким! Постепенно его глаза привыкли к темноте и жуткой тишине. Он перестал вздрагивать от капель воды, падавших откуда-то, и перестал прислушиваться к звуку собственного сердца. Иногда вдалеке доносились голоса и замирали, не приближаясь к нему. Джорджи пытался петь молитву, которую он выучил в воскресной школе, но его пересохшие губы издавали такой жуткий звук, что он перестал. Он все время прислушивался, боясь услышать рев монстра и царапание его когтей. Постепенно он закрыл глаза и стал думать о приятном. О солнечном свете, о пикнике около реки, о пении птиц. Воспоминания медленно перекачивались в его голове, и постепенно он уснул. И тут во сне он услышал жуткий рев приближавшегося монстра, который становился

ближе и ближе. Тут он вспомнил, как бабушка говорила ему: «Он ест только мальчиков, которые засыпают. Только тех, кто спит!»

Джорджи очнулся и открыл глаза. Рев был реальным и искры, мерцавшие вдаль, стремительно приближались к нему. Мальчик поднял голову, лежавшую на рельсах, как раз в то время, когда мчавшаяся вагонетка грозила отрезать ее. Джорджи судорожно потянул за веревку и открыл дверь.

— Молодец, парень! — услышал он голос из темноты.

— Там нет никакого монстра! — говорил он потом бабушке. — Искры от вагонетки и ее дребезжание, вот что слышал Томми там внизу. Но эта история спасла мне жизнь, бабушка. Твой голос спас мне жизнь! Я больше никогда не усну!

— Нет, уснешь! — бабушка подоткнула его одеяло. — Уснешь. Тебе завтра рано вставать».

Школы

В 1870 году был принят закон, обязывавший всех детей в возрасте от 5 до 10 лет ходить в школы. Раньше это было привилегией только высших и средних классов. Несмотря на принятие закона, не все могли позволить себе такую роскошь, ведь до 1891 года обучение оставалось платным и стоило два пенса в неделю.

Тысячи новых зданий под классы были построены по всей стране, а семьи лишились дополнительного заработка, который приносили домой сыновья и дочери. И как всегда в Англии, тут же издали «Правила для учеников», в которых советовалось:

«Рано ложиться спать перед школой, иначе за зевоту в классе вы будете наказаны.

Хорошенько мыться перед уроками, иначе грязные, неопрятные, почесывавшиеся ежеминутно дети будут отосланы домой.

Есть перед школой. Пустой желудок мешает занятиям, как и пустая голова.

Не опаздывать. Быть строго в 9.00, иначе не будете допущены до уроков».

Дисциплина в школе была очень строгой, и любые проделки наказывались очень жестоко. Вот некоторые примеры, приведенные из предписаний для учителей.

«За стрельяние шариками из промокашки, пропитанной чернилами. Наказание: поставить ученика на колени на полчаса на каменный пол, с руками за головой. Если он сядет на пятки или начнет наклоняться вперед или назад от неудобности позы, немедленно заставить его выпрямиться».

Рассказ девочки: «Каждый понедельник священник приходил к нам в класс и спрашивал, кто из нас пропустил воскресную школу? Я и моя сестра всегда пропускали ее, потому что воскресенье был день, когда мы с мамой стирали одежду и белье на всю нашу семью. Стирки накапливалось очень много. Поэтому каждую неделю мы признавались, что пропускали церковь в выходной, и в понедельник нас наказывали ремнем.

Мы стеснялись объяснить, почему мы не могли прийти. Однажды священник спросил меня: “Разве ты не знаешь, что Господь любит тебя и хочет видеть в своем доме в воскресенье?”

Я ответила: “Если он нас любит, то почему тогда в понедельник нас наказывают ремнем?”

Не помню, что священник ответил, но меня наказали еще сильнее!»

Наказание за опоздание в школу. Рассказ мальчика: «Мой отец задержал меня, и я был единственным из всей школы, который опоздал на линейку. За это учитель накричал на меня перед всеми, и я получил шесть ударов линейкой по пальцам. О, мой Бог! Было больно! Поверьте! Однако что было еще больше: мое имя занесли в книгу наказаний. А ведь по ней нам давали рекомендации после школы. Мысль о том, что из-за единственного опоздания я не смогу получить хорошую работу, когда вырасту, жгла меня больше, чем боль от линейки!»

К провинившимся ученикам часто привязывали таблички или надевали повязки на руку со словами «Лентяй», «Осторожно, вор», «Тупица» и дурацкий колапак на тех, кто не знал урока.

За кляксы и следы грязных пальцев на чистой работе наказывали розгами. Довольно часто розги ломались при наказании и заменялись новыми. Одним из самых известных своей жестокостью учителей был Уильям Шоу, который также занимал должность директора школы в северной части Йоркшира. Он был так нетерпим и жесток, что ученики в буквальном смысле дрожали от страха при его появлении, а двое мальчиков даже потеряли зрение после очередного наказания. Родители мальчиков подали на изверга в суд, — так о нем узнал Чарлз Диккенс и вывел его в своей книге «Николас Никльби» под именем Уокфорд Сквирс. Каждый в стране знал, что на самом деле под этим персонажем подразумевался Уильям Шоу. После выхода книги Чарлза Диккенса никто уже не хотел посылать детей в его школу.

Будущих учителей подготавливали в колледжах. Правила в них тоже были очень строги:

Не разрешалось покинуть колледж, кроме как в определенных часы.

Не разрешалось заходить в спальни в дневное время.

Не разрешалось ложиться позже 10 часов вечера.

Не разрешалось курить и посещать пивные заведения.

Не разрешалось заводить дружбу с местным населением.

Учителей все же не хватало, и поэтому очень распространена была система, когда учитель рассказывал материал, а затем лучшие ученики повторяли его для других классов. Иногда, из-за большого количества учащихся в одном помещении, учитель в одном конце классной комнаты объяснял новый материал, а его помощник, в некотором отдалении, закреплял пройденное.

В 1870 году зарплата учительниц составляла пятьдесят восемь фунтов в год, а учителей — девяносто четыре фунта.

Многие родители не могли позволить себе отдавать учиться своих детей, пока школы не стали бесплатными. Поэтому директора делали скидки. Если в семье было три ребенка, то оплачивалось посещение двух первых, а третий учился бесплатно.

Сатирические издания того времени часто публиковали картинку из выстроившихся перед школой в длинную шеренгу детей и родителей, спрашивавших администрацию: «А сколько за пятнадцать?»

Такое количество детей в это время было совсем не редкостью. Можно понять родителей, которые, отпуская детей в школу, лишались денег и значительной помощи по дому. Один из учителей писал в своих воспоминаниях: «В начале моей карьеры были очень неприятные моменты, когда я должен был пробираться по улице через толпу разъяренных родителей, которые предпочитали видеть своих детей дома, и увертываться от метко бросаемых ими гнилых помидоров».

Школьные инспекторы были так непопулярны, что были вынуждены ходить парами. Одному из них, обходившему дома учеников, родители сказали, что их ребенок умер. Войдя в дом, пораженный инспектор обнаружил новопреставленного, прыгавшего по полу, как заяц. Довольно часто в классе насчитывалось 70, 80 учеников или учениц. По этой причине дисциплина должна была быть очень строгой. Иначе учителю приходилось кричать все время, чтобы быть услышанным.

Мальчики и девочки учились отдельно, и даже входные двери для обоих полов находились с разных сторон здания. Мужчины учили мальчиков, женщины — девочек. К учителям обращались «сэр», к учительницам — «мисс» или «мадам», в зависимости от семейного статуса.

В девять утра школьники первым делом отправлялись на ассамблею в холл, где выстраивались в линию лицом ко входу и замирали, раскрывая рот только для того, чтобы спеть гимн или произнести вместе со всеми молитву. Все их начальство во главе с директором школы, офицером, следившим за посещаемостью, инспектором, учителями, стояло перед ними. В это же время делались все объявления. Затем детей осматривала медсестра, выискивая в волосах гнид. Если вши обнаруживались, то бедняге брили голову. Если ребенок заболел ветрянкой или корью, его отсылали домой, а если ученик был неаккуратен или даже грязен, то его отправляли мыться в умывальную комнату или до-

мой. Ассамблея заканчивалась в 9.30. Далее правила диктовали: «Войдя в свой класс, сесть за парту и ждать учителя. При его появлении встать, чтобы показать уважение к годам и заслугам. При оглашении списка присутствующих вставать, когда называют вашу фамилию, громко отвечая: “Здесь, сэр или мисс!”»

Если ученик мямлил, ерзал за партой, учитель брал в руку сигнал-колотушку и стучал в нее, чтобы привлечь к себе внимание. Писали мелом на черных досках, которые можно было передвигать по классу, а также, кроме тетрадей, у учеников имелись специальные грифельные доски, вставлявшиеся в щель парты, на которых они писали грифельными карандашами. А малыши учили буквы, рисуя их на подносах, засыпанных речным песком. После того как алфавитный список присутствовавших был оглашен, начинались уроки чтения, письма и арифметики. Для этого раздавались учебники, и начиналось чтение по очереди, иногда у доски. Каждый урок длился 30 минут. Для письма требовалась линейка и карандаш, и старшие дети открывали свои тетрадки и линовали страницы. Затем раздавались чернильницы каждому ученику, и все начинали копировать то, что учитель писал на доске. Если ученик окунал перо слишком глубоко в чернильницу, то получалась клякса, которую очень трудно было смыть с рук и одежды. Сидеть на уроке полагалось прямо. Если учитель считал, что ученик плохо старается, то между его локтями и спинкой стула просовывалась палка, заставлявшая провинившегося сидеть ровно и поневоле сосредоточиться. Если на арифметике ученик не мог быстро посчитать в уме, на него надевали дурацкий колпак до конца урока. Детей учили не только простому сложению, вычитанию, делению и умножению, а также дробям, простым и десятичным, извлечению процентов, и т. д. Все эти математические действия могли пригодиться в дальнейшей жизни. Особенно если выросшие ученики хотели заработать много денег. Школьники умели совершать арифметические действия с числами до миллиона. Им разрешалось пользоваться деревянными счетами, которые были изобретены еще древними греками, а с помощью римлян

распространились по свету. Дети должны были знать наизубок таблицу умножения, которая в Англии не до десяти, как у нас, а до двенадцати, поскольку британская денежная система базировалась на цифре 12. В одном шиллинге, самой распространенной денежной единице XIX века, было 12 пенни.

После того как ученики осваивали арифметику, их начинали обучать алгебре и геометрии. В школьных правилах было записано, что мальчики должны решать задачки более сложные, чем девочки. Те и другие обучались также географии, истории, предмету, называвшемуся «Общие знания», и предмету, который мы бы назвали «Природоведение», он знакомил учащихся с окружающим миром от камней и минералов до засушенных растений и насекомых.

Утренние уроки заканчивались в 12 часов, после того, как староста проходил по коридору, звоня в колокольчик.

Теперь у детей было целых два часа, чтобы поесть, поиграть на школьном дворе и проветрить голову перед вечерними занятиями. Кто-то уходил обедать домой, кто-то ел принесенное с собой в школе. Мальчишки гоняли по двору металлические ободья от тележных колес, играли в футбол, катали мраморные шарики или состязались каштанами в «покорителя». Девочки прыгали через скакалку, чертили на земле классики или играли с мальчиками в салки и прятки. Учителя чинно прохаживались между ними, изредка поднося ко рту свисток, если игры были слишком шумными или возникала драка. В два часа все возвращались в классы, где опять проводилась переключка, после которой продолжались уроки те же, что и утром. Добавлялись только практические занятия по домоводству для девочек, черчение и физкультура для мальчиков, пение для всех учеников, так же как и гигиена.

В 17.00 колокольчик возвещал об окончании занятий. Ученики сдавали чернильницы старосте класса, собирали свои принадлежности, затем вставали из-за парт и все вместе произносили молитву. После этого чинно строем шли к воротам школы и счастливые бежали домой. Те же, кто провинился за день, оставались по-

сле занятий и шли в кабинет директора за наказанием. По его решению ученики либо отсылались к родителям с запиской о плохом поведении, либо учитель сам бил их розгами по рукам или ягодицам. Более щадящей формой наказания считалось многократное написание по сто раз одного и того же предложения, подобного этому: «Чтобы мне ослом не стать, считать я буду и писать!»

В конце каждого года производилась инспекция учеников, учителей, школьного здания, оборудования. Ученики выходили по одному перед важной комиссией и отвечали на вопросы по пройденному за год материалу. Если ученик отвечал хорошо, то получал сертификат по тестируемому предмету и переводился в следующий класс. Если же нет, то оставался в том же классе на следующий год, пока наконец не сдавал экзамен положительно. И вот наступали долгожданные каникулы, две недели — на Рождество и на Пасху, шесть недель — летом. Счастливые ученики старших классов распевали на улицах: «Забросим предметы, да здравствует лето!»

Однако радостное настроение от каникул было только у мальчиков и девочек из обеспеченных семей. Там же, где едва сводили концы с концами, рассчитывали на помощь детей, которые часто работали до начала занятий. Да и как же могло быть иначе, ведь деньги из семьи шли не только для оплаты обучения, а еще и на школьную униформу и ботинки. Для многих детей это была первая обувь в жизни, которую они по строгому указанию родителей немедленно снимали, выходя за пределы школы, связывали за шнурки и вешали себе на шею. По дороге домой ребенок, видя увлекательную игру, включался в нее, и ботинки, чтобы не мешали, вешал на заборе. Опомнившись через какое-то время, бедняга не находил их уже на прежнем месте и плелся домой, чтобы получить серьезную взбучку за порванную и испачканную в игре одежду и потерянную обувь. Наказание за это было так сурово, что несколько дней он не мог сидеть. Хорошие ученики поощрялись в конце года книгами и грамотами за успешную работу. Те, кто за весь год не пропустил ни единого дня, награждались медалями.

ЧТО РАЗРЕШАЛОСЬ ПОРЯДОЧНОЙ ДЕВУШКЕ

Невидимки

Когда восьмилетние мальчики из аристократических семей отправлялись на жительство в школы, что же в это время делали их сестры?

Считать и писать они учились сначала с нянями, а потом с гувернантками. По несколько часов в день, зевая и скучая, глядя с тоской в окно, они проводили в комнате, отведенной под занятия, думая о том, какая прекрасная погода для поездки верхом. В комнате ставился стол или парта для ученицы и гувернантки, шкаф с книгами, иногда черная доска. Вход в комнату для занятий часто был прямо из детской.

«Моя гувернантка, ее звали мисс Блэкберн, была очень симпатичной, но ужасно строгой! Чрезвычайно строгой! Я боялась ее как огня! Летом мои уроки начинались в шесть утра, а зимой в семь, и если я приходила позже, то платила пенни за каждые пять минут опоздания. Завтрак был в восемь утра, всегда одно и то же, миска молока с хлебом и ничего больше до того времени, как я стала подростком. Я до сих пор терпеть не могу ни того ни другого. Не учились мы только полдня в воскресенье и целый день на именины. В классной комнате была кладовка, где хранились книги для занятий. Мисс Блэкберн клала туда же на тарелке кусок хлеба для своего ланча. Каждый раз, когда я что-то никак

не могла запомнить, или не слушалась, или возражала чему-нибудь, она запирала меня в этой кладовке, где я сидела в темноте и дрожала от страха. Особенно я боялась, что туда прибежит мышка есть хлеб мисс Блэкберн. В своем заточении я оставалась до тех пор, пока, подавив рыдания, могла произнести спокойно, что теперь я хорошая. Мисс Блэкберн заставляла меня заучивать наизусть страницы истории или длинные поэмы, и если я ошибалась хоть на слово, она заставляла учить меня в два раза больше!»

Если няnek всегда обожали, то бедных гувернанток любили довольно редко. Может быть оттого, что няни выбирали свою судьбу добровольно и оставались с семьей до конца своих дней, а гувернантками всегда становились по воле обстоятельств. В эту профессию чаще всего были вынуждены идти образованные девушки из среднего класса, дочери безденежных профессоров и клерков, чтобы помочь разорившейся семье и заработать себе на приданое. Иногда гувернантками были вынуждены становиться и дочери аристократов, потерявших свое состояние. Для таких девушек униженность от их положения являлась преградой к тому, чтобы они могли получать хоть некоторое удовольствие от своей работы. Они были очень одиноки, и слуги всячески старались выразить им свое презрение. Чем родовитее была семья бедной гувернантки, тем хуже к ней относились. Прислуга считала, что если женщина вынуждена работать, то она приравнена в своем положении к ним, и не желала ухаживать за ней, старательно демонстрируя свое пренебрежение. Если же бедняжка устраивалась в семью, в которой не было аристократических корней, то хозяйка, подозревая, что она смотрит на них свысока и презирает за отсутствие надлежащих манер, недолгоблвали ее и терпели только для того, чтобы их дочери научились держать себя в обществе.

Кроме обучения своих дочерей языкам, игре на пианино и акварельному рисунку, родители мало заботились о глубоких знаниях. Девушки много читали, но выбирали не нравоучительные книги, а любовные романы, которые потихоньку потаскивали из домашней

библиотеки. Спускались в общую обеденную залу они только для ланча, где сидели за отдельным столом вместе со своей гувернанткой. Чай с выпечкой в пять часов относился наверх в комнату для занятий. После этого дети уже не получали никакой еды до следующего утра.

«Нам разрешалось намазать хлеб маслом или джемом, но никогда тем и другим, и съесть только одну порцию ватрушек или кексов, которые мы запивали большим количеством свежего молока. Когда нам исполнилось пятнадцать или шестнадцать, нам уже не хватало этого количества еды и мы постоянно ложились спать голодными. После того как мы слышали, что гувернантка прошла в свою комнату, неся поднос с большой порцией ужина, мы потихоньку босиком спустились по черной лестнице на кухню, зная, что там в это время никого нет, так как громкий разговор и смех слышались из комнаты, где ели слуги. Украдкой мы набирали что могли и довольные возвращались в спальню».

Часто для обучения дочерей французскому и немецкому языкам приглашались в качестве гувернанток француженки и немки. «Однажды мы шли вместе с мадемуазель по улице и встретили подруг моей матери. В тот же день они написали ей письмо, говоря, что мои перспективы на замужество ставятся под удар, потому что невежественная гувернантка была обута в коричневые ботинки, а не в черные. “Дорогая, — писали они, — в коричневой обуви ходят кокетки. Что могут подумать о милой Бетти, если за ней присматривает *такая* наставница!”»

Леди Гартврич (Бетти) была младшей сестрой леди Гвендолен, которая вышла замуж за Джека Черчилля. Когда она вошла в возраст, то была приглашена на охоту довольно далеко от дома. Чтобы добраться до места, она должна была воспользоваться железной дорогой. До станции рано утром ее проводил конюх, который обязан был встретить ее здесь в тот же вечер. Далее с поклажей, составлявшей все снаряжение для охоты, она ехала в вагоне-стойле вместе с лошастью. Считалось вполне нормальным и приемлемым, что молодая девушка путешествует, сидя на соломе, со своим конем,

поскольку считалось, что он будет ей защитой и забудет ногами любого, кто войдет в вагон-стойло. Однако если бы она без сопровождения находилась в пассажирском вагоне со всей публикой, среди которой могли быть мужчины, общество бы такую девушку осудило.

В колясках, запряженных маленькими пони, девочки могли одни ездить за пределы имения, навещая своих подружек. Иногда путь лежал через лес и поля. Абсолютная свобода, которой юные леди наслаждались в имениях, пропадала мгновенно, как только они попадали в город. Условности поджидали их здесь на каждом шагу. «Мне разрешали одной в темноте скакать верхом через лес и поле, но если бы я утром захотела пройтись через парк в центре Лондона, полный гуляющей публикой, чтобы встретиться со своей подружкой, ко мне тут же приставили бы горничную».

В течение трех месяцев, пока родители и старшие дочери вращались в обществе, младшие на своем верхнем этаже вместе с гувернанткой твердили уроки.

Одна из известных и очень дорогих гувернанток мисс Вульф открыла в 1900 году для девочек классы, которые работали до Второй мировой войны. «Я сама посещала их, когда мне исполнилось 16, и поэтому на личном примере знаю, каким было лучшее образование для девочек в это время. Мисс Вульф до этого преподавала в лучших аристократических семьях и в конце концов получила в наследство достаточную сумму, чтобы купить большой дом на Южной Адлей-стрит Мэйтер. В одной его части она устроила классы для избранных девочек. Она выучила лучших леди нашего высшего света, и я могу смело сказать, что и я сама очень много выиграла от этого прекрасно организованного беспорядка в ее образовательном процессе. На три часа утром мы, девочки и девушки разных возрастов, встречались за длинным столом в нашей уютной комнате для занятий, бывшей гостиной в этом эlegantном особняке XVIII века. Мисс Вульф — маленькая, хрупкая женщина в огромных очках, делавших ее похожей на стрекозу, объясняла нам предмет, который нам предстояло изучать в этот день, затем направлялась к книжным шкафам и вынимала оттуда

книги для каждой из нас. В конце занятий устраивалось обсуждение, иногда мы писали сочинения на темы по истории, литературе, географии. Одна наша девочка захотела заниматься испанским языком, и мисс Вульф моментально принялась учить ее грамматике. Казалось, не было предмета, который бы она не знала! Но самый главный ее талант заключался в том, что она умела разжигать в юных головках огонь жажды познания и любопытства к изучаемым предметам. Она учила нас находить во всем интересные стороны. У нее много было знакомых мужчин, которые иногда приходили к нам в школу, и мы получали точку зрения на предмет противоположного пола».

Помимо перечисленных уроков девушки учились также танцам, музыке, рукоделию и умению держаться в обществе. Во многих школах в качестве тестирования перед приемом давалось задание пришить пуговицу или обметать петлю. Однако подобная картина наблюдалась только в Англии. Русские и немецкие девушки были гораздо более образованными (по признанию леди Гартврич) и знали прекрасно три-четыре языка, а во Франции девушки были и более изысканны в манерах поведения.

Как трудно сейчас нашему свободомыслящему поколению, практически не подвластному общественному мнению, понять, что всего лишь немногим более ста лет назад именно это мнение определяло судьбу человека, особенно девушек. Также невозможно для поколения, выросшего вне сословных и классовых границ, представить мир, в котором на каждом шагу вставали непреодолимые ограничения и преграды. Девушкам из хороших семей никогда не разрешалось оставаться наедине с мужчиной, даже на несколько минут в гостинной их собственного дома. В обществе были убеждены, что стоит мужчине оказаться наедине с девушкой, как он тут же будет ее домогаться. Таковы были условности того времени. Мужчины находились в поиске жертвы и добычи, а девушки ограждались от желавших сорвать цветок невинности.

Все викторианские мамы были сильно озабочены последним обстоятельством, и чтобы не допустить слу-

хов о своих дочерях, которые часто распускались с целью устранения более счастливой соперницы, не отпускали их от себя и контролировали каждый их шаг. Девушки и молодые женщины к тому же находились под постоянным доглядом со стороны слуг. Горничные их будили, одевали, прислуживали за столом, утренние визиты юные леди делали в сопровождении лакея и конюха, на балах или в театре находились с мамками и свахами, а вечером, когда возвращались домой, сонные служанки раздевали их. Бедняжки практически совсем не оставались одни. Если мисс (незамужняя леди) ускользала от своей горничной, свахи, сестры и знакомых всего лишь на час, то уже делались грязные предположения о том, что *что-то могло случиться!* С этого момента претенденты на руку и сердце словно испарялись.

Беатриса Поттер — любимая английская детская писательница в своих мемуарах вспоминала, как однажды со своей семьей она отправилась в театр. Ей в то время было 18 лет, и она прожила в Лондоне всю свою жизнь. Однако возле Букингемского дворца, здания парламента, Стрэнда и Монумента — известных мест в центре города, мимо которых нельзя было не проехать, она ни разу не была. «Поразительно констатировать, что это было первый раз в моей жизни! — писала она в своих воспоминаниях. — Ведь если бы я могла, то с удовольствием прошла бы здесь одна, не дожидаясь, пока кто-нибудь сможет меня сопровождать!»

А в это же время Белла Уилфер, из книги Диккенса «Наш общий друг», добиралась в одиночку через весь город от Оксфорд-стрит до тюрьмы Холлоуэй (более трех миль), по словам автора, «как будто ворона перелетает», и никто при этом не думал, что это странно. Однажды вечером она отправилась искать своего отца в центр города и была замечена только потому, что в финансовом районе на улице в то время находилось лишь несколько женщин. Странно, две девушки одного возраста, и так по-разному относились к одному вопросу: можно ли им выйти одним на улицу? Конечно, Белла Уилфер — вымышленный персонаж, а Беатриса Поттер жила на самом деле, но дело еще и в том, что существовали разные правила для разных сословий. Бед-

ные девушки были гораздо свободнее в своих передвижениях в силу того, что некому было следить за ними и сопровождать везде, куда бы они ни направлялись. И если они работали в качестве прислуги или на фабрике, то дорогу туда и обратно они проделывали в одиночестве и никто не думал, что это неприлично. Чем выше статус женщины, тем большим количеством правил и приличий она была опутана.

Незамужняя американка, приехавшая в сопровождении тети в Англию навестить родственников, должна была по делам наследства вернуться домой. Тетя, опасавшаяся повторного долгого плавания, не поехала с ней. Когда через полгода девушка опять появилась в британском обществе, она была принята очень холодно всеми важными дамами, от которых зависело общественное мнение. После того как девушка самостоятельно проделала такой далекий путь, они не считали ее достаточно добродетельной для своего круга, предполагая, что, находясь без присмотра, она могла сделать что-то недозволенное. Замужество для молодой американки было поставлено под угрозу. К счастью, обладая гибким умом, она не стала укорять дам в несовременности взглядов и доказывать им их неправоту, а вместо этого в течение нескольких месяцев демонстрировала образцовое поведение и, зарекомендовав себя в обществе с правильной стороны, обладая к тому же приятной внешностью, очень удачно вышла замуж. Став графиней, она быстро заставила замолчать всех сплетников, все еще имевших желание обсуждать ее «темное прошлое».

Жена должна была слушаться и подчиняться мужу во всем, так же как и дети. Мужчина же должен быть сильным, решительным, деловым и справедливым, поскольку на нем лежала ответственность за всю семью. Вот пример идеальной женщины: «Было что-то необъяснимо нежное в ее образе. Я никогда не позволю себе повысить голоса или просто заговорить с ней громко и быстро, боясь испугать ее и причинить боль! Такой нежный цветок должен питаться только любовью!»

Нежность, молчание, неосведомленность о жизни были типичными чертами идеальной невесты. Если де-

вушка много читала и, не дай бог, не пособия по этикету, не религиозную или классическую литературу, не биографии известных художников и музыкантов или другие приличные издания, если у нее в руках видели книгу Дарвина «О происхождении видов» или подобные научные произведения, то это выглядело так же плохо в глазах общества, как если бы она была замечена в чтении французского романа. Ведь умная жена, начитавшись подобной «гадости», стала бы высказывать мужу идеи, и он не только бы чувствовал себя глупее ее, но и не смог бы держать ее в узде. Вот как пишет об этом незамужняя девушка Молли Хагес из бедной семьи, которая сама должна была зарабатывать себе на жизнь. Будучи шляпной модисткой и потеряв свое дело, она отправилась в Корнуолл к своей кузине, которая побаивалась ее, считая современной. «Через некоторое время кузина отвесила мне комплимент: “Они сказали нам, что вы умны. А вы совсем нет!”»

На языке XIX века это означало, что, оказывается, вы достойная девушка, с которой я с удовольствием подружусь. Тем более что высказано оно было девушкой из глубинки девушке, что приехала из столицы — рассадницы порока. Эти слова кузины навели Молли на мысль, как она должна была себя вести: «Я должна скрывать факт, что получила образование и работала сама, а еще больше прятать свой интерес к книгам, картинам и политике. Вскоре со всей душой я отдалась сплетням о любовных романах и “до какой степени некоторые девушки могут прийти” — любимая тема местного общества. В то же время я нашла вполне удобным для себя казаться несколько странной. Это не считалось пороком или недостатком. Знание — вот что я должна была прятать от всех!»

Уже упоминаемая девушка из Америки Сара Дункан заметила горько: «В Англии незамужняя девушка моих лет не должна много говорить... Было довольно трудно для меня это принять, но позднее я поняла, в чем дело. Свои мнения нужно держать при себе. Я стала говорить редко, мало и нашла, что лучшая тема, которая устраивает всех, — это зоопарк. Никто не осудит меня, если я говорю о животных».

Также прекрасная тема для разговора — опера. Очень популярной в это время считалась опера «Гильберт и Силливан». В произведении Гиссинга под названием «Женщины в разброде» герой навестил подружку эмансипированной женщины:

«— Что, эта новая опера “Гильберт и Силливан” действительно так хороша? — спросил он ее.

— Очень! Вы что, действительно еще не видели?

— Нет! Мне, право, стыдно в этом признаться!

— Сегодня же вечером идите. Если, конечно, вам достанется свободное место. Какую часть театра вы предпочитаете?

— Я бедный человек, как вам известно. Я должен удовлетвориться дешевым местом».

Еще несколько вопросов и ответов — типичная смесь банальности и напряженной дерзости, и герой, всматриваясь в лицо собеседницы, не удержался от улыбки. «Неправда ли, наш разговор был бы одобрен за традиционным чаем в пять часов. Точно такой же диалог я слышал вчера в гостиной!»

Подобное общение с разговорами ни о чем кого-то приводило в отчаяние, но большинство было вполне счастливо.

До 17—18 лет девушки считались невидимками. Они присутствовали на вечеринках, но не имели права слова сказать, пока к ним кто-нибудь не обращался. Да и тогда их ответы должны быть очень краткими. В них как бы закладывалось понимание, что девушку заметили только из вежливости. Родители продолжали одевать дочерей в похожие простые платья, чтобы они не привлекали к себе внимания женихов, предназначавшихся для их старших сестер. Никто не смел перепрыгнуть свою очередь, как это случилось с младшей сестрой Элизы Беннет в романе Джейн Остин «Гордость и предубеждение». Когда же наконец наступал их час, все внимание разом обращалось на распустившийся цветок, родители одевали девушку во все лучшее, чтобы она заняла достойное место среди первых невест страны и смогла привлечь внимание выгодных женихов.

Каждая девушка, вступая в свет, испытывала страшное волнение! Ведь с этого момента она становилась

заметной. Она больше не была ребенком, которого, погладив по головке, отсылали из зала, где находились взрослые. Теоретически она была подготовлена к этому, но практически у нее не было ни малейшего опыта, как вести себя в подобной ситуации. Ведь в это время идеи вечеров для молодежи не существовало вовсе, так же как и развлечений для детей. Балы и приемы давались для знати, для королевских особ, для гостей родителей, и молодым разрешалось всего лишь присутствовать на этих мероприятиях.

Многие девушки стремились замуж только из-за того, что они считали худшим из зол собственную мать, говорящую, что некрасиво сидеть, положив ногу на ногу. Они на самом деле не имели никакого понятия о жизни, и это считалось их большим достоинством. Опытность рассматривалась как дурной тон и почти приравнивалась к дурной репутации. Ни один мужчина не хотел бы жениться на девушке со смелым, как считалось, дерзким взглядом на жизнь. Невинность и скромность — вот черты, которые высоко ценились в юных девах викторианцами. Даже цвета их платьев, когда они отправлялись на бал, были удивительно однообразны — разные оттенки белого (символа невинности). До замужества они не носили украшений и не могли надевать яркие платья.

Какой контраст с эффектными дамами, одевавшими себя в лучшие наряды, выезжавшими в лучших экипажах, весело и раскованно принимавшими гостей в богато обставленных домах. Когда матери выходили на улицу вместе со своими дочерьми, то, во избежание объяснений кто эти красивые дамы, заставляли девушек отворачиваться. Об этой «тайной» стороне жизни юная леди не должна была знать ничего. Тем большим ударом было для нее, когда после замужества она обнаруживала, что неинтересна своему супругу и он предпочитает проводить время в обществе подобных кокоток. Вот как описывает их журналист «Дейли Телеграф»:

«Я засмотрелся сильфидами, когда они летели или плыли в своих восхитительных костюмах для выездов и опьяняюще прекрасных шляпках, некоторые в бобровых охотничьих с развевающимися вуалями, другие

в кокетливых кавалерских с зелеными перьями. И пока эта великолепная кавалькада проезжала мимо, озорник ветер слегка приподнял их юбочки, обнажая маленькие, облегавшие ножку сапожки, с военным каблукчком, или обтягивающие брючки для верховой езды».

Сколько волнения при виде одетых ножек, гораздо более, чем теперь при виде раздетых!

Не только весь строй жизни был построен так, чтобы блюсти нравственность, но и одежда являлась неизбежной преградой на пути порока, ведь на девушке было надето до пятнадцати слоев нижних сорочек, юбок, лиффов и корсетов, избавиться от которых она не могла без помощи горничной. Даже если предположить, что ее кавалер был искушен в женском белье и мог ей помочь, то большая часть свидания ушла бы на избавление от одежды и затем натягивание ее вновь. При этом опытный глаз горничной мгновенно увидел бы неполадки в нижних юбках и сорочках, и секрет все равно был бы раскрыт.

Месяцы, а то и годы проходили в викторианское время между зарождением симпатии друг к другу, начинавшейся с подрагивания ресниц, робких взглядов, чуть дольше задержавшихся на предмете интереса, вздохов, легкого румянца, частого сердцебиения, волнения в груди, и решающим объяснением. С этого момента все зависело от того, нравился ли претендент на руку и сердце родителям девушки. Если нет, то ей старались подобрать другого кандидата, отвечающего основным критериям того времени: титул, респектабельность (или мнение общества) и деньги. Заинтересовав будущего избранника дочери, который мог быть старше ее в несколько раз и вызывать омерзение, родители успокаивали ее тем, что стерпится-слюбится. В такой ситуации привлекала возможность быстро овдоветь, особенно если супруг оставлял завещание в ее пользу. Если девушка не выходила замуж и жила с родителями, то чаще всего она являлась пленницей в собственном доме, где к ней продолжали относиться как к несовершеннолетней, не имевшей собственного мнения и желаний. После смерти отца и матери, наследство чаще всего оставлялось старшему брату, и она, не

имея средств к существованию, переезжала жить в его семью, где всегда ставилась на последнее место. Слуги обносили ее за столом, жена брата ею командовала, и опять она оказывалась в полной зависимости. Если не было братьев, то девушка, после того как родители оставляли этот мир, переезжала в семью сестры, потому что считалось, что незамужняя девушка, даже если она взрослая, не способна сама о себе позаботиться. Там было еще хуже, так как в этом случае ее судьбу решал деверь, то есть чужой человек. При выходе замуж женщина переставала быть хозяйкой собственных денег, которые отдавались за нее в приданое. Муж мог пропить их, прогулять, проиграть или подарить любовнице, и жена даже не могла его упрекнуть, так как это бы осудили в обществе. Конечно, ей могло повезти и ее любимый муж мог быть удачливым в делах и считаться с ее мнением, тогда жизнь действительно проходила в счастье и покое. Но если же он оказывался тираном и самодуром, то оставалось только ждать его смерти и бояться одновременно остаться без денег и крыши над головой.

Чтобы заполучить нужного жениха, не стеснялись никаких средств. Вот сценка из популярной пьесы, которую лорд Эрнест сам написал и часто ставил в домашнем театре:

«Богатый дом в имении, где Хильда, сидя в собственной спальне перед зеркалом, причесывает свои волосы после события, произошедшего во время игры в прятки. Входит ее мать Леди Драгон.

Леди Драгон. Ну и наделала же ты дел, дорогая!

Хильда. Каких дел, мама?

Леди Драгон (насмешливо). Каких дел! Просидеть всю ночь с мужчиной в шкафу и не заставить его сделать предложение!

Хильда. Совсем не всю ночь, а всего лишь недолго до ужина.

Леди Драгон. Это одно и то же!

Хильда. Ну что я могла сделать, мама?

Леди Драгон. Не притворяйся дурой! Тысячу вещей ты могла бы сделать! Он тебя целовал?

Хильда. Да, мама!

Леди Драгон. И ты просто сидела как идиотка и позволяла в течение часа себя целовать?

Хильда (рыдая). Ну ты же сама говорила, что я не должна противиться лорду Пати. И если он захочет поцеловать меня, то я должна позволить.

Леди Драгон. Ты действительно настоящая дура! А что же ты не закричала, когда князь нашел вас двоих в его гардеробе?

Хильда. А почему я должна была закричать?

Леди Драгон. У тебя совсем нет мозгов! Ты разве не знаешь, что как только ты услышала звук шагов, ты должна была крикнуть: "Помогите! Помогите! Уберите руки от меня, сэр!" Или что-нибудь подобное. Тогда бы он был вынужден на тебе жениться!

Хильда. Мама, но ты никогда мне об этом не говорила!

Леди Драгон. Боже! Ну это же так естественно! Ты должна была сама догадаться! Как я теперь объясню отцу... Ну, хорошо. Бесплезно говорить с безмозглой курицей!

Входит горничная с запиской на подносе.

Горничная. Моя леди, письмо для мисс Хильды!

Хильда (прочитав записку). Мама! Это лорд Пати! Он просит меня выйти за него замуж!

Леди Драгон (целуя дочь). Моя дорогая, дорогая девочка! Ты не представляешь, как я счастлива! Я всегда говорила, что ты у меня умница!»

В приведенном отрывке показано еще одно противоречие своего времени. Леди Драгон не увидела ничего предосудительного в том, что дочь, вопреки всем нормам поведения, целый час находится наедине с мужчиной! Да еще и в шкафу! А все это потому, что они играли в очень распространенную домашнюю игру «прятки», где правилами не только разрешалось, но и предписывалось разбегаться, разбившись на пары, так как девушки могли испугаться темных комнат, освещенных лишь масляными лампами и свечами. Прятаться при этом разрешалось где угодно, даже в шкафу хозяина, как было в приведенном случае.

С началом сезона в свете происходило оживление, и если девушка не нашла себе мужа в прошлом году, ее

взволнованная мамаша могла сменить сваху и начать охоту за женихами сызнова. При этом возраст свахи не имел значения. Иногда она была даже моложе и игривее, чем сокровище, которое предлагала и в то же время тщательно оберегала. Удаляться в зимний сад разрешалось только с целью предложения руки и сердца.

Если девушка во время танцев исчезала на 10 минут, то в глазах общества она уже заметно теряла свою ценность, поэтому сваха во время бала неоступно вертела головой во все стороны, чтобы ее подопечная оставалась в поле зрения. Девушки во время танцев сидели на хорошо освещенном диванчике или в ряд поставленных стульях, и молодые люди подходили к ним, чтобы записаться в бальную книжечку на определенный номер танца.

Два танца подряд с одним и тем же кавалером обращали на себя внимание всех, и свахи начинали шептаться о помолвке. Три подряд было позволено только принцу Альберту и королеве Виктории.

И уж конечно же было совершенно неприемлемым для дам делать визиты к джентльмену, за исключением очень важных дел. То и дело в английской литературе того времени приводятся примеры: «Она постучала нервно и тут же пожалела об этом и осмотрелась, боясь увидеть подозрительность или насмешку у проходивших допропорядочных матрон. У нее были сомнения, ведь не следует одинокой девушке посещать одинокого мужчину. Она взяла себя в руки, распрямилась и постучала снова уже увереннее. Джентльмен был ее управляющим, и ей действительно надо было срочно переговорить с ним».

Однако все условности заканчивались там, где царила бедность. Какой надзор мог быть за девушками, вынужденными зарабатывать на кусок хлеба. Разве кто-то думал о том, что они одни ходили по темным улицам, разыскивая напившегося отца, а на службе также никого не заботило то, что служанка оставалась одна в комнате с хозяином. Нравственные нормы для низшего класса были совсем иными, хотя и здесь главным считалось то, чтобы девушка сама о себе позаботилась и не перешла последней черты.

Родившиеся в бедных семьях работали до изнеможения и не могли противиться, когда, к примеру, владелец магазина, в котором они служили, склонял их к сожительству. Не могли отказать, зная даже, какая участь постигла многих других, работавших ранее на том же месте. Зависимость была страшная. Отказав, девушка лишалась места и была обречена потратить долгие недели, а то и месяцы в поисках нового. А если последние деньги заплачены за жилье, значит, ей нечего было есть, она в любой момент могла упасть в голодный обморок, но торопилась найти работу, иначе можно было лишиться и крыши над головой.

А представьте, если при этом она должна была кормить престарелых родителей и маленьких сестер! Ей не оставалось ничего иного, кроме как принести себя в жертву ради них! Для многих бедных девушек это могло бы быть выходом из нищеты, если бы не рождавшиеся вне брака дети, которые меняли все в их положении. При малейшем намеке на беременность любовник оставлял их, порой без всяких средств к существованию. Даже если он и помогал какое-то время, все равно деньги кончались очень быстро, и родители, ранее поощрявшие дочь, чтобы с помощью заработанных таким путем средств кормить всю семью, теперь, не получая больше денег, позорили ее ежедневно и осыпали проклятиями. Все гостинцы, которые она получила до этого от богатого любовника, проедались. Позор и унижение ожидали ее на каждом шагу. Устроиться на работу беременной женщине было невозможно — значит, она оседала лишним ртом на шею и так бедной семьи, а после рождения ребенка оставались постоянные заботы, кто будет смотреть за ним, пока она находится на работе.

И все равно, даже зная все обстоятельства, перед искушением хоть на некоторое время скрыться от угнетавшей нищеты, приоткрыть занавеску в совсем другой радостный, нарядный мир, пройти по улице в сногшибательных по своей красоте и дороговизне нарядах и посмотреть свысока на людей, от которых столько лет зависела работа, а значит и жизнь, устоять было почти невозможно! В какой-то мере это был их шанс, о

котором они бы жалели в любом случае, приняв его или отвергнув.

Статистика была неумолима! На каждую бывшую продавщицу из магазина, гордо выхаживавшую в дорожных нарядах на квартиру, которую снимал для нее любовник, приходились сотни, чья жизнь была сломана по той же причине. Мужчина мог лгать о своем статусе, или запугивать, или подкупать, или брать силой, мало ли путей, которыми можно сломать сопротивление. Но, добившись своего, он чаще всего оставался равнодушен к тому, что случится с бедной девушкой, которая ему обязательно надоест. Сможет ли бедняжка устроить свою жизнь? Как она оправится от позора, обрушившегося на нее? Умрет ли она от горя и унижения или сумеет выжить? Что будет с их общим ребенком? Бывший возлюбленный, виновник ее позора, теперь сторонился несчастной и, как бы боясь испачкаться, отворачивался в сторону, давая понять, что не может быть ничего общего между ним и этой грязной девкой! «Она к тому же может быть еще и воровка! Извозчик, трогай!»

Еще хуже было положение бедного незаконнорожденного дитяти. Даже если отец оказывал материальную помощь до его совершеннолетия, то и тогда каждую минуту своей жизни он чувствовал, что его появления на свет не хотели и что он не такой, как другие. Еще не понимая слова *незаконнорожденный*, он уже знал, что оно имеет постыдное значение, и всю жизнь не мог отмыться от грязи.

Мистер Уильям Уайтли склонял к сожителству всех своих продавщиц и бросал их, когда они беременели. Когда один из его незаконнорожденных сыновей вырос, то, испытывая к отцу жгучую ненависть, однажды пришел в магазин и застрелил его. В 1886 году лорд Карлингфорд написал в своем журнале, после того как прошел после ужина по одной из главных улиц Мэйфэр: «Странно идти через ряды женщин, в молчании предлагавших свои тела проходившим мужчинам». Таков был итог почти всех бедных девушек, которые, пользуясь терминологией XIX века, «ввергли себя в пучину разврата». Жестокое время не прощало тех, кто пренебрег общественным мнением. Викторианский

мир делился только на два цвета: белое и черное! Либо добродетельна до абсурда, либо развратна! Причем к последней категории можно было быть причисленной, как мы видели выше, всего лишь из-за неправильного цвета ботинок, из-за флирта на глазах у всех с кавалером во время танца, да мало ли из-за чего молодые девушки награждались клеймом от старых дев, что, сжав губы в тонкую ниточку, наблюдали за молодежью на балах.

Свадьба

Письма, дневники викторианского периода рассказывают о том, что большинство пар ограничивалось простой и скромной церемонией, предпочитая лишние деньги, если они были, потратить на решение более практических задач, таких, как отделка дома или закупка мебели. В XIX веке свадебная церемония еще не приобрела такого обязательного характера, какой она является сегодня. Платье невесты, если позволяли средства, было новым, но не обязательно белым, а практичного немаркого цвета, порой черного, и оставалось лучшим нарядом в течение нескольких лет. Свадьбы же с приглашением гостей, соблюдением всех правил этикета были возможны только для богатых семей. Если доход составлял менее трехсот фунтов в год, то о подобном не стоило и мечтать.

«И теперь, хотя уже более шестидесяти лет прошло, все еще свежо в моей памяти. Я вижу свою дорогую няню, с трясущимися руками и слезами, струящимися по щекам, одевающую меня в наряд из белоснежного шелка, и мою новую горничную Тернет, убирающую в высокую прическу мои волосы, и надевающую на них венок из цветков яблони оранжевого цвета, под которым мое лицо прикрывала паутина вуали. Рядом стоят мои четыре сестры, одетые как подружки невесты в белые скромные кашемировые платья с бонетками на голове, отделанные розовым, моим любимым, цветом. Часы пробили три часа, и кареты были поданы к главному подъезду. Я села в экипаж, в который были впряжены четыре любимых лошади папы, за нами выстроился це-

лый свадебный поезд, и мы отправились в церковь. Помню себя стоящей на коленях позади архиепископа, который венчал нас, произносящей клятву любить и уважать своего мужа до своего последнего дыхания. Когда церемония закончилась, я упала без чувств... Меня отнесли в ризницу, где мой бедный муж был в агонии, глядя на меня и не зная что делать, в то время как моя дорогая мама и старушка няня, плача, терли мне руки и брызгали на меня водой. Затем няня укутала меня в белый, отделанный лебединым пухом балдахин, засунула мои руки в меховую муфту, такую большую, что через нее мог прыгнуть шут. Сестры приготовили старую сатиновую туфлю, чтобы бросить ее через плечо наудачу, и после этого папа посадил меня к моему мужу уже в новую карету с четырьмя нарядными лошадьми с султанами, которые нас ждали у дверей собора, чтобы отвести в имение для нашего медового месяца».

Однако подобная церемония, описываемая новеллистами, была всего лишь недостижимой мечтой для каждой девушки. И любимым развлечением для юных красавиц и дурнушек, независимо от того, где они жили, в городе или деревне, было наблюдать за свадьбами, обмирая от нарядов и манер жениха и невесты, рассматривая туалеты гостей и запоминая каждую деталь. Каждая из них в своем воображении рисовала себе картину, что «может быть, когда-нибудь и я так же пройду под колокольный перезвон и восхищенные взгляды гостей к алтарю, где меня будет ждать мой избранник!» Но на самом деле только единицы могли осуществить свои мечты. Во многих случаях даже родители жениха не считали необходимым свое присутствие на подобных торжествах.

«Когда мы вернулись в Чарлкот, миссис Люси, мама Георга, остановилась у нас. Это было первый раз, когда мы встретились. Она была состоятельная, добрая, старая леди, к которой я привязалась сразу же, как только ее увидела. Она относилась ко мне как к своей дочери, даря мне свои украшения и тяжелый жемчуг, а также красивые, дорогие кружева».

А ведь в это время у Мари Элизабет Люси уже родился сын, и это означало, что свекровь не только не при-

ехала на венчание, но далеко не сразу пожаловала и после рождения внука. Гости, приглашавшиеся на свадьбу, чаще всего ехали с пустыми руками. Тогда еще не вошло в привычку дарить подарки в благодарность за приглашение. И только близкие родственники или хорошие друзья семьи дарили нужные вещи, которые потом хранили всю жизнь. «Родители Луизы дали мне все белье в дом и все вещи для кухни, дядя купил нам пианино, а сестра с мужем — всю мебель для спальни».

В то время большинство пар среднего класса отправлялись в церковь в назначенный день в сопровождении нескольких друзей и родителей и приносили друг другу клятвы перед алтарем. Белое платье невесты входит в моду с середины XVIII века, хотя еще в течение века многие предпочитают цветные. Постепенно бледные тона начинают удерживать первенство вплоть до изобретения анилиновой краски, с помощью которой платья начинают красить в потрясающие бронзовые, серебряные, аметистовые, лиловые и фиолетовые цвета. Цены на такие платья были невероятные! Питер Робинсон в 1874 году рекламировал в своем магазине платье за десять фунтов (годовое жалованье служанки) и еще двенадцать фунтов необходимо было истратить на аксессуары: вуаль, перчатки, шарф, цветы или венок. В середине XIX века капор был заменен вуалью.

У. Теккерей — автор знаменитой книги «Ярмарка тщеславия», взял за основу сюжет, происходивший во время войны с Наполеоном, но описал его тридцатью годами позже. Он одел свою героиню в день ее свадьбы в коричневое плиссированное платье и соломенный капор с розовыми лентами. Поверх капора на ее голову была наброшена белая вуаль. К 1830 году разрешается иметь на голове венок из оранжевых яблочных цветков. Подобный тому, какой был описан на свадьбе Мари Элизабет Люси. А после того как королева Виктория сама на собственной свадьбе украсила прическу яркими цветками, такие венки стали уже не просто модными, а традиционными. Порой настоящие цветы заменялись восковыми, и впоследствии хранились молодыми женами в гостиной на комодe под стеклянной крышкой в форме колокола.

Если же выходила замуж вдова, то для такой свадьбы существовали уже другие правила. Ей не полагались ни подружки невесты, одетые в одинаковые платья, ни вуаль, ни оранжевые яблочные цветки. Она надевала шелковое цветное платье и капор. Если ее мать также была вдовой, то ей полагалось платье глубокого красного цвета, которое она должна была сразу после церкви поменять на черное. Если невеста скорбела по близкому члену семьи, то для нее естественно было платье белого цвета, поскольку белый считался допустимым цветом траура, с букетом только из белых цветов, вуалью с черной каймой и белыми перчатками, вышитыми черным.

Мужская одежда для свадьбы также должна была соответствовать общепринятым нормам. В середине XIX века стали появляться длинные сюртуки. Управляющий «Модной газетой» в 1861 году уверял озадаченных мужчин, что вполне допустимо носить сюртуки синего цвета, оттенка ягод тутовника и вина кларет. «...к сожалению зеленые и даже черные сюртуки время от времени встречаются на свадьбах. Они неуместны, кроме как на свадьбах духовенства». Однако к концу века черные фраки, надевавшиеся с темной жилеткой, окончательно утвердились в качестве одежды жениха. Тогда же и установился порядок самой свадебной церемонии, на которую приглашается все большее количество гостей. Если в начале XIX века только близкие люди жениха и невесты отправлялись с ними в церковь, то к концу века они уже сопровождаются и дальними родственниками, друзьями, знакомыми и соседями. Тогда же ситуация с подарками стала меняться, и их теперь ожидали от всех гостей. Подарки присылали перед свадьбой и за день до нее, выставляли в доме родителей невесты, где все гости могли на них полюбоваться. Утром в день свадьбы жених посылал в дом своего будущего тестя букет цветов для своей невесты и по букету для каждой подружки невесты. Каждой из них посылались в подарок и недорогие украшения. Так было принято.

После 1886 года церемонию стали переносить на более позднее время в отличие от ранее заведенного

порядка, когда она назначалась не позже чем на двенадцать часов дня. Свадебное застолье устраивалось во время завтрака, а в конце века, когда венчание стало назначаться на три часа, оно стало проводиться уже во время обеда и ужина. Юная чета, посидев некоторое время вместе с гостями за столом, удалялась, чтобы переодеться к своему свадебному путешествию, в которое они отправлялись еще при дневном свете.

К спинке их кареты привязывались старые тапочки невесты как знак того, что с этого момента она уже принадлежит не семье своего отца, а собственному мужу. Для того чтобы удачно все сложилось в первую брачную ночь, в карету к молодоженам швырялся старый башмак. На следующий день подружки невесты шли в дом ее отца, для того чтобы помочь в рассылке свадебных открыток. Они заказывались заранее женихом, и на внешней стороне стояло его имя, а на внутренней — девичье имя невесты. Эти открытки рассылались всем знакомым, оповещая о том, что венчание имело место и положение обоих молодых теперь изменилось. Если же они какие-то знакомства не желали продолжать, в этом случае подобная открытка посылалась без обратного адреса. Гостям, которые не имели возможности приехать на свадьбу, посылались кусочки свадебного торта. Иногда молодожены навещали таких знакомых сами, и новобрачная для подобных визитов и на званые ужины в течение всего года надевала свое свадебное платье без вуали. Во время таких визитов молодоженам на десерт подавали свадебный торт.

Если сейчас очень большое значение уделяется свадебным торжествам, то приданого уже практически никто не подготавливает. А вот в XIX веке к главному событию в своей жизни — замужеству каждая девушка готовилась заранее. Ее приданое включало в себя не только одежду, которую она готовилась носить уже будучи женой, а также постельное белье, скатерти, салфетки, кружева.

В него также входили:

«6 сорочек (Беатриса), 3 сорочки (Александра), два вида разных ночных рубашек в количестве 6 штук, 6 парижских, длинных кальсон, отделанных вышивкой

снизу, две длинные нижние юбки и три фланелевые, один стеганый халат, один фланелевый, один цветной, один подъюбник на конском волосе, жакет для прогулок, 12 карманных носовых платков, 6 вышитых, пара французских корсетов, 6 хороших полотенец».

Как видите, здесь не упоминаются ни юбки, ни платья, а только нижняя одежда, которую поначалу молодая жена будет стесняться просить своего мужа купить ей. В середине XIX века уже появятся специальные магазины, где богатая невеста, вместо того чтобы колоть иглами свои нежные пальчики, смогла бы заказать все необходимое приданое прямо перед свадьбой, ориентируясь на советы родни и журналы, где перечислялось все, что было нужно по этому случаю.

БРАЧНЫЕ УЗЫ И СЕМЕЙНЫЕ СВЯЗИ

Существа второго сорта

Образ жизни викторианцев, при котором условности определяли каждый их шаг, был бы очень утомителен для современного человека. Мужчины в то же время наверняка нашли бы в нем много и приятных моментов, ведь мир, без всякого сомнения, был создан для сильного пола, обладавшего деньгами и властью. Все крутилось вокруг них и для них. В мире, где преимущества мужчин просматривались в каждом аспекте жизни, негласными правилами было закреплено, что каждый молодой джентльмен до вступления в брак должен был иметь любовницу. К ее выбору он обязан был отнестись очень внимательно, не только с медицинской точки зрения, но и с позиции того, чтобы не иметь проблем в будущем, когда придет время заканчивать отношения. Женщины же были совершенно бесправны.

Самое ужасное, что в это время сама идея противозачаточных средств считалась аморальной и почти преступной. В светском обществе бытовало убеждение, что женщина может забеременеть в момент оргазма и считалось, что если она будет держать себя в руках и не позволит себе испытать его, то в этом случае она предохранит себя от нечаянного сюрприза. Мысль о том, что большинство женщин имеют детей, хотя и не представляют себе, что же нужно испытывать в постели, не

меняло общественного мнения. Значит, как и в большинстве ситуаций викторианского периода, за нежелательную беременность обвиняли женщину, мол: «Ты хотела получить удовольствие, ты его получила!»

Это приводило к тому, что в XIX веке слабый пол предпочитал относиться к сексу как к приятному спорту: скачкам без конца, бегу без рекорда. Дам вполне устраивал букетно-конфетный период, который, по традициям того времени, и так был неизмеримо продолжительнее, чем теперь, и к кульминационной части они относились как к неизбежной, но одноразовой процедуре, которая зачастую происходила более из любопытства, чем от страсти.

Чарлз Диккенс женился в 1836 году на девушке Катрин, которая переехала к нему на постоянный двор, где он снимал комнаты. Там они жили вместе с его братом Фредериком и сестрой Катрин, Мэри. Молодая жена тогда сразу оказалась перед необходимостью самой смотреть за домом и училась всем премудростям вместе со своей сестрой, которая в дальнейшем переехала с ними в отдельный дом и помогала Катрин воспитывать десятерых детей, родившихся у нее за шестнадцать лет. После постоянных родов, чередовавшихся с выкидышами, Катрин чувствовала себя очень усталой и была благодарна своей сестре за то, что она помогала ей по дому. Однако Чарлз Диккенс считал эту ситуацию ненормальной и опубликовал в «Нью-Йорк трибун» статью о том, что его жена страдает от умственного расстройства. Он поставил ей такой диагноз, так как ничем иным, по его мнению, невозможно объяснить ситуацию, при которой женщину не интересует ее собственный дом.

Такой ход часто использовали в XIX веке. Развод получить было не так легко, и многие мужья таким образом подготавливали для него почву.

Джон Раскин, почувствовав себя очень неудовлетворенным в своем неудачном и недолгом браке, писал адвокату: «Я женился на Эффи, думая, что она так молода и чувствительна, что я смогу повлиять на нее в том направлении, которое выберу сам, и сделаю из нее такую жену, какую мне нужно. Но, как оказалось, она вышла за

меня замуж, надеясь сделать из меня мужа, какого захочет она. Я скорбел и переживал, убедившись, что я не смогу изменить ее, а она была унижена и раздражена, обнаружив, что не может изменить меня. Причина кроется, как мне кажется, в легком нервном повреждении мозга. Иначе как можно объяснить, что она все время думает о том, что я должен ухаживать за ней, вместо того чтобы самой заботиться обо мне. Как еще это можно объяснить, если не умопомешательством!»

Это явление было отражено в английской литературе викторианского периода. Помните «Джен Эйр» Шарлотты Бронте, «Секрет леди Одли» Мэри Элизабет Брэддон? Оба эти произведения объединяют примеры несчастных женщин, запертых собственной семьей дома, как в тюрьме, что и явилось причиной их помешательства. Уилки Коллинз в своей книге «Женщина в белом» рассказывает о неуравновешенной, находящейся почти на грани сумашествия Лоре Глайд, помещенной мужем в специальную лечебницу, откуда не выходят, за то, что она не согласилась подписать завещание в его пользу. Если бы она сделала так, как он хотел, тогда бы он ее отравил, а так ее объявили ненормальной. Психика женщин викторианского периода действительно была слабой и неуравновешенной. Это и понятно.

Сначала они ограждались родителями от реальности жизни, а затем сразу, без подготовки вступая в нее, не всегда могли выдержать давление и неприятные ее стороны. Женщины считались существами второго сорта, нужными на земле только для развлечения, услаждения и рождения детей, если им повезло с происхождением, и для работы не покладая рук, если нет.

Позиция мужа в данной ситуации никак не помогала. С одной стороны, беря жену под свое крыло, он сажал ее в клетку, часто даже не разрешая поддерживать прежние знакомства. Отныне у женщины не должно быть ни одной самостоятельной мысли и ни одного постороннего желания, которое она не могла бы обсудить со своим мужем. Даже чтобы посетить отца и мать, она должна была спрашивать позволения. Полная материальная зависимость только усугубляла ситуацию.

Мужчины снимали стресс в клубах, на дружеских попойках, в объятиях актрис. Даже в загородных имениях количество развлечений у них было несравнимо большим, чем у женщин. Приезжая на какое-то время вместе с женами в чье-то имение, где они собирались компаниями, мужчины оставляли своих спутниц на целый день одних, а сами после раннего завтрака уезжали верхом на спортивные соревнования, скачки, охоту, рыбную ловлю, или просто на кутеж, где наслаждались в компании веселых подружек. Их жены под присмотром *хостесы* — хозяйки дома все это время проводили в ожидании мужей. Занятий у них было немного: либо, собравшись вместе в одной комнате, вышивать, либо гулять в саду, либо выезжать на прогулку верхом. Вечером они видели мужей только за ужином. Все было устроено мужчинами для своего спокойствия. В любых семейных неурядицах всегда винили женщину.

Несмотря на то что во главе страны стояла королева, а не король, она ничего не сделала для изменения положения женщины. Являясь лидером в собственной семье, она не видела необходимости в каких-либо переменах в семьях своих подданных. Только в 1882 году был принят закон, позволявший женщине самой распоряжаться своей недвижимостью. Это означало, что муж уже не мог прогулять ее приданого. Даже избирательного права женщины добились только во время правления внука Виктории. Сын ее Эдуард VII внес свою лепту в раскрепощение женщин тем, что практически узаконил адюльтеры. Большой любитель слабого пола, имея красавицу жену Александру, он практически каждый вечер наведовался к чужим женам в отсутствие их мужей. Обычно все любовные похождения держались под страшным секретом, однако кто в Англии не знал карету наследника, а затем и короля?! Обычный визит вежливости для близко знакомых мужчин не должен был продолжаться более часа, его же коляска, а затем автомобиль, оставались возле крыльца и после полуночи, уже одним этим обрекая принимавшую его женщину на пересуды. Как должны были реагировать на подобное нравственные викторианцы? Заклеймить негодницу позором, исключить ее из приличного круга

и, посмеявшись некоторое время над обманутым мужем, начать публично выражать ему симпатию и сочувствие? А вот и нет! Мужа одобрительно похлопывали по плечу, опуская в разговоре причину его популярности в обществе и неожиданное продвижение по службе, а жена становилась в прямом смысле слова царицей бала! Ее расценивали как самую интересную женщину в обществе, каждый пытался добиться ее благосклонности, и даже бывшие соперницы преклоняли перед ней головы. К чести короля, надо сказать, что он не опылял только что расцветших бутонов. Предметом его интереса являлись актрисы, когда он был еще наследником, и замужние женщины из общества, когда он уже стал править государством.

Двойная игра

Это вызывало безграничное неудовольствие со стороны Виктории, которая всей своей жизнью являла собой пример образцовой королевы, жены и матери.

Однако даже она не смогла совладать с пагубными пристрастиями сына, к которым все, в конце концов, привыкли. Эдуард был щедр, и за свои удовольствия он расплачивался со своими избранницами очень дорогими украшениями, привилегиями для их мужей, устройством их детей. В своем роде он был нравствен, поскольку никогда не портил репутаций незамужних девушек, а если и имел незаконнорожденных детей, то не в числе первенцев, кому передавалось наследство. Главы семейств и их наследники могли быть спокойны, что их род не пошел по другой ветке. В то же время матери давали советы дочерям, встречая в обществе сыновей известных аристократических семей, никогда не восклицать «Он так похож на отца!» и «Она папина дочка!», если это касалось дочерей. Все комментарии о похожести могли кое-кому бередить старые раны. В это время хорошо сохранившиеся женщины за сорок считались очень привлекательной добычей. Мужья уже не сильно заботились о том, как и с кем они проводят свободное время, имевшиеся наследники уже гаранти-

ровали продолжение рода, а ум и тонкость этих женщин позволяли обойти все предрассудки общества и остаться с незапятнанной репутацией, что было важно для обеих сторон. Иначе говоря, с ними не было проблем, какие возникли бы с более молодыми женщинами. Кроме того, зрелость фигуры была в моде, а зрелость ума и интеллекта считалась необходимой.

В течение трехмесячного периода Лондонского сезона принятые чаепития становились прекрасным времяпрепровождением для флиртующих особ. В это время мужья отправлялись в клуб или навестить чужих жен, а их собственные в течение часа принимали в это время у себя чужих мужей. Несколько ли джентльменов ожидалось к чаю или один, не имело большого значения, если соблюдались все приличия, продиктованные этикетом. А именно, визитерам ни в коем случае не оставлять свои цилиндры, котелки, трости и перчатки в передней зале, а приносить их с собой в гостиную, как будто они заглянули на минутку. Конечно, посетитель мог быть всего один, слуги не должны были входить до тех пор, пока колокольчик не позвонит, а удобная софа, кстати стоявшая в гостиной, могла вполне стать ложем для влюбленных. Однако всегда была угроза, что олух лакей неожиданно войдет с добавкой сандвичей, или горничная влетит, докладывая о неожиданном визитере. Поэтому для флирта чаепития были очень удобны, а вот для кульминационной развязки устраивалось все гораздо более замысловато и изобретательно.

С этой целью леди уговаривала свою подругу, которой она могла доверять и которая была в курсе зарождавшегося романа, сделать двойное приглашение для нее и ее любовника на большую вечеринку в загородном доме. Муж в это время отсылался в имение на охоту, «слава богу, что есть эти пустоши, с тетеревами и фазанами», и вполне приятно проводил время. А влюбленные, надев маски, если они хотели присоединиться к гулявшим на вечеринке, наслаждались обществом друг друга, удалялись затем в темноту бесконечных темных скрипящих коридоров и, наконец, добирались до своей комнатки, где им никто не мешал. Потом нужно было только дожждаться, когда самая по-

следняя горничная, приехавшая с гостями, удалится, и выйти, не ошибаясь дверями.

Однако даже самым умелым дон жуанам не всегда удавались подобные уловки. Лорд Чарльз Бересфорд, который был влюблен в леди Уорвик в то же время, что и принц Уэльский, однажды на цыпочках прошел в темную комнату, где ожидала его любимая, и бросился на необъятное ложе с криком «Кукареку!». Все, что он помнил дальше, это как дрожали его руки, когда он зажигал парафиновую лампу, и ужас, когда из темноты выступили лица епископа Честера и его жены. Не имея понятия, как объяснить свое неожиданное появление при таких обстоятельствах, лорд оставил приютивший его загородный дом на следующее утро до завтрака. Имя леди, находившейся с ним, осталось неизвестным. Мужчина еще мог как-то выкрутиться из подобной ситуации, у женщины не было никаких шансов.

Викторианское время знаменито своими двойными стандартами. Если юноша до женитьбы должен был обладать приобретенным сексуальным опытом, то девушки находились в неведении о жизни, и особенно о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Их привлекательность и красота не могли компенсировать количество проблем и неприятностей, возникавших при ухаживании за ними. Их нельзя было любить и не нести ответственность за это.

Во время мужской беседы в клубе, когда джентльмены в принятой тогда томной, неторопливой манере говорили о женщинах, упоминать имена девушек считалось дурным тоном. И если достоинства и недостатки замужних женщин со вкусом смаковались, незамужние никогда не попадали под микроскоп. Срывание бутона означало женитьбу. Если же соблазнитель был уже женат, то общество осуждало его до такой степени, что он мог потерять и положение в нем, и все имевшиеся ранее привилегии. Девушки приносили больше неприятностей, чем удовольствия. Они были склонны смотреть на любовника исключительно как на свою собственность и не могли удержать язык за зубами, рассказывая о романе близким подружкам. Слишком много неудобств.

Может быть, поэтому принц Уэльский избегал романов с девушками. У него и без того было достаточно много проблем. Самый громкий роман случился у него с леди Уорвик. Она была самой темпераментной и увлекательной из всех женщин, ему знакомых. Она тратила свои собственные деньги, чтобы развлекать его, а он страдал от ужасной ссоры, которая разгорелась из-за нее между ним и адмиралом лордом Чарлзом Бересфордом. Самый удачный роман короля Эдуарда VII был с мудрой и интеллигентной миссис Кеппел, среди ее потомков мы знаем Камиллу — жену нынешнего принца Уэльского. О всех увлечениях Эдуарда было известно обществу, поскольку ежедневно он собственноручно записывал в своем дневнике имена каждого человека, с которым он встречался.

Сын Виктории не хвалился своими победами и не стыдился их. Он относился к ним как к чему-то само собой разумеющемуся. Все вокруг считали за честь подобное внимание, взойти на любовное ложе с принцем расценивалось как огромная привилегия. Его увлечения всегда были обставлены с королевской помпой и величием. Правила этой игры были очень строги. Ошибка избранницы означала изгнание.

Если взглянуть на тогдашний двор с позиции игры в шахматы, то супруга принца Александра будет считаться королевой, в отличие от шахматной, ее роль заключалась в том, чтобы не двигаться совсем, а стоять прямо в центре доски. Принц — король мог двигаться по разным направлениям, как ему вздумается. Незамужние девушки держались вне игры. Ну а пешки — замужние леди, от которых напрямую и зависела вся игра, были ограничены в движении. Они должны блистать, лавировать и хранить секрет. Оставались ли они удовлетворены этой игрой? Без сомнения! Никто не оказывался в великолепном окружении принца без собственного на то желания. Было довольно легко выпасть из этого круга и опять очутиться в скучной обыденности викторианского двора. Или экономить деньги, живя в далеком имении. Или поехать путешествовать за границу... Но все казалось бесцветным после шумного, блистательного,

вечного праздника, окружавшего принца! Люди менялись, но его подруги и друзья, к которым он обращался только по именам, оставались верны ему всю жизнь, поскольку он нуждался в них и со всей своей приветливостью привечал их. Конечно, он не брезговал и тайными вылазками инкогнито, чтобы попользоваться гостеприимством бедного класса. Так делали все мужчины, удовлетворяя свою страсть гораздо более дешевым и беспроблемным путем. Однако позднее ему уже было и не по возрасту, и не по статусу прибегать к таким соблазнам, и, пресытившись и устав от постоянных проблем, связанных с приличным обставлением своих амурных дел, он перевел свои отношения с женщинами в дружеское русло, сохраняя при этом близость с Алисой Кеппел, которая была фавориткой до самой его смерти в 1910 году.

Когда седьмой лорд Лондондерри вошел в брачный возраст, он заметил, что на всех ужинах рядом с ним оказывались одни и те же семь девушек, принадлежавших лучшим домам Англии. Хозяйки приемов специально размещали их там, по сговору с его родителями. Каждая из девушек была предварительно обсуждена до мельчайших деталей: не наблюдалось ли за ней что-либо в ее прошлом, не замечена ли в недопустимых привычках в настоящем! Однако, несмотря на такой тщательный отбор невесты для своего сына, они все-таки ошиблись. Избранница не оказалась долгожительницей — факт, который не мог быть предусмотрен. Когда же первая жена лорда Лондондерри скончалась, он захотел жениться во второй раз. Его выбор пал на Фрэнсис Энн, которую вполне устраивал брак с мужчиной в два раза старше ее. Этот союз утвердил ее репутацию лучшей хозяйки на приемах в кругу сторонников Консервативной партии.

После того как она родила лорду сына и дочь, она стала любовницей русского царя Александра I, который посетил в это время Лондон и был покорен молодой красавицей. Устоять перед искушением Фрэнсис не смогла. В конце концов, царь — это же совсем другое дело! Тем более когда он так красив и обаятелен! Щедрые подарки от русского монарха пополнили ее

коллекцию украшений. Ни муж, ни общество не осуждали ее, ведь любовная связь с императорскими особами — это не позор, а честь! Вот как отзывался о ней гость, приглашенный на устроенный в ее доме политический прием: «Ее манеры были аристократичны, величавы и слегка холодны. Она внушала благоговение всем, кто был ей представлен!»

Ее величавость прогрессировала с возрастом, и позднее она восседала перед нервничавшими гостями в золоченом кресле с золотым балдахином над головой. Имя этой женщины связано с еще одним очень важным лицом викторианского периода — Дизраэли (будущим премьер-министром Англии), которого она встретила на балу, когда ей было тридцать пять лет, а ему тридцать. Честолюбивый молодой человек не был испуган ее величественной холодностью. В своем письме сестре, вспоминая их первую встречу на маскараде, он писал: «Леди Лондондерри была одета, как Клеопатра, в платье, которое сверху донизу было расшито настоящими изумрудами и бриллиантами. Это выглядело как броня, которой она хотела защититься!.. Я был представлен ей по ее просьбе и провел с ней довольно много времени!»

Дизраэли быстро понял, какое значение в его карьере может сыграть эта женщина, и попросил разрешение писать ей. Их переписка к их взаимному удовольствию продолжалась двадцать лет. В ней они обсуждали все: от ежедневных дел до последних сплетен света. Ни одна прожилка общества не ускользнула от их наблюдений. Не будучи образцом поведения сама, леди Лондондерри порой очень ядовито осуждала неудачливых дам своего круга. Ее желчное перо задело и миссис Каролину Нортон, чей муж привлек к ответственности тогдашнего премьер-министра лорда Мельбурна (чей пост Дизраэли вскоре занял), узнав о связи с ним своей жены. Обиженный муж потребовал забрать у изменницы детей и конфисковать все до последнего пенни из денег, изначально принадлежавших ей. Это дело, закончившееся не в пользу миссис Нортон, вскоре повлияло на некоторое улучшение в правах на собственность для

замужних женщин. Но в глазах леди Лондондерри несчастная женщина скорее заслуживала презрения и насмешки, чем симпатии.

Дизраэли довольно часто обращался за советами к своей наставнице и часто был приглашаем в ее коттедж в Ричмонде. «Это самый симпатичный, маленький домик на свете, скорее павильон, чем вилла, весь увитый зелеными растениями, внутри — везде белый ситец и зеркала. Земля вокруг него очень богатая, ее много, и протекает Темза. Ужин был превосходный, но без серебряных блюд. Фарфор прекрасен, как и сама зала с букетами для каждого гостя и пятью большими пирамидами с розами вдоль стола».

Переписка между Фрэнсис и Дизраэли продолжалась и после смерти ее мужа, когда она, как и другие матери, проявляла сильное беспокойство о своих сыновьях, ушедших на Крымскую войну.

Полная энергии, но не имевшая возможности помочь войскам, она занялась собственным поместьем. Когда Дизраэли посетил Фрэнсис, он написал: «Это потрясающее место с потрясающей хозяйкой! Там в огромном парке с оленями у нее находится дворец. Там же в лесу дорожки для верховой езды и все возможности для прекрасной охоты. Однако она предпочитает жить на берегу океана, окруженная ее многочисленными колли, не переставшим работать телеграфом, ее железными дорогами, несколькими пароходами и четырьмя тысячами мужчин на ее фабрике под ее контролем. Однажды, приехав туда, она обедала со всеми 4000 рабочих. У нее даже есть собственный порт с каменным зданием конторы на берегу, где реет ее флаг». Как генерал — командующий армией, Фрэнсис Энн раздавала приказы. Она обожала общество мужчин, и они отвечали ей взаимностью. Леди Лондондерри была наделена тремя необходимыми качествами: родословной, богатством и необычайной энергией.

Английским обществом управляли такие влиятельные леди, как она. Однако не у всех викторианских леди была такая насыщенная жизнь. Те, у кого не хватало денег, страдали от постоянной нужды, а те, у кого они были, — от постоянной скуки.

Женский вопрос

Неравное отношение к мужчинам и женщинам наблюдалось практически во всех странах. В Европе при переписи населения не учитывались лица женского пола, а в России, например, дополнительные наделы земли выделялись только при рождении сыновей. При появлении на свет девочек, независимо от количества ртов в семье, границы земельного участка оставались теми же. При выборах в парламент или Государственную думу учитывались только мужские голоса. На заседаниях дамам разрешалось присутствие в виде исключения и лишь в качестве зрителей. Причем обсуждения практически приравнивались к священнодействиям в мечетях, поскольку и там и там представительницы слабого пола сидели на балконе, невидимые для присутствовавших мужчин. Женская прислуга, на чьи плечи ложилась основная тяжесть работы по дому, останавливаясь на минуту, чтобы передохнуть и вытереть пот со лба, часто наблюдала праздных мужчин: то спящих на соломе конюхов, то игравших друг с другом на деньги лакеев, то вечно перекуривавших истопников. При этом жалованье служанок было ниже, чем слуг. Работницы у станка за ту же работу, которую выполняли мужчины, получали в три раза меньше денег. Именно женщины на спичечных фабриках были первыми, кто начал отстаивать свои права на производстве, борясь против очень низкой заработной платы и чудовищных условий труда. Дочери обедневших аристократов, чтобы прокормить себя и близких, порой нанимались на работу гувернантками в богатые дома. Разбогатевшие предприниматели, не получив достойного воспитания сами, охотно брали на работу бедных аристократок, чтобы те учили манерам их детей. Это был нелегкий хлеб. Как мы уже говорили выше, прислуга ненавидела гувернанток. Хозяева, подчас сами не умеющие держать себя в обществе, также искали случая, чтобы унижить рафинированных барышень, подозревая, что те смотрят на них свысока и подмечают все их промахи. Ситуации, подобные описанной в любимой книге XIX века «Джен Эйр», когда бедная гувернантка была оценена

по заслугам, а богатый наниматель разглядел под скромным нарядом ее золотое сердце и женился на ней, случались очень редко.

Женщины хотели, чтобы их допустили в сферы профессиональной жизни, такие как наука, юриспруденция, литература и так далее, ведь, чтобы напечатать свои книги, они были вынуждены брать мужские псевдонимы. На конец XIX века приходится основание феминистского движения и начало борьбы женщин за свои права. В это время часто можно было увидеть на улицах крупных городов демонстрации из решительно шагавших дам, несших крупные плакаты «Равноправие!», «Места в парламенте — для женщин!», «Выборы — для женщин!», где между шляпками разных цветов и фасонов проглядывали первые стриженные женские головки.

Конечно, большое влияние на женское движение оказала Французская революция, произошедшая в 1848 году, после которой дамы стали восприниматься как товарищи по оружию. Первая мировая война, когда женщинам пришлось заменить мужчин не только в доме, но и во всех сферах жизни и производства, показала их способность решать многие проблемы не хуже мужчин, а иногда и лучше. Достигнув многого в политической жизни, дома тем не менее дамам то и дело приходилось сталкиваться с мужским диктатом. Подобное отношение сохранялось до шестидесятых годов XX века. Во многих домах, прежде чем зажечь камин, жена смотрела на мужа, спрашивая взглядом его разрешения. Однако там, где мужчина брал силою, женщина обходила его ласкою! Так делали умные жены во все времена, показывая внешне для всех, что главные решения в доме принимаются главой семьи, в то же время настаивали на своем. Победить мужчину силой нельзя! Напролом — только лоб расшибить! В обход, милые! Всегда в обход!

УКЛАД ЖИЗНИ В БОГАТЫХ СЕМЬЯХ

Чем выше поднимался мужчина по социальной лестнице, тем в большем количестве мужской прислуги он нуждался, чтобы подтвердить свой статус. Это и понятно, ведь когда в его доме насчитывалось около сотни комнат, залов, покоев и помещений, а границы парка не уместались в пределах видимости, необходимы были люди, которые приводили бы все это хозяйство в порядок. В огромных аристократических дворцах количество слуг всегда превышало количество служанок, понятно было, что первые чаще нанимались не для дела, а для престижа. Ведь это так впечатляюще, когда ряд молодых высоких красавцев, одетых в богатые ливреи (в начале правления Виктории) и униформу (в конце), выстраивались перед парадным входом, или прислуживали за столом, стоя за спинами гостей, или же просто бежали рядом с каретой хозяев.

Когда семья выезжала в собственном экипаже, пара лакеев усаживалась на кóзлах сзади кареты и оттуда холодно поглядывала на проходящих. Их обязанности в дороге носили не только декоративный характер, они должны были помогать хозяину в случае неприятных встреч, защищать от разбойников, отпугивать попрошайек и бездельников и останавливать всякого, кто препятствовал продвижению экипажа. По достижении ме-

ста назначения, лакеи, спрыгнув с задка, опускали убранную внутрь лестницу и помогали хозяевам сойти. Если при остановке прямо под ступеньками находилась лужа или грязь, то они обязаны были перенести леди на чистое сухое место, что порой происходило не без удовольствия с обеих сторон. В то время, пока мистер и миссис посещали знакомых, лакеи отправлялись в помещение для прислуги, где им зачастую наливали пиво или ставили небольшое угощение, там они обменивались последними сплетнями и флиртовали с горничными. Довольно часто хозяин посылал лакеев справиться о здоровье своих друзей, а в некоторых случаях отправлял их и с интимными поручениями. Часто именно от ловкости лакея зависело, возвращался ли он к своим хозяевам с пригласительным письмом, или запиской, отказывавшей в приеме. Присутствие мужской прислуги придавало важность любой поездке и визиту. Довольно привычной в начале XIX века была картина, когда вся мостовая перекрывалась шедшими в ряд, один за другим, лакеями в красивых ливреях, каждый из которых нес по одному предмету (к примеру, стул) за своими хозяевами, ехавшими в каретах вместе с гостями на прогулку в парк. Внушительная демонстрация богатства и могущества, учитывая то, что дорога оказывалась перекрытой для остальных, менее достойных путешественников.

С другой стороны, важные сытые лакеи, получавшие к тому же постоянно чаевые от гостей, разлагали рабочую атмосферу в доме и от хорошей жизни часто теряли свою стройность. Вот бы и выгнать их тогда. Но нет. В очень богатых домах, где мужская прислуга превышала своей численностью женскую, все понимали, что она служила для демонстрации достатка, а не для работы, которая в основном ложилась на женские плечи. Часто лакеев нанимали не по их деловым качествам, а учитывая их внушительный рост и приятную внешность. Никто из хозяев не хотел разбивать комплект. Лакеев полагалось иметь четным числом. Пара ставилась внизу у парадной лестницы, другая пара стояла за дверями, третья бежала по обе стороны от кареты. Женская прислуга получала за большую работу гораз-

до меньшие деньги. Когда же вопрос о подобной несправедливости ставился перед хозяином, он, в замешательстве, часто не мог ответить, почему так происходило, и несмотря на это, хозяева скорее бы уволили трудягу горничную, чем бездельника лакея.

В это время пропасть между господами и слугами была все еще так велика, что последние воспринимались как домашние животные или мебель, служившая только для удобства хозяев. К примеру, герцог Сомерсет был известен тем, что ни при каких обстоятельствах не разрешал никому из слуг заговаривать с собой, заставляя всех объясняться с ним жестами. Когда он ехал в карете, по бокам от нее скакали всадники, загораживая его от любопытных взглядов толпы.

Княгиня Бекингемская была так горда, что, подражая придворному этикету, требовала поклонения не только от прислуги, но и от друзей. К примеру, она принимала визитеров, сидя на возвышении под балдахином, не разрешая никому сидеть в своем присутствии. От всех своих знакомых она требовала принести клятву, что, даже стоя у ее гроба, они не позволят себе присесть. Для того чтобы тешить такое невероятно раздутое самолюбие, требовалось колоссальное количество слуг, которых порой было так много, что они слонялись без дела, и так привыкали лениться, что даже свои прямые обязанности старались спихнуть на кого-нибудь другого или не выполняли их вовсе. Гости дома тогда наблюдали сытые, насмешливые физиономии, лишенные подобострастия, и жаловались на наглость и даже грубость прислуги. Порой, в отсутствие конюха, дворецкий отказывался закрыть ворота конюшни, доказывая, что он не привык ухаживать за лошадьми, лакей старался не заметить в зале завернувшегося края ковра, ожидая, когда это сделает горничная, а последняя, пробегая мимо двери, услышав входной колокольчик, предоставляла право рассерженному дворецкому самому открывать пришедшим. Все они ни за что не сделают и шага, пока им строго-настрого не прикажут. И тогда будут долго жаловаться, что были взяты на службу совсем для другой работы.

Правда, и хозяева своим отношением к слугам отнюдь не способствовали их рвению в работе. Довольно

привычными среди господ являлись удивление и возмущение тем, что слуги не желают принимать побои и ругань с покорностью, а от некоторых в ответ можно услышать не только малоприятные слова, но и угрозы.

К примеру, один лакей требовал от своего хозяина уволить его, иначе он может подать на него в суд за оскорбления. На что хозяин ему ответил: «У тебя есть право на свободу, как у любого англичанина, но это не приравнивает тебя к джентльмену».

Однако такие проблемы были во все времена. В XVIII веке, высмеивая поведение нерадивых слуг, Джонатан Свифт в своих ироничных рекомендациях советовал лакеям: «Прислуживая за столом, не нужно надевать носков, потому что молодым леди нравится настоящий мужской запах, особенно от ног. Сервируя стол, чистые тарелки лучше держать под мышками или заткнуть их за ремень брюк». Во время благодарственной молитвы перед началом ужина, когда господа и гости вставали, советовал выдвинуть их стулья, чтобы они все попадали на пол и развеселились. Горничным давал наказ выливать содержимое ночной вазы своей хозяйки прямо из окна, поскольку неприлично для мужской прислуги видеть, что госпожа испытывает необходимость в подобном предмете. Конюха отправлял в рабочее время скакать по своим делам на любимой лошади хозяина с целью выгулять животное. А дворецкого предупреждал, что если его господин не обращает ни малейшего внимания ни на гостей, ни на членов семьи, то ему следует делать то же самое. Все эти ироничные примеры нерадивости слуг доказывают, что Свифт списал их из жизни.

Вся Англия жила по правилам поведения, которые были продиктованы как для господ, так и для прислуги. Того, кто не соблюдал их, говорил не то, что нужно, не там, где положено, одевался не так, как предписано, был не там, где требовалось, и имел свое мнение, отличное от дозволенного, общество вычеркивало из своих рядов, даже не взяв на себя труд прислушаться и присмотреться к изгою. В принципе, в этом нет ничего удивительного. Англичане и по сей день, в прямом смысле слова, гуляют только по тем дорожкам, которые до это-

го были разрешены местными властями и, встречая нового человека, стремятся пристроить его на определенную социальную полочку, чтобы знать, как с ним общаться и нужно ли вообще. Миссис Битон, чьи книги по ведению домашнего хозяйства были самыми популярными руководствами в Англии, учила так обращаться со слугами: «Лучше всего, адресуясь к ним, использовать твердую интонацию. Джентльмену необходимо давать свои указания в следующей форме: “Я был бы благодарен, если бы лошади были готовы как можно скорее!”, “У нас сегодня ожидаются гости, Генри, приготовь, пожалуйста, самый лучший бренди!”

У леди голос должен быть ровным при разговоре со слугами, но с повышенной интонацией в конце, чтобы было ясно, что хоть она и просит выполнить задание, плохая служба повлечет за собой наказание».

Миссис Битон настаивала на том, чтобы прислуга ни при каких обстоятельствах не садилась в присутствии своих господ. Слуги не должны высказывать своего мнения, пока их не спросят, и даже «Доброе утро!» и «Добрый вечер!» должны произносить только в ответ на приветствие от своих хозяев.

Советы эти были очень нужны. В законопослушной Англии, где вся жизнь строилась по бумаге, в каждом доме возникали ситуации, когда жильцы не были уверены в правильности своих решений. Например, как поступать в случае, если хозяин напрасно обвинил или даже наказал слугу. По этому поводу шли настоящие дебаты. Многие аристократы считали, что напрасный упрек не должен быть причиной извинения господина перед слугой. Миссис Битон рекомендовала по этому вопросу следующее: если это и необходимо сделать, то так, чтобы не уронить достоинство леди или джентльмена.

Знаменитый английский аристократ, любимый нацией генерал, победитель битвы под Ватерлоо, князь Веллингтон поступал в таких случаях по-своему. Если кто-то из его близких слуг был наказан им по ошибке, он вызывал его к себе, спрашивал о чем-то и как бы невзначай говорил: «Спасибо, я тебе очень признателен!» Такое выражение чувств из уст сурового генерала было

настолько непривычным, что на язык слуг оно переводилось, как: «Я был не прав! Прости!»

Несмотря на то что большинство семей могли нанять всего одну служанку, исполнявшую всю необходимую работу в доме, проблемы высшего класса оказались так же близки и среднему. Если недостаток семьи увеличивался и в помощь брались еще кухарка и горничная по дому, тут же начинались проблемы. Многие хозяйки жаловались, что пока работала одна служанка, она безропотно сносила замечания, прислушивалась к просьбам, и на нее можно было положиться. Однако когда в доме появлялись другие слуги, тут же начинались склоки между ними. Очень часто можно было услышать такой разговор между дамами.

«— Как вам горничная по дому, которую я рекомендовала?»

— О дорогая, я вам безумно благодарна! Она послушна и догадлива. Казалось бы, большего и желать не надо! Но нет конца моим мучениям!

— Но отчего же? Она что же, строптивая или ленива?

— О, дело не в этом! Право, даже не знаю что сказать! Раньше я страдала от того, что у меня была всего одна служанка. Теперь у меня три, и я страдаю еще больше! О, Боже! Дай мне силы все это перенести!

— Милая, доверьтесь мне. Поверьте, все мы натерпелись от плохих слуг!

— Это настоящее мучение! Горничная по дому выслушивает и принимает указания от меня, но не от кухарки, кухарка игнорирует все, о чем ее просят горничные. Они постоянно сплетничают друг о друге, а на собственную кухню я вообще теперь войти не могу, потому что кухарка сразу же надувает губы и всячески показывает свое недовольство! Право, голубушка, я чувствовала себя покойнее, когда была только одна служанка! Но ведь в обществе не поймут! Надо же соответствовать!»

Самые большие неприятности заключались в том, что прислуга сплетничала, подслушивала и рассказывала все хозяйские секреты. Скрыть что-то от нее было практически невозможно. В России для этой цели использовали французский язык, на котором дворяне го-

ворили между собой. Он был не только признаком достойного воспитания, но и необходимой мерой, препятствующей распространению семейных секретов. В Англии, исторически недолголюбивавшей Францию, аристократы говорили на родном языке, языке высшего света, который тоже не всегда был понятен простым людям, но все же использование его облегчало задачу для сплетников. Кроме того, настоящие джентльмены и леди были воспитаны так, что им порой и в голову не приходило, что люди могут быть так низки, чтобы подслушивать. Они часто полагались на преданность слуг, помня, они сами и их родители были окружены одними и теми же людьми в течение многих лет.

Порой порядочность или наивность господ приводила к тому, что они и не подозревали, что зависят от слуг гораздо больше, чем предполагали. Вот выдержки из книги того же Свифта, который много наблюдал за работой прислуги, списывая свои примеры из жизни и не переставая иронизировать: «Кому как не вам следить за тем, с кем ваша хозяйка заводит знакомства! Если вы не одобряете тех или иных людей, может быть, по причине, что они вас как-то задели, или оттого, что их дом неудобно для вас расположен и далеко будет носить письма, доставляйте послание от вашей госпожи в такой манере, которая испортила бы отношения между домами до такой степени, чтобы невозможно было бы примирение».

И конечно же благородным аристократам и в голову не приходило, что у слуг есть свои комплексы и амбиции. «Если господа приказали вам следовать за ними, на случай, если им понадобится послать вас с каким-нибудь поручением или просто для того, чтобы вы открывали перед ними двери, старайтесь идти не позади, как они того желают, а рядом. Тогда прохожие будут думать о вас, что вы или идете сами по себе, или являетесь приятелем ваших господ. Однако если «Их светлости» повернутся к вам и обратятся за чем-нибудь и вы, как того требуют правила службы, вынуждены будете снять головной убор, то сделайте это двумя пальцами, как будто вы просто хотели почесать голову».

Другие сатирические советы к мужской прислуге были следующими: «Если вас посылают за чем-то из дома, то не нужно возвращаться сразу же после того, как поручение выполнено. Используйте возможность и отсутствуйте четыре, шесть, а то и восемь часов. Оправдаетесь тем, что ваш дядя пришел к вам повидаться за несколько десятков миль, ваш отец прислал вам корову на продажу, поранили ногу, и прошло несколько часов, прежде чем вы смогли передвигаться, кто-то вылил вам на голову помой из окна, и вы стыдились возвращаться, пока запах не пройдет, и так далее».

Домоправительница, управлявшая женской прислужкой в богатых домах, принимая на работу новую служанку, объясняла ей ее функции в доме: «Слуги нужны для того, чтобы хозяин и хозяйка могли заниматься очень важными делами. Даже если они отдыхают, их голова забита мыслями высшего порядка».

Образование портит слуг. Безграмотному населению легко было внушить мысль о том, что даже если хозяева целый день проводили в праздности, то в это время они предавались мыслям о добывании хлеба насущного, чтобы прокормить слуг, или думали о пользе отечества, или молились Богу о ближних. Такие поучения внушали уважение к господам, ведь, как известно, слуга тогда преданней, когда он смотрит на хозяина снизу вверх.

Невозможно служить тому, кого презираешь! Ситуация со слугами очень сильно осложнилась после Французской революции. Англия, соседняя страна, сразу почувствовала переменявшееся отношение. Прислуга стала высказывать претензии, настаивать на своих условиях. В это время выходит много карикатур на эту тему. В иных горничные настаивали, что поедут сопровождать хозяйку по железной дороге только в вагоне первого класса. Няня требовала для себя более роскошную одежду, объясняя, что ей стыдно показываться в поношенном платье, так как она гуляет с малышами в аристократическом районе. Лакей отказывался выполнять некоторые поручения, так как ему не хотелось, чтобы его видели в районе для бедных.

Слуги учили новеньких, как обращаться с господами: «Во-первых, ни при каких обстоятельствах не заменять

обязанности отсутствующих слуг. Это проблемы хозяев, пусть они сами их и решают. Во-вторых, входная дверь не должна быть открыта до тех пор, пока колокольчик не прозвенит четыре раза, потому что только собака прибегает к своему хозяину по первому свистку».

В это время создается великолепная серия произведений, написанная английским писателем П. Г. Вудхаусом, «Дживс и Вустер». В ней рассказывалось об удивительных взаимоотношениях между хозяином и слугой. Здесь впервые образ последнего занимает не второстепенное место, как было во всех произведениях до тех пор, а равное. Автор создал комедийный образ доброго, но недалекого хозяина-холостяка по имени Берти Вустер, вальтером и дворецким у которого (джентльменом джентльмена) служил знаменитый Дживс. Этот бессменный слуга-друг, будучи более образованным и умным, чем его наниматель, ненавязчиво и настойчиво оберегал своего господина от многочисленных ошибок, воистину являясь хозяином в этой служебной ситуации.

Жизнь никогда не соответствует правилам, не идет по нарисованным линиям, игнорирует продиктованные сценарии.

Верхняя и нижняя прислуга

Слуги подразделялись в зависимости от их должности и близости к семье в доме, куда они были наняты на работу.

На первом и в подвальном этажах чаще всего располагались кухня и подсобные помещения, а в верхних находились личные покои хозяев. Отсюда и пошло разделение на тех, кто под лестницей, то есть нижних слуг, и на тех, кто над лестницей, то есть верхних. Верхние — это те, которые находились в непосредственной близости к хозяевам, обслуживая их дома или в поездках; или руководили теми, кто заботился об их собственности: имении, лошадях, саде, оранжерее, доме. К верхним слугам относились: дворецкий, домоправительница, кухарка, главный садовник, главный конюх,

кучер, вalet, горничная леди, няня, гувернантки и гувернеры. Нижние слуги: горничные по дому, лакеи, кухонные служанки, прачки, посудомойки, мальчишки на конюшне, работники в саду и т. д. Главой всех работников считался дворецкий. Это был вышколенный, мало-говоривший слуга, державший всю мужскую прислугу в строгости. Женская, хоть и считала его главнее всех после господ, все же более боялась домоправительницы, которая была гораздо искушеннее во всех женских хитростях. Хозяин обычно давал указания дворецкому, а хозяйка выясняла все вопросы и давала распоряжения через домоправительницу.

У последней была своя отдельная, хорошо обставленная комната, и одна из кухонных служанок, помимо своих ежедневных обязанностей, прислуживала ей. В этой комнате верхние слуги собирались для завтрака, чая, а иногда и для ужина. Однако на обед они спустились вниз в общую столовую, и все нижние слуги вставали и ждали молча, пока верхние не занимали, согласно субординации, свои места за столом. Во главе его с обеих сторон сидели дворецкий и домоправительница. По правую руку от нее — кухарка, а по левую — горничная леди. По обе стороны от дворецкого размещались его помощник и кучер. Дворецким производилась молитва, и далее все приступали к еде. Нижние слуги не решались сами начинать разговор. Они были слишком заняты тем, чтобы следить за своими манерами за столом. Тот, кто не умел пользоваться ножом и вилкой, старательно скрывал это, перенимая у старших слуг «сложную науку» держать приборы. Верхние также молчали, приберегая разговоры до того момента, когда после главного блюда они поднимались в комнату домоправительницы на чай с пудингом.

По субординации английского дома горничная или лакей не могли напрямую пожаловаться леди или джентльмену на несправедливость. Считалось недопустимым первыми начинать разговор с господами, несмотря на то, что они видели своих хозяев каждый день. Слуги, как и дети, должны были быть слышны только тогда, когда к ним обращались.

В своих лучших качествах английские дворецкие и лакеи были величественны, уравновешенны, обходительны, учтивы, почтительны и готовы к услугам, которые они выполняли, не роняя своего достоинства. Многие иностранцы завидовали хозяевам, имевшим таких слуг. Один из них жаловался на то, что, приехав в дом к очень образованной даме во Франции, был поражен, увидев, как лакей, положив сахар в чашки гостей, намочил при этом свои пальцы. Более того, заметив, что носик чайника засорился, он преспокойно продул его, чтобы освободить от заварки. Подобное было невозможным в Англии, и британских слуг часто увозили в Америку, Австралию и Европу. До сих пор дворецкие из Англии придают солидность любому дому.

В пьесе Генри Филдинга «Урок отцу» героиня Люси осуждалась за то, что была влюблена в лакея. В свое оправдание она воскликнула: «Да, в лакея! Но он выглядит и говорит в тысячу раз более похоже на джентльмена, чем сквайры Фоксчейз или Танкард. Он даже пахнет совсем как джентльмен! У него так аккуратно уложены волосы, сверху вниз намажены сахаром, как пирожное, с тремя симпатичными кудряшками с каждой стороны. Его ноги в белых аккуратных чулках стройны, как у высокой красивой птицы; а в руках у него всегда трость, которой он качает взад и вперед и которой он свалит с ног любую собаку, которая вздумает меня укусить!» Это описание слуги начала XIX века.

О важности некоторых лакеев и дворецких ходило много анекдотов. Дворецкий одной важной особы однажды сказал графу Вюртембергскому, когда тот, постучав, поинтересовался, дома ли хозяин, что он еще спит и не стоит его беспокоить.

«— Почему же ты не попросил его подождать, не пригласил в дом? — негодовал аристократ, узнав об этом. — Разве ты не знаешь, что это иностранный принц? Что он королевской крови!

— Нет, сэръ! — последовал ответ. — Я думал, что он обычный граф!»

Британские слуги были известны не только своей вышколенностью, но также и привычкой к чаевым. Разорившийся ирландский пэр, в ответ на приглашение

поужинать, заметил князю Ормондскому: «Если ваша светлость будет давать мне гинею каждый раз, когда мне нужно будет дать на чай вашим слугам, то я согласен принять ваше приглашение! Иначе, я слишком беден!» И после этого гинея высылалась с каждым приглашением на обед. Другой обедневший аристократ Александр Поп получал пять гиней от князя Монтегю. Сатирик доктор Шеббер заметил, что такая система создает английским аристократам дурную репутацию: «В то время как хозяева с невинным видом притворяются, что не замечают, как гости расплачиваются за свой визит, давая чаевые слугам, те, в свою очередь, невнимательны и дерзки, потому что знают, что не из кармана их светлости они получают свои деньги».

Один ирландский аристократ, лорд Таафи, известный своей эксцентричностью, как-то открыто заметил своим гостям: «Если вы хотите что-то дать, то дайте лучше мне, ведь это я оплатил этот ужин!» В начале века довольно обычным явлением было построение слуг в холле во время проводов гостей. При этом они открыто протягивали руки за получением вознаграждения, которым каждый уходивший гость чувствовал себя обязанным их оделить.

В доме, хозяином которого являлся господин выше среднего достатка, но без претензий, давалось два шиллинга шесть пенсов каждому верхнему слуге, и шиллинг три пенса нижнему. Если гость был высокого ранга: известный, богатый человек или заморский принц, то от него ожидалось чаевые уже совсем другого уровня. Прогон «сквозь строй» мог стоить ему десяти фунтов — годовое жалованье горничной в богатом доме. Время от времени гости протестовали против таких поборов со стороны слуг. Об этом говорит популярная история об одном госте-капитане, которому его вещи — головной убор, шпагу, трость и часы — принесли разные лакеи, каждый из которых рассчитывал получить чаевые. Когда последний принес перчатки, капитан отказался их принимать, сказав, что они слишком изношены, чтобы заинтересовать даже перекупщика, и оставил лакеев без подачки.

Другие гости, покидая дом и видя протянутые руки слуг, пожимали их вместо того, чтобы лезть за кошель-

ком, а некоторые награждали каждого слугу яблоком. Некий офицер срезал серебряные пуговицы со своего мундира и вложил их в протянутые ладони. В доме одного герцога разгорелся настоящий скандал, когда покидавший ужин гость стал утверждать, что при пожании руки стюарда (управляющего) вложил в ладонь двадцать гиней, а слуга уверял, что ничего не получил.

«Разве это не отвратительный и жалкий фарс, когда самые великие люди в королевстве вынуждены давать такое представление?» — восклицал современник. Джентльмены, известные тем, что старались избежать вознаграждения чужих слуг, либо не приглашались более, либо становились предметом всевозможных насмешек. Вот что говорил по этому поводу один из таких гостей: «Если я осмеливался попросить вина, то после бесконечного ожидания я получал слив из всех бокалов в грязной рюмке. Если я протягивал тарелку, то лакей видел всех гостей, кроме меня, и я был вынужден есть баранину с рыбьим соусом, и анчоусы с яблочным паем. Когда же я уходил, то в кармане пальто я обнаружил бумажку с чем-то невыразимо отвратительным внутри. А когда выкрикнули мою карету, то оказалось, что сбруя на лошади была порезана».

Чаевые ожидалась не только от гостей, приходивших на ужин или живших в доме некоторое время, а даже от посторонних людей, по каким-то причинам зашедших к хозяину. Если такой визитер не позаботился о том, чтобы вложить в ладонь дворецкого или лакея наградные, то скорее всего ему говорили, что хозяина нет дома. Таким образом, часто слуги определяли, с кем видаться их джентльмену, а с кем нет. Один слуга написал как-то в известный в то время журнал «Мир»: «Хороший лакей тот, кто хорошо знает свое дело, старается сделать все возможное, чтобы не допустить к столу своего хозяина людей ниже его по своему статусу». При этом, естественно, собственные интересы ставились на первое место, поскольку от таких гостей бесполезно было ожидать чаевых.

Зависть между слугами была постоянной. Каждый из них следил за тем, сколько чаевых получил другой. Историю одного лакея, описавшего свою службу, мы мо-

жем узнать благодаря Джону Макдональду. Он пришел в Эдинбург мальчиком, после того как остался сиротой. Сначала он ходил поводырем у слепого скрипача, затем в возрасте девяти лет стал прислуживать в семье Гамильтон. В доме было восемь горничных леди, четыре палатных служанки, две прачки и много других слуг, то есть гораздо больше женской прислуги, чем обычно в аристократических семьях. Старые слуги научили мальчика читать, и он стал везде носить блокнот. В своих воспоминаниях он писал, что получаемые от гостей деньги слуги должны были делить в неравных и часто несправедливых пропорциях с верхними слугами. Когда он еще мальчиком служил фореитером на конюшне, то кучер часто его порол за то, что он прятал свои деньги. Несмотря на это, он все-таки отдавал только их часть.

При устройстве на работу предпочтение отдавалось домам, хозяева которых устраивают у себя приемы, ужины и балы не реже, чем дважды в неделю. Если же они принимали гостей лишь несколько раз за год, то найти слуг им было не очень просто.

Однажды сэр Тимоти Уалдо, проведя приятный вечер за ужином в особняке его светлости, герцога Ньюкасла, положил крону в руку повара. Возмущенный повар вернул деньги со словами:

«— Сэр, я не беру серебро!»

Сэр Тимоти ответил:

— Вот как! Ну а я не даю золото на чай!»

Хануэй, опубликовавший «Восемь писем Его Светлости на предмет чаевых, даваемых в Англии», писал, что когда гости развлекают хозяина приятной беседой, они ничего не требуют взамен. «А вот слуги Вашей Светлости заставляют их платить в десять раз больше, чем ваши гости порой могут им дать! Столько чаевых, как в Англии, не дают слугам нигде в Европе. Даже в России и Португалии, что отстали от нас на несколько веков, не встретишь такого!»

В своих письмах он приводит анекдот в качестве подтверждения своих слов. Как-то герцог Ормондский гостил некоторое время у своего французского знакомого. Уезжая, он оставил слугам определенную сумму денег по английской традиции. Когда хозяин узнал об

этом, он бросился догонять его и гневно спросил, есть ли у того претензии?

«— Нет! — ответил аристократ. — Я никогда так прекрасно не проводил время!

— Так почему же вы тогда оставили деньги слугам, как будто вы останавливались у меня как в отеле?!»

Француз был так этим оскорблен, что предложил выбор: или дуэль с хозяином, или гость берет свои деньги назад! Герцог предпочел забрать деньги, в которых он в тот момент очень нуждался.

Сам Ханвэй хоть и выступал против чаевых, все же время от времени давал их симпатичным горничным. Они принимали их с улыбкой и приседанием, что было гораздо приятнее, чем надменное выражение лиц у лакеев. Против системы чаевых вскоре запротестовали аристократы и дворяне. Их поддержал король Георг III, запретив своим слугам принимать деньги. Когда он посетил театр, то был встречен возмущенными возгласами, продолжавшимися все представление. Просидев с невероятным спокойствием до конца, он еще больше укрепился в своем мнении и предложил своим подданным, вместо того чтобы платить чужим слугам, повысить жалованье своим собственным. Это и было сделано впоследствии.

Однако многие из высокооплачиваемых слуг все равно остались недовольны, поскольку теперь размер их жалованья равнялся полученным за год чаевым. Не найдя работу в Англии, они эмигрировали в другие страны, где вышколенные английские слуги были в большой цене. В правление королевы Виктории в книгах по этикету советовалось когда, кому и сколько нужно давать чаевых, что позволяло всем сторонам прийти к компромиссу: слуги знали, сколько они получают (в разумных пределах), а гости знали, сколько денег нужно было приготовить заранее.

Неписанным правилом являлось то, что хозяин должен заботиться о своих слугах, если они заболели, и в случае необходимости вызывать к ним доктора. «Вы можете смеяться надо мной, мадам, но это довольно неприятно, когда ты берешь на работу старую кухарку, желтую, как лимон, и узнаешь, что ее соблазнил собака

кучер. К довершению всего, у нее случается выкидыш и она заболевает водянкой! Все мои слуги теперь уверены, что в тот момент, когда они станут бесполезными, с точки зрения работы, я буду держать их и устраивать в своем доме богадельню!»

Автор этого письма был аристократом и имел огромный дом, где могли разместиться больные и старые. В том случае, когда хозяева не могли держать больных из-за недостатка финансов или свободной площади и приходилось нанимать нового слугу из-за потерявшего трудоспособность прежнего, заболевшего отсылали домой или в рабочий дом (последнее было равносильно каторге). Подчас заболевшие служанки отсылались в госпиталь и там становились приманкой для сводников и хозяек борделей. Легко им было, пользуясь беспомощностью и наивностью девушек, делать вид, что им небезразлична судьба несчастных. А в конце предъявить бедняжкам счет за оказанную «помощь», который они не в состоянии были оплатить, и обманутые девушки вынуждены были отрабатывать, продавая свое тело. В XIX веке госпитали кишели недоями, рассчитывавшими сделать из неопытных девушек успешный товар для своих нужд.

И конечно, перед господами стояла проблема, куда девать старых слуг, которые по своему возрасту уже не могли ухаживать за хозяевами. Многие из стариков стремились устроиться на работу в церковные приходы, где после двенадцати месяцев труда они получали место пожизненно. Но даже здесь стоимость ухода за больными была так высока, что в приходы принимали на работу людей на 11 месяцев, оставляя за собой право уволить их в конце этого периода. Однако трудолюбивые, здоровые и трезвые люди при умеренных тратах могли к старости накопить достаточно средств, чтобы обеспечить себе кусок хлеба и крышу над головой. Верхним слугам с их хорошим жалованьем сделать это было гораздо проще. Все они мечтали, что однажды, удалившись от службы, купят таверну или дом для сдачи в наем, женятся на домоправительнице или надежной горничной по дому и вместе будут содержать собственное хозяйство.

Другой проблемой для господ являлось то, что не вся прислуга была надежной и честной. Лень, пьянство, воровство довольно часто встречались в этой среде. От иных слуг хозяева не знали, как отделаться. Плохие лакеи и горничные нуждались в рекомендациях от бывших хозяев, пожалуй, еще больше, чем хорошие. Довольно частой была картина, когда уволенный слуга приходил к своему джентльмену, даже после того как ограбил его, и просил: «Вы, ваша светлость, такой достойный господин, не будете же вы губить бедного слугу, которому не на что надеяться, кроме как на свой характер и собственные руки для добывания куска хлеба! Вам зачтется на том свете за вашу доброту!» Подобный шантаж чаще всего срабатывал. Никто не хотел брать греха на душу в том, что довел человека до еще большего падения. И лгун, лентяй, вор и пьяница получал рекомендацию в руки, как достойный и трудолюбивый слуга. Главное — сбить его с рук. Но были, конечно, и хозяева, которые называли вещи своими именами, как, например, Чарлз Беркли, сын четвертого лорда Беркли:

«Катрин Йорк — самая лучшая кухарка из тех, которые были у меня за двадцать лет. Она оставалась у меня десять месяцев. Я верю, что она честна, хотя и не очень изобретательна на кухне, и любит чистоту. Правда характер ее подобен углю, который, загораясь мгновенно, своими искрами скоро доходит до крыши. Она страстна и неуправляема в своей воле. У нас было много ссор из-за того, что я открыл много погрешностей, касаемых стола. Последняя ссора произошла из-за того, что моя жена, как обычно, послала свою горничную потушить везде свет, и Катрин Йорк закрыла дверь на кухню на задвижку, не разрешая ей войти. Я не вычел из ее жалованья за пьянство, но она бывает очень импульсивна, когда пьет. Я боялся, что она сожжет весь дом! Рекомендую ее для устройства на работу!»

Верхние слуги были уважаемыми в своем круге людьми, и не случайно, ведь у них в подчинении находилось несколько душ. У дворецкого, кучера и валета даже были свои клубы, как у джентльменов, куда они заходили, когда наступал их выходной день. Много при-

меров в истории, когда дворецкие, отойдя от службы, открывали свое дело за счет знакомств, приобретенных в доме бывшего хозяина, и часто становились богаче его.

Нижние слуги прислуживали не только господам, но и верхней прислуге. Лакеи утром выносили ночной горшок из комнаты дворецкого, младшая кухонная служанка будила кухарку, принося в ее комнату чай и вынося лишнее из ее спальни. Но однажды все менялось. В каждом богатом английском доме сохранялась традиция, заведенная много веков назад, когда хозяева становились слугами у своей прислуги. Конечно, это был больше фарс, чем настоящая служба. Ведь и горничные и лакеи знали, что если сегодня они будут непочтительны к своим господам, то завтра их не будет в имении. Скорее, это была дань религиозному учению, напоминая высшим, что не стоит зарекаться от тюрьмы и от сумы. Однако в этот день слуги облачались в лучшие одежды (чаще всего с господского плеча), а хозяева одевались очень скромно и обращались к слугам так, как те ежедневно обращались к ним.

— Что прикажете, ваша светлость. Будет исполнено, сэр.

Иногда господа, передразнивая лакея или мальчика на побегушках, говорили:

— Сэр, помните, как вы послали меня в табачную лавку и дали мне денег? Такая неприятность, сэр, я поскользнулся на улице и упал, и ваши деньги упали прямо в водосточную канаву. Я уж искал, искал, но не нашел!

Смышленный слуга, исполнявший роль хозяина, включался в игру.

— Не беспокойся, Джон, потеря не велика, я дам тебе еще. И в этот раз ты уж будь добр не обронить.

— Моя леди, мне нужно навестить больную тетушку. Но вы наверняка меня не отпустите, потому что я порвала мое любимое, ой, то есть ваше любимое платье.

— Ну что ты, Бетти. Конечно же я отпущу тебя навестить тетю. Кстати, это платье ты можешь забрать себе. В таком состоянии оно мне уже не нужно!

Так хозяева давали понять слугам, что все их хитрости им были известны. А слуги, в свою очередь, намекали на то, что хотели бы видеть господ более щедрыми. И все же, даже в игре, слуги не решались опуститься до той интонации, которую часто позволяли себе господа в обращении с ними, а горничные все так же суетливо вскакивали, видя, как не ловка их леди с черной работой.

Добрые хозяева, заботясь о своих слугах, также устраивали торжества для них во время больших религиозных праздников. Так, на Рождество они нанимали официантов и кухарку со стороны, чтобы их домашние могли повеселиться и потанцевать на славу. Сами они спускались к ним на час, отдавая долг вежливости, и после их ухода веселье разгоралось с новой силой. И все же таких хозяев, которые пеклись о своих слугах, встречалось не много. Человеку свойственно быть недовольным чужой работой, а во многих домах культивировалась подозрительность в том, не даром ли слуги едят свой хлеб. Придраться можно было к чему угодно. Например, горничные должны были убирать дом еще до того, как семья вставала по утрам. Хозяин обычно терпеть не мог видеть по утрам спящих слуг и хотел спокойно расслабиться в одиночестве или в присутствии супруги в домашнем халате. Если же горничные случайно встречались с господами в коридоре, они должны были отвернуться к стене и пропустить господ вперед или же прислониться к стене и опустить глаза и руки вниз. Как и любому человеку, который только что проснулся, хозяину не хотелось никого видеть и чтобы его видели по утрам. Если девушка от любопытства все же поднимала на него глаза, то за это ей могли запретить убираться в верхних комнатах и приказать не совать своего носа дальше кухни. Это могло быть очень чувствительным наказанием, особенно если в дом ожидался гости. Ведь тогда все служанки любили, приоткрыв дверь в танцевальную комнату, рассматривать наряды собравшихся дам. Слуги вообще любили смотреть, как развлекались хозяева, слушать игру на пианино, присматриваться к затеваемым играм, разглядывать красиво

одетых людей и перенимать их манеры. Все было интересно, так как вносило разнообразие в ежедневную рутину.

О чем молчал дворецкий

Дворецкий являлся лицом дома. От него требовалось, чтобы он держал себя достойно, даже надменно со всеми, включая хозяина (что никого не смущало), и своим видом придавал дому респектабельность. Величественность и степенность, присущая этой должности, шли вразрез с семейной жизнью, ворчащей женой и кричащими детьми. Она была по плечу только одинокому мужчине, не заботившемуся о том, чтобы унести что-то со стола своих хозяев голодным детям, и не лобавшим голову, как помочь своей жене. Поэтому как горничная, забеременев, немедленно увольнялась со службы, так и дворецкий, замеченный в любовной интриге, неизбежно покидал дом, где он порой проводил половину своей жизни. Утешением за безбрачную жизнь был его высокий статус. Как писал Чарлз Диккенс: «Он так часто обслуживал за столом людей самого высокого круга, что считал себя почти что наравне с ними». Для многих дворецких их должность являлась ступенькой в жизни, после которой, накопив состояние и заведя необходимые знакомства, он начинал заниматься торговлей и обзаводился семьей. Однако многие так привыкали к своей службе, сытой жизни и власти над всеми слугами, что предпочитали оставаться пожизненно дворецкими в одном и том же доме, служа отцу, затем сыну, а иногда и внуку. Их возраст и опытность в этом случае являлись плюсом, а не минусом. Однако такое было возможно только в семье, чье состояние оставалось стабильным и хозяева не страдали пагубными страстями, приводившими подчас к разорению.

В домах, где кроме женской прислуги трудились только лакей и дворецкий, последнему приходилось исполнять обязанности свои и валета. Утро его тогда начиналось с того, что он выкладывал на кровать одеж-

ду хозяина, состоявшую из нескольких перемен, приготовленную на день, которую он сам перед этим чистил и гладил. Он, правда, не укладывал волосы хозяина, как это делал вalet. Затем он вместе с лакеем приносил завтрак и обслуживал всю семью за столом. Утром в его обязанности входила подготовка газет для хозяина, когда он должен был прогладить горячим утюгом каждую страницу, чтобы тем самым высушить типографские чернила. До сих пор дворецкие принца Чарлза и принца Эдинбургского гладят газеты, перед тем как отнести их королевским высочествам. Во время ланча дворецкий следил за порядком, но прислуживали обычно другие слуги. Он же наливал хозяину вино, виски или бренди. Если после ухода главы семьи из дома хозяйка тоже решала удалиться по делам, тогда дворецкий мог отправиться в свой клуб, чтобы вернуться перед ее возвращением. Когда же семья оставалась дома, то в его обязанности входило открывать двери и представлять посетителей, которые делились на две категории: достойные и другие. Аристократов проводили сразу же в рисовальную комнату, а других просили подождать в переднем холле или снаружи дома. Очень важно было, чтобы дворецкий по поведению и внешнему виду умел различать, к какой категории относились визитеры, иначе его ошибка могла поставить хозяев в чрезвычайно неловкое положение. Особенно если, заблуждаясь по каким-то причинам, он относил важную персону к разряду посетителей, которых не оставляли даже в холле, опасаясь, что они украдут что-нибудь из дома, когда дворецкий пойдет докладывать об их приходе. По этикету, если посетители не относились к первой категории, то, объявляя о них, слуги не затрудняли себя в назывании их имени. Они говорили обычно: «Мэм, там к вам посетитель(ница)».

Интонация на последнем слове обычно показывала, заслуживает ли пришедший внимания. Она часто определяла решение хозяйки принимать визитера или нет. В случае отказа ответ давался в зависимости от щепетильности хозяев.

Журнал для слуг советовал: «Если ваши наниматели не желают принимать по каким-то причинам, то

лучше отвечать, что господа заняты, и вы будете признательны, если посетитель заглянет позже! Лучший слуга тот, кто, ставя интересы хозяев на первое место, не лжет им в угоду без крайней нужды! Если даже ваш господин только что умер, не следует объявлять об этом первому встречному».

В этом отношении хозяева могли быть спокойны. Дворецкие славились своим непроницаемым видом, за которым невозможно было прочесть ничего. С одинаковым беспристрастием они объявляли о пожаре и о приготовленном ужине. Когда стол был накрыт, дворецкий входил без стука в рисовальную комнату и объявлял: «Ужин сервирован, мэм!» Затем, после того как хозяева проходили в столовую и рассаживались за столом, он вносил первое блюдо, за ним шли остальные слуги со следующими угощениями, каждое — закрытое крышкой.

Сервировался обед и ужин, как правило, лакеем, но дворецкий был ответствен за то, чтобы красиво составлять на нем дорогие серебряные вазы, подсвечники, скульптурки. Дворецкий вставал за спиной хозяина, чтобы по его команде разлить по бокалам вино. После произнесенной молитвы он давал команду слугам обходить гостей и класть на их тарелки порции от каждого блюда. Когда приходило время десерта, он удалялся в комнату домоправительницы, чтобы с остальными верхними слугами попить чаю. Однако к тому моменту, когда нужно было подать чай гостям, он был уже на месте, чтобы, наливая каждую чашку, передавать их через лакея для господ. Его последней задачей за день являлась проверка того, потушены ли все лампы и заперты ли все окна и двери на первом этаже дома.

Вставать он должен был очень рано, для того чтобы проверить, хорошо ли вентилируется подвал, где хранилось вино. Часто в очень богатых домах роль дворецкого, помимо управления слугами, сводилась к слежению за тем, чтобы подвал аристократа всегда пополнялся новым запасом дорогих вин, которые дворецкий сам же и подавал хозяину за ужином. Он помещал свечу на длинном пруте, и если пламя гасло, то он прибегал к искусственной вентиляции. С его точки

зрения, идеальным было сводчатое хранилище для вина, расположенное в северной части дома, вдали от тряски карет и экипажей, вибрации кузниц и галопировавших всадников. Оно должно находиться в глубоком и сухом подвале, который не заливался бы водой при длительных, обильных дождях. Он также знал, что делать с вином, когда оно становилось слишком укусным или приобретало неприятный привкус. В солодовый алкоголь он добавлял угольный порошок, что придавало напитку вкус хорошего бренди, когда нужно было сгустить малмсей, он смешивал двадцать яиц, в другие вина он добавлял рыбий клей или желатин. Если белое вино обладало не очень приятным вкусом, он сливал половину, а в другую доливал галон свежего молока, клал горсть морской соли и риса, после чего сбивал содержимое в течение получаса, выливал в бочонок и запечатывал на несколько дней. Вкус напитка после этого значительно улучшался. Дворецкие были большими знатоками вина, ведь у них было столько возможностей оценить его. Если они слишком увлекались пробой, то вино приходилось разбавлять. В поместьях дворецкий к тому же еще и варил пиво или руководил варкой.

Со временем хозяева менее охотно доверяли дворецким ключи от винного подвала, подозревая, что если они будут хранить их у себя, то количество бутылок будет уменьшаться гораздо медленнее. Многие слуги возражали против такого недоверия, тем более что, как правило, подозрительный хозяин и все счета, приходившие в дом, старался оплачивать сам, не доверяя домоправительнице и дворецкому. Слуги, работавшие в доме долгое время, все равно находили способы вернуть себе утраченные источники дохода. Многие из них мечтали о том, как однажды с горничной леди или с домоправительницей они, после того как покинут службу, откроют собственный отель, поженятся, обзаведутся детьми. Однако часто эти мечты так и оставались мечтами, поскольку нарушить размеренный и стабильный, сытый образ жизни с возрастом становилось все труднее и труднее.

Время от времени посещая свой клуб, отдельный от клуба для лакеев и кучеров, дворецкие в компании себе

равных обменивались сплетнями о своих хозяевах. Один из таких клубов описан в упоминаемой серии Вудхауса «Дживс и Вустер», в правила которого входило при вступлении вписывать в специальную книгу все интересные детали о своих работодателях. Высокий статус дворецкого порой играл с этими слугами злую шутку. Они начинали забываться и ставить себя чуть ли не вровень со своими хозяевами. У дворецкого для этого были все основания. Одевался он в одежду с его плеча, как джентльмен. К ней специально в его присутствии подбирался неправильный галстук, чтобы показать статус слуги. Большую часть времени вращаясь в круте господ, учась от них поначалу, как себя держать и о чем говорить, многие усваивали этот урок так хорошо, что, как в случае с Дживсом, становились более похожи на джентльменов, чем их хозяева. Чувствительность и обидчивость дворецких — отдельная тема разговоров в обществе. В журнале «Наблюдатель» за 1848 год был рассказан достоверный случай, когда в полицию на Мальборо-стрит пришел элегантно одетый человек, по виду из чистой публики, и умолял рассмотреть его дело. Он сообщил, что пострадал, устроившись на работу дворецким (это единственная должность, на которую не нанимались, дворецкие на работу устраивались), о чем он гордо и заявил. В рождественский вечер его хозяин приказал ему пойти на кухню и выжать несколько лимонов. В ответ он очень вежливо возразил, что эта работа для слуги низшего ранга, и отказался ее исполнить. Рассерженный хозяин толкнул его, в результате чего поднос, который дворецкий держал в руках, упал вместе с рюмками, которые разбились. Когда же джентльмен приказал убрать этот мусор, дворецкий возразил, что это кропотливая работа для горничных, а не для него. Рассердившись, хозяин решил, что слуга или пьян, или сошел с ума, и рассчитал его на следующий день. «Он даже не вызвал лакея, чтобы донести мой багаж! Я уверяю вас, — говорил он с болью в голосе. — Я был вынужден нести мои собственные вещи и кофровую сумку целых полмили!»

Когда магистрат спросил его, зачем он пришел в суд, бывший дворецкий ответил, что желает получить мате-

риальную компенсацию от своего хозяина. Судьи, однако, не вошли в его положение, рассудив, что просьба в адрес своего слуги выжать лимоны была вполне допустима.

Строгий блюститель нравственности у своих подшефных, дворецких, как пастух, следил за тем, чтобы ни одна дурная овца не испортила стада. Однако чаще всего искушение приходило не снизу, а сверху.

В каждой книге было написано, что горничные должны были пресекать малейшие ухаживания со стороны джентльменов, не отвечать на комплименты, не принимать подарки и не допускать поблажек для себя. Но это шло вразрез с тем, что молодым и симпатичным горничным порой приходилось раздевать своего господина и укладывать его в кровать. Подобные щекотливые моменты в книгах не учитывались. Все нравственные предупреждения сводились к тому, чтобы своим видом горничная не пыталась вызвать непристойных желаний у своего хозяина. Она не должна носить ярких лент, украшений из пера или других, вызывавших недостойные мысли предметов одежды. То есть, при неблагоприятном исходе, бедняжка заранее обвинялась в том, что была привлекательна, даже если она одевалась всегда очень скромно и вела себя чрезвычайно целомудренно. Сэмюэл Ричардсон — печатник, который в молодости помогал неграмотным служанкам писать любовные письма, был как никто другой знаком с тем, что молодые, неопытные девушки были совершенно не подготовлены к жизни и довольно часто попадали в ситуации, из которых не знали, как найти выход. В зрелом возрасте он опубликовал некоторые из писем, которые ему доводилось писать. Два из них приводятся ниже:

«Моя дорогая дочь!

Я понимаю с горькой скорбью в сердце, что твой хозяин сделал попытку сломать твою добродетель и что после этого ты все же осталась с ним. Господь вознаградит тебя, если ты еще не уступила его низменным желаниям. Ведь раз человек, забыв себя, свои лучшие качества, достоинство, сделал такую попытку,

то твое решение остаться с ним под одной крышей только подтолкнет его на продолжение действий для достижения своей цели. И если он ведет себя лучше и более вежливо теперь, то это только подтверждает, что вскоре он атакует тебя опять. И если ты, Господь не допустит, еще не сдалась ему, не жди опасности от повторной попытки и уходи (как ты должна была по твоему внутреннему чувству) по приказу от твоего предающегося скорби отца».

«Дорогой и почитаемый отец!

Вчера я получила твое письмо, и я сожалею, что осталась в доме своего хозяина после его дикой попытки. Но он так искренне обещал, что этого не повторится вновь, что я готова была поверить ему, так как не видела ничего противного тому. Но хоть я и убеждена в этом, я должна делать, как ты сказал, и с сегодняшнего дня я оставила его, и скоро после того, как ты получишь это письмо, я надеюсь быть с тобой.

Твоя послушная дочь».

Поразительно, что девушка, оказавшись в затруднительной ситуации, доверяет подобные секреты не матери или подруге, как бы это было сейчас, а отцу. Вероятнее всего причина кроется в том, что подруга могла распустить сплетни и репутация девушки без вины бы пострадала, а мать скорее всего не имела авторитета в ее глазах и не считалась дочерью способной дать верный совет. Сэмюэл Ричардсон, основываясь на своем опыте, издал книгу под названием «Памелла», которая была раскуплена мгновенно всеми слоями общества и переиздавалась многократно в викторианское время. Там описывалась юная пятнадцатилетняя девушка, которая находилась в услужении в одной семье, где хозяйка неожиданно умерла вскоре после начала ее работы. Молодой хозяин мистер В. начал оказывать Памелле знаки внимания и дарить ей одежду, принадлежавшую ее бывшей хозяйке. И возможно в благодарность за то, что девушка подготовила тело его матери к погребению, он при пожатии руки Памеллы дал ей мо-

нету, что очень плохо было воспринято в семье девушки, где родные обвинили бедняжку в распутстве. Мистер В., который начал испытывать к девушке подлинную страсть, увеличил количество монет, вкладываемых ей в руку. Его также начинает сердить, что она противится его домоганиям. Каждый раз, когда дерзость хозяина превышала дозволенное, Памелла падала в обморок, что обезоруживало молодого человека. Даже когда домоправительница, желавшая угодить хозяину, попыталась удержать Памеллу в его постели помимо ее воли, она опять лишилась чувств, защищая тем самым себя от посягательств. В результате молодой хозяин, потерявший голову от постоянных отказов, женился на своей служанке к ее полному счастью, поскольку, оказывается, она была давно влюблена в него.

Эта наивная история пользовалась невероятной популярностью в XVIII веке, когда была издана, и в XIX веке каждая девушка знала ее наизусть. То, как часто молодые девы теряли сознание при любой трудной ситуации, наводит на мысли о том, не старались ли они таким путем выйти из щекотливых положений.

Даниэль Дефо, который был знаком с жизнью прислуги и, видимо, когда-то пострадал от любовных чар хорошенькой служанки, в своем произведении «Общий бизнес — ничей бизнес», винил во всем самих горничных. «Многие добропорядочные семьи разорены и обесчещены этими шлюхами, которые, воспользовавшись простотой и неопытностью молодых хозяйских сыновей и их неконтролируемыми желаниями, запустили свои проворные пальцы не только в лучшие именина, но и в акции. Сколько достойных семей было разрушено такими женщинами!»

В своем памфлете «Указания для слуг» он советует молодым служанкам, работавшим в доме аристократа: «Никогда не давайте его светлости ни малейшей поблажки, не разрешайте даже пожатия вашей руки, пока он не вложит в нее гинею. И по возрастающей заставляйте его платить за каждую новую попытку, увеличивая цену вдвойне, согласно тому, что ему будет разрешено в этот раз. И главное, всегда вырывайтесь, боритесь, угрожайте закричать и обо всем рассказать

вашей леди, даже при том, что вы получаете от него деньги. Пять гиней за то, что вы разрешаете потрогать вашу грудь — очень легкие деньги! Но никогда не разрешайте ему взять вашу крепость целиком! Ни за какие деньги! Даже если он собирается обеспечить вас до конца жизни!»

Дефо хорошо знал обе стороны жизни и прекрасно понимал, что пока яблочко не скушано, оно всегда желанно.

Ричардсон яростно протестовал против циничных замечаний, отстаивая невинность своей героини. Однако нельзя утверждать, что некоторые служанки и в XIX веке не воспользовались уроками удачливой Памеллы, ведь довольно многие известнейшие фамилии имели в своей родословной скандальные браки со слугами. Уже упоминаемый ранее Макдональд оставил для потомков автобиографичные записки, где он в основном опровергает слухи о всевозможных связях с важными особами, которые приписывались ему на каждом шагу. Однако по этим запискам видно, что молодому красивому лакею, так же как и привлекательной горничной, приходилось балансировать все время, чтобы не уступить домогательствам и не потерять места службы. Леди Энн Гамильтон, у которой он служил в качестве лакея, очень ревностно относилась ко всем, кто проявлял к Макдональду интерес. Домоправительница, которая питала к нему нежные чувства, немедленно была уволена со службы и заменена более пожилой женщиной. Когда в доме леди Энн остановилась гостья — вдова из хорошей семьи, достаточно было узнать, что Макдональд по ее просьбе три раза находился в ее комнате, помогая ей брить голову, так как она носила парик, чтобы дружеские отношения были разрушены навсегда и гостья отослана домой. Из туманного рассказа трудно понять, сколько еще представительниц слабого пола отвадила от своего дома ревнивая хозяйка, известно только, что в их числе были и гувернантка, и горничная, и даже крестная дочь леди Энн. Ее муж Джон Гамильтон последним догадался о предмете желаний своей супруги. Даже тот факт, когда, во время остановки экипажа посреди лужи, она не желала, чтобы кто-

нибудь переносил ее, кроме Макдональда, не заставил его подозревать этого молодого слугу. Однако и он вскоре все понял и отказал Макдональду от службы.

Домоправительница

К домоправительнице всегда обращались «миссис», независимо от того, замужем она была или нет. Ее главным достоинством считалась надежность и умение решать все вопросы по управлению домом в том случае, если леди не хотела затруднять себя бытом. Если же хозяйка предпочитала сама контролировать всю работу, домоправительница должна была четко выполнять все ее указания и следить, чтобы все слуги делали то же. Леди каждое утро, встречаясь с домоправительницей, расписывала меню на текущий день, сообщала о приемах, устраиваемых в доме, давала указания подготовить комнаты гостей, если они ожидались, залы к балу, нанять музыкантов, настроить рояль, закупить что нужно в дом и к столу, разместить свечи, украсить аллеи. Вымыть ли окна и постирать ли занавески, где натереть полы и когда подавать чай для гостей — все эти важные вопросы домоправительница, получив указания, решала одна или вместе с дворецким. Она была грозой для женской прислуги, которую сама же нанимала и рассчитывала. Ее боялись все, кроме няни и горничной леди, которые могли быть уволены только хозяином или хозяйкой. Даже кухарка, которая тоже относилась к верхним слугам и не позволяла никому командовать на своей территории, также подчинялась домоправительнице и старалась ей угодить. «В комнате миссис Бонтон кухарка изменилась до неузнаваемости. Ее сжатые губы расплылись в услужливой улыбке, и голос приобрел приятные оттенки.

— Вот, с фермы пришла, — указала она на Нэнси, — вместо Бетси. Рекомендации в порядке.

Сидевшая в этот момент за столом миссис Бонтон подняла глаза от счетов. У нее было строгое, серьезное лицо, сверлящие насковзь глаза и, так же как и у кухарки, поджатые губы.

— Оставьте нас, — сказала она тихо кухарке, и та медленно затворила за собой дверь.

Расспросив Нэнси про ее семью, ферму и ее обязанности там, миссис Бонтон осталась неудовлетворенной ответами.

— Это твое первое место, где ты нанимаешься на работу?

— Да, мэм.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать, мэм.

— Есть ли у тебя дружок?

Нэнси покраснела от подобного вопроса.

— Нет, мэм.

Это, похоже, был первый ответ, который понравился миссис Бонтон.

Она кивнула головой, от чего рюши на ее чепчике вспорхнули вверх, а потом плавно опустились, как крылья у бабочки.

— Не знаю, понимаешь ли ты, что это за дом и какой чести ты удостоиваешься, работая здесь?

— Да, мэм.

Посмотрев с сомнением на деревенскую девушку, миссис Бонтон вздохнула и добавила:

— Дам тебе неделю показать себя, а там посмотрим. Будешь стараться — останешься. Станешь лениться или хвостом с лакеями вертеть — тут же выгоню! Держи себя и кухню в чистоте, будь скромна и трудолюбива, послушна и благодарна, тогда, может, приживешься здесь. Хозяин у нас щедрый, прислуга хорошо получает. Если оставлю тебя, то в год будешь иметь сначала тринадцать фунтов, да еще форма, питание и небольшие подарки к праздникам. У тебя также будет полвыходного дня по субботам и раз в три месяца будешь отпускаться домой на целый день.

Нэнси знала, что это хорошие условия. Ее подружка за такую же работу получала только двенадцать фунтов в год.

— Однако, — повысила голос миссис Бонтон, — малейшее невыполнение обязанностей, слушание или, не дай бог, препирательство понесет за собой серьезн

ное наказание вплоть до увольнение. Пойдем, покажу тебе твою комнату».

В России женщина, выполнявшая такую работу, называлась экономкой. Часто, находясь в услужении у холостого мужчины, она, по сути дела, прибирала весь дом к своим рукам. Приближение домоправительницы можно было услышать по бряцанию ключей на поясе. Даже леди, если ей надо было попасть в те комнаты, которые обычно запирались, должна была просить ее открыть их.

Готовясь к большим приемам, домоправительница сама занималась украшением сладкого и выпечки. Чаще всего и все работы по заготовке на зиму овощей и фруктов лежали на ней. Исполняя свою должность в течение многих лет, она начинала относиться к чужому добру по-хозяйски и гордилась рецептами приготовления собственного вина или сыра, нежных джемов, а также сборов, отваров и настоев из лечебных трав, помогавших от разных хворей. Ведь именно к ней бежали за первой помощью, когда что-то случалось в доме. За хорошей домоправительницей хозяева были «как за каменной стеной». Порой они даже не затрудняли себя запоминанием имен новых слуг. Так, довольно часто лакеев называли именами, принадлежавшими их предшественникам на этой должности, а горничных называли по цвету волос.

«— Миссис Бонтон, скажите рыженькой, чтобы, когда она утром разжигает камин в моей спальне, дула на угли потише. Я потом долго чихаю, ведь пыль летит прямо ко мне в постель!

— Хорошо, мисс, я пришлю к вам Бетти.

— А, это беленькая такая? Она немного неряшлива. Я видела у нее пятно на фартуке.

— Она, видимо, не успела переодеться после уборки. Я ее предупрежу, чтобы впредь была внимательнее!

— Хорошо! И пусть не слишком шумит. У меня всегда после бала голова раскалывается!»

Нижние слуги чаще всего приходили наниматься из деревни, и процесс их перерождения и обучения приличным манерам начинался вместе с их работой. За это тоже отвечала домоправительница. Если они умели чи-

тать, то тогда учились гораздо быстрее, поскольку в XIX веке стало издаваться много литературы на темы: «Как быть хорошим слугой», «Как набраться хороших манер», где слугам объяснялось, что ковырять в носу неприлично, что в присутствии хозяев и их гостей не следует почесываться, сморкаться, доставать застрявшую еду из зубов, поправлять чулки или носки и поправлять нижнее белье. Там же объяснялось, какие слова следовало употреблять, а какие нет, как обращаться друг к другу и господам, когда говорить и когда молчать. Для многих было откровением, что рыгать за столом неприлично, что чавкать во время еды некрасиво, а выпускать газ в присутствии людей недопустимо ни в коем случае. Из-за полного невежества многих деревенских людей, домоправительницы предпочитали нанимать слуг с рекомендациями от бывших господ, так как деревенские парни и девушки уже пообтесались в обществе других слуг и не будут допускать перечисленных грубых оплошностей. Считалось, чем достойнее и культурнее ведут себя слуги, тем выше статус дома, где они работают.

Доктор Уильям Китченер в своих книгах настоятельно рекомендовал господам искать хороших слуг только благодаря рекомендациям друзей, знакомых, соседей или, в крайнем случае, булочника, мясника, галантерейщика или владельца овощной лавки, то есть людей, которые знали всех в округе. Правда, в 1813 году уже был создан Регистрационный офис, который как раз и занимался учетом безработных слуг, но все же хозяева предпочитали использовать свои старые связи. Доктор Китченер советовал обратить внимание на следующие необходимые правила: «Никогда не держите дурных слуг в надежде на то, что они исправятся! Обязанности хозяина не выпрямлять кривое дерево, а сохранять свои владения от сорняков, которые, раз попав в землю, могут испортить и благородные посевы!»

Доктор был убежден, что у плохих слуг — плохие хозяева. Не то чтобы он призывал сурово относиться к своим работникам, он рекомендовал относиться с уважением, но строго и приводил наглядные примеры в своих книгах: «Один джентльмен, получив однажды завтрак в своем доме позже обычного, дернул за коло-

кольчик, и в комнате прислуги на доске с ячейками, подразумевавшими комнаты в доме, обозначилось, что хозяин вызывает кухарку. Когда она вошла в столовую, он ее спросил:

— Миссис Миллер, вас что-то не устраивает в моем доме?

— Нет, сэр. Спасибо. Я чувствую здесь себя вполне удобно!

— Тогда, я надеюсь, вы будете достаточно добры сделать и мою жизнь комфортной, и я больше не буду ждать своего завтрака!»

Порой хозяева были очень нетерпеливы и запоминали малейшее нарушение и просчет, а иногда даже записывали в специально заведенную книжку, по которой, производя расчет в конце года, вычитывали из жалованья слуг оплату дней, когда они не выполняли свою работу в соответствии с требованиями. Так, многие непорядочные хозяева специально выказывали свое недовольство, когда подходило время расплачиваться за службу, чтобы заплатить как можно меньше денег. Специалистом по этому вопросу считал себя доктор Траслер, который не побоялся прямо советовать не платить ничего слугам в течение всего года. «Если же у них хватит выдержки остаться, только тогда дать им их деньги, а если они решат рассчитаться хоть на неделю раньше, то удержать из их жалованья большую сумму». Он же предложил идеальное, с его точки зрения, решение нанимать слуг в двойном количестве, по примеру индийского набоба. «Никакая жертва не считается слишком большой для того, чтобы иметь стабильный комфорт!» — писал он в своих записках. Но, конечно, только очень маленький процент населения мог позволить себе такую роскошь.

Не только хозяева получали ответы из книг, когда ситуация ставила их в тупик. Грамотные слуги также извлекали для себя уроки из опыта, которым делились бывшие лакеи, домоправительницы и т. д. Лучшим пособием считалась книга, написанная Сэмюэлом и Сарой Адамс. Их «Совершенный слуга» не случайно был главным советчиком для мужской и женской прислуги, поскольку авторы сами прошли долгий путь от нижних

слуг до верхних. Сара начинала с горничной для всех работ, потом служила прачкой, помощницей кухарки, оттуда леди выбрала ее в свои горничные, а потом и в домоправительницы, а ее муж прошел путь от лакея и конюха до валета, дворецкого и управляющего. В своей книге они также давали советы господам, как надлежаще управлять большим состоянием и разумно тратить деньги. Согласно их расчетам:

33 процента средств должно тратиться на содержание дома, еду и всякие нужды: мебель, новую посуду и прочее.

25 процентов — на слуг и их ливреи, лошадей и экипаж.

25 процентов — на одежду господ, образование детей, медицинские услуги, развлечения и личные неожиданные траты.

12,5 процента — на налоги, ремонт дома и мебели.

4,5 процента — на неожиданные и срочные оплаты.

Эти цифры раскрывают взгляд на хозяйский бюджет бывших слуг, которые, считая себя гораздо практичнее, чем их бывшие хозяева, тем не менее не собирались стимулировать господ к тому, чтобы они копили и экономили свои средства. Как известно, каждый знает, какое применение нашел бы он чужим деньгам, и очень часто богатые, аристократические имения банкротились и нищали из-за того, что верхние слуги слишком хорошо знали, что делать с хозяйским добром. Дворецкий, который, помимо того что являлся главой над всеми слугами, еще и выполнял обязанности главного хранителя винных запасов, постоянно стремился перестроить подвал, в котором хранилась и выдерживалась драгоценная влага. Уговорить хозяина было нетрудно, так как он слишком хорошо помнил, какую гордость испытывал, когда гости хвалили и завидовали его великолепным запасам. А стройку, как известно, стоило только затеять, а далее начинались приписки, продажа материала на сторону и т. д. Кучер делал свой бизнес на запасных деталях к экипажу, прося чуть ли не каждые три месяца новые колеса и сбрую, конюх тайно по ночам сдавал хозяйских лошадей в прокатную конюшню, чтобы утром, успев обтереть пену с их

крупа, скрыть свой грех. Валет и горничная леди, слегка испортив дорогую вещь хозяев, несли их в скупку. Кухарка торговала жиром и излишками пищи, а также брала проценты с каждой лавки за покупки, а домоправительница если была хитра, то могла нажиться и на свечах и на уксусе, которым мыли мебель, да мало ли мелочей в доме, которые можно было употребить себе на пользу! Нижним слугам гораздо труднее было воспользоваться хозяйским добром. Правда, проворные лакеи умудрялись получать чаевые с друзей дома за доставку писем или за раскрытие семейных секретов, конюхи за то, что подсустились найти кузнеца для захавшего приятеля хозяина, чтобы подковать распряженную лошадь, а горничные по дому — за то, что просто хорошенькие. Большое количество слуг в доме — большая обуза для хозяина. Всех их надо было кормить, одевать, приглядывать за ними, не надеясь на дворецкого, управляющего или домоправительницу, чтобы не остаться без средств. Во второй половине века (после французской революции 1848 года) условия работы у слуг стали постепенно улучшаться.

Доктор Китченер упоминал, что многие хозяйки и домоправительницы стали давать горничным целый выходной день раз в три месяца, с тем условием, что они будут назад к 10 вечера, и полдня выходного в каждом текущем месяце. «Конечно, на содержание слуг уходят очень большие средства, но все-таки нужно помнить, что они работают гораздо больше, чем их хозяева».

Противником послабления слугам был лондонский священник Уаткинс. Он считал, что последние должны быть благодарны хозяевам за то, что многому научились, пока находились на службе, и потому должны оставаться в одном и том же доме, а не бегать в поисках легкой жизни. Большой блюститель нравственности среди служанок, он не советовал разрешать им встречаться по воскресеньям со своими друзьями, поскольку, с его точки зрения, это был прямой путь к падению. «Если девушка хочет встретиться с друзьями, для этого ее леди может выделить ей другие дни, но только не вечера, когда даже хозяйка, идущая одна на улице, может

стать предметом для оскорблений и мужского вожделения. Кроме того, горничная не должна выбирать церковь в местах с сомнительной репутацией под предлогом того, что она привыкла к приходу и проповедник своими словами открывает ей дорогу к Богу, иначе хозяева станут подозревать, что она преследует иные, не религиозные цели».

Принимая девушку на работу, домоправительница старалась убедиться, религиозна будущая служанка или нет. За богобоязненной прислугой не нужен был постоянный пригляд. Вера ограждала от совершения дурных поступков. Однако некоторые работники не прислушивались к тому, что говорилось в воскресных проповедях, в которых акцент делался на особом предназначении каждого человека на земле. «Если бы Господь думал, что гораздо лучше для вас быть богатыми, Он бы сделал вас такими. Но Он каждому определяет то место в жизни и обязанности в ней, которые ему больше подходят! Богатые не могут быть без слуг, так же как и слуги не могут быть без хозяев. Господь так создал людей, чтобы они не могли обойтись друг без друга! И нет сферы жизни на этом свете более важной и почетной, чем служить Богу на том месте, где человеку определено! Служа своему хозяину, вы служите Ему!» Автор книги «Советы для молодых девушек, поступающих на службу» писал: «Вместо того чтобы сердиться на то, что вас упрекнули за ваши открытые погрешности в работе, подумайте лучше, сколько у вас скрытых грехов, известных только Господу!»

Однако подчас слуги были более набожны, чем их хозяева. Так, например, в конце XIX века стало модным устраивать шумные, поздние воскресные обеды. Слуги, которые старательно следовали всем религиозным правилам, страдали, оттого что были вынуждены работать по воскресеньям, когда Господь велел всем отдыхать. Некоторые хозяева, в качестве компенсации за то, что заставляют их грешить, старались затрагивать за столом такие темы, какие стоило бы послушать и их слугам. Возможно, это были религиозные рассуждения или умные мысли, которые гости решили высказать на тему служения королеве. В любом случае это было

странно, поскольку при поступлении на службу дворецкий и лакеи, прислуживавшие за столом, предупреждали, что ни при каких обстоятельствах они не должны были слушать того, о чем говорят их господа за столом или в доме! Кроме того, слуги, возможно, из всего разговора предпочитали услышать совсем не то, что ожидали от них их хозяева!

Очень популярен в викторианское время был рассказ об одной служанке Элизабет, которой посещать церковь по воскресеньям было запрещено ее хозяйкой. По этой причине она чувствовала себя обязанной искать себе новое место службы. Когда ее хозяйка удивленно спросила, почему она хочет уйти, Элизабет ответила о своем долге перед Богом, о греховности души и ужасах, которые ждут ее после смерти, если она не будет соблюдать все заповеди. «Ты, видимо, искренно веришь, и я уважаю твою набожность, но в то же время я не могу нарушить порядок в своем доме из-за того, что ты не будешь выполнять свои обязанности вовремя!»

На это Элизабет ответила: «Мадам, несмотря на то, что я вынуждена покинуть вас, я никогда не забуду вашу доброту. Я могу искренне сказать, что вы сделали для меня гораздо больше, чем кто-нибудь, кроме Господа Бога, который, однако, напоминает мне, что я должна думать о своей душе, которая может быть потеряна навеки! Я молю Его благословить вас и вашу семью, в то время как я верю, что Он не оставит и меня!»

В приведенном рассказе две стороны расстались взаимно довольными друг другом. Если хозяйка выбрала путь, опасный для своей души, то служанка осталась верна своим убеждениям. Даже присутствие одного истинно верующего слуги в доме меняло всю обстановку к лучшему, поскольку чаще всего такой работник был гораздо более трудолюбив и честен, чем остальные. Домоправительница постоянно напоминала слугам: «Молитва не должна быть произнесена в кровати, поскольку если человек позволил себе расслабиться, то скоро он совсем может забыть помолиться!» Также утренние молитвы нельзя было не произнести под предлогом того, что много работы. «Это показывает, что вы предпочитаете поспать подольше, чем послужить Бо-

гу!» Вера дисциплинировала людей и, преодолевая свою лень ради молитвы, они также преодолевали ее ради работы! На самом деле, достоинствам верующих слуг не было предела. В каждом своем поступке они сверялись со своей совестью, и это было гораздо более строгим мериллом, чем присмотр домоправительницы или хозяина!

Кухарка

В тех домах, где не могли позволить себе иметь лишних слуг, кухарка считала себя самой главной. Ведь именно она своей хорошей стряпней старалась угодить хозяину. И если тому нравилось, как она готовила, то его жена уже никак не могла ее уволить. С точки зрения кухарки, идеальной госпожой была та, которая никогда не вмешивалась в процесс приготовления пищи и на кухню не заходила. По ее мнению, пока она исполняла свои обязанности, леди нечего там было делать. Если хозяйка все же заходила поинтересоваться, «куда уходит так много масла, когда для слуг надобно готовить на жире», качество приготовленной еды становилось таковым, что у нее пропадало желание влезать в кухаркины дела, оставив миссис «большой половник» в покое. Та, естественно, похвалялась: «Я сама всем управляю на кухне. С мадам мы по утрам обмениваемся грифельными досками. Она пишет, что приготовить на целый день, а я все делаю по-своему».

«Раннее утро, пока господа спят, кухарка использовала, чтобы продавать жир всем, кто не мог позволить себе намазывать хлеб маслом. Во двор тогда потихоньку проскальзывали перевязанные пуховыми платками бабы с большими кошелками. В них они надеялись принести, кроме жира, еще и мясные обрезки, кувшины бульона, кости, а если повезет, то и объедки после вчерашнего приема, купленные недорого с господской кухни. Леди, которая почти никогда не спускалась на кухню и все указания давала через домоправительницу, закрывала глаза на кражи с кухни. Нэнси помнила, как миссис Гольдберг пыталась контролировать, на чем жа-

рится еда для прислуги, почему так много масла расходуется и у кого покупается мясо, стараясь найти поставщика подешевле. Тогда кухарка, потерявшая свои проценты от закупки из мясной лавки, была так взбешена, что объявила господам молчаливую войну. Все блюда подавались наверх холодными и заветренными, а приемы гостей Гольдберги вообще боялись устраивать, так как мясо то подгорало, то было почти сырым, картошка хрустела на зубах, а мороженое капало на блюдца».

Проблемы начинались тогда, когда госпожа, обнаружив, что большие средства постоянно уходят куда-то из бюджета, проигнорировав кухаркины «настроения», интересовалась, где и как закупаются продукты, подозревая, что служанка преследует при этом свои интересы, получая прибыль в карман. Последняя, в свою очередь, переставала считать сующую свой нос в кухонные дела даму за леди и всеми силами старалась показать, что вся семья зависит от нее. После этого она начинала готовить так неизобретательно и невкусно, что хозяин предпочитал ужинать в клубе, оставляя жену одну злиться и в бессилии потрясать кулачками.

«Кухарка миссис Меган оказалась неприветливой женщиной с настороженными глазами, как будто она всех подозревала в том, что ее будут обвешивать или обманывать, и маленьким сжатым ртом, которым она даже не улыбнулась при знакомстве с Нэнси.

— Гладкая больно! — неодобрительно заметила она в адрес пришедшей, оглядев ее со всех сторон. — С фермы, говоришь? А рекомендации у тебя есть?

Нэнси достала из подшитого с внутренней стороны юбки кармана почти не помявшееся письмо от фермера, у которого жила ее семья, где он в нескольких скупых выражениях отзывался о ней как о трудолюбивой работнице.

— Сам писал? — буркнула кухарка о фермере. — Видно, небогат, раз управляющего для таких дел не имеет. Ну а уж какая ты трудолюбивая, мы еще поглядим!

Она оглядела Нэнси еще раз и вдруг гаркнула на нее:

— Я тут с лакеями шуры-муры не потерплю! И чтоб без дела я тебя не видела! И куски не таскать! А то подь-

едаются тут всякие! Ну да ладно, — вздохнула она так тяжело, как будто обнаружила, что ей подсунули втихарию совсем не то, что она ожидала. — Идем к домоправительнице».

Большинство кухонь представляли собой плохо вентилируемые помещения, в которых хранить продукты без холодильников было очень трудно. В больших, богатых домах и поместьях находились глубокие погребы, напоминавшие колодцы, где круглый год хранился лед. По мере необходимости лакей должен был отправляться туда, спускаться глубоко вниз и, отколов кусок нужного размера, перевезти его в холодную комнату рядом с кухней. Там, расколов лед на более мелкие куски, он распределял их на дне большого шкафа, где хранилось мясо, молоко и другие скоропортящиеся продукты.

Если у рыбы или мяса появлялся душок, то каждая кухарка знала, что нужно делать в таких случаях, чтобы скрыть дурной привкус. Она мыла начавшиеся портиться куски в холодной воде и затем клала в кастрюлю вместе с древесным углем, чтобы потом прокипятить. Кроме угля, мясо после его тщательной промывки опускали на какое-то время в настой ромашки, или календулы, чтобы скрыть неприятный вкус, после чего тщательно вытирали чистой тканью, спрыскивали соляным раствором и оставляли до следующего дня. Тушки птицы для сохранности подвешивались за шею, а вместо внутренностей в них засовывался уголь. Чтобы не портилась рыба, ее выкладывали в соль или сахар.

Читая кулинарные книги XIX века, можно понять, почему кухарки относились к верхним слугам и ставили себя высоко. Во-первых, так же как дворецкий и домоправительница, они должны были быть грамотными. Работа их не сводилась к простому приготовлению завтраков, ланчей и ужинов для нанявшей их семьи и для всех слуг, ее обслуживавших. Хотя и это была очень трудоемкая работа, учитывая количество ртов, которых нужно было накормить. Самый ответственный момент для кухарки наступал во время приглашения на ужин важных гостей, которых могло быть более двад-

цати человек. Хозяйка, которой доставались все комплименты после хорошего ужина, часто составляла меню на пятнадцать, двадцать блюд, каждое из которых не только должно быть подано горячим и отличаться отменным вкусом, но еще и удивлять своей оригинальностью и внешним видом. Ответственность была очень большая, ведь всегда что-то могло подгореть, перевариться или, наоборот, быть несколько сырым. Хозяйка весь вечер находилась в напряжении, принимая каждую мелочь близко к сердцу. Ведь не только триумф считался ее заслугой, провал был ее личной неудачей. Довольно часто после ужина, не отвечавшего принятому стандарту, муж холодно желал «спокойной ночи» своей жене без всяких объяснений и упреков, давая ей это почувствовать. И никакие ссылки на неповоротливую прислугу, которая нарочно постаралась насолить хозяйке, в расчет не принимались. Королева кухни знала, что найти замену ей было нелегко, и часто позволяла себе вольности.

«Нэнси сильно надеялась, что их кухарку, которая помимо всех своих провинностей, по вечерам еще сильно прикладывалась к ликеру, наконец уволят, но посудомойка Молли, с которой она делила комнату и которая была на услужении уже давно, рассказывала:

— Наша-то хоть не дерется, а вот товарка моя с прежнего места судачила, она служит на кухне как идешь в церкву, за домом судьи. Да знаешь ты. У тебя еще подвязка слетела, ты чулок поправить остановилась там, я тебя подолом закрывала. Ну вот, — добавила она удовлетворенно, увидев, как Нэнси закивала головой. — Там кухарка — зверь. Ее даже домоправительница боится. “Я, — говорит она прислуге, — вас всех к чертовой матери отравить могу, ежели что не по мне. А в судах ничего не докажут, скажут, померли по естественной причине. Я такое средство знаю, что никто и не откроет!”

— Ну да?— поразились Нэнси. — А что ж ее не рассчитают? Нашли бы другую.

— Ну, это не так уж и просто. У них хозяин поесть любит, а она, говорят, готовит уж очень распрекрасно. А потом, господам-то чего? Ну и отравит прислугу, а

они новых возьмут. А что воруют, так все воруют. У этих кухарка не то что жир и обрезки, а внаглую ветчиной приторговывает себе в карман и даже с домоправительницей, как наша, не делится.

— Неужто не делится?

— Не-а. Вот такая зверя. Наша-то хоть, как ликерчику примет, так у нее с-под носа хоть быка упри, губами себе бормочет и только, а иные, у кого по мужицкой части потреба какая и нет знакомого полисмена, чтоб на кухню зажаживал, те прям девок за космы по любой безделице таскают!»

К концу вечера вся кухонная прислуга валилась с ног. Конечно же кухарка не могла одна управиться с таким колоссальным объемом работы. Ведь в XIX веке еще не было полуфабрикатов. Птицу перед приготовлением нужно было ощипать, овощи принести с грядки, яйца — из курятника, яблоки сорвать с дерева, а хлеб должен быть испечен. Кроме того, на большинстве кухонь постоянно поддерживался огонь в плитах, где кипятилась вода для разных нужд. За этим следил мальчик-истопник или младшая кухонная служанка. Она же приносила овощи с огорода, ощипывала птицу, чистила картошку, взбивала яйца, следила за жаркой мяса и так далее. Во время больших приемов вся кухонная прислуга становилась к большим столам посреди кухни и выполняла все распоряжения кухарки, которая после того, как все необходимые продукты были порезаны, сама уже колдовала над кушаньями и, выложив их на блюда, украшала. Некоторые очень важные работы она не могла доверить никому: разделывание жаворонка для пая и чистку ушей и пяточка у свиньи или кабана после поджаривания их на вертеле, ведь мясо и птица по традиции подавались вместе с головами. Викторианцы и не представляли, как могло быть иначе. Приглашенные должны были видеть, что им подают свежие блюда, а, как известно, «рыба гниет с головы». Блюда готовили одно за другим, накрывали крышками и отставляли на длинную, во всю стену, полку, чтобы лакеи отнесли наверх и подали к столу. Пока не был отправлен к столу десерт, означавший окончание ужина (мороженое нескольких видов, желе в красивых

формах, торты лимонные или сырные), на кухне никто не смел сказать ни слова. Дисциплина в это время соблюдалась строжайшая, ведь каждая минута была на счету. Раздавались только приказания кухарки или французского повара, которых модно было приглашать для особых случаев. Правда, присутствие имени того мастера своего дела только накаляло атмосферу на кухне. Кухарка в таких случаях, обиженно поджав губы, воспринимала как личное оскорбление любой комплимент в адрес повара и отказывалась исполнять его приказания. С ее точки зрения, чем хуже получится приготовленный им ужин для приема, тем лучше.

— Пусть, пусть этот лягушатник отравит их чем-нибудь! Вот тогда они наконец узнают, кто лучше готовит! За что ему только платят такие деньжищи! Оделся во все белое! Сразу видно, что сам и не делает ничего, только команды раздает! Форс один!

А если ужин удавался и гости, уезжая и проходя мимо выстроившейся в холле прислуги, хвалили французского повара, жали ему руку и давали большие чаевые, то это был большой удар по самолюбию кухарки и по ее карману, за что вся семья потом долго расплачивалась. Опытная кухарка при приготовлении очень сложных блюд для приемов не смотрела в кулинарную книгу, что значительно экономило время. Однако многие, выполняя заказ хозяйки и готовя новое кушанье, каким она хотела удивить гостей, могли испортить его из-за того, что не успевали следить за общим процессом и, согласно сложному рецепту, взвешивать необходимые продукты. Тогда начиналась паника! Срочно нужно было придумать, как улучшить вкус, чем заменить испорченное блюдо, что еще добавить, и... упустились остальные блюда. Зная викторианскую зависимость от мнения света, испорченный ужин мог стать предметом многочисленных насмешек за спинами хозяев и ссор между мужем и женой. Репутация кухарки от этого тоже сильно страдала, прямо пропорционально успехам, когда угодившую гостям кухарку пытались сманить на работу к себе, предлагая большее жалованье. После приема оставалось огромное количество грязной посуды. Даже двадцать приглашенных при во-

семнадцать перемен блюд оставляли после себя посуды до пятисот единиц. Задача посудомойки и всех кухонных служанок заключалась в том, чтобы вымыть все и привести кухню в порядок для следующего дня. Ночь — единственное время суток, когда на кухне не горела плита. Днем работа там не прекращалась ни на минуту, ведь после того как все члены семьи и прислуга были накормлены завтраком, начиналось время подготовки ланча, а затем ужина.

Леди, к советам которой прислушивались в каждом доме

Самой известной домохозяйкой XIX века была миссис Изабель Битон. Она родилась в Лондоне в 1836 году. Являясь первенцем в семье, где родился 21 ребенок, она с детства знала, как ухаживать за братьями и сестрами и всю домашнюю работу. Вскоре после своего двадцать первого дня рождения она вышла замуж за издателя журнала «Домоводство» Сэмюэла Битона. Активная по своей природе, она не осталась в стороне от работы мужа и вскоре стала писать статьи, переписываться с читателями и публиковать их кулинарные рецепты, которые до этого она сама проверяла на своей кухне. Вскоре она издала свою книгу «Руководство по управлению домом» с иллюстрациями, помогавшими понять суть ее рецептов.

Это был бестселлер своего времени. Шестьдесят тысяч экземпляров раскупили мгновенно, и были напечатаны новые.

Ее домоводство включало все, начиная от подробных и понятных рецептов приготовления пищи и изготовления моечных средств и кончая собранными рекомендациями по ухаживанию за больным ребенком, советами как принять гостей, правилами сервировки стола. Бедные люди, пробившиеся в средние классы, нуждались в подобном руководстве и с радостью пользовались рекомендациями, которые учили, что рыбу нужно есть не только с помощью вилки и хлеба, но и ножа, что для сладких блюд требовались вилки, что для

салатов и вареного аспарагуса используется нож. Миссис Битон получала много писем от читателей, делившихся с ней своей боязнью показаться смешными в обществе, если за столом они начнут ужин не с того предмета сервировки. Запутаться действительно было легко, ведь, кроме трех больших вилок и серебряной маленькой вилочки для рыбы, на стол клали два больших ножа, серебряный рыбный ножик, столовую ложку, десертную ложку и маленькие вилочки для пудинга. При этом в правилах разрешалось не предлагать гостям ложечку для чая со льдом, другую для апельсинов и вилку для устриц. Чтобы гости не путались, какими приборами необходимо в данный момент пользоваться, она напоминала, что первыми берутся приборы, лежащие снаружи, использовав их, обращаются к следующим, приближаясь к тарелке.

«Если вы все же сомневаетесь, то посмотрите краем глаза, какой прибор использует первым ваша соседка», — практично советовала миссис Битон. Поэтому было очень важно, чтобы, принимая гостей, хозяйка владела элементарными правилами сервировки, иначе порядок мог нарушиться не по вине пришедших. В книге также рекомендовалось расставлять стулья на расстоянии 60 сантиметров друг от друга, чтобы оставить гостям достаточно места и не касаться друг друга локтями, в каком порядке рассаживать пришедших, где расставлять именные карточки, как укладывать салфетки, вошедшие в обиход в XIX веке. Как ни удивительно нам сегодня, но многие люди тогда даже не знали, для чего кладется рядом с тарелкой белоснежный кусок ткани, и боялись его испачкать, не подозревая, что именно для этой цели он и служит. Плоский серебряный нож для рыбы — это тоже примета времени. Обычный металлический нож часто ржавел от лимона, подававшегося вместе с рыбой. Книга была очень полезна еще и потому, что не каждый человек, незнакомый с правилами этикета, мог перешагнуть через стеснение и гордость и поинтересоваться, что и как он должен делать. Миссис Битон была очень точна в своих описаниях: «...столовая ложка используется для бульона, разливаемого в супные тарелки. При еде нужно погружать ложку от себя,

наполнять на две трети и, поднося к губам стороной, а не концом, выливать содержимое в рот». «Рот не должен быть широко открытым в ожидании подносимой вилки, а открываться только в тот момент, когда она достигает губ». «Ни в коем случае нельзя жевать с открытым ртом! Это не доставит ни зрительного, ни слухового удовольствия окружающим, и вы немедленно будете отнесены к низшему разряду». «Никогда не оставляйте ложку в чашке, ее место на блюде». Любимица викторианцев миссис Битон умерла, к сожалению, очень рано и не осознала, что ее книга и рекомендации, изложенные в ней, стали правилами жизни всего общества.

Кто такой валет

Мужской слуга, каковы бы ни были его обязанности, должен был исполнять род услуг, какие невозможно вписать в домовую книгу: брить хозяина, причесывать по утрам, отворять ему кровь, стричь, когда требовалось, вытаскивать из-под стола после большой попойки, останавливать при попытках покончить с собой в припадке ипохондрии. Помимо этого в ежедневные его обязанности входила помощь при одевании и раздевании господина, прислуживание ему в ванной, туалете, стрижка ногтей на руках и ногах, помощь при геморрое, промывание вставной челюсти и многое другое. Понятно, что человек, исполнявший такие интимные услуги, находящийся к тому же в курсе самых сокровенных секретов хозяина, должен был неминуемо стать либо другом-слугой, на чей совет хозяин в какие-то минуты жизни мог рассчитывать, либо врагом, если его преданность не оценивалась должным образом. В отличие от лакея, он относился к верхним слугам, не носил ливреи и, как шутили в XIX веке, отличался от господина только тем, что был одет лучше его. Один из них оставил свои записки, благодаря которым мы можем судить о закулисной стороне жизни людей дипломатического круга в Лондоне. Не желая открывать своего имени, он назвал их «Приключения валета, написанные им самим».

«Чтобы узнать хотя бы одного иностранца в Англии, достаточно устроиться к нему валетом, тогда ты через него узнаешь всех. Так я и поступил. Правда, большую часть времени я был в качестве сводника, поскольку все, что их интересовало, — это отбить любовниц друг у друга! При этом, с одной стороны каждому валету платилось за то, чтобы следить за верностью подружки патрона своему благодетелю, а с другой стороны — за то, чтобы эта крепость пала в объятия его соперника. Самое интересное в этой интриге то, что хозяева никогда не знали, что валеты получали не только деньги, но и удовольствие от любовниц с обеих сторон!»

Чаще всего валетами были иностранцы, и их предпочитали нанимать холостые мужчины, которые очень следили за своей внешностью. Самые отполированные сапоги на Риджент-стрит были у лейтенант-полковника Келли, чей валет знал секрет особого гуталина. Когда хозяин умер, его слугу хотели нанять разные джентльмены, в том числе Био Бруммель, который поинтересовался: сколько же валету платил лейтенант-полковник?

«— Сто пятьдесят фунтов, но этого мне было недостаточно, я предпочитаю двести! (Огромная сумма по тем временам. — *Т. Д.*)

— Ну что ж, если это в гинеях, а не фунтах, я буду рад нанять тебя!» — ответил Бруммель.

Однако для лорда Плимута эта сумма не показалась такой уж большой, и скоро у него стали самые начищенные и блестящие в стране сапоги.

Герцог Веллингтон — народный герой, победитель французов под Ватерлоо, открыто заявлял, что терпеть не может присутствие валета. «Возможно, вы не знаете, — однажды сказал герцог лорду Странгфорду, — я ведь бреюсь сам и сам чищу свою одежду. Об одном сожалею, что не имею возможности сам чистить свои сапоги. Слуги мужского пола невыносимы для меня, а присутствие толпы ленивых бездельников раздражает меня больше, чем я могу передать!» Однако даже он все же смирился с присутствием валета, который верно служил ему до его смерти.

Валет относился к верхним слугам, и это означало, что ему был открыт доступ в комнату домоправительницы, где он принимал пищу и пил чай в компании дворецкого, управляющего и других. Его не любили нижние слуги, так же как и горничную леди, за близость к ушам хозяина, за лакированный вид и прекрасную одежду.

Во время еды он стоял за стулом господина независимо от того, где тот принимал пищу. Он также сопровождал своего джентльмена во всех поездках и спортивных мероприятиях, на охоту, скачки, путешествия. Он стоял всегда наготове, чуть сзади, готовый в нужный момент перезарядить ружье и подобрать трофеи. Во время переездов его задача заключалась в том, чтобы создать возможный в условиях дороги комфорт для своего хозяина, а за границей он являлся гидом и проводником, заучивая необходимые фразы для объяснения с местным населением. Если возникала необходимость, он спал в комнате своего покровителя, защищая его от грабителей и бандитов. Так же как и горничная леди, он знал, как ухаживать за кожей джентльмена, и сам приготавливал для него мази и кремы. Он ухитрялся найти кеб, когда его не было, разбирался в том, какие цветы подарить какой леди, и мог постоять за себя, не обидев оппонента. В основном его работа была очень проста, но он имел талант делать ее так, что она представлялась крайне важной. Он мог положить два пустячных предмета в ящик комода с таким видом, как будто полномочный представитель великой нации возлагает венок на гробницу усопшего монарха. Он знал, как, не уронив достоинства, принять от хозяина не нужную ему более одежду, продажа которой составляла основной приработок валета. Вещь с барского плеча он брал с выражением благодарности и почтения, которое долго тренировалось перед зеркалом. Тщеславный молодой хозяин, чтобы подчеркнуть свою важность, часто призывал своего валета ответить на вопрос вместо себя.

«Бруммеля однажды спросил его гость, какое озеро в Англии он любит больше всего. Позвонив в колокольчик, тот переадресовал вопрос пришедшему на зов валету:

— Какое озеро мое любимое, Робинсон?

— Виндермер, сэра.

— Ах да, Виндермер, так и есть. Спасибо, Робинсон».

Находясь ближе всех к своему хозяину, валет первым испытывал на себе и его гнев. И если он состоял на службе у тирана, взрывавшегося по всяким пустякам, то жизнь его была хуже собачьей и более унижительной. Однако чаще всего, зная все привычки и слабости своего джентльмена, он учился манипулировать им и косвенным путем заставлять хозяина принимать решения, удобные ему.

В XIX веке невозможно было утаить свою личную жизнь от слуг, и каждый хозяин всегда был под угрозой шантажа с их стороны. Когда джентльмен тайно заводил любовницу, то он не мог просто снять для нее квартиру и оставить там ее одну. Он должен был обеспечить ее кухаркой, лакеем, горничной, а если имелся выезд, то еще и кучером. Всем им нужно было платить достаточную сумму денег для того, чтобы они могли преодолеть свои моральные принципы и не осмеливались болтать о личной жизни хозяйки. Но все равно сластолюбец находился в постоянном беспокойстве не только по поводу верности его возлюбленной, но и слуг. Достаточно им было поделиться с кем-то из приятелей, и пусть слуги все еще были преданы своему гоподину, но их друзья могли сильно навредить ему. Любовные связи в XIX веке обходились очень дорого с моральной и с материальной точек зрения. Однако даже деньгами нельзя было купить преданность людей, которые по каким-то причинам невзлюбили своего хозяина.

Джентльмен Уильям Хикей гостил у капитана Генри Мордауэта, известного своим эксцентричным, жестоким характером. За время пребывания в его доме он влюбился в его любовницу Шарлотту Бари. Однажды, когда капитан отсутствовал дома, его слуги деликатно намекнули гостю, что если он захочет что-то предпринять в отсутствие хозяина, то они не только его предупредят о неожиданном возвращении капитана, но и постараются задержать его как можно дольше. «Так, защитившись от неожиданностей, я с наслаждением занял место тирана!» — писал неблагодарный гость.

У гения пера XIX века Даниела Свифта было достаточно возможностей изучить слабости господ и прислуги на собственном опыте. Он начал свою службу в качестве компаньона сэра Уильяма Темпла, что сразу определило его место за обеденным столом среди верхней прислуги. У него был собственный слуга, вечно пьяный Патрик, чьи руки тряслись так, что он был не способен брить голову своего хозяина. Этого слугу он проклинал миллион раз, но не выгонял, и в конце концов так к нему привязался, что стал считать его своим другом, вопреки моральным нормам того времени, которые гласили, что расположение портит слуг.

Правда, в XIX веке было известно и проявление чувств другого рода. Встречались дома, где холостые джентльмены предпочитали окружать себя молодой прислугой исключительно мужского пола, которые, тем не менее, называли себя звучными женскими именами, такими как мадам Бион — валет, и Долл — паж. Иметь прислугу для прихотей было удобно, но небезопасно. Когда хозяева переставали в ней нуждаться и брали другую, все секреты всплывали наружу. Тогда бывшему хозяину могло грозить тюремное заключение, как это произошло с Оскаром Уайльдом, которого, несмотря на известность и популярность, посадили в тюрьму за связь с молодым юношей.

Кучер

Кучера обычно нанимал сам хозяин. Это было важно для него, поскольку это был человек из верхней, личной прислуги, с которым он проводил много времени, на честность, ответственность и молчание которого он часто рассчитывал. Кучер, являясь в определенных случаях и телохранителем джентльмена, знал о нем много такого, что подчас не должно было становиться достоянием жены и остальных членов семьи.

Когда джентльмен нанимал возницу, он надеялся получить респектабельного трезвого слугу с покладистым характером, который к тому же хорошо бы смотрелся в униформе, соответствующей его положе-

нию. На практике очень часто он получал ленивого малого, прикладывавшегося к бутылке и забывавшего вовремя подать экипаж. Принимая на работу, хозяин спрашивал кандидата:

«Как близко можно ехать к другой стороне дороги, чтобы не подвергать седоков опасности?» Нанимаемый, старавшийся показать себя опытным кучером, мог ответить: «На расстоянии инча (немногим более двух сантиметров) или пол-инча!»

Беспокоившийся за свою жизнь хозяин конечно же отказывал такому хвостуну. На улицах XIX века было слишком много пьяных кучеров, и даже опытному вознице было трудно порой доставить коляску или карету домой без повреждений. В деревне большую опасность представляли собой конюхи, возвращавшиеся порожняком, с пустыми телегами. Они, чтобы компенсировать время, потраченное на выпивку, торопились изо всех сил и хлестали и так несшихся во весь опор лошадей. В городе же самое рискованное место находилось снаружи особняков, дававших бал, где замерзшие и ошалевшие от ожидания кучера злодейски расталкивали друг друга, стараясь первыми посадить своего раздраженного хозяина.

Иностранный принц так описывал свалку перед важным приемом: «Как только эти героические водители колесниц усматривали, что ворота открывались, они тут же начинали безжалостно хлестать своих лошадей, как будто они сделаны из железа и в их планы не входило сохранять их в будущем». Полиция не вмешивалась в творимый хаос, считая, что это не входит в ее обязанности. Довольно часто в таких потасовках, когда каждый кучер норовил выехать первым через ворота, коляски и кабриолеты, не выдерживая нажима, буквально разлетались на части, и хозяева едва успевали из них выскочить. В дождливую или морозную погоду, когда беззаботные господа наслаждались танцами на балах или вкусным ужином в хорошо натопленной зале, их кучера страдали от холода до такой степени, что лили бренди, чтобы согреться, не только внутрь собственных желудков, но и к себе в сапоги, в наивной надежде согреть ноги. Панч шутил, что, увидев закутан-

ную, неподвижную фигуру на улице, подумал, что это мумия, а на самом деле это был кучер, обернутый 16 разными покрывалами и пропахший алкоголем. Характеристикой хорошего кучера являлось умение править лошадью равномерно, заставляя ее бежать с постоянной скоростью, которую он перед выездом оговаривал с хозяином (4, 6 или 8 миль в час). Дурной возница, резко тормозя, опрокидывал пассажиров на пол и утомлял их частым переходом лошади от галопа к шагу. Миссис Битон не обошла и этот аспект своим вниманием. Она писала, что скорость меньше, чем шесть или восемь миль в час, очень вредна для лошади, так как животное становится вялым и ленивым. Экипажи могли двигаться с такой скоростью, поскольку еще в эпоху короля Георга I кучера обшарпанных телег должны были уступать дорогу каретам джентльменов. Кстати, во времена Французской революции 1848 года этот закон был отменен одним из первых как признак отсутствия демократии.

Обычно кучер в шесть утра уже должен был приступить к работе и полтора или два часа приводить конюшню в порядок. Еще два часа уходило у него на проветривание и уборку экипажа, вытряхивание ковров, чистку сидений и запрягание коней. Затем он, если хозяин говорил, в каком направлении будет поездка, разворачивал экипаж на дворе, чтобы не делать этого посреди улицы. О выезде члены семьи предупреждали кучера за двадцать минут. После чего все должно быть готово и возница в униформе должен уже сидеть на козлах. Если же карета не была подана вовремя или кучер, забыв развернуть ее, соскакивал с облучка и, взяв лошадей под уздцы, старался направить их в нужную сторону, хозяин страшно сердился, поскольку это характеризовало его как неспособного держать своих слуг в достаточной строгости, чтобы они не совершали подобных ошибок.

Довольно часто кучер использовал свое положение для дополнительных заработков. Кроме приработков, получаемых от «левого» извоза, что он делал под большим риском быть уволенным, кучер, используя хозяйский корм для лошадей, разводил в конюшне свиней и

коз. На последнее, если слуга был надежный и хорошо исполнял свою службу, многие джентльмены закрывали глаза. Кучер часто уговаривал хозяина купить новые колеса, так как старые треснули, или металлические обручи к ним. При этом ненужные колеса загонялись за хорошую цену. Их можно было сбыть с рук, даже если кучер специально проделывал в них дыры, чтобы убедить хозяина в их негодности.

Во время длительной поездки возница, который заботился о конях и своей репутации, обычно не бежал первым делом в теплое место на постоялом дворе, а сначала прослеживал, получили ли все его лошади достаточно корма, не дал ли мальчишка им ледяной воды после долгой дороги. Во многих стойлах предприимчивыми хозяевами постоялых дворов, продававших корм для лошадей, делались отверстия в яслях-кормушках, куда насыпался овес. Когда лошадь мордой разгребала корм, часть его высыпалась в подставленный незаметно снизу мешок, который потом забирал хозяин постоялого двора. Опытный кучер, зная об этом, сначала убеждался, что его кони сыты, а потом уже шел отдыхать сам. У каждого слуги были свои приемы и хитрости на службе. Например, попытка некоторых возниц убедить хозяина, что выбранная дорога плоха; грязь непролазная, мост разобран или что-то еще. Целью такого поведению было желание остановиться в том месте, где возница мог получить свои проценты за постой. Другие умники, страстно желая выпить сами, убеждали, что лошади испытывают большую жажду, заставляя остановиться у первого попавшегося на пути пристанища.

Все работники конюшни, кучера, конюхи, мальчишки, форейторы, жили в помещениях над стойлами, в своем собственном мирке. В очень богатых домах экипажи запрягали цугом четверкой, шестью и даже двенадцатью лошадьми (этих по три в ряд). Особенно ценились белые кони, смотревшиеся очень торжественно и украшавшиеся парадной сбруей с султанами на головах.

Иметь свой выезд было накладно. При состоянии 1500 фунтов в год на это уходило приблизительно че-

тыреста фунтов, то есть почти треть всех денег хозяина.

В это время ходило довольно много рассказов о джентльмене, который был приглашен в гости. Хозяин заехал за ним и увез его с собой. Вечером же, нанимая экипаж в платной конюшне, он приехал домой, не подозревая, что одна из лошадей в нанятой им упряжке его собственная, на которой его предприимчивый конюх решил заработать в отсутствие хозяина. Экономя деньги, отказываясь от своего выезда, нанимая коляску или экипаж из платной конюшни, джентльмен мог позволить себе взять гораздо более роскошный и дорогой экипаж. При этом ему не надо было беспокоиться о кучере, о его ревматизме, который тот мог заработать во время долгих ожиданий хозяина под дождем. Его не раздражали мысли, что его конюх может продать на сторону овес из его конюшни или сдать его лошадей на ночь в пользование кому-то.

Но тогда он лишался возможности посещать те заветные места, о которых знал только его верный слуга.

Что должна была знать и уметь горничная

Существовали школы для прислуги, куда поступали девочки 12—16 лет. Они и назывались «Школы для девочек, которые поступают в услужение». Обучение было строгим, таким образом воспитанниц подготавливали ко всем тяготам работы на хозяйке, обладавших порой капризным и вздорным характером. Помимо обычных навыков, девушки приучались терпеть, молчать, сносить. После окончания таких школ молодая прислуга подразделялась на четыре категории, согласно которым определялись возможности для трудоустройства.

Первая категория

Девушки 16 лет, имевшие хорошие характеристики поведения. Они получали униформу, стоившую пять фунтов, которую могли оставить себе, если продолжали трудиться в том же месте в течение года. После этого за хорошую работу они получали подарок от хозяев.

Вторая категория

Девушки, которые часто выказывали плохой характер, лень, непослушание, дерзость, в случае осознания ошибок и исправления могли быть отнесены ко второй категории и получить униформу стоимостью три фунта и 10 шиллингов, если после года работы получили хороший отзыв.

Третья категория

Девушки, которые продолжали выказывать собственную волю, неповиновение, дерзость, получали униформу стоимостью три фунта, которые вычитались из их жалованья. Если в течение двух лет им не удавалось зарекомендовать себя положительно, то они часто теряли работу и, не имея хороших рекомендаций, не могли устроиться вновь.

Многие ученицы не имели даже носовых платков, что говорило о недостатке воспитания, однако все соперничали размерами кринолиновых юбок и количеством нижних.

Находясь в услужении, девушкам приходилось забывать про моду и надевать черные, синие или коричневые шерстяные платья с белыми фартуками и чепчиками.

Жизнь горничной по дому зависела в большой мере от того, насколько богата семья, куда ее принимали на работу. Если люди имели достаток и могли нанять других слуг, то ее обязанности сводились в основном к уборке. Однако в большинстве домов горничная выполняла всю работу, которая обычно делилась между кухаркой, лакеем, садовником и т. д.

Вот примерный круг ее обязанностей: подняться раньше всех, примерно в 4.30, и перед приготовлением завтрака подмести и протереть пыль во всех нижних комнатах. Тогда же освободить камин от золы, нанести угля и разжечь огонь. Принести воды (часто из колонки на улице), поставить большой чан для кипения. Отнести наверх в спальни уголь и разжечь камин. Разбудить членов семьи, натаскать наверх теплую воду, подготовить ванны или тазы для умываний. Приготовить завтрак. Сервировать стол. Подавать еду и обслуживать хозяев во время завтрака, после убрать и помыть посуду. Подняться в спальни и заправить кровати,

навести порядок. Если после завтрака хозяйка не поручала ей сбежать на почту, в лавку, на рынок и не просила погулять с детьми или собачкой, беря эту работу на себя, то она готовила обед и кормила всю семью, опять прислуживая за столом. Хозяин чаще всего работал недалеко от дома и приходил на обед. К пяти часам она готовила чай, к семи — ужин, затем опять разжигала камины в спальнях, готовя их к ночи, носила воду наверх для вечернего умывания и наконец в 10.00, когда вся работа была закончена, валилась спать, если ее услуг больше не требовалось. В свободное время, с 2 до 6 вечера, она выполняла следующую работу:

Понедельник. Стирка, уборка во дворе, чистка всех швабр, щеток, расчесок.

Вторник. Мытье окон, чистка каминов, генеральная уборка в гостиной.

Среда. Генеральная уборка спален и гардеробной комнаты.

Четверг. Чистка всего серебра, блюд и лепнины, работа в саду.

Пятница. Уборка в туалете, коридорах, лестницах и холле.

Суббота. Наведение порядка в кухне и своей комнате, штопание одежды для членов семьи.

Воскресенье. Полдня свободные.

Девушка могла присесть только тогда, когда ела или чистила серебро. Воскресенье — день отдыха, когда ей разрешалось вставать на полчаса позже и ложиться на полчаса раньше. Иногда ее отпускали на полдня домой. В 1860 году жалованье такой прислуги равнялось 10 фунтам в год.

В 1999 году в Англии был проведен эксперимент, когда обычную семью поселили в дом викторианского периода, оснащенный всеми нововведениями того времени. На протяжении нескольких месяцев муж, жена и двое детей продолжали жить привычной жизнью, работать, учиться, смотреть за домом, но одевались они в костюмы той эпохи, ели только то, что можно было в XIX веке, передвигались на том транспорте, который существовал тогда, и даже в своей собственной гигиене были ограничены теми же рамками (не разре-

шены шампуни, гели, лаки для волос, дезодоранты, электробритва и т. д.). В помощь жене была нанята горничная для всех работ, молодая девушка, которая тоже была ограничена в средствах. Никаких моющих порошков, пылесосов, посудомоечной машины и т. д. Легче всего к новым условиям приспособились дети, которые, если и скучали без телевизора, компьютера и мобильных телефонов, все же радовались тому, насколько больше времени с ними проводят родители, читая им вслух и играя с ними по вечерам. Муж, ездивший на велосипеде на работу, не особенно замечал трудности жизни в других условиях. Однако жена и горничная для всех работ по достоинству оценили все, чего они лишились в новых условиях. Газовое освещение было слишком темным и чадившим, зола из камина засоряла ковры, запах уксуса, которым чистили все, от пятен на обивке мебели до оконных стекол и зеркал, преследовал повсюду. Приготовление еды занимало с непривычки слишком много времени. Кур и уток надо было ощипать и опалить, овощи вымыть, хлеб испечь. А стирка вручную, особенно постельного белья, женщин приводила в ужас. За время эксперимента они так и не смогли выполнить и половины тех работ, которые выполняли хозяйка и служанки в подобных условиях в XIX веке. Конечно, проведи они этот эксперимент в России, результат оказался бы совсем другим, но без сомнения то, что жизнь у горничной для всех работ была не сладкая!

Там, где работало несколько горничных, они специализировались: на уборке в гостиных и передних комнатах, на уборке дома и подсобных помещений, на поддержании чистоты на кухне. Самую высокую позицию из них занимали горничные леди. Их не любила нижняя женская прислуга за жеманство и развязность, за то, что они смотрели на всех свысока, а так же потому, что они находились, как говорилось в кругу слуг, слишком близко к ушам госпожи. Горничные по дому завидовали им и знали, что у них слишком мало шансов занять место горничной хозяйки. Это была мечта любой служанки. Не только потому, что *The Lady's Maid* — так называлась эта привилегированная особа, оде-

валась не в униформу, как они, а в красивые платья, доставшиеся ей от госпожи, но еще и потому, что она бывала с ней в местах, где нижней прислуге и не снилось побывать, и могла вдохнуть райский воздух жизни богатых. Гувернантка, стоявшая несколько выше, чем горничная хозяйки, также недолго любила горничную, и та отвечала ей взаимностью. Однако обеим жилось не сладко, так как они зависели от настроения хозяев, от их капризов и причуд.

Горничная леди должна была быть готовой оказывать своей хозяйке тот род услуг, которые современные женщины предпочитают делать сами и не нуждаются в свидетелях. Мыть ее, одевать, выдавливать угри, запудривать прыщи, разглаживать морщины, освежать ее дыхание, когда не было туалета — подставлять ночную вазу и опорожнять ее, и многое другое. От нее требовалось быть всегда здоровой, чтобы хорошо исполнять свои обязанности. Иначе как она могла заботиться о своей хозяйке, которая довольно часто жаловалась на плохое самочувствие. «Она страдает, даже если ее болезнь только в ее воображении, и ваша обязанность предложить ей сочувствие и помощь», — писалось в книге обязанностей для горничных леди. Помощь могла состоять в чтении вслух, или обрезании мозолей, или в прикладывании пиявок, или чистке языка хозяйки с помощью серебряного скребка. Она должна была делать все, что могла, чтобы облегчить страдания, и, кроме того, держать в секрете от других слуг причину болезни госпожи. При этом «никогда не должна забывать о том, насколько повезло слугам, что их здоровье всегда лучше, чем их господ».

Горничная леди играла огромную роль в жизни хозяйки, и на эту должность девушки отбирались очень тщательно. Предпочтение отдавалось тактичным, предупредительным и догадливым. Кроме того, покорным, здоровым, чтобы часами стоять, ожидая свою хозяйку; честным, чтобы присматривать за ее драгоценностями; достаточно добродетельным, чтобы не поддаваться уговорам лакеев; терпимым, чтобы не раздражаться на постоянный беспорядок, оставляемый мисс или миссис; пребывавшим, несмотря ни на что, всегда в хоро-

шем настроении, чтобы, если хозяйка начинала хандрить, развеселить ее; достаточно образованным, чтобы ей читать. От горничной леди ожидалось также умение прекрасно причесывать и укладывать волосы, мастерство в вышивании и шитье, и даже знакомство с основами химии. Она отвечала за то, как хозяйка выглядела, и знала, что белую пудру нужно избегать накладывать в случае припухших глаз, так как это только усугубит картину. Кроме того, считалось, что она впитывает запахи печени и чеснока, и, следовательно, лучше не покрывать ею лицо перед ужинами. А некоторые виды пудры были просто небезопасны: от них возникала сыпь на коже, прыщи, расшатывались зубы.

В книге обязанностей для горничной леди предупреждалось и насчет красок для волос, изготовленных из вредных для здоровья веществ, таких как нитрат серебра, который окрашивал в черный цвет, но при неосторожном нанесении «прожигал кожу насквозь, как горячий утюг». Кроме того, через некоторое время волосы из черных становились фиолетовыми. Краска могла быть куплена в магазине за шиллинг или изготовлена горничной за несколько пенсов с помощью все той же умной книги. Большинство средств для ухода за леди горничная изготавливала сама. Она растворяла частички металла в уксусе, толкла мускус с янтарем, перемешивала гашеную известь с желтым и белым свинцом и медвежьим жиром, то есть все время имела дело с вредными веществами, не для того чтобы отравить или причинить вред своей хозяйке, напротив, все эти средства рекомендовались в книге для изготовления масла для волос, одеколona или специальных масок. Рецепты были сложные и трудоемкие. Для одних только квасцов требовалось взять три копыта теленка, три дыни, три огурца, четыре свежих яйца, кусок тыквы, пинту обезжиренного молока, галлон розовой воды, кварту сока от водных лилий, пинту сока подорожника и дикой танси и половины унции бора.

От веснушек и угрей, выступавших у леди, ее заботливая служанка применяла воловью желчь, с помощью которой горничные по дому не без успеха чистили грязный мрамор. Солнечные ожоги облегчались с по-

мощью женского молока, которое также использовалось при изготовлении настойки для лица, что придавало коже хозяйки приятный розовый цвет. Покупая необходимые ингредиенты для кремов, тоников и лосьонов, горничные не полагались на честность торговцев, опасаясь, что товар мог быть разбавлен или подменен. Они знали, как проверить его качество. Тестируя мускус, они предварительно несколько раз продерживали шелковую нитку через головку чеснока, а затем через покупаемый продукт. Если запах чеснока отбивался, то товар был качественным. А проверяя кармин, использовавшийся для красной губной помады, горничные насыпали настоящий порошок и тот, который они намеревались купить, взвешивали и сравнивали. Если вес был равный, то товар был стоящий, но если его вес был больше, то это значило, что вместо кармина добавлялся красный свинец, что без сомнения нанесло бы вред здоровью хозяйки.

Приготавливая все эти сложные смеси, горничная леди часто прерывалась колокольчиком, в который звонила хозяйка, и мчалась в ее комнату, чтобы подать ей книгу, лежавшую от нее в метре, или снять тесное кольцо с ее руки.

Горничная знала и многое другое: как накручивать папильотки на волосы госпожи, чтобы это не вызвало у нее головной боли, как успокаивать зубную боль, как стричь пуделя и купать его в хозяйской ванне, в которой ей не разрешалось мыться самой. Одной из главных ее обязанностей было одевать, раздевать и переодевать свою хозяйку столько раз на дню, сколько это требовалось приличиями XIX века, а также планами на день.

Горничная леди вставала рано, чтобы лично удостовериться в том, что горничные по дому уже разожгли огонь в камине комнаты, где хозяйка переодевается по утрам. Затем приготавливала ее одежду, наполняла ванну теплой водой и заходила к барышне, чтобы, сообщив который час, поинтересоваться, не хочет ли она вставать. Чтобы госпоже легче было проснуться, она раздвигала шторы и помогала помыться и причесаться, а затем спускалась на кухню, чтобы забрать поднос с завтраком, приготовленным для хозяйки, предпочи-

тавшей завтракать в спальне. После этого горничная помогла ей с переодеванием в домашнюю одежду. Только тогда она спускалась в комнату домоправительницы, где завтракала вместе с остальными верхними слугами. Затем по звуку колокольчика вновь заходила к своей хозяйке, чтобы переодеть ее на выход, прибраться и уехать с хозяйкой по делам. Вернувшись, она переодевала ее к ужину и далее ждала уехавших господ, пока среди ночи они не возвращались домой. Все это время она следила, чтобы камин в комнате госпожи не погас и на кухне оставалось достаточно горячей воды для вечернего омывания. Ожидая возвращения хозяйки, она готовила ее платья на следующий день, ведь если не было гостей и госпожа не намеревалась никуда выходить из дома, то кроме обычных переодеваний из ночной одежды в халат, а затем в домашнее платье, требовалось еще как минимум три, к каждому приему пищи и одно для выхода в сад на прогулку. Итого шесть туалетов, которые она должна была приготовить с вечера.

Валясь с ног от усталости, горничная не смела заснуть, боясь прослушать подъехавший экипаж. Нет ничего хуже, если ее застигнут спящей, ведь именно она должна была встретить уставшую леди, помочь ей с вечерним туалетом и, сдерживая зевок, выслушать, если хозяйке хотелось с ней поделиться увиденным за вечер. Горничная должна была всегда быть бодрой, полной сил и участия. Несмотря на то, что она порой ложилась в три-четыре часа утра, а вставала очень рано, на ее лице всегда должна быть улыбка и выражение готовности к любой услуге, ведь на первом месте стояли интересы хозяйки, а не свои личные. Правда, она чаще всего могла похвастаться своей собственной комнатой, в которую другие слуги не осмеливались входить, кроме того чтобы убрать ее, и где на полу лежал ковер, что считалось признаком роскоши.

Чтобы уберечь молодых девушек от ошибок, в правилах, написанных для горничных, говорилось: «Богатые платят за все, что они хотят иметь. Однако было бы неправильным утверждать, что они живут в роскоши исключительно из удовольствия, у них также есть свои обязанности, как и у каждого работающего человека.

Однако это действительно очень серьезные дела! Главной целью их комфорта и удобства является то, что им нужно освободить свое время и мысли от беспокойства о хлебе насущном. Богатый человек имеет выезд не потому, что ему приятно передвигаться в экипаже, а потому, что ему необходимо добраться от одного места до другого. Богатая леди имеет так много слуг не оттого, что ей нравится давать приказания, а оттого, что ей нужно освободить голову для мыслей о детях, друзьях, книгах и остальных делах, о которых слуги не имеют ни малейшего представления».

У горничных леди было достаточно времени за шитьем, чтобы обо всем этом подумать. И на этот счет были необходимые рекомендации: «Если ваши мысли свободны от обязанностей, то, надевая наперсток, вы найдете много добрых мыслей за своим шитьем. Это самый лучший способ, чтобы удержаться от ошибок, за которые вы несете ответственность, как, например, уговаривать свою госпожу помогать вашим родственникам или просить что-то для себя».

Нанимаясь горничной леди, девушки невольно копируют свою госпожу во многом, и так же невольно меняется их отношение ко всему, что раньше их окружало. Возвышаясь в своем положении, многие из них начинали завидовать своей хозяйке и желать такого же комфорта для себя. Этот случай тоже был предусмотрен в книге для слуг: «Вы должны постоянно помнить о том, что ваше теперешнее положение в роскоши и комфорте, красивая одежда, собственная обставленная комната и место в хозяйском экипаже исключительно оттого, что вы находитесь на службе и в ваших услугах нуждаются. Однако вам не следует к этому привыкать, поскольку это не может длиться бесконечно. Ваше сердце должно быть среди бедных, чтобы, когда вы вернетесь к своей прежней жизни после многих лет, проведенных в сервисе, вы не чувствовали себя обиженной или униженной, а испытывали радость, как будто вернулись домой».

Это был прямой намек на то, что горничная леди, как бы близко она ни стояла к своей хозяйке в дружеском расположении, не должна рассчитывать на то, что

останется с ней до конца ее дней. Леди предпочитали видеть своих горничных молодыми, чтобы, глядя на них, они и сами себя чувствовали моложе. Кроме того, старых слуг часто одолевают болезни, о которых хозяйки не хотели ничего знать, и они уже были не так поворотливы и жизнерадостны. Поэтому чем старше становилась горничная леди, тем меньше ей платили. Процент безработных служанок был очень высок. К тому же за время службы они ограничивали себя во всем и не имели возможности создать семью. Если бедняжкам не повезло сразу после окончания работы выйти замуж, то, вероятнее всего, они оставались старыми девами. После вращения в господской среде они ожидали слишком многого от своего избранника, и их большим минусом было то, что они не умели готовить. Хорошо, если они дослуживались до домоправительницы и имели возможность накопить достаточно денег на безбедную старость.

Понятно, что многие горничные хотели бы «зацепиться» в семье. А лучшего способа, кроме как стать ее членом, не придумаешь! Однако в мудрой книге были предусмотрены все случаи жизни. «Вы должны усиленно противостоять всем соблазнам, касаемым молодых джентльменов в семье. Если к кому-то из них вы имеете влечение, подумайте о последствиях, к которым это может привести, независимо от того, как подобная ситуация повернется. Подумайте о ране, которую это нанесет всей семье и обществу в целом, если вы будете вынуждать молодого человека жениться на вас. Такие браки имеют место, но они очень редко, если вообще когда, счастливы».

После нравоучительного вступления горничным, почувствовавшим влечение к молодому джентльмену, настойчиво рекомендовалось оставить работу без объяснения причины, поскольку любой намек и догадка были бы преувеличены и запятнали бы ее репутацию. Горничным не разрешалось иметь никаких воздыхателей или поклонников, даже из слуг. Если были замечены перемигивания с лакеями, девушки получали предупреждение, а если дело заходило дальше — неизбежное увольнение со службы.

«Если на ваших глазах молодая девушка из obsługi потеряет к себе уважение настолько, что позволит лакею флиртовать с собою, то следует обратить внимание вашей леди на это, чтобы удержать заблудшую овцу от еще большего падения. В этом случае госпожа постарается защитить вас от гнева других за то, что вы всего лишь исполняли свои обязанности».

Все мысли, помыслы и желания горничной леди должны были быть направлены только на заботу о госпоже. Чтобы заслужить ее полное доверие, она должна была жить ее интересами. Горничная убирала в бюро личные письма хозяйки, которые могли разрушить доброе имя семьи, если бы они попали не в те руки, она присутствовала при тайных свиданиях, с ней делились сокровенными секретами. Честность ее, так же как и верность, не могла подвергаться сомнениям, ведь наряду с тайнами она подчас держала в руках приданое своей госпожи, доставая и убирая по приказанию в шкапулку все драгоценности своей хозяйки.

Книга, написанная Изабель Битон, учила не только обязанностям. В ней также давались советы, как сохранять здоровым моральный климат. «Во время причесывания своей хозяйки, когда вы стоите по полчаса, проводя гребнем по ее локонам, удерживайте себя от лести и комплиментов по поводу густоты и красоты ее волос, белизны зубов и пропорциональности телосложения. Поскольку тщеславие — это болезнь, то подкармливать ее, все равно что греть человека, который мечется в жару». Подкреплялось поучение нравоучительным примером о леди, которая перед отходом ко сну осмысливала в голове все сказанное за ужином о взаимоотношениях трех великих держав. Ее высокие мысли были прерваны горничной, которая прошебетала ей: «Какие чудесные волосы у вас, мэм! Если бы они были только чуточку длиннее!» За эту дерзость бедная служанка была отослана укладывать свои вещи, вместо того чтобы укладывать спать хозяйку.

«Абсолютно необходимо, чтобы, одевая госпожу, вы не опускались до сплетен о другой прислуге. Негоже расправляться с вашими неприятелями с помощью хозяев». Именно за эту черту верхних слуг не терпели нижние.

На подобной службе могли быть искушения и совсем другого характера, например, лавочник платил служанке проценты, если она уговаривала леди покупать кружева и ленты именно в его магазине. Два фунта десять шиллингов, если за год покупалось на сумму 50 фунтов. В этом случае служанка предупреждалась, что тем самым она только принесет ущерб ее же хозяйкам, поскольку в том или ином виде эта сумма будет вычтена из их же счета, и это все равно как если бы она сама украла из ящика их бюро.

Бесчестные, расчетливые горничные выпрашивали себе наряды таким образом: «Вы, ваша милость, слегка бледны в этом сатиновом платье, а вот темно-синее идет вам необыкновенно!» После этого бледное сатиновое платье переходило к служанке, которая его с удовольствием носила, присматриваясь к другим нарядам хозяйки, на которые затем проливался соус с громким восклицанием: «Тысячи извинений! Я не нарочно! Сама не знаю, как это случилось!»

После этого нарядный туалет опять отходил к горничной. Таким же образом пачкался мех, портилась форма капора, выливались чернила на блузки. Вся эта одежда затем относилась в специальные магазины, хорошо платившие за господские наряды горничным и валетам.

Честная же служанка прилагала все усилия, чтобы самой очистить испорченные туалеты, замаскировать грязные места с помощью вышивки или кружев.

Некий фельетонист описывал такую сцену:

«Горничная леди. Пожалуйста, мэм, я хочу уйти!

Леди. Почему, Бетти, ты ведь только вчера поступила на службу?

Горничная леди. Я просмотрела весь ваш гардероб, мэм, и не нашла ничего, в чем бы я смотрелась по достоинству!»

Послушная, богобоязненная прислуга высоко ценилась, ведь в таком случае она не нуждалась в присмотре. Очень распространенным был способ, с помощью которого хозяйки проверяли прислугу, нанимая ее на работу. Под ковер в комнате клали монету. Если она оставалась там после уборки, то горничная ленива, если исчезала, то нечестна.

«— Мэм, посмотрите, что я нашла под ковром. Должно, ваш муж обронил!

— Благодарю, Бэтти! Ты хорошая девушка. Всегда нужно помнить о том, что, возможно, однажды тебе придется стоять у постели умирающей хозяйки, и тогда уже будет поздно раскаиваться в своих грехах, что не уберегла ее. С прислуги спросится на высшем суде, хорошо ли она исполняла свои обязанности!»

В понедельник слуги читали молитву с такими словами: «Господи, пожалуйста, удержи меня от соблазна истратить деньги моих господ на себя». Горничные леди добавляли к молитве: «Успокой во мне желание наряжаться и любовь к платьям! Прошу о смирении и терпении при осыпании упреками, и чтобы я не тратила впустую время, которое не является моим».

Во вторник слуги возносили благодарственные молитвы: «Благодарю Тебя, Господи, за то, что не позволил моей дурной натуре взять верх ни тогда, когда я хотел прикарманить несколько хозяйских шиллингов, ни тогда, когда я увидел затерявшуюся господскую курицу и хотел отнести ее моим, а главное, что удержал мою грешную душу, когда пара бродяг подговаривала меня открыть ночью заднюю калитку, чтобы они пробрались в дом и пограбили немного, отдав мне затем мою долю. Вот это было тяжелее всего, потому что, Господи, ты знаешь, как много здесь всякого добра, которое лежит везде. Возможно, что пропажу никто бы и не заметил, а мне бы осталось на черный день!»

Во все последующие дни все слуги, включая дворецкого и домоправительницу, молились о выполнении своих обязанностей: «О Господи, помоги мне быть верным слугой своих господ, быть их надеждой и опорой». Мужская прислуга просила также удержаться от лени, пьянства и гнева, а всем развлечениям быть умеренными и законными».

Сколько слуг попадали под дурное, часто похмельное настроение хозяев на следующий день после крепкого застолья, когда приходилось старательно пропус-

кать мимо ушей оскорбления, сыпавшиеся на них, и бедняги счастливы были, если удавалось избежать тычков, пинков, а то и побоев. Причем хозяйки тоже часто вымещали на служанках свое раздражение и неудовольствие, швыряя платья или нижнее белье в лицо горничной во время переодевания, пока та не принесет нужное. Сэр Ричард Стил в своей книге на данную тему высказал мнение, что на поведение слуг влияет поведение их хозяев. Он писал, что уважение и любовь идут рядом и по хозяину судят о слуге.

Лакей

«Когда модная леди выбирала себе лакея только по росту, фигуре и форме его икр, — писала миссис Битон, — то не удивительно, что вскоре она обнаруживала, что новый слуга ленив, завистлив, жаден и не является компенсацией ни за деньги, ему обещанные, ни за еду, на него потраченную».

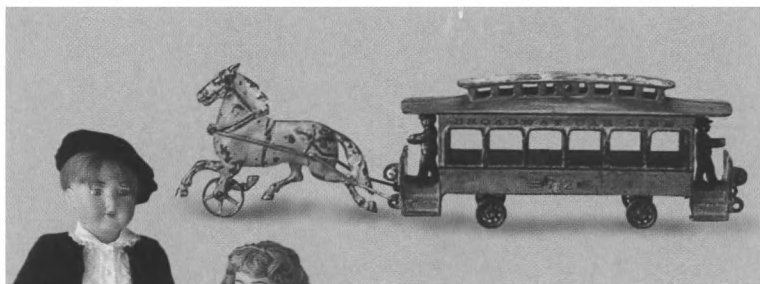
При выборе пары лакеев довольно часто предпочтение отдавалось видным молодым людям и форма их икр рассматривалась пристальнее, чем черты характера. В 1850 году в «Таймс» было опубликовано объявление, в котором молодой человек, искавший работу лакея, так себя описывал:

«Высокий, симпатичный, с широкими плечами и большими икрами ног, предпочитаю работать в районе Белгрэйв-сквер, с северной стороны парка». Еще один добавлял: «...шесть месяцев в году предпочитаю находиться в городе, и если работать предстоит в месте, не очень удобно расположенном, то в качестве компенсации прошу добавить пять гиней дополнительно к жалованью».

Чем дольше лакей находился на службе, тем труднее было найти другого слугу, который соответствовал бы его физическим параметрам и красиво смотрелся рядом при выездах, по обе стороны двери или лестницы. В конце века жалованье увеличивалось пропорционально росту. Чарлз Бут в книге «Жизнь и работа людей в Лондоне» приводит следующие цифры:

Уинстлер Д. А. Гармония в сером и зеленом: мисс Сесили Александер. 1872—1873 гг.

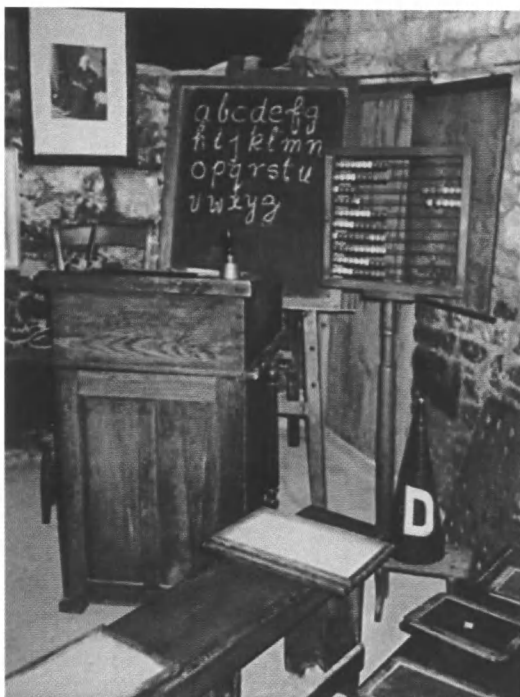
Конка Бродвейской линии.
Детская игрушка. США. 1885 г.

Фарфоровые куклы
мальчика и девочки.
Германия. 1890, 1899 гг.

Детская. Музей Города Нью-Йорка. 1915 г.

Классная комната
викторианской
эпохи. На передних
столах лежат
ящики с песком
для обучения
детей письму.

Урок в Лондонской
начальной школе.

Портрет джентльмена. Художник
Д. Г. Миддлтон. Середина XIX в.

Дорожная шкатулка. Лондон. 1881 г.

«Действительно
ли я растущая лилия?»

Швейные принадлежности:
наперстки, ножницы, игольницы,
портновский метр, иглы. Конец XIX в.

Веер и лорнет. *Конец XIX в.*

Поклонник.
*Художник Г. П. Долмен.
Вторая половина XIX в.*

Горничная, застигнутая
врасплох («The secret pianist»)
*Художник Дж. Г. Килбурн.
Вторая половина XIX в.*

Памятный снимок.
Художник С. Коуэлл. Конец XIX в.

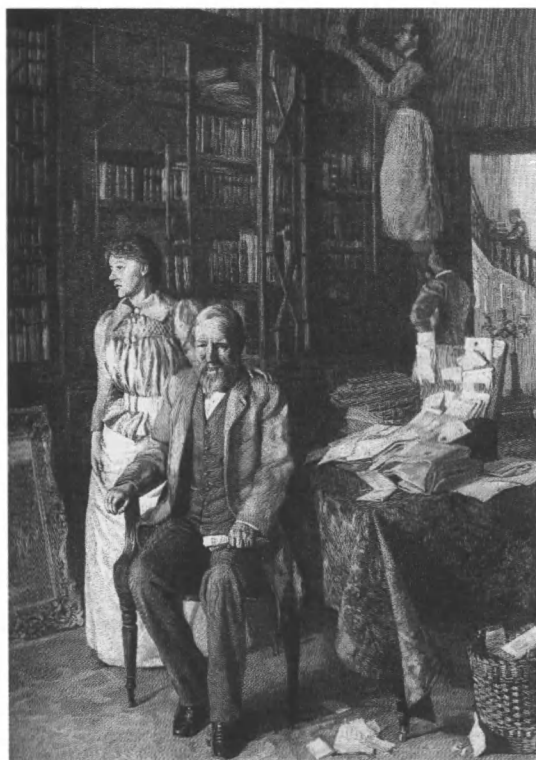
Серебряный держатель
в виде фигурки ежа с булавками
для галстука. Конец XIX в.

Рождественский вечер в кругу семьи.

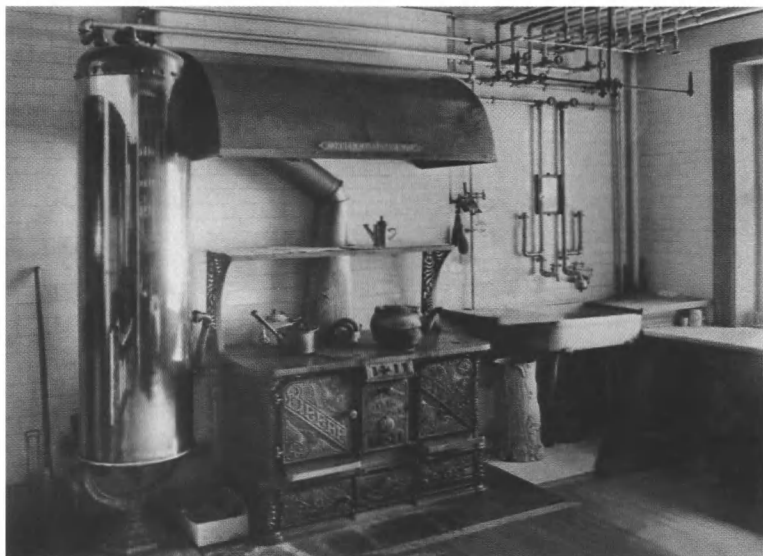

В картинной галерее.

Семейное горе.
Художник Р. Тейлор.
Конец XIX в.

Кухня. Музей Города Нью-Йорка. 1899 г.

После званого ужина.

RATES OF PAY PER ANNUM

(Board included)
circa 1870

Butler £70

Housekeeper £40-£60

Gardener £90

Governess . . £80-£100

Nanny £35

Lady's Maid
and Valet . . . £50-£60

Housemaid £20

Footman £20-£30

Groom £20

Scullerymaid
and Tweeny . . £8-£12

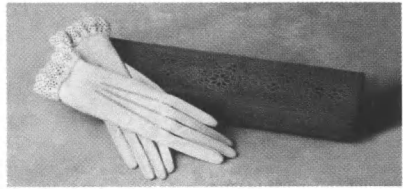
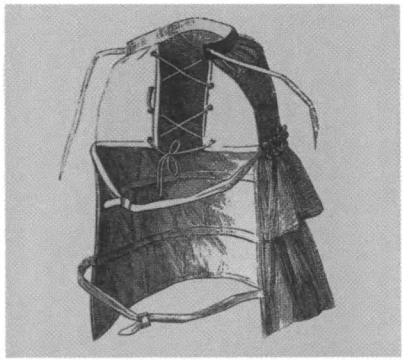

Размер годового жалованья
прислуги. 1870 г.

«Одну секундочку, мисс!»

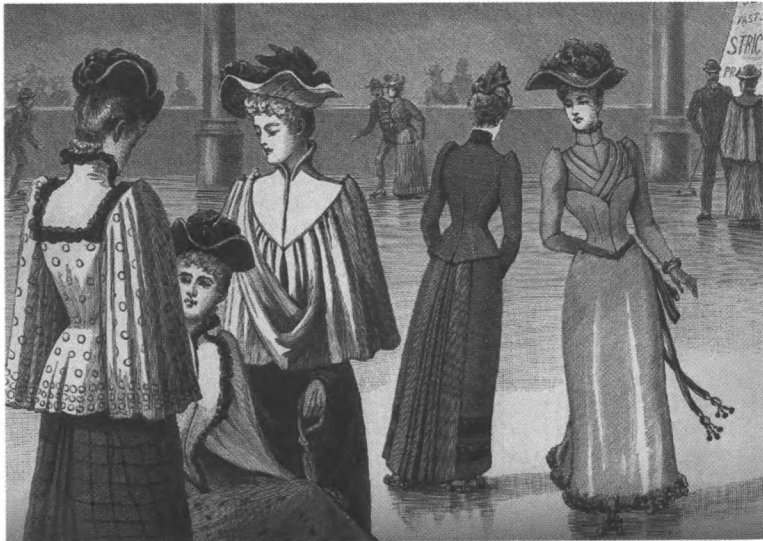
Чаепитие в комнате для прислуги.

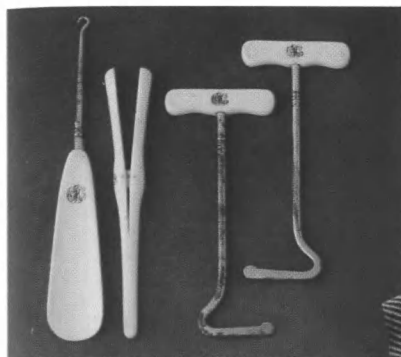

Александра, принцесса Уэльская. Перчатки и футляр для них.
Конец XIX в.

Катание на роликовых коньках.

Набор аксессуаров,
необходимых джентльмену
для одевания. Англия. 1870 г.

Мужской жилет.

- ◀ Каркас, надевавшийся под юбку и служивший до 1870 года заменой кринолинам.

Серая кобыла, ведомая
под уздцы джентльменом
в синем пальто.
Художник Дж. Ферней.
Первая половина XIX в.

Подсчет трофеев во время охоты на фазанов.

Верный пес. Художник Дж. Г. Килбурн. Вторая половина XIX в.

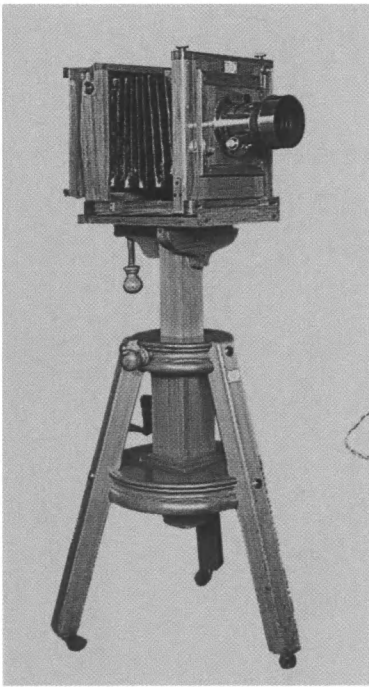

Приготовление
к балу. Горничная
леди и ее хозяйка.

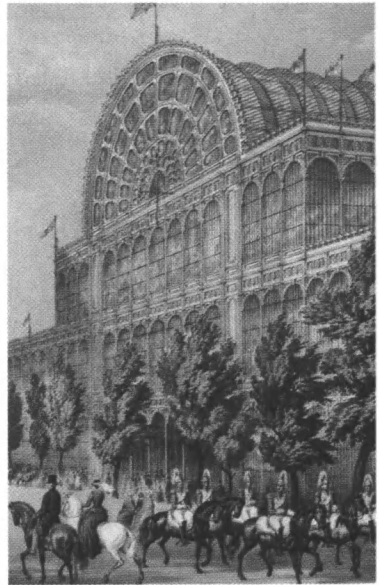
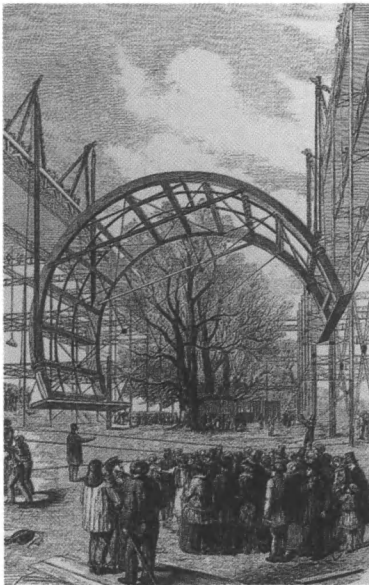
На балу.

Важнейшие изобретения XIX века:
фотокамера и телефон.

Строительство и внешний вид
Хрустального дворца.

Кабинет дантиста викторианской эпохи. *Начало XX в.*

Павильон Средних веков на Великой выставке.
Цветная литография Дж. Нач. 1851 г.

Пришесса Виктория.

2-й лакей

<i>Высота</i>	<i>Жалованье (фунтов в год)</i>
5 футов 6 дюймов	20—22
6 футов	28—30

1-й лакей

5 футов 6 дюймов	до 30
6 футов	32—40

Здесь один метр равен 39,4 дюйма и один фут — 12 дюймам*.

После XVIII века, когда мужчины все еще надевали бриджи и чулки, во многих домах XIX века броская одежда, являвшаяся ранее прерогативой аристократов, стала высшим шиком и верхом респектабельности для слуг. Вышитые сюртуки и камзолы, напудренные парики, цилиндры были очень популярны в начале правления Виктории в очень богатых домах. Однако в конце века предпочтение отдавалось униформе, повторявшей одежду джентльменов. Большинство хозяев заказывали для своих слуг ливрею по собственному дизайну, чтобы, даже находясь вне господского дома, слуги всегда могли быть узнаны по их внешнему виду и вели себя хорошо.

К лакеям обращались по именам, но необязательно их собственным. Хозяева не хотели затруднять себя запоминанием новых, и чаще всего имя передавалось вместе с должностью. Чарлз, Джеймс, Джон — распространенные имена для лакеев, если, конечно, их хозяев звали иначе.

Руководства, которые, скорее всего, лакеи никогда не читали, учили их, как складывать салфетки в форме лилии при сервировке стола, на каком расстоянии от края класть приборы, сколько места оставлять для каждого гостя. Так же там говорилось, что, когда шел снег,

* 1 дюйм = 2,54 см; 1 фут = 12 инч = 30,48 см.

обязанностью лакея было чистить дорожки к дому, в поместье колоть лед на пруду, для того чтобы перенести его в погреб. В больших домах лакеи проводили большую часть дня на ногах. Однако самой тяжелой работой было таскать уголь. Многие особняки сжигали больше, чем тонну угля в день. А в некоторых это количество использовалось только на кухне. В остальное время лакей чистил серебряные подсвечники. Как только эта работа была закончена, он переодевался в униформу и вставал за дверьми. Позднее он сервировал и носил ужин, прислуживал за столом, а по окончании дня — тушил свечи и лампы.

Однако гораздо более напряженной и физически более трудной была работа бегущего лакея или скорохода, как они назывались в России. Такой слуга имел две обязанности: срочно доставлять послания и бежать впереди кареты, в которой сидел хозяин или члены его семьи.

Роль таких лакеев была чрезвычайно велика в XVIII веке, но к началу правления Виктории — это уже вымирающий тип службы, отказаться от которого все еще никак не хотели старомодные гордые аристократы. Князь Лаудердельский, находясь в своем замке и устраивая там ужин, был проинформирован, что не хватает тарелок для гостей. Услышав это, он приказал послать скорохода в другое свое имение, находившееся в пятнадцати милях. Лакей побежал за недостающей фамильной посудой и успел принести ее к началу званого ужина. Другой аристократ однажды вечером приказал своему скороходу сбегать в Эдинбург по одному очень важному делу. Когда на следующее утро граф спускался по лестнице из частных покоев, он увидел своего слугу, спящего посередине парадного холла на полу. Возмущенный хозяин хотел уже было наказать лентяя за непослушание, когда тот объяснил, что он уже выполнил приказание, пробежав тридцать пять миль в одну сторону и вернувшись обратно.

Английский писатель Джон О'Киф так описывал свое наблюдение за бегущим лакеем, которое он помнил из своей молодости: «Он выглядел таким проворным и воздушным, как Меркурий, он, не разбирая дороги, бежал всегда самым коротким путем и с помощью

своего шеста совершенно, казалось, перелетал через ямы, придорожные кусты и небольшие ручьи. Главные качества этого слуги — верность, выносливость и проворство!»

Бегущий лакей, опережавший своего хозяина, являлся посланником, информировавшим о важности прибывавшего гостя, обеспечивая тем самым ему достойный прием. Сейчас подобного добиваются всего лишь с помощью телефонного звонка от секретаря, ассистента или администратора, которые, находясь в другом месте, не могут проследить, как идет подготовка к встрече важного гостя, что в свою очередь делал бегущий лакей. Каждый из них был готов покрывать в день расстояние в шестьдесят с лишним миль, со скоростью в среднем 6—7 миль в час. Недаром название «лакей» по-английски дословно переводится как мужчина на ногах (*footmen*). Ясно, что в этом случае предпочтение отдавалось молодым, здоровым юношам, которые понимали, что не смогут до старости находиться на таком сытом месте.

Джон Макдональд, уже упоминавшийся ранее, рассказывает в своих записках, как его детские наивные мировоззрения менялись за время службы.

«Я думал, — писал Джон, — что, если я буду читать Библию, я не попаду в ад! Если кто-нибудь умирал в миле или двух от дома хозяев, то меня посылали посидеть с покойником. Меня всегда можно было найти на поминках».

Когда не требовалась карета с шестеркой лошадей в упряжке, работы у него было немного. И леди Энн Гамильтон послала его в школу. Конюх был рад, поскольку он считал, что Джон беспокоил лошадей своими молитвами.

Вскоре леди Энн захотела сделать Джона своим личным лакеем и была очень недовольна, узнав, что он уже нашел себе место в качестве кучера графа Крауфорда. Особенно ее рассердило, что она понапрасну беспокоилась об образовании Джона. Правда, вскоре он вернулся в имение к своим бывшим хозяевам, но уже в качестве слуги Джона Гамильтона.

Определяя круг своих обязанностей, он признавал: «Я был всем, кем хозяин хотел, чтобы я был: дворецким,

стюардом, домоправителем, главным поваром и лакеем. Я выбирал продукты, следил за домовыми книгами, хранил ключи от всех комодов дома, я даже учил горничную, как заправлять шотландские блюда».

В это время джентльмены считали ниже своего достоинства замечать своих слуг не только в собственном доме, но и при неожиданной встрече на улице. «Если он встречал меня на улицах Дублина и я поднимал свою шляпу в знак приветствия, он делал так же, но не более того!» Однажды, отправясь с хозяином в путешествие, на одном постоялом дворе в Голландии Джон вместе с другими слугами ужинал на кухне. Один лакей отказался есть вместе со всеми и, захватив свой кусок мяса и положив его на хлеб, отправился в гостиную, есть в присутствии своих хозяев, беседуя с ними о предстоящей поездке и состоянии дорог.

На Джона Макдональда это произвело неизгладимое впечатление! Он засмеялся от мысли, что он — лакей позволил бы себе не только есть, но даже сидеть в присутствии своего джентльмена! Его хозяин был настолько горд, что даже во время прогулок верхом предпочитал исключительно общество своей лошади. Однако, несмотря на все это, слуги во всем старались подражать своим господам. Не было исключением и Макдональд. Когда ему удалось устроиться на очень выгодную службу, он закатил бал для своих друзей, на котором сорок человек принимали участие только в приготовлении ужина и напитков. Его гостями являлись в основном такие же слуги, как и он сам. Он устроил им первоклассное угощение, заказал оркестр и потратил на все, включая чаевые для официантов, 5 фунтов 10 шиллингов — годовое жалованье горничной в деревне.

Желание пустить пыль в глаза — человеческая черта, не зависящая от сословий и грамотности. Кстати, грамотные слуги встречались очень редко. Не каждый джентльмен мог похвастаться тем, что его слуга читает ему по вечерам. Даже такие гордые и богатые аристократы, как граф Бедворд, хотя он и имел дюжину слуг мужского пола, но все они могли поставить только крестики под своими фамилиями. Когда один известный в свое время аристократ случайно открыл письмо, кото-

рое его лакей написал своей возлюбленной, он был поражен стилем и красотой изложения и сказал своему слуге: «Джэймс. Ты будешь большим человеком! Это письмо должно быть напечатано в журнале». И оно было напечатано с комментариями о том, как был удивлен хозяин, узнав, что его слуга не только испытывает глубокие чувства, что было видно по его письму, а еще и обладает талантом излагать их в таком романтическом стиле. Однако этот пример еще раз доказывал, что, обнаружив письмо у своего слуги, джентльмен не подумал поинтересоваться, как он отреагирует на то, что его частная жизнь будет выставлена напоказ. Ведь учитывались только желания хозяина!

Написав свои воспоминания, Джон Макдональд не только оставил после себя исторически важный документ жизни XVIII—XIX веков, но и воспользовался возможностью сказать своим бывшим хозяевам, что же он о них думал. Он упрекал их в том, что, когда господин игнорирует старание честного слуги, тем самым он блокирует его желание стараться и дальше. Какую гордость он может испытывать за хозяина, оказывающего расположение только своей собаке?

Несмотря на то что всю жизнь Джон был слугой, он, к счастью, не приобрел черт подхалима и лизоблюда, и вся его книга показывает, что под ливреей молчавшего, терпеливого слуги билось гордое и независимое сердце.

Чаще всего Макдональд оставлял службу по собственному желанию. То ему становилось невыносимым постоянно ждать вместе с хозяином его леди, то он завидовал валету, с чьим мнением его хозяин считался. Но иногда его прогоняли. Однажды его рассчитали потому, что он не сумел достать вовремя колоду карт. В другой раз, когда он вместе с хозяином вернулся с ужина в известном доме...

«Я, как обычно, помог ему раздеться, закрутил его волосы в папильотки, а затем взял его сапоги в левую руку и на ту же руку повесил его пальто, чтобы отнести в гардеробную. Когда хозяин это увидел, он сказал:

— Ты так держишь мое пальто, как будто никогда не видел раньше приличного платья!

Я не выдержал и ответил:

— Сэр, за свою жизнь я держал много раз в своих руках одежду намного лучшую, чем ваша!

В результате он меня прогнал сначала из своей комнаты, а потом со службы. За одно глупое слово я потерял хорошее место и потом очень жалел об этом».

В поисках работы, он терпел одну неудачу за другой, то приходя слишком хорошо одетым для требуемой позиции, то слишком плохо. Но в целом безработица не сильно занимала его, хотя в это время в Лондоне рыскало более двух тысяч лакеев в поисках работы. Одним из его хозяев стал банкир, который в течение месяца искал себе хорошего слугу, чтобы тот причесывал его по утрам, и отказал уже двадцати кандидатам. Проблема заключалась в том, что он надевал парик поверх собственных волос, и когда Макдональд стал исполнять эту обязанность, прическа банкира всегда была в порядке.

Однажды его хозяин подхватил лихорадку. «Я не снимал своей одежды в течение шестнадцати ночей, ухаживая за ним. Каждую ночь я поддерживал огонь и не гасил лампы, чтобы подогреть все, что он хотел!» Преданность слуги была вознаграждена. Его жалованье достигло 40 гиней в год, и вместе со своим хозяином он побывал в Индии, Португалии и Испании. Он считался одним из лучших слуг, потому что ему достаточно было три часа на сборы и он готов был ехать куда угодно и делать что угодно!

К середине века модным стало обходиться без двух лакеев в экипаже, а брать с собой только одного. Его присутствие было необходимо не только для того, чтобы, опустив ступеньки кареты, помочь леди спуститься, но и для того, чтобы отгонять попрошайек и другую грязную публику. Далее он следовал за своей хозяйкой на некотором отдалении, чтобы в любой момент, если она захотела бы послать его с каким-нибудь поручением, быть под рукой. Во время посещения магазинов он должен был открывать перед своей леди двери и терпеливо ждать, когда она закончит выбирать товар, чтобы потом нести все покупки, сделанные ею. По воскресеньям он следовал за ней в церковь, неся ее Библию и

книгу с молитвами. Если леди делала визиты, то тогда, подходя к дому, ему следовало обогнать ее, чтобы, успев постучать в дом, заставить слуг открыть перед нею дверь. Часто кучер обеспечивал хозяину шумное прибытие, а затем лакей так сильно стучал кольцом, что неизбежно складывалось впечатление о важности заехавшей особы. «Хоть он (лакей) подчеркивал важность визитеров тем, сколько шума он при этом делал, все же он должен был учитывать нервы хозяев дома и покой соседей».

Разницу в обязанностях между лакеем и пажом порой было трудно установить. В чрезвычайно богатых аристократических домах паж чувствовал себя преемником породистых молодых людей, которые по своим функциям стояли очень близко к важным лицам. В голландском доме властная леди Холланд во время приемов за ужином посылала пажа к другому концу стола с устным замечанием своему мужу, чтобы тот замолчал и дал возможность послушать кого-нибудь другого. Однажды, когда леди Холланд потянула мышцу на спине, ее навестила знакомая и поинтересовалась, в каком месте та чувствует боль. Хозяйка позвонила в колокольчик, вызывая своего любимого пажа — неуклюжего двадцатилетнего увальня. Когда он прибыл, леди Холланд заставила его повернуться спиной к гостье, и на его теле показала место, где она чувствует боль. После этого ему было приказано удалиться. Когда по возрасту он уже не мог исполнять обязанности пажа, его хозяйка придумала для него должность кучера библиотеки, назначение которой сама не могла объяснить. К концу XIX века должность пажа была практически забыта. Сейчас их роль часто исполняют маленькие дети во время свадебных церемоний. В их обязанности входит нести шлейф или подол длинного платья невесты.

КАК ОДЕВАЛИСЬ ВИКТОРИАНЦЫ

Как одевались леди.

Что носила женская прислуга

Викторианцы ожидали от одежды, что она прослужит им многие годы, а бог даст, перейдет по наследству детям, как передавались подвечное платье и фраки. Бедные изготавливали одежду сами от начала до конца, как это было принято на фермах: пряли, ткали, кроили и шили; или покупали с рук ношеную, как это было в городах. Многие не брезговали носить то, что было выброшено за ненадобностью. Крашенные вещи стоили дороже, поэтому яркие краски были привилегией богатых людей. Однако в середине XIX века, когда из-за развития мануфактур цены на вещи упали, низшие классы уже смогли позволить себе приобретать разноцветные юбки и брюки (если на них все еще возможно было увидеть цветовую гамму), доставшиеся им после долгого пути, проделанного этой одеждой, переходившей из рук в руки. Качество материала на вещах, принадлежавших обеспеченным людям, тоже являлось показателем их достатка. Молодые богатые девушки старались следовать последней моде, но это же считалось легкомысленным для зрелых респектабельных женщин, которые постоянно не успевали за последними нововведениями, сначала осуждая их и только потом принимая на вооружение.

Состоятельные люди должны были соответствовать своему статусу: дом, в котором бросался в глаза доста-

ток, сытые, хорошо воспитанные дети. Жена в этом случае была действительно показателем, по которому судили о финансовых возможностях мужа. Она одевалась в модные дорогие наряды и ни в коем случае не должна была выглядеть худой и изможденной. Одежда в викторианское время отражала не только то, что их владельцы делали, но и то, кем они были.

В статье 1847 года было написано: «Одежда становится языком, на котором люди без слов говорят друг с другом, его так же необходимо знать, как и английский... Каждая женщина, одеваясь, как бы говорит о себе: “Я элегантна, у меня есть вкус”; “Я добродетельна, хотя и немного небрежна”; “А я хоть и небогата, но хороша собой и не прочь позабавиться!” В свою очередь, как ни странно это звучит, для некоторых женщин одеваться хорошо — это скорее обязанность, чем удовольствие».

Женщины так легко понимали этот язык, что новеллистам порой достаточно было указать несколько деталей одежды описываемой героини, чтобы читательницы немедленно поняли, к какому классу ее отнести. Каждая деталь рассматривалась и оценивалась. Главное — не что было надето, а сколько это стоило, было ли сшито у портнихи или куплено готовым, соответствовала ли одежда классу и месту, где она носилась.

Одежда жены студента медицины отличалась от нарядов жены хирурга, получавшего постоянную зарплату в госпитале. При этом обе всеми силами старались выглядеть наилучшим образом в пределах денежных возможностей мужа, чтобы соответствовать своему положению.

«Веселый наряд с утра или при прогулке на улице — вульгарно! То же относится и к шелковым или хлопковым перчаткам, которые у порядочной женщины из кожи козленка (лайковые). Замужние женщины должны одеваться богаче и наряднее, чем еще не вступившие в брак. Капор на голове уместен для экипажа или кеба. Носить же его в другое время — очень плохой вкус!»

Все правила сводились к одному: «Леди никогда не должна позволять себе быть одетой лучше и богаче,

чем позволял ей ее статус!» — или, иными словами, не должна претендовать на принадлежность не к своему классу.

В маленьких городках, где все знали друг друга, в этом напоминании не было смысла. «Здесь леди не чувствуют себя обязанными следовать моде со всем старанием. Какая разница, во что мы одеты, когда все наши секреты и так известны всей улице».

Личный вкус не являлся главным и определяющим. Он должен был зависеть от того, что считалось красивым и приемлемым другими дамами общества. Миссис Брукфилд — знаток хороших манер — писала: «На днях я встретила на улице странно одетую женщину, которая при этом носила волосы в удивительной манере спадавших колечек по всей спине. Вы представляете! Она так нарядилась только потому, что ей так хотелось!»

Демонстрировать свой вкус расценивалось как своеобразие — качество, отнюдь не приветствовавшееся в Англии XIX века! Идти в ногу со временем — вот что стояло во главе всего! Не забегать вперед моды, поскольку это бы осуждалось как нездоровый интерес к одежде, а выглядеть соответственно, не слишком выделяясь. «Обязанность девушек выглядеть хорошо, опрятно и чисто самим и в своих одеждах, но так, чтобы о них нельзя было сказать, что они придают этому большое значение». «Мама Молли Хагес желала, чтобы я была равнодушна к моему внешнему виду, только бы я выглядела чистой и ни одной пуговицы бы не было потеряно. Она резко одернула меня однажды, когда я заметила, что нравлюсь себе в новом платье: “Это не твое дело, как ты выглядишь!”»

Но конечно же на самом деле каждая женщина должна была следить за собой. Это было так естественно, что об этом не говорилось как о домашней работе. В произведении Уилки Коллинза «Бедная миссис Финч» читаем, что невестка миссис Финч была отмечена обществом как безнадежно не соответствующая своему статусу не только из-за полного безразличия к одежде, но также из-за привычек, выказывавших лень. То есть женщина, которая была невнимательна к

себе, осуждалась с той же строгостью, как и та, которая слишком заботилась о своем внешнем виде.

С появлением дешевых модных журналов с четкими иллюстрациями, распространившихся по железной дороге в провинциальные города, магазины одежды стали быстрее ориентироваться на моду, так как их покупательницы хотели следовать тому, что и как носить в каждом сезоне. Мода более не принадлежала только богатым дамам, и новые направления одежды вырабатывались и для женщин других сословий. «Брюнеткам, — указывала миссис Битон, — или тем, у кого смуглая кожа, пойдет шелк темного оттенка. Для блондинок или тех, у кого бледная кожа, предпочтительнее светлые тона».

Таковы были вкусы этого времени. Неслучайно, например, при описании новеллистами коварных дам типаж брюнетки в темно-бордовом туалете подходил более всего.

Вот что писала заботливая мать своей дочери, которая надеялась купить новый наряд в Лондоне: «Если ты собираешься приобрести новое платье, то выбирай хорошо пошитое. Я предпочту заплатить за хорошее шитье, чем за материал. Покрой всегда важнее, чем цвет. Я не имею в виду, что я хочу видеть тебя в дешевом шелке, но я лучше увижу тебя в коричневом голландском (недорогой материал) и шитым хорошим портным, чем в шелке дорогом, неэлегантном, плохо сидящем!»

Сколько денег необходимо было потратить для того, чтобы достойно выглядеть, зависело от класса. В середине 1870-х годов рабочая семья из пяти человек одевалась на шесть фунтов в год или на два шиллинга три пенса в неделю. В обеспеченной семье среднего класса джентльмен одевался на тридцать фунтов в год, леди — на пятьдесят. На наряды детей тратилось от десяти до пятнадцати фунтов. Итого сто двадцать. Однако Джанет Маршалл и ее сестра Ада, принадлежавшие к высшему классу и имевшие репутацию конформисток (очень современных девушек), никогда не тратили более тридцати фунтов каждая, хотя, не в пример многим женщинам, имели гардероб из сорока новых платьев в год. В основном экономия производилась за счет того, что девушки шили платья сами. Они прибегали к

помощи портнихи только в крайних случаях, когда требовалась высококвалифицированная работа: при изготовлении вечерних туалетов и для шитья лифов. В основном платья они шили к зимнему и летнему сезонам и тратили на эту работу по три часа ежедневно. Кроме того, девушки постоянно искали в магазинах нужные материалы, узоры, кружева, ленты, отделку. Это был трудоемкий процесс, занимавший много времени, так как выбор был огромен. Продавались всевозможные виды шляпок, манжетов, воротничков, так же как и украшений к ним: бантиков, ленточек, косичек, цветков. Одних только европейских компаний, изготавливавших кружева и работавших на британском рынке, было более пятидесяти: *Point de Bruxelles; Point d'Alsace; Point de Vence; Milano; Genoa; Greece*, и каждая из них предлагала очень широкий ассортимент товара. В моде были фалды, вышивка, пропущенный шнур и множество других деталей отделки, требовавших большого искусства.

Чаще всего приходившая на дом портниха раскраивала платье и сшивала корсаж, в то время как женщины сами шили юбки и нашивали простую отделку. За самую простую работу портниха получала в день два шиллинга и не тратилась на еду, поскольку ее кормили в домах, куда приглашали. За сложную, тонкую работу — три шиллинга в день. Хеллен Маршалл, мать Джанет и Ады, заказывала приходившей портнихе свои вечерние платья целиком. Если семья была очень богата, то леди могла позволить себе шить у портних, державших ателье. Тогда на пошив тратилось приблизительно сто фунтов в год. В 1830-х годах сестрички Маршалл, следуя моде, одевались одинаково. Принцесса Александра с сестрой Дагмар (будущей русской царицей) были сфотографированы в совершенно одинаковых нарядах перед их бракосочетаниями: Александры с принцем Уэльским, а Дагмар с русским наследником престола (будущим царем Александром III).

Эта мода оказалась непродолжительной, но тем не менее даже в 1873 году на некоторых журнальных картинках, запечатлевших городскую жизнь, можно было видеть приблизительно такие сцены: хорошо одетый джентльмен, к которому прильнула молодая девушка в

наряде для прогулок, идут по парку несколько впереди девушки, облаченной в такой же наряд. Пряча руки в муфту, младшая сестра, а их родственную принадлежность можно понять по одинаковым одеждам, в данной ситуации играет роль свахи. Своим присутствием она не давала репутации влюбленной пасть очень низко, хотя и то, что она позволяла сестре встречаться с мужчиной, не являвшимся женихом, говорило отнюдь не в пользу обеих.

По этикету того времени женщины должны были переодеваться по несколько раз в день. Вот что писало о кузине Молли Хагес, которая, выйдя замуж, вынуждена была переехать в Гвензи, но сохранила все привычки, которые она приобрела в своем городе: «К завтраку она надевала симпатичный халатик, расшитый цветами. В десять часов она переодевалась в простой деловой костюм, сшитый портнихой для выхода за покупками. По возвращении она меняла его на более удобную одежду и поверх надевала рабочую безрукавку немного короче юбки, для того чтобы не испачкаться. Ее снимали для ланча, и затем днем она облачалась в хорошее платье, чтобы делать визиты. Когда мы, немного усталые от старания выглядеть прекрасно и быть очень вежливыми, возвращались домой, свободное платье для чая было именно то, что нужно. В нем она и оставалась до тех пор, пока надо было переодеваться к ужину».

Семь различных нарядов в самый обычный день! Если же в обществе появлялась модная дама, то все детали ее одежды моментально брались на заметку, обсуждались и копировались.

Для оперы требовалось декольтированное платье, для театра — менее откровенный туалет, для мюзикхолла — высокая блузка, если, конечно, вечером не случалось продолжения праздника, где требовался иной наряд. В рестораны одевались по-разному: в лучшие приходили в платьях с глубокими вырезами, в менее престижные — в выходных костюмах или вечерних платьях.

Конечно, большинство женщин не могли следовать этим правилам. Даже в высших слоях населения мно-

гие думали о том, что трех туалетов на день, с двумя дополнительными платьями для вечерних мероприятий, достаточно. Внушительная и богатая тетя Станбори из произведения Тролоппа «Он знал, что он был прав», имела на день пять платьев, сшитых из черного шелка: одно для церкви, одно для вечерних приемов, одно для выездов, и два для принятия визитеров дома. Тетя Станбори жила рядом с главным собором, поэтому лучший наряд она надевала в церковь.

К одежде относились бережно. По утрам надевалось платье, которое было сшито два года назад для работы по дому, и в нем же леди могла принимать близких гостей и не очень важных знакомых. От большинства женщин среднего класса ожидалось, что они будут носить платья до десяти лет и покупать очередную обновку через три-четыре года. Однако в более бедных семьях изобретательные женщины умудрялись приобретать платье каждый год всего за десять шиллингов, выбирая темные тона, чтобы оно могло быть использовано в дальнейшем для домашней работы. С помощью различных отделок ему придавался привлекательный вид, а меняя кружева на ленты, они давали понять, что у них новый наряд. Также оборотистые дамы покупали две новые пары сапог или ботинок каждый год за один фунт три шиллинга, цветные чулки на зиму и белые на лето обходились им в один фунт десять шиллингов. Шесть пар перчаток: четыре темных и две светлых — за один фунт один шиллинг, пять шиллингов они отдавали за белые и цветные воротнички и манжеты, соломенные шляпки ежегодно обходились им в один фунт восемь шиллингов, новый капор — еще в один фунт. Итого семь фунтов в год на одежду. Перчатки являлись прекрасным показателем статуса: если они облегли руку и легко отделялись друг от друга, это означало, что их хозяйка не обременяла себя работой. Их было очень трудно чистить и дорого заменять.

Можно было купить полуфабрикат платья, когда одежда была либо раскроена по определенному фасону, либо сшита самая трудная часть — лиф. Хотя при этом всегда оставалась угроза того, что платье будет морщинить сзади.

Нам трудно понять сегодня, что когда-то, зайдя в магазин, мы не увидели бы развешанных повсюду юбок, блузок, жакетов и другой приготовленной для продажи одежды, зато обнаружили бы необыкновенный выбор материалов, отделок, крючков, ниток, бисера, гаруса, пуговиц, шнуров, бахромы — то есть всего, что нужно было мастерицам для шитья. Готовое платье можно было купить, только если в ателье клиентка отказалась от своего заказа и покупательнице подошел ее размер, либо в местах, где торговали поношенным товаром, или у портних, которые, заметив какой фасон очень популярен в этом сезоне, решили скопировать его для нескольких заказчиц.

В 1861 году в магазине мод впервые предлагалась реклама полностью готовых платьев, а через десять лет клиентам уже рассылались журналы с предлагаемыми видами услуг в магазине «Дэбенхэм»: целиком сшитый туалет; одежда, сшитая в магазине по меркам клиента; сшитый на заказ лиф с готовой юбкой. Материал и предлагаемый фасон отсылались даме, и она, обмерив себя, заказывала наряд.

Готовое платье стоило дешевле, и с 1880 года леди постепенно стали пользоваться уже готовой купленной одеждой, чего не было никогда ранее.

Одежда для леди практически целиком скрывала фигуру с головы до пят. Работать или заниматься спортом в таких нарядах было невозможно. Несколько часов в день дамы проводили за одеваниями и переодеваниями в различные туалеты для дома, для улицы, для гостей, для выхода, для утренних визитов, для вечернего выхода и т. д.

Женщины в начале XIX века одевались в очень легкие романтические платья с завышенной талией и вечерние шелковые платья преимущественно светлых тонов. По наличию, вернее, по отсутствию большого количества нижней одежды эта мода была наиболее близкой к современной. Однако она очень скоро прошла. На голое тело стали надевать легкую сорочку, на нее корсет, затем поверх еще одну приталенную сорочку. В 1850-х годах количество сорочек, которое до этого постепенно увеличивалось, сократилось в связи с

приходом кринолина и металлического рамного каркаса, одевавшегося для увеличения пышности юбок. «Джентльмены, придерживая цилиндры, задирали головы вверх, осматривая Хрустальный дворец, а дамы, разодетые в сшитые к этому случаю платья, на недавно вошедшем в моду кринолине, осматривали туалеты собравшейся публики, ничуть не заботясь о том, отличаются ли одни стеклянные панели от других. Оборки и фалды на юбках и рукавах соперничали с бантиками по всему платью, и наибольшей популярностью пользовалась миссис Сорти, подол юбки которой занимал такую площадь, что, если прочертить под ним окружность, она была бы примерно с Биг Бен в диаметре».

Поверх кринолина надевалась нижняя рубашка, которую покрывали нижней юбкой, завязывавшейся петлей на талии. Завершался наряд верхней юбкой. Панталоны или, как их называли, женские кальсоны вошли в моду из-за того, что кринолин, балансируя, открывал ноги. Панталоны чаще всего были фланелевые и опускались чуть-чуть ниже колен. Мода на кринолин держалась десять лет. Но и гораздо позднее многие старомодные дамы все еще носили металлический каркас, защищая себя от возможных неприятностей. Женщины, распрощавшиеся с кринолином, для придания формы стали надевать нижние юбки из конского волоса, завязывавшиеся на талии. К 1880 году они трансформировались в подкладку из того же конского волоса, которую крепили сзади ниже талии, так как в моде был «откляченный зад», как называли его в простонародье. К 1900 году в моду входит строгий костюм с подчеркнутой талией и зауженным низом под названием «русалка». Легкая приподнятость рукавов сохраняется, но «фонарей» уже нет.

«Среди приглашенных была миссис Вуд, младшая дочь когда-то известной своей приверженностью моде миссис Сорти. К сожалению, в противоположность своей ультрасовременной маме, миссис Вуд отличалась чрезвычайно консервативным вкусом, говоря языком света, и была ужасно старомодна, говоря языком сплетен. Несмотря на то что мода на шарообразные рукава прошла лет десять тому назад, она упорно не желала с ними расстаться. Ее кремовое платье

оформлялось двумя широченными пузырями, в каждый из которых легко могла бы поместиться подушка среднего размера. И несмотря на то, что в моде были вышивка, кружева и мех, она успешно проигнорировала все нововведения и, заказывая платье на новогодний вечер, отдала предпочтение бантикам, располагавшимся везде, где они только могли уместиться».

Корсет, однако, был главенствующим элементом в женской одежде. Его затягивали так сильно, что давление от него на внутренние органы приравнялось весу в 21 фунт, а в некоторых случаях и в 88 фунтов (44 килограмма). Время, когда девушка начинала носить вместо лифа корсет, свидетельствовало о ее вступлении во взрослую жизнь. Она уже не принимала участия в шумных играх с братьями, не ребячилась, а ходила, высоко держа голову, и отработывала походку. Писатели того времени не очень себе представляли, для каких целей в первую очередь служил корсет. Одно можно было точно сказать: его присутствие ставило еще большие нравственные и физические преграды для случайных сексуальных опытов.

Журналы ведения домашнего хозяйства для английских женщин, редактором одного из которых был муж миссис Битон, представляли картинки новых течений в дамской моде. Не обошли они своим вниманием и дамскую нижнюю одежду. Удивительно, что эти чрезмерно скромные, с современной точки зрения, рисунки рассматривались многими как неприличные изображения, провоцирующие сексуальные фантазии. Первые корсеты затянуть слишком сильно было невозможно, так как обметанные ниткой отверстия в ткани, через которые проходила шнуровка, рвались. С 1820 года стали использовать металлические крючки и петли, и дамы вдруг резко «похудели», приобретая все более и более тонкие талии. Некоторые шли так далеко в своем стремлении быть красивой, что удаляли нижние ребра. В *Leicestershire Museums Service* представлена коллекция из 197 разных корсетов, из них только один зашнуровывался на талию 18 дюймов (46 сантиметров). А остальные — на талию от 20 до 26 дюймов, другими словами, дамы выглядели не более миниатюрны-

ми, чем современные женщины, изнуряющие себя физическими нагрузками в тренажерных залах.

Дети в то время одевались в матросские костюмчики. Одежда разделялась по возрасту, но до трех лет не различалась по половому признаку. Мальчиков и девочек облачали в длинные платья и нижние рубашки. Только после трех с половиной лет одежда для детей начинала различаться. Мальчики парились в жакетах, жилетках, сорочках, бриджах, чулках, шляпах, ботинках, зашнурованных до щиколотки.

Вспоминая о своем детстве, многие содрогались от обилия ненужной одежды: «Мое сердце истекает кровью, когда я смотрю на свои детские фотографии, где я играю в саду в страшную жару, одетая всегда в толстые шерстяные черные чулки и высокие ботинки. Руки закрыты длинными рукавами, и на голове шляпка или панاما. Я чувствовала себя всегда нашпигованной одеждой».

«Я помню себя потного, с рвотными позывами, с телом, которое страшно чесалось под толстой шерстяной жилеткой, под форменной блузой, застегнутой до подбородка, с воротником, давившим в шею... На мне бриджи, с пуговицами под коленами. Каждую ночь, сорок недель в году, в течение многих лет я видел на своем теле красные отпечатки пуговиц, которые проходили только к утру».

Такое ощущение, что взрослые и не ждали от одежды удобства ни для себя, ни для своих детей. Новеллистка миссис Олифант писала: «Никто, кроме женщины, не знает, как ее платье закручивается около коленей, удваивая утомление и забирая всю силу!»

Не случайно многие обращались к докторам, жалуясь на постоянную усталость и неспособность проходить даже небольшие расстояния. Причиной этого было не нездоровье, а количество одежды, которую им приходилось напяливать на себя. К концу века женщины, следовавшие за модой, носили на себе вес в тридцать семь фунтов (18,5 килограмма). Вот что молодая леди надевала на себя каждый день (за один раз):

1. Толстая, почти до пола, шерстяная рубашка с длинными рукавами.

2. Поверх нее белая хлопчатобумажная рубашка с пуговичками и рюшками.

3. Лиф, переходивший в пояс для чулок с подтяжками.

4. Черные шерстяные чулки.

5. Белые хлопчатобумажные панталоны с пуговичками и рюшами.

6. Белый хлопчатобумажный нижний лиф с вышивкой, пуговичками и рюшами.

7. Короткая белая фланелевая нижняя рубашка.

8. Длинная нижняя рубашка с оборками внизу.

9. Розовая фланелевая блузка.

10. Высокий крахмаленный белый воротник, застегивавшийся с помощью запонки.

11. Галстук.

12. Юбка до пола, пристегнутая сзади к блузке с помощью безопасной булавки.

13. Кожаный пояс, обвивающий очень плотно талию.

14. Высокие ботинки на пуговицах.

Для сравнения: вес современной одежды, брюк, шерстяного свитера, кардигана, носков и нижнего белья, соответствует всего двум фунтам (одному килограмму).

Такое количество одежды, напяливаемой одновременно, требовалось из-за постоянной боязни простуды, которая могла перерасти в более серьезные заболевания. Детей зимой заставляли надевать две пары шерстяных чулок одни на другие, несколько кофт под пальто, шапку и повязывали сверху пуховым платком.

Второй важной причиной был все тот же статус. «Я помню, когда я выросла, то спросила свою кузину: действительно ли юбка для леди должна содержать такое бесконечное количество материала? Она ответила, что не может сказать, что это совершенно необходимо, но достойная девушка должна помнить, что иначе в обществе решат, что она хочет показать под платьем свои формы!»

Небольшие послабления делаются ближе к концу века. Для спортивных девушек дозволяются блумерс-шаровары для катания на велосипеде. Название они получили в честь Амалии Блумер, которая в 1851 году

появилась в Хрустальном дворце в сногшибательном наряде, состоявшем из легких шаровар до щиколоток с завязками. Это была первая женщина, позволившая себе «рациональную одежду» — так она назвала свое изобретение. «Миссис Гольдберг с осуждением поглядывала на дам, которые, вместо того чтобы прислушиваться к умным речам, обсуждали появившуюся на выставке миссис Амалию Блумер, храбро вышагивавшую в коротком (ниже колен) широком платье с надетыми под ним шароварами, — одну из первых героинь, осмелившихся надеть брюки. Шум, возникший при ее появлении, заглушил умную речь героя дня, и мнения присутствовавших разделились. Мужчины с негодованием осуждали посягательство на их привилегии и считали подобный костюм оскорблением мужского достоинства. Дамы восторженно перешептывались, запоминая детали сенсационного туалета, а миссис Сорти, недовольная тем, что перестала быть самой модной дамой, презрительно кривила губы и говорила: “Это еще что, походила бы она в таком широком кринолине, как у меня!” Но ее никто не слушал, даже собственный муж вставал на цыпочки и подпрыгивал, стараясь разглядеть из-за высоких цилиндров необыкновенную даму».

Ее последовательницы, одевшись в подобные шаровары, устроили митинг в Лондоне, а затем промаршировали по главным улицам столицы. Мужчины были в шоке, считая такую одежду поползновением на их права. Еще больше были разгневаны моралистки, называя женщин, надевших это подобие брюк, разрушительницами браков. Им была нетерпима мысль о том, что кто-то осмелился показать свои щиколотки, поскольку во всех книгах по этикету XIX века было записано: «Ни одна достойная женщина не должна надевать юбку, открывавшую ее лодыжки!»

Дамы в это время были чрезвычайно скромны в отношениях друг с другом. Они могли показаться перед подругами в нижних юбках, но никогда без. Разгуливать в лифе и панталонах можно было только при своей горничной. В школе один вид девушки в кружевных панталонах вызывал моральную отповедь, подобную

взрыву, даже в домашнем халате дамы не спускались в жилые помещения.

Наличие заплаток на платье не рассматривалось так пристально, как количество нижней одежды, с помощью которой женщины отделяли себя и физически, и нравственно от внешнего мира. Элегантное белье расценивалось как аморальное, поскольку показывало интерес к предмету, о котором лучше не думать.

Баронесса Стаффи в своей «Гардеробной для леди» предостерегала: «Добродетельная женщина испытывает отвращение к излишне роскошному нижнему белью. Даже женщины с эксклюзивным вкусом до сих пор еще носят белье из белого льна и ситца, которые стираются так легко, и предпочитают их крашеному шелку. Сорочка из ситца с принтованным рисунком розового или голубого цвета, лиловый шелк имеют один серьезный недостаток: они не могут быть как следует выстираны. Кроме того, они заставляют сомневаться во вкусе хозяйки. Добропорядочные женщины не имеют склонности к излишней роскоши в нижней одежде. Они не любят слишком много кружев и вышивки, лент или бантов. Они их обрезают, подшивают с чувством меры, которое определенно говорит в их пользу». «Если нижняя юбка, панталоны, подъюбочник и лиф — все подобрано в одной расцветке, это будет выглядеть очень мило и будет признаком хорошего вкуса. Они должны быть из хорошего батиста или сатины с вышивкой или нежными умеренными кружевами. Очень симпатичны длинные нижние сорочки, или доходящие до бедер, с лентами, продернутыми через ткань по линии плеч. Линия горла и рукавов украшается обшитыми дырочками или кружевами с вышивкой. Очень важно, чтобы нижняя юбка была не слишком широкой и длинной. Однако ночная рубашка, наоборот, должна доходить до пят, иметь длинные рукава. Она должна быть дополнена оборками, вышивкой или шнуровкой и заканчиваться большим воротником, падающим на плечи складками, или даже плиссе».

Друзья некоторых известных женщин из общества указывали на поведение настоящих леди, заслуга которых была в том, что они не столько заботились о каче-

стве белья, сколько о его количестве. Меньше — ни в коем случае! «Нижнее белье может быть и очень простым, но оно должно быть безукоризненным даже больше, чем одежда, в которой даже одно пятнышко — полный позор. Они предпочитают достаточно простое нижнее белье, которое легко сможет отстирать горничная и которое они меняют каждый день».

Цветные чулки реже надевали летом и только вместе с туфлями. Однако с сапогами возвращается мода надевать белые шерстяные или хлопковые чулки. В конце XIX века была изобретена резинка для одежды, и в это время очень модными становятся резинки для чулок. Не все могли их себе позволить, и еще много лет крестьянки и жительницы отдаленных мест продолжали подвязывать длинные чулки над коленями веревками и лентами. «Служанки, которые более цивилизованны, покупают эластичные подвязки с пряжками. Нужно следить за тем, чтобы они отличались чистотой и не были поношенными или потертыми, хотя цвет их оставляется для решения хозяйки. В Америке, к примеру, носят одну подвязку желтой, а другую — голубой, считается, что это приносит удачу, но, как известно, жительницы этой страны никогда не были законодательницами мод».

«И конечно же никто не может переносить, когда нижнее белье очень тесно. Ноги тогда распухают под давлением и появляются варикозные вены. В таком случае чулки должны быть пристегнуты с помощью ленточных подтяжек. Однако довольно часты случаи, когда подтяжки растягиваются или отрываются от основы, и тогда чулок неудержимо ползет к пятке, и вы оказываетесь в очень неудобном, если не сказать смешном, положении. Чтобы избежать этого, рекомендуется наряду с подтяжками носить еще и подвязки, не тесные, но способные придержать чулки в их позиции, пока вы не почините порванное нижнее белье. Ни в коем случае не рекомендуется подвязывать чулки под коленями. Это определенно дурной тон».

Содержать вещи белоснежными являлось очень трудной задачей. Каждая горничная должна была обладать элементарными знаниями, как с помощью подручных средств очистить пятна. «Для чистки шелковых блуз и

лент перемешайте 300 миллилитров джина, 225 граммов меда и 225 граммов мягкого мыла с 300 миллилитрами воды». «Для возвращения белизны подпаленному белью вскипятите 300 миллилитров уксуса, 50 граммов *fuller's earth* (порошок, получаемый из земли), 25 граммов сухого помета от домашней птицы, 15 граммов мыла и сок от двух больших луковиц». Найти все необходимые ингредиенты не составляло им никакого труда.

Во время непогоды женщины старались по возможности оставаться дома, ведь первая водостойчивая одежда была изготовлена только в 1817 году. Более практичная прорезиненная, непромокаемая ткань была изобретена только в 1844 году; впрочем, она не пропускала и воздух, и если в нее не попадала вода сверху, то все равно внутри было мокро от пота. Носить ее стеснялись, потому что резина так пахла, что даже с другой стороны улицы можно было почувствовать. В 1851 году компания «Вах & Со» изготовила шерстяной материал, который не пропускал воду и был комфортен в носке. Впервые он был представлен на Великой выставке и после этого был заказан для солдат, уходивших на Крымскую войну. В 1870 году Берберри запатентовали габардин — материал для непогоды, и после этого стали появляться накидки от дождя для любого пола. К 1870 году зонтики стали необходимым предметом, который старался приобрести каждый. Однако не все могли себе позволить купить их, и тогда они стали сдаваться напрокат на три часа за четыре пенни при депозите четыре шиллинга или за девять пенни на сутки. Зонты могли быть возвращены в любом месте, любой прокатной компании, большинство из которых обосновались на железнодорожных станциях.

Многочисленная женская одежда весила так много, что в дождь дамы старались оставаться дома, даже имея зонты, ведь, намкнув, накидки и юбки тяжелели настолько, что каждый шаг в мокрой одежде давался с большим трудом. Тем более что в холодную и влажную погоду носили платья с фланелевыми нижними юбками и шерстяными сорочками — материалы, тяжелые уже сами по себе. Выходя на улицу, даже прячась под зонтом, невозможно было не промокнуть, а лужи и грязь на дороге, пристававшая к ботинкам, делали не-

редвижение для физически слабых женщин настоящей пыткой. Не случайно в Национальной галерее, куда вход был бесплатным, весь парадный подъезд набивался бедными женщинами, которые искали там укрытие в непогоду. От нечего делать, пережидая дождь, они отправлялись ходить по залам, чем вызывали недовольство патронов музея, боявшихся за натертыe полы.

К концу века изменился и цвет женской одежды. В моду вошли яркие тона. Фиолетовые краски были так популярны, что из-за них всю декаду называли лиловой.

Как одевались джентльмены. Что носила мужская прислуга

Мужская мода менялась значительно медленнее, чем женская. Но готовый костюм вошел в обиход для джентльменов гораздо раньше, чем для леди. Хлопковые сорочки заменили льняные, то же случилось и с нижним бельем. Стирать его стало гораздо легче. Сапоги заменялись ботинками и туфлями. Те, кто не мог себе позволить обувь кожаную, носили деревянную.

Тогда о социальном статусе человека судили по его костюму и головному убору. С непокрытой головой никогда не выходили на улицу, поскольку это считалось неприличным. Тысячи модисток изготавливали женские шляпки, которые покупались к каждому наряду. Кружева, ленты, цветы и птичьи перья красовались на них, поражая своим разнообразием. Стиль же мужских головных уборов был гораздо более скромным. Джентльмены, относившиеся к высшему классу, носили высокие шелковые шляпы, называвшиеся в России цилиндрами, меняя только их цвет. К пальто, фраку для вечернего приема и деловой встречи полагался черный, а летом к светлому костюму или пальто — белый или бежевый цилиндры, а фиолетовый, коричневый или серый дополняли сюртуки соответствовавших цветов. В театр выезжали в специальном «оперном цилиндре», который при нажатии на выступающую верхнюю часть, складывался и убирался в днище. Средний класс носил котелки, а рабочий класс, дети и спортсмены — кепки.

Мужская мода, плавно изменяясь, из века XVIII, когда мужской одежде уделялось чрезвычайно много внимания — пряхки на туфлях, напудренные парики, даже иногда мушки на лице, переходила в век XIX. Парики в 1800-х годах уже не носят, но бриджи по-прежнему в моде и носят с высокими сапогами. К 1840-м годам одежда становится темнее, вместо бриджей появляются брюки и на ноги надевают ботинки. Книги по модной одежде в это время советуют: порядочный мужчина должен иметь в своем гардеробе четыре камзола для утренних визитов, сюртук вечерний и пальто, несколько видов брюк и пять жилеток. На званых обедах было принято появляться в приталенных черных пиджаках с длинными фалдами, которые назывались фраками (от слова *frog* — лягушка), и белых галстуках.

Почти все мужчины в 1840—1860-х годах носили густые бакенбарды и усы. К концу века они продолжали носить усы, которые стали более элегантными и оттого требовали тщательного ухода. Тогда же появились специальные чашечки, в которых при изготовлении сверху делалась накладка соответствующей формы, чтобы не замочить этот элемент украшения мужского лица. Джентльмены надевали корсеты для верховых прогулок, чтобы выработать хорошую посадку. Надевали они их и в других случаях, к примеру, чтобы спрятать живот, но скрывали это от окружающих.

Произвести впечатление было невозможно, если мужчина надевал ошибочный вид шляпы. Уильям Кок стал первым графом Лейстерским при вступлении Виктории на престол, и его семья жила в чудесном дворце в Норфолке. Его сын — тоже Уильям — вошел в историю как создатель известного нам всем головного убора под названием «котелок». Однако он не был ни портным, ни шляпных дел мастером. Он считался великолепным хозяином и агрономом своего времени. В какой-то момент он стал беспокоиться, что некоторые его слуги, ответственные за проведение охоты, могут пострадать от низко висящих веток при быстрой скачке и от браконьеров, часто наведовавшихся в его владения. Чтобы защитить их головы от ударов, он сконструировал шляпу с твердой фетровой тульей. Нарисовав

головной убор необычного фасона, он отнес рисунок знакомому шляпному мастеру в Лондоне и попросил изготовить для примера один экземпляр. К изображению он приложил и описание того, как с помощью шеллака достигнуть нужной прочности тульи. Вернувшись через неделю, он увидел свое изобретение и даже опробовал прочность, встав на него. Так родился котелок — головной убор в половину цилиндра, с полями и очень прочным верхом! Удовлетворенный результатом, Уильям Кок заказал еще двенадцать котелков и заплатил за каждый по двенадцать шиллингов. Скоро всякий уважавший себя слуга высокого ранга в округе имел такой головной убор. Его создатель не предполагал, что немного позже его детище будут носить по всей Англии, а затем и по всему миру! Этот вид шляпы вскоре надели инженеры и банкиры, он стал символом престижа для среднего класса в викторианское время не только в Англии, но и во многих других странах. В простонародье он назывался «билликок» (Уильям Кок).

В то же время бедным людям было не до моды. Они носили то же, что и их бабушки и дедушки. Правда, значительно подешевевшая, производившаяся в массовых масштабах одежда позволила и им одеваться прилично по воскресеньям и праздникам. Наряжаясь в выходной день, они все еще не надевали нижнего белья, которое расценивалось рабочим классом как роскошь. Очень дорогой по-прежнему оставалась одежда из шерсти, однако льняные и хлопковые брюки, платья, кофты были очень популярны, несмотря на то что их называли бумажными из-за неспособности согреть зимой. Бедные женщины взамен двух цветов: чистого и грязного впервые наслаждались крашеной одеждой и очень полюбили яркий, броский рисунок. Тем не менее старые вещи по-прежнему хранили, перешивали, перелицовывали. Дети донашивали пальтишки, платья, ботинки за старшими братьями и сестрами. Более или менее новой выглядела обувь, потому что ее носили только по праздникам. Идя в школу, обували и разувались сразу, как заходили на двор. Привычка покупать поношенную одежду на барахолках сохранялась, поскольку все равно она была дешевле, чем новая.

ЗДОРОВЬЕ

Город и болезни

Город не был здоровым местом ни для бедных, ни для богатых, поскольку опасность таилась в самих домах, то есть там, откуда ее совсем не ждали. Пыль, проникавшая в тяжелые портьеры, прятавшаяся в коврах, застилавших каждую комнату, осаживалась на всевозможных мелких безделушках, которыми были наполнены дома викторианского периода, забивалась в легкие, покрывала слизистую оболочку носа и рта. При всей своей вредности эта пыль природного характера была не опасна, в отличие от паров, исходивших от стен, окрашенных пигментом, приготовлявшимся на основе красного и белого свинца. Любой перепад температур, влажность приводили к тому, что выделявшиеся мельчайшие частицы свинца проникали в организм проживавших в доме людей либо с дыханием, либо через поры кожи. Не лучше были и бумажные обои. Яркие краски на них также производились на основе отравляющих веществ. Особенно опасным был зеленый цвет, для получения которого применялся мышьяк, а также лиловый, розовый, некоторые оттенки голубого и серого. В некоторых обоях скапливалось до 50 процентов мышьячной кислоты. В довершение всего, при разбавлении киновари, модного в середине XIX века ярко-красного цвета, использовавшегося для покраски стен

во всех домах, где был достаток, также применялся красный свинец.

Мысли древних римлян о целебности свежего воздуха помогали в таких случаях. Заболевшие люди уезжали к морю из своих пропитанных ядовитыми парами жилищ и там, дыша чистым воздухом, действительно чувствовали себя лучше, но, возвращаясь домой, заболели опять. Сильные колики, головные боли, даже частичная парализация нередко настигали людей в то время. Не зная причину своих болезней, они не подозревали, что и одежда, которую ежедневно надевали на свое тело, также была окрашена красками, приготовленными на мышьяке. В 1862 году в «Таймс» Чарлз Дарвин опубликовал рекомендации доктора Лезаби (для леди любого возраста), как можно легко определить, есть ли в одежде опасные яды. «Каплю аммиака или нашатырного спирта капните на зеленые листья рисунка ваших обоев или платья. Если они станут голубыми, то это определит наличие мышьяка, с помощью которого зеленый цвет выделяется из меди. Если каждая леди вместо привычной нюхательной соли будет носить с собой флакончик нашатырного спирта, то одна его капля на материал, вызывавший сомнения, сможет помочь их разрешить».

Возможно, отголосками именно этого совета великого ученого явилось то, что даже в середине XX века флакончики с нашатырным спиртом находились в сумочках большинства женщин Англии и России.

Однако первоначально эти рекомендации не воспринимались достаточно серьезно. В 1890 году женщин все еще настойчиво предупреждали об осторожности в отношении одежды, особенно нижнего белья, чулок и перчаток, объясняя, что яркие цвета лиффов, сорочек, корсетов и прочего не только менее гигиеничны, но и опасны для жизни. Известный лозунг «красота требует жертв» в викторианские времена звучал очень актуально.

Именно тогда же предлагалось заменять массивные портьеры на окнах жалюзи или легкими шторами, также советовалось женщинам заняться новым хобби — самим сделать окна цветными и тем самым отгородиться от внешнего мира, не прибегая к пылесобираю-

щим материалам. Однако опасность была не только в пыли и ядовитых испарениях со стен и одежды. Газ, использовавшийся для освещения и отопления, истощал и без того грязный воздух. Если картины помещали в комнате, освещавшейся газом, то их рекомендовалось вешать на веревке, а не на проволоке, потому что газ разъедал проволоку и она ржавела. Однажды даже был проведен эксперимент в складском помещении, где хранился хлопковый материал. Через несколько месяцев верхние ткани, находившиеся под газовым освещением, заметно обесцветились, а после года — стали значительно менее прочными от перегруженной газом атмосферы, как объяснялось в складских отчетах. Эта проблема была настолько существенной, что в магазинах, которые раньше домов стали использовать для освещения газ, чтобы светом привлекать покупателей, с 1850 года стали перемещать газовые лампы из внутренних помещений на улицу, под витрину, чтобы не пострадали вещи, выставленные для продажи.

Другая опасность таилась в питьевой воде. В 1840 году от холеры умерло 16 тысяч англичан, в 1866-м — уже 20 тысяч. Эта болезнь считалась особенно страшной не только потому, что смерть выкашивала целые улицы, она была новой, завезенной из Индии. Первый случай зарегистрировали в Нью-Касле в 1831 году, следующие вспышки — несколько позже, в 1849 и 1854 годах.

Симптомами холеры на самой ранней стадии являлись неконтролируемая диарея, температура и рвота. Никто не знал, как она возникает и почему распространяется с такой быстротой. Не было никакого лекарства против этого заболевания, и никто не знал, как помочь беднякам. Считалось, что холера возникает от плохого воздуха, и этой же причиной объяснялась малярия. Кстати, эта точка зрения практически не изменилась со времен римского владычества в Британии. Именно римлянами была выстроена в Англии первая канализация две тысячи лет назад, потому что они стремились освободиться от неприятного запаха, считавшегося, с точки зрения медицины того времени, опасным для здоровья. Именно дурной воздух они считали причиной всех бед, а не сами нечистоты. Для подобного за-

ключения у лондонцев викторианского периода было еще больше оснований, поскольку 24 тонны лошадиного навоза и полтора миллиона кубических футов человеческих фекалий стекало ежедневно в Темзу через канализационные каналы, до того как была выстроена закрытая канализационная система. Каждый, кто дышал этим воздухом ежедневно, мог заболеть чем угодно!

Но все же причина холеры была совсем в другом. Первым в Лондоне, кто стал понимать, что инфекция таилась в грязной воде, был доктор Джон Сноу. Большинство заболевших умирали в течение нескольких дней, а некоторые всего за сутки. Изучая предыдущие эпидемии холеры, он предположил, что раз первыми симптомами являются диарея, рвота, то причина должна заключаться в том, что человек перед этим проглотил. Если бы причиной был дурной воздух, то тогда бы первыми пострадали легкие. Каким простым и естественным кажется этот вывод сегодня. Однако Джону Сноу пришлось доказывать свою теорию и многочисленными наблюдениями подтверждать ее.

В 1854 году очередная эпидемия началась там, где он жил, в Сохо. Пятьдесят шесть случаев заражения было зарегистрировано 31 августа на одной улице, и около трехсот в следующие два дня. За две недели умерло пятьсот человек. Составляя карту улиц, где заболели люди, он выявил эпицентр болезни. Обходя и расспрашивая больных, он заметил, что те, кто вместо воды пил пиво и эль, остались здоровы, а заболели только люди, бравшие воду из колонки, находившейся на перекрестке.

Джон Сноу немедленно приказал снять с этой колонки рычаг, качавший воду, и холера прекратилась сама собой. Оказывается, именно в этом месте канализационный канал дал течь, заражая чистую питьевую воду. В переполненных городах любая инфекционная болезнь распространялась с мгновенной быстротой, поэтому тиф, желтая лихорадка, оспа, холера уносили половину населения. Грязь и разлагавшиеся помойки привлекали в больших количествах мух, которые, садясь на еду, разносили инфекцию. В бедных домах на одной постели по очереди могли спать все члены се-

мы, оставляя после себя тифозных вшей. Последствия такого общежития могли быть ужасными. Кроме того, нездоровая пища, недостаток в организме витамина С, получаемого из овощей и фруктов, способствовали распространению среди горожан цинги. У многих детей были кривые ножки от рахита, образовавшегося от недостатка солнечного света и плохого питания. Они часто не доживали до своего пятилетия. В бедных семьях, где родители работали с утра до вечера, причинами смертности часто являлись недогляд, отсутствие медицинского надзора, а главное — недостаток питания. Одна из четырех рожениц умирала от инфекции. Идея о применении противозачаточных средств считалась скандальной и осуждалась обществом, а аборт объявлялись вне закона.

Роженицы и младенцы

Многие женщины, измученные постоянной беременностью и большим количеством голодных ртов, шли к подпольному доктору и умирали от непрофессионализма последнего. Матери стеснялись объяснять дочерям до их замужества о подобных интимных вещах, только рожавшие подруги могли приоткрыть завесу, но в викторианское время многие девочки видели в своем доме только взрослых людей и детей родственников, которые необязательно становились подругами. Неосведомленность о данном предмете была вопиющей. И часто бедняжки, не зная простейших вещей, только на поздних сроках понимали, что они беременны. Это неудивительно, ведь об этом не говорилось! Если девушка выказывала интерес к интимной стороне жизни, то она уже не расценивалась как невинная. Это было плохо уже само по себе с точки зрения будущего замужества, но еще хуже то, что окружавшие могли заподозрить: а нет ли у любознательной девушки причин интересоваться этим вопросом?! Миссис Пантон, которая написала книгу на эту тему, ни разу не назвала вещи своими именами и период, в который женщина ожидала ребенка, называла «уединением». «Наступает

момент в жизни каждой леди, когда она должна удалиться от общества и прислушаться к себе». Урсула Блюм, которая в своей книге описала жизнь своей матери, принадлежавшей к верхушке среднего класса, заметила, что в ее семье «считалось неблагоприятным, если джентльмен видел ее в определенный момент жизни. Предполагалось, что даже папá не имел представления о том, что происходило в его доме. Он не спрашивал, почему у мамá приступы тошноты и она частенько была замечена со слезами на глазах».

В России еще в 60-х годах XX века, почти через сто лет, считалось, что говорить о беременности женщины в обществе не совсем прилично. Даже будущие матери, обсуждая между собой этот вопрос, говорили: «Она в положении! В ее положении следовало бы позаботиться о себе!»

В XIX веке так не думали. Раз об этом состоянии женщин не говорилось, то и не считалось необходимым как-то облегчить их жизнь на это время. Работницы продолжали трудиться до родов, и даже в домах среднего класса ожидалось, что жена будет исполнять все свои функции по дому, как она это делала и раньше, без каких-либо скидок на свое самочувствие. «Организм женщины устроен так, чтобы справляться со всеми трудностями. Было бы также вредно для жены работы бросить свою работу, как и для леди среднего класса отказаться от подметания пола или приготовления обеда. Нужно относиться к труду как к необходимым упражнениям, с помощью которых леди сохраняют физическую силу».

На вершине общества картина была совершенно другая. Королева Виктория писала своей дочери: «Первые два года моего замужества были совершенно испорчены по этой причине! Я не могла путешествовать и проводить много времени с любимым Альбертом». Тем, кто мог позволить себе не работать в этот период, говорилось, что много двигаться вредно для здоровья. К 1840 году идея ношения корсетов во время беременности постепенно исчезает, их заменяют другие приспособления, помогавшие поддерживать тяжелый живот. Это привело к тому, что в обществе начинают

появляться округлевшие дамы, состояние которых первыми замечали наблюдательные глаза светских сплетниц. Большинство все же предпочитали удаляться от людей на несколько месяцев, боясь нехорошего глаза, и занимались подготовкой одежды для младенца и для себя.

При родах в середине века присутствовала вся женская половина дома; сестры, тети, суетившиеся служанки бегали вверх и вниз по лестнице с кувшинами кипяченой воды. Мужчины бесцельно ходили по гостиной и, прислушиваясь к крикам наверху, нервно курили. Роды принимала акушерка, и некоторые заботливые мужья предпочитали быть рядом с женами в трудный момент. Принц Альберт стал свидетелем рождения своей первой дочери в 1841 году. Однако после 1860 года, когда приоритет присутствия при постели рожениц приобретают доктора и медсестры, членам семьи, даже матерям роженицы, более не позволено находиться рядом.

После появления на свет младенца молодая мама окружалась заботой и ей не разрешали вставать с постели в течение девяти дней. Ее кормили с ложечки, не рекомендуя даже садиться на кровати. Если же она поднималась раньше, то это рассматривалось как бравада. Все окна в комнате, где находилась роженица, были закрыты, чтобы не допустить и малейшего дуновения ветерка. Во многих аристократических семьях настаивали, чтобы только что родившая женщина оставалась в кровати до месяца. Не удивительно, что после такого срока отвыкшая от движений мама чувствовала слабость и головокружение, когда первый раз выходила на свежий воздух. В бедных семьях не было материальных возможностей для сантиментов и часто перерыва на отдых не делалось совсем. Многие, кроме того, были вынуждены скрывать свою беременность, чтобы не потерять рабочее место. На следующий же день после родов они поднимались и шли на фабрику, где работа была сопряжена с очень тяжелым физическим трудом. С 1847 по 1876 год очень многие женщины умирали от родильной горячки. Не было средств, которые могли бы спасти больных. Доктора прописывали опиум, коньяк с содой и даже шампанское. Но только, чтобы облегчить состояние. В 1795 году в Вене

австрийский доктор значительно сократил смертность среди рожениц, заставляя всех, кто входил к ним в комнату, обрабатывать одежду с помощью хлорной извести. Только через пятьдесят лет в Лондоне обратили внимание на этот факт. И даже в 1848 году, когда в Королевской медицинской академии обсуждался вопрос дезинфекции, доктора настаивали, что причина родильной горячки кроется в перевозбуждении от случившегося, то есть зависит от состояния ума женщин в главный момент их жизни. (Кстати, до сих пор в Англии в палаты с роженицами посетители входят в верхней одежде и берут ребенка, родившегося несколько часов назад, грязными руками.)

Женщины были совсем не подготовлены к рождению ребенка и в этом вопросе полагались на более опытных служанок в доме, которые часто еще помнили детьми родителей молодой мамы. Миссис Битон в своих рекомендациях писала: «Поскольку все окна на ночь наглухо закрываются, шторы над кроватью опускаются, а количество кислорода, потребляемое взрослыми, настолько велико, что его не хватает младенцу, ни в коем случае ни матерям, ни няням не класть грудных детей с собой в кровать. Углекислой кислотой, выделяемой ими при дыхании, можно просто отравить маленького человечка». Она также считала, что младенцев лучше кормить из бутылки, чем грудью, поскольку, с ее точки зрения, тогда дети менее реагируют на инфекционные заболевания. Но, к сожалению, стерилизация емкостей для питания стала применяться только с 1890 года и тогда же вошла в обиход резиновая соска. Применение чистой бутылочки с соской спасло множество жизней, поскольку появилась возможность использовать сцеженное молоко. Ранее вместо резиновой соски в аптеке покупалась кожа от соска теленка.

Если у матери не хватало молока, то до середины XIX века младенца кормили размоченной в воде хлебной кашницей, не понимая, что маленькие желудочки еще не приспособились к грубой пище и нуждаются только в жидкой. Как ни странно, даже матери в семьях среднего класса не знали элементарных вещей. Им бы-

до неизвестно, что, когда у младенцев начинают пробиваться зубки, это часто вызывает температуру и беспокойство ребенка. В этот момент у него обильно текут слюни и он тащит в рот все подряд, чтобы почесать воспаленные десны. Аппетит в это время пропадает. Видя, что ребенок отказывается от молока, давали ему твердую пищу, а когда он начинал кричать от боли в желудке, показывали доктору, который прописывал препараты, содержавшие опиум. В результате младенец погибал из-за элементарного невежества ухаживавших за ним людей. «Я был поражен не тем, какое количество детей умирало, а тем, что вообще хоть кто-то выживал в таких условиях!.. Два дня назад одна леди обратилась ко мне за консультацией по поводу своего младенца, которому было менее двух месяцев, страдавшего от диареи. Когда я поинтересовался, чем же она его кормит, то был поражен, услышав, что она дает ему овсяную кашу! Ей не приходило в голову, что в этом возрасте ребенок может умереть от подобной пищи и что именно от нее у него диарея!»

Доктор Чаваз рекомендовал приготавливать для ребенка с четырех месяцев, когда материнского молока не хватало, следующую смесь: хлебные крошки кипятить в воде в течение трех часов с добавлением в конце небольшого количества сахара и молока. Другое использовавшееся викторианцами питание для грудничков состояло из муки, туго закрученной в чистую тряпку, кипевшей в воде в течение четырех-пяти часов. Образовавшуюся на материале корку затем скрывывали, а то, что оставалось внутри, разбавляли молоком и добавляли сахар. Следовать подобным рекомендациям было практически невозможно! Разве хватит выдержки слушать по пять часов крики голодного ребенка? У кого имелись деньги, те покупали готовую детскую еду. К концу XIX века появилось довольно много фирм, занимавшихся продажей питания для младенцев. В это время достаточно было опубликовать в газете, что в семействе такого-то появилось пополнение, как представители всех этих компаний бросались по указанному адресу и допекали новых родителей своими предложениями. Остальные либо

просили слуг приготовить смесь из муки, либо делали это сами заранее.

Согласно рекомендациям доктора Чаваза, младенцев не следовало купать в ванне, а только протирать тельце с помощью губки. От бедных деток наверняка ужасно пахло, и по этой причине количество одежды, надевавшейся на них даже в летний день, было невероятным. Все это мало способствовало оздоровлению нации. Однако второй существенной причиной детской смертности была грязь. Чтобы утихомирить крикунов, в бедных домах им давали в рот тряпочку с хлебной жвачкой. Если полагались на женщину, присматривавшую за детьми, пока их матери работали, то она, мало беспокоясь о их здоровье, вряд ли когда-либо стирала те тряпки, в которые заворачивала хлебный мякиш и которые совала младенцу в рот вместо соски. Кроме того, во многих бедных домах грязь была ужасающая из-за отсутствия воды и оттого, что матери, убивавшиеся на работе, просто не имели ни сил, ни возможности привести жилище в порядок. К тому же количество посторонних людей, живших в одной комнате, делало это практически невозможным.

Сестры милосердия для своих ближних

До конца XIX века госпитали обслуживали только бедных. Люди среднего класса лечились дома. В каждой спальне висели полочки с аптечкой над письменным столом, за который садился доктор, посещавший больного, чтобы выписать рецепты на необходимые лекарства. Ведь спальня — это потенциальная палата для больного, а жена — потенциальная сиделка. Как писала миссис Битон: «Каждая женщина в какой-либо период ее жизни должна становиться сестрой милосердия, чтобы ухаживать за своими близкими».

Женщины подразделялись на две категории: няни и няньки. Няни — это те, кто заботился о муже и семье, как это всегда делает жена и мать, а няньки были вынуждены заботиться о ком-то не по своей воле. В «Дэвиде Копперфильде» Софи, невеста Томми Трэдлса, при-

надлежала как раз к такой группе. Она, получив от Томми предложение выйти за него замуж, считала очень трудным для себя оставить близких, забота о которых лежала на ее плечах. Когда она сказала матери о своей помолвке, та упала в обморок, и Софи не могла вернуться к вопросу несколько месяцев. Больная сестра, узнав о том, что она собирается выйти замуж, «обхватила ее руки своими, закрыла глаза, побелела и застыла, а потом ничего не ела два дня». «Ты понимаешь, они так нуждаются в Софи, что им даже сама мысль невыносима, что она когда-то выйдет замуж. Они решили, что она так и будет всегда заботиться о них, и называют ее старой девой».

До середины XIX века, заболев, полагались только на близких или знающих знакомых женщин. При родах звали родственниц и акушерок, которые, правда, не всегда славились хорошей репутацией. Показать доктору-мужчине считалось почти что аморальным. Даже Елизавета I, окружив себя докторами-мужчинами, никогда не позволяла им себя осмотреть. Обо всех симптомах они знали только с ее слов и согласно сказанному проводили лечение. Так было практически везде. Кстати, трубка-стетоскоп для прослушивания легких, которую прикладывают к груди пациента, была изобретена оттого, что иначе доктор должен был своим ухом прикасаться к груди пациенток (одетых в нижнюю сорочку). Доктора вынуждены были совершать действия, чрезвычайно смущавшие и пациенток, и самих эскулапов, отказываясь от которых, многие женщины платились жизнью. Изобретение стетоскопа помогло распознать такие болезни, как плеврит, пневмония, бронхит и эмфизема. Для женщин знать и понимать в медицине хотя бы на домашнем уровне было вполне естественным. Однако они не учили латыни и не разбирались в терминах. При появлении таких технологий, как анестезия, мужчины заняли главную позицию в медицине. Тогда же появившиеся лжедоктора — недоучившиеся, подрабатывавшие студенты — видели для себя широкое поле действия. Чем меньше пациенты знали, тем лучше названные «доктора» себя чувствовали в отличие от их больных. Порой, не имея представления о болезни, от

которой лечили, они прописывали дорогостоящие препараты наобум, получали свои проценты от аптекаря и плату за работу, ничуть не заботясь, что больному становилось хуже. Если близкие пациента все же хотели знать подробнее о болезни, то тогда доктора или начинали кричать, или забрасывали любопытного непонятными латинскими терминами.

Вот что писал в 1857 году доктор Бэквел в своей книге, имевшейся почти в каждом доме: «В своем трактате я даже не буду пытаться объяснять симптомы болезней, поскольку я убежден, что лечение домашними силами произведет больше вреда, чем пользы. Подумайте сами, как человек, не имеющий никакого образования, может обнаружить болезнь и решить, как ее лечить, прочитав всего лишь что-то на бумаге... Лучший совет, какой я могу дать, каждый раз когда кто-то заболевает в семье, посылайте за доктором рано утром в тот же день!»

Далее доктор Бэквел задерживался на подробном изложении, какое неудобство для врача представляли не вовремя сделанные вызовы, и называл точное время, когда их нужно делать, не забывая указать, как надо себя вести при прибытии медицинской помощи: «Стойте рядом с доктором тихо и с готовностью помочь. Когда он обратится к вам, объясняйте симптомы сегодняшнего дня, не вдаваясь в подробности, что случилось месяц назад... Многие, особенно низшие классы, рассказывают что угодно, только не то, что доктор хочет услышать!»

Трудно представить, что доктор, останавливавшийся на мелочах, касавшихся его, а не пациента, мог быть полезен последнему. А ведь медицинские услуги стоили очень дорого. Большинство семей не только не могли вызывать врача каждый раз, когда кому-то было плохо, а и тогда, когда речь шла о жизни и смерти. Для таких случаев все та же бесценная книга миссис Битон, объяснявшая, как ухаживать за больными, что давать при тех или других симптомах, воистину была лучшим советчиком в каждом доме. Многие не знали элементарных вещей, таких, например, что болезнь может быть от грязи, плохой воды, укуса насекомых, которых

в тот период можно было встретить в комнатах слуг даже в богатых домах. Большинство предпочитало полагаться на советы, изложенные в ее книге, не только потому, что это было значительно дешевле, а и оттого, что репутация докторов была не высока. Доктор Джон Бернет описал в женском журнале «Заболевание в женских органах» следующий случай. Один почтенный человек, заботясь о жене, у которой в довольно молодом возрасте стала развиваться близорукость, отвел ее к доктору. Окулист после осмотра женщины заметил, что глаза слабеют оттого, что она страдает от выпадения матки. И вернуть ее зрение возможно только при удалении этого органа. Обращаясь в журнал, доктор Бернет преследовал свои цели, он заявил, что мог помочь женщине восстановить естественные размеры матки благодаря гомеопатии. Можно, конечно, предположить, что окулист владел навыками чтения диагноза по роговице глаз. Также можно допустить, что гомеопат был очень хорош. Но ведь, скорее всего, оба были шарлатанами. И с позиции людей XIX века это выглядело именно так.

«Я без особого уважения отношусь к людям, которые зовут доктора каждый раз, когда застудят голову!» Это была довольно часто встречающаяся точка зрения. Женщины сами знали, как избавиться от обычных болезней. Припарками лечились болезни живота, ими же — и простуженное горло. От фурункулов избавлялись следующим образом: больное место очищалось, а затем с помощью липкого вещества прикреплялся бандаж и оставлялся на несколько часов. Вещество, которое было в бандаже, заставляло фурункул созреть быстрее. Для этой же цели использовался пар от чайника или горячий утюг. Затем ножницами делался прокол, дававший возможность избавиться от жидкости, скопившейся в нарыве, и рану прикрывали повязкой с оливковым маслом, обладающим заживляющим эффектом (это знание передалось еще от римлян). При высокой температуре в комнатах, где находился больной, жгли серу, чтобы защититься от дурных испарений, исходящих от него. В XIX веке часто в романтических новеллах описывались женщины, страдавшие плохим

здоровьем. Для этого существовало много причин, начиная с того, что смертность среди новорожденных девочек была гораздо выше, чем у мальчиков. Питание для разных полов было различным. Считалось, что еда для дочерей должна содержать гораздо меньше протеина, чем для сыновей, поскольку тогда это поможет легче перестроиться организму в период созревания. Даже воспитывались дети по-разному. Мальчики постоянно находились на свежем воздухе и были вовлечены в разные спортивные игры и занятия, девочки гораздо больше времени проводили дома. Когда они становились женами, то по-прежнему находились в атмосфере, переполненной мелкими частицами горения (угля или газа). Все это и многое другое, о чем упоминается далее, приводило к тому, что женщины XIX века были существами нежными, обладали плохим здоровьем и слабой, неокрепшей нервной системой. Вспомните, практически в любом произведении этого периода дамы или девушки падают в обморок. Лишаться чувств при малейшем потрясении было вполне естественно для леди и только доказывало хрупкость женского организма. «Элизабет ушла довольно далеко, собирая клубнику в жаркий летний день. На обратном пути она почувствовала головокружение и потеряла сознание... Прошло много дней, прежде чем к ней вернулись ее прежний дух и бодрость, и в течение нескольких месяцев после прогулки она чувствовала себя вялой и утомленной».

«Мои старые слабости»

Однако существовало много и таких примеров, когда зажиточные женщины находили удовольствие в своей постоянной болезненности. Как написала Джулия Стефен — «искушенный инвалид» XIX века: «...искусству быть больным не легко научиться, но им владеют в совершенстве многие великие страдальцы».

Еще в юности она задумывалась о том, что у женщины нет совершенно времени для себя. Все, о ком она заботится, ожидают, что в каждую минуту своей жизни

она думает о них. Те же мысли приходили в голову Флоренс Найтингель — одной из самых известных женщин своего времени, вылечившей множество солдат во время Крымской войны. Она писала, что замужняя женщина иногда жалеет, что не сломала ногу, потому что тогда все в доме крутились бы вокруг нее, а не она вокруг всех. Но если Флоренс только мечтала о недолгой передышке, то многие женщины XIX века постарались ею воспользоваться.

Марион Самборн страдала от многих заболеваний, которые она сама характеризовала как «мои старые слабости». День ото дня она чувствовала себя слабой и уставшей. Она пробовала лечиться многими методами, включавшими очень популярную в период 1880—1890-х годов молочную диету, пинту бордо и турецкие бани, куда она отправлялась раз в неделю. Частенько она оставалась в постели до полудня и чувствовала себя гораздо лучше за ужином и в театре. В результате кем-то было замечено, что Марион не так больна, как она думает! Для женщин высшего класса стало обычным делом постоянно жаловаться на плохое самочувствие.

«У меня раскалывается голова!», «Мои нервы на пределе!» — фразы, часто звучавшие в домах аристократов. «Моя тетья Этти была образцом инвалидизма. Когда ей было 13 лет, после приступа дифтерии доктора рекомендовали, чтобы она некоторое время принимала завтрак в постели. После этого за всю свою жизнь она больше никогда не поднялась к завтраку. Плохое самочувствие стало ее профессией, и разговоры о болезнях — единственной темой для разговора! Она всегда уходила отдохнуть на случай, если она потом устанет».

Однако не только женщины были влюблены в идею постоянного плохого самочувствия. Мужчины тоже были подвержены этому в не меньшей степени. Самым большим «инвалидом» своего времени являлись члены семьи Чарлза Дарвина. «В доме моего деда всегда была траурная атмосфера постоянной болезни. Возможно, это было оттого, что мой дед (Чарлз Дарвин) был постоянно болен, и его дети, обожавшие своего больного, подражали ему, а еще и потому, что это было так прият-

но, когда бабушка постоянно жалела и ухаживала за ними. В доме хранились сотни писем, в которых содержались рецепты, описания опасных болезней, касавшихся каждого из них. Многие недомогания носили несомненно нервический характер, хотя наверняка существовали и настоящие болезни. Однако, насколько они были больны, мы никогда не узнаем. Можно сказать одно, что в целом отношение к здоровью в семье Дарвина было нездоровым! Быть больным там считалось нормальным».

Чарлз Дарвин представлял собой удивительный экземпляр. Родители его — доктора, и в семье были известны случаи нервной нестабильности. Много книг написано на эту тему. Ральф Колп в книге «Инвалид: болезнь Чарлза Дарвина» предполагал, что экзема великого ученого была следствием его постоянных переживаний о том, как будет воспринята обществом его теория о происхождении человечества. Экзема проходила, когда он переставал говорить об этом, и появлялась, когда он вновь возвращался все к той же теме!

Джон Винслоу, однако, считал, что Чарлз Дарвин страдал от отравления мышьяком, который содержался в некоторых препаратах, прописанных ему после диагноза «диспепсия». Пациент должен был начинать с очень маленькой дозы, которую должен был увеличивать по мере привыкания желудка к яду. Инвалидизм XIX века происходил оттого, что во время, когда предъявлялись очень строгие требования ко всем членам общества, человеку требовались уважительные причины просто для того, чтобы отдохнуть.

Другая причина подобного поведения отсылает нас к истории об Алисе Джеймс, которая была инвалидом по желанию всю свою жизнь. Уже в двадцать лет совершенно здоровая девушка стала выказывать признаки чрезмерной заботы о собственном здоровье. Когда ей исполнилось тридцать, ее отец заметил как-то в разговоре: «Она то и делает, что либо бьется в истерике, либо пытается лишиться себя жизни, и все это при постоянных жалобах, что она больна всем, чем только можно!»

К этому времени ее братья и сестры уже имели семьи, у нее же не было ни мужа, ни детей, ни занятий,

кроме того, что ежедневно записывать в дневник сведения о своем самочувствии. Она использовала собственные надуманные болезни, чтобы защититься ими от стремлений достичь чего-либо в жизни. Брат Алисы Генри написал позднее, что ее плохое самочувствие являлось для нее защитой от всех жизненных проблем. Вся жизнь в доме, где находится больной, обычно вращается вокруг него. Любое невнимание приводит к взрывам. «Когда в моей комнате горничная немного приоткрыла окно, на следующий день я уже страдала от ревматизма в голове. Я просто была не в состоянии ни двинуться, ни вздохнуть в течение 12 часов. Сколько же нужно иметь здоровья, чтобы быть больным!»

Когда же, наконец, у Алисы обнаружили рак груди, она этому чрезвычайно обрадовалась: «С самого начала, как я заболела, я все ждала и ждала, когда же у меня найдут хоть какую-либо болезнь! Воистину, кто долго ждет, тот дожидается!» Вскоре братья Алисы по ее запискам издали книгу «Трагическая муза» и даже поставили пьесу. «Неплохое шоу для одной семьи!» — заметила Алиса. «Особенно, если я, наконец, умру — это самая трудная его часть!»

Медицина

Население городов росло, докторов требовалось все больше и больше, поэтому медицинские школы расширились, обучая учеников новым технологиям, таким как, к примеру, анестезия, которая стала использоваться при операциях в 1846 году. Ранее пациенту давали алкоголь, который не мог заглушить чудовищную боль, когда ему ампутировали (отпиливали пилой) ногу. Операцию очень часто производили в так называемом театре, напоминавшем современный цирк, на арене которого находились пациент и доктор, а зрительские места оставляли для студентов, обучавшихся медицинской науке. Хирург появлялся на операции одетый в сюртук не первой свежести с повязанным сверху фартуком, с кровью, оставшейся от предыдущих пациентов. Руки он мыл только после ампутации.

Больной, накачанный бренди, в ужасе взирал на разложенные инструменты, вид которых мог повергнуть в страх любого нормального человека (они мало изменились с викторианского времени). Ознакомившись с предстоящей работой, доктор брал в руки прямой острейший операционный нож и, повернувшись к аудитории, говорил: «Засекайте время, джентльмены!» (Девушек среди них не было.) Если ампутировали ногу, то врач делал мгновенный круговой надрез вокруг икры, а затем пилой отъединял кость. Очень важно было, чтобы операция проходила очень быстро. На все требовалось тридцать секунд, но тридцать процентов больных умирало от болевого шока или потери крови. Действия хирурга сопровождалось душераздирающими криками несчастных, над которыми производилась операция. Студенты падали в обморок.

К счастью для всех нас, американский зубной врач Уильям Мортон, экспериментируя с эфиром в 1846 году, заметил, что, приводя с его помощью пациента в бессознательное состояние, тем самым врач облегчал себе работу. Английский доктор Джон Сноу, упоминаемый ранее в связи с холерой, заинтересовавшись этим открытием, убедил королеву Викторию использовать хлороформ при родах в 1853 году, когда на свет появился принц Леопольд, и через четыре года — принцесса Беатриса.

После королевского одобрения анестезия стала поощряться повсеместно, несмотря на то, что дозировка еще не была выверена, и в комнатах, освещавшихся газом, атмосфера, насыщенная эфиром, становилась чрезвычайно пожароопасной. Хлороформ был не горюч и легче в применении, поэтому им стали заменять эфир. Анестезия явилась колоссальным достижением в медицине, позволившим спасти миллиарды человеческих жизней!

Поскольку пациенты находились в бессознательном состоянии, скорость перестала быть основным фактором при операциях и хирург теперь мог работать аккуратнее и осторожнее, не нанося ненужных повреждений тканям. Появилось время на то, чтобы как следует ознакомиться с открывшейся во время операции проблемой, на обдумывание и принятие решения, на аккуратное сшивание кровеносных сосудов. В

результате смертность значительно снизилась и выздоровление наступало гораздо быстрее. По той же причине хирурги перестали заниматься только ампутацией, как было ранее, и начали делать операции по вырезанию воспалившегося аппендицита или удалению камней из почек. Это привело к тому, что доктора перестали быть мясниками и старались использовать свои возможности в науке.

Следующее достижение в хирургии — применение антисептика. В 1867 году в руки к шотландскому доктору Джозефу Листеру попал маленький мальчик с открытым переломом руки. Зная, что в рану скорее всего попала инфекция, доктор решил прочистить ее с помощью карболовой кислоты, которую применяли при чистке дренажной системы. К такому неожиданному заключению он пришел не сразу, экспериментируя до этого с животными. Рука мальчика была спасена, и этот опыт вскоре стал широко известен в медицинском мире, где стали применять антисептики для предотвращения попадания инфекции в раны. Доктор Листер был так впечатлен достигнутыми успехами, что даже сконструировал распылитель карболовой кислоты, более известной под названием «фенол», чтобы с его помощью очищать воздух перед операциями. Немного позже Листер понял, что инфекция таится не в воздухе, а находится на коже больного, хирурга и инструментах, которыми производилась операция. После этого открытия инструменты стали делать не с деревянными ручками, как это было ранее, а целиком металлическими для облегчения стерилизации. В 1876 году были впервые использованы медицинские перчатки, и хирурги стали мыть руки перед операциями. Использование всех нововведений XIX века привело к тому, что смертность значительно снизилась. Повсеместно стали открываться медицинские школы, где студенты осваивали последние достижения науки.

А теперь обратимся еще раз к Флоренс Найтингейль, имя которой стало известно всей Англии после Крымской войны, где англичане воевали против России. Она отозвалась на письмо, опубликованное репортером, побывавшим на войне. Он писал, что фран-

цузские полевые госпитали хорошо организованы, а английские совершенно заброшены. «Разве нет у нас в стране преданных женщин, способных штурмовать наших министров, чтобы они отпустили их выхаживать наших бедных, раненых братьев». Именно это она и сделала, услышав крик с поля боя в этом газетном материале, и, добившись разрешения высших инстанций, выехала на войну с 38 медсестрами.

Приехав на фронт, она обнаружила в госпитале километровые ряды кроватей, на каждой из которых лежало по несколько солдат. Раненые находились на одной койке с обмороженными, тифозными и холерными. Тех, кого не могли разместить, клали на пол, по которому нельзя было пройти, не испачкав ноги мочой, кровью и калом. Ни о какой гигиене не могло быть и речи! Не было никакой санитарии, горячей воды, мыла, полотенец. Подчас не было даже еды. Солдаты умирали ежедневно. Тысячи из них скончались от инфекционных болезней.

Леди Флоренс стала всеми силами бороться за то, чтобы больных не сваливали где попало, чтобы строили временные кровати или настилы, мыли полы, стирали бинты, что, конечно, делалось и ранее, но не с такой тщательностью, как теперь под ее строгим надзором. Присутствие Флоренс Найтингейль и женского медицинского персонала на фронте спасло огромное количество жизней. Мужчины, привыкшие в Британии, что быт организовывался женщинами, нуждались в их помощи и на войне. С их прибытием в госпитале не только появились порядок и санитария, являвшиеся необходимым условием для выздоровления, но и ласка, и сострадание, так нужные солдатам в минуты их слабости. Если женщины не могли более ничем помочь раненым, то хотя бы сидели рядом и, держа их руку, передавали им тепло, участие и сострадание.

Флоренс называли леди с лампой. Она совершала ежевечерние обходы, следя за порядком и надлежащим уходом за больными. Будучи обстоятельной женщиной, она вела ежедневные записи, в которых учитывала все: количество поступавших в госпиталь солдат, умерших и выздоровевших, условия, в которых они содержались, применяемые виды лечения, темпе-

ратуру воздуха и воды и даже расстояние между кроватями. Вернувшись в Англию, она презентовала свои записи королеве в виде цветного веера, где розовым цветом указала количество солдат, умерших от ран, и зеленым тех, кто умер от инфекций. Подобный наглядный доклад лучше всего передал информацию о количестве солдат, которых можно было спасти. На лепестках веера Флоренс привела статистику, которую методично документировала на фронте. Она также написала рапорт, в котором яростно критиковала порядки в армии, при которых забирались на войну здоровые молодые люди, из которых каждый год погибало полторы тысячи только из-за плохого питания, болезней и небрежения.

«Это все равно что просто поставить их к стенке и без всякой вины расстрелять!» — писала она. Страстный тон и факты, которые ранее скрывались от правительства, наконец пробились через все бюрократические препоны. К ее словам стали прислушиваться, и работа госпиталей значительно улучшилась. Порядок, наведенный ею, спас жизнь многим и облегчил женщинам дорогу в медицину. После 1865 года им было разрешено заниматься медициной и получать квалификацию докторов.

В начале XIX века единственным средством лечения зубов почти всегда являлось их удаление. Это не случайно, поскольку бормашина еще не была изобретена, а дантисты не имели профессиональной школы. Плохие зубы в это время были у большинства населения, особенно у бедных классов, которые вырывали их сами, привязывая за нитку к двери. После изобретения дрели, сначала приводимой в движение с помощью ножной педали, положение не изменилось, ибо устрашавший вид этого приспособления отпугивал всех обратившихся к врачу. Дрель долго раскручивалась и не сразу останавливалась. Профессиональное обучение дантистов улучшилось только к 1921 году.

Наличие медицинских школ привело еще к одной проблеме — недостатку тел в анатомичке. Ведь изучить строение человека можно было, только работая с мертвым телом прежде, чем резать живое. Обычно для обу-

чения студентов доставляли трупы преступников, умерших в тюрьмах, на виселицах, или нищих из рабочих домов. Но даже этого количества было недостаточно. Людей, безусловно, умирало очень много, и доставка трупов для обучения стала очень грязным бизнесом в викторианской Англии. Было много охотников зарабатывать на свежепохороненных покойниках, выкапывавших их из могил и продававших в анатомички. Стоимость зависела от длины, особые цены назначались за короткие трупы, то есть за детей. Население всячески боролось с осквернением могил. Их огораживали решетками, что нетипично для Англии, нанимали сторожей, карауливших захоронения по ночам.

Предприимчивые старосты кладбищ не только смотрели сквозь пальцы на то, что свежепохороненные тела выкапывались и продавались для работы над ними в морги, а и сами избавлялись от старых захоронений, чтобы нажиться на новых, вытаскивая старые гробы и продавая новые места. В среднем, по статистике того времени, покойники в одной и той же могиле заменялись приблизительно каждые шесть месяцев. Разросшиеся города нуждались не только в новых домах для жизни живых, но и в последних пристанищах для мертвых.

В 1852 году актом парламента были созданы новые кладбища за пределами городов. На железнодорожной станции Ватерлоо даже появилась платформа, называвшаяся «Некрополь», с которой пассажиры уезжали в последний путь в сопровождении рыдавших родственников прямо на кладбище Бруквуд. На нем находятся могилы и знаменитых гробокопателей, которые, занимаясь своим страшным ремеслом, часто наталкивались на гробы с царапинами с внутренней стороны, сделанными людьми, которых захоронили, считая умершими. Стремясь пожить быстрее, пока тело не испортилось, они спасли нескольких человек тем, что вовремя их откопали.

Случаи захоронения живьем в то время не были единичными. Иногда врач не мог определить, умер пациент или нет. Единственным верным средством счита-

лось поднесение зеркала к губам усопшего. Если оно запотевало, значит, человек был жив. Однако многие люди были так бедны, что не могли пригласить доктора, и довольно часто бедняг хоронили живыми, в бессознательном состоянии, которое окружающими принималось за смерть. В 1843 году Кристиан Эйзенбрандт запатентовал свинцовый гроб с пружинной крышкой, лежа в котором, очнувшийся покойник мог нажать кнопку, находившуюся внутри, и дать понять окружающим, что он жив. Другой изобретатель С. Николь, обеспокоившись, что в этом новом, популярном в то время гробу можно задохнуться, запатентовал молоток для разбивания стеклянной пластинки, которая вставлялась над лицом покойного. Были и другие нововведения для предохранения от захоронения живьем: флаг, качавшийся, если в могиле было движение, и электрический звонок, слышимый даже с очень большой глубины.

Но вскоре качество жизни стало улучшаться. Мыло подешевело и перестало быть прерогативой высшего и среднего классов. Хлопковая одежда стала доступной по цене. Ее было легче стирать, чем шерстяную, она также быстрее сохла, что позволяло, выстирав ее вечером, утром надевать чистую. Водопровод и канализационная система улучшились, люди стали мыться чаще. Подешевела еда, хотя городское население все равно ело недостаточно овощей и фруктов. Молоко, которое хоть и разбавляли водой, все же было натуральным и питательным — его еще не научились долго сохранять. Все население пило его свежим, практически сразу изпод коровы. Кстати, этих милых животных держали в городах или в ближайших к нему местах именно по этой причине. Английские портные заметили, что к концу века молодые люди стали выше, чем их родители. Это лучше всего доказывало, что в целом население стало здоровее.

Личная гигиена и улучшенные условия жизни спасли больше людей, чем это смогла бы сделать самая лучшая медицина.

КАК РАЗВЛЕКАЛИСЬ ВИКТОРИАНЦЫ

Каждый развлекался как мог. Например, зять Виктории принц Кристиан, потерявший глаз на охоте, забавлялся тем, что на приемах, где часто присутствовали важные зарубежные гости, вдруг просил лакея принести к столу коллекцию из его искусственных глаз. Когда белые глазные яблоки выставлялись перед всеми на столе, Кристиан начинал вдохновенно рассказывать присутствующим о каждом из них. Его любимым было налитое кровью око, которое он вставлял, когда заболел или очень сердился. Говорят, в коллекции был также и подбитый глаз!

Старший сын Виктории Эдуард, получивший королевскую корону в 1901 году, был очень большим любителем развлечений. Он задавал тон всему высшему обществу. Бесконечные маскарады, балы, охоты, нескончаемые фейерверки стали его любимыми занятиями. Несмотря на родителей, чьи отношения являлись примером, воодушевлявшим всю страну, Эдуард с юношеского возраста отличался ветреностью и слабостью к женскому полу. Пока был жив отец, он еще старался держаться в рамках, но после его смерти в 1861 году слава о принце как о неисправимом соблазнителе распространилась по всей Европе. Даже женитьба на очень красивой принцессе Александре не помогла. До Виктории постоянно доходили слухи, что Эдуард,

который любил путешествовать, портил репутации дамам в Италии, Испании и Франции. Бедной старой королеве это было очень неприятно. Такое поведение противоречило ее взглядам на то, как должен был себя вести наследник престола. Она продолжала контролировать сына до своей смерти, когда ему было уже шестьдесят лет. Сколько раз на ее упреки в письмах о том, что Господь накажет его за грехи, он отвечал: «Я не имею ничего против контроля вселенского, бессмертного Отца. Однако я — единственный мужчина в стране, у которого мать тоже вечная!»

Очень многие развлечения, известные нам сегодня, получили свое развитие в викторианское время. К 1840 году размеры городов сильно увеличились. Если раньше их легко можно было обойти за несколько часов, то теперь не хватало и дня. Индустриальная революция изменила Британию. Люди не только мигрировали с полей на фабрики, из деревни в города, они также учились тратить деньги не только на необходимое, но и на развлечения.

У сельчан стали очень популярными выездные ярмарки с аттракционами, ранее приводившимися в движение с помощью лошадей, ходивших по кругу. Механик Фредерик Савадж первым стал использовать паровой двигатель при вращении им же изобретенных каруселей-лошадок. Он назвал их *Gallopers*, от слова «галоп». Лошадки не только ездили по кругу, но также имитировали движение настоящих, слегка подбрасывая седока кверху. Они были чрезвычайно популярны не только среди детей, но и среди взрослых. Кстати, именно Савадж изобрел карусели на цепях, при кружении на которых создавалось впечатление полета.

А название нашего велосипеда пошло после распространения его аттракциона под названием *Velocipede*, когда полдюжины двухколесных механизмов были приварены друг к другу по кругу. Ездоки, начиная вращать педали, раскручивались быстрее и быстрее, так привлекая публику, что жители одного местечка чуть не выкидывали с сидений велосипедную команду, оккупировавшую аттракцион на целый час. Во многих более поздних моделях использовались изобретения Саваджа.

Они отличались гениальной простотой. Поразительно, что человек, внедривший в развлекательную индустрию известные и по сей день механизмы, никогда не умел ни читать, ни писать. Давая задание в своей мастерской, Савадж чертил на земле прутиком и не предполагал, что впоследствии его чертежи принесут кому-то миллионы.

Большинство людей работали 10—12 часов в день и имели только один выходной — воскресенье. Не у всех была возможность поехать за город и подышать свежим воздухом. По этой причине в населенных пунктах стали устраивать парки, где население могло отдохнуть, не платя за это ни пенни. Там часто играли оркестры, устраивались состязания по футболу, крикету, теннису. Семьи приглашали знакомых на пикники. С 1871 года были утверждены публичные, дополнительные выходные дни. Они назывались *Bank Holidays*. Это означало, что понедельник добавлялся к воскресенью, удлинняя отдых.

С этого момента стало очень популярным для представителей высшего и среднего классов выезжать по железной дороге к морю и проводить там выходные дни или отпуска. Это стимулировало развитие многих приморских городов, таких как Блэкпул, Исборн, Бормут, Брайтон. На пляж одевались в лучшие наряды, поскольку там можно было встретить много знакомых. А вот раздевались для купания в специальных хижинах на колесах, которые завозили в море. Войдя в них по ступенькам с пляжа в обычной одежде, выныривали с другой стороны в купальном костюме, закрывавшем практически все тело. Разнообразие купальных шапочек чрезвычайно оживляло в это время морское пространство у берега. Как будто множество красивых бабочек слеталось на воду.

Нам сейчас трудно представить себе, что когда-то понятия «туристы» не существовало вовсе. Люди перемещались с места на место только по необходимости, навещая родственников, ища работу, переезжая на учебу или выходя замуж. Большинство населения никогда не выезжало с места рождения далее расстояния в двадцать—тридцать миль. К любому перемещению готовились как к вселенскому событию. Строительство железных дорог изменило не только дальность поездок, но и

менталитет. Расстояние перестает быть основным пугающим фактором, и появляется интерес к другим местам.

Зачинателем туристического движения является Томас Кук (1808—1892), который был типографом и проповедником. В 1841 году он нанял паровоз на 570 пассажиров, чтобы проповедовать им во время путешествия о вреде пьянства. Через десять лет он организует экскурсии на посещение Великой выставки, а к 1856 году уже предлагает осуществить путешествие вокруг Европы. Вскоре сын Джон стал его партнером. Они первыми начали бронировать места в отелях во время организации групповых поездок. К 1870 году путешествия совершались уже в Европу, на Святую землю и вниз по Нилу для осмотра пирамид. Вскоре появились и первые путеводители.

Растущее количество школ способствовало популяризации спорта и выработке правил для многих игр. Тогда же регби отделилось от футбола, простая драка без перчаток трансформировалась в бокс и ограничилась временными рамками (раундами). Теннис, известный в Англии более 500 лет, стал очень популярным досугом для всех, в то время как раньше он был привилегией мужчин. Им стали увлекаться дамы, несмотря на неудобную одежду, длинные юбки, оплетающие ноги. Среди леди были очень популярны стрельба из лука и крикет. Велосипедный спорт стал более доступным. Два колеса, большое и маленькое, не были очень устойчивой моделью, но крутившие педали дамы и джентльмены имели возможность наслаждаться разнообразными видами, открывавшимися им по мере движения.

Образуются спортивные клубы, специализировавшиеся на одном виде спорта: самый первый из них, клуб пловцов в Лондоне, был создан в 1837 году, затем в 1843 году при госпитале в Лондоне сформировался клуб любителей регби и футбола. В 1870 году появились новые развлечения, такие как катание на роликах, волейбол. Апогеем спортивных достижений в викторианское время стала первая олимпиада, прошедшая в 1896 году в Афинах.

Во второй половине века открываются клубы по интересам: фотографические, атлетические, драмати-

ческие. У населения появляется возможность общаться с людьми, близкими по духу.

Развлечения становятся более разнообразными, менее примитивными и жестокими, чем это было раньше. Травля быков и медведей была уже запрещена к этому времени, хотя петушинные бои и травля крыс все еще оставались очень популярными занятиями. Любимым отдыхом оставалась и охота, которая, благодаря железной дороге, теперь проводилась не только на лис, кроликов, фазанов и прочую живность в Англии, но и на оленей и тетеревов в Шотландии.

В начале правления Виктории театры не являлись популярным и престижным времяпрепровождением. Актеров и актрис предпочитали приглашать домой, где они разыгрывали представления на темы благородной любви, исторические трагедии или комедии. В театрах, где была публика попроще, показывали пьесы жизненного характера, в основном на темы ограблений и убийств. Публика не стеснялась в выражении своих чувств, часто забрасывая надоевших актеров гнилыми овощами. Артисты в основном были бродячими, перемещавшимися из города в город, из деревни в деревню. Чаще всего они выбирали для выступлений ярмарки, рынки, скачки — то есть места большого скопления народа. Чем беднее были люди, посещавшие театр, тем яснее была их реакция на увиденное. Испорченные помидоры, яблоки и бананы летели в артистов, как только их вид начинал раздражать публику.

Стремясь удержать интерес публики, сценические эффекты даже в очень маленьких и бедных театрах старались делать впечатляющими. Появлявшиеся ниоткуда привидения, настоящие лошади, морские баталии, роскошные декорации приближали вымысел к реальности. Зрители по большей части были рады любому развлечению, жонглерам на улице, скрипачам, дрессированным животным. Для детей популярны кукольные персонажи Панч и Джуди разыгрывали свою нехитрую историю под открытым небом за старой занавеской.

Средние классы ходили на оперу, балет или концерты.

Одной из причин возмраставшей популярности театров был необыкновенный свет, использовавшийся там.

Газовое освещение, известное с 1800 года, было тусклым, мерцающим и для театра малопригодным. С расстояния нескольких метров мимика актеров расплывалась и сцена скрывалась в полутьме. В 1809 году Гемфри Дэви изобрел дуговую лампу, которая состояла всего лишь из двух углеродных стержней, каждый из которых был присоединен к батарее. Когда стержни разъединялись — сильная электрическая дуга проскакивала между ними, образуя яркое, до боли в глазах, белое свечение.

Освещение это сразу поставило театры в разряд престижных мест. Приходя туда, теперь невозможно было скромно отсидеться в полумраке, наблюдая за действием. Все погрешности в косметике стали очень заметными, и дамы перестали слишком ярко краситься, как было необходимо при свечном и газовом освещении. В антрактах знакомые разглядывали и оценивали друг друга. Дуговые лампы помимо явного преимущества имели свои недостатки. Они были пожаро- и взрывоопасны. Степень освещения, то есть проскакивавшего заряда, трудно было рассчитать. Их все чаще стали применять на маяках, стоявших далеко от других зданий, и для освещения улиц.

В 1881 году был построен лондонский театр «Савой», где впервые было проведено электрическое освещение. С этого момента театры становятся в основном местом для состоятельной публики. Комические оперы Гильберта и Силливана, сатирические пьесы Оскара Уайльда стали очень популярны в восьмидесятых годах XIX века. Одной из самых известных актрис была Элен Терри (1847—1928), которая впервые вышла на сцену в возрасте девяти лет и выступала до своего 78-летия. Ее партнером в течение долгого времени являлся актер по имени Генри Ирвинг — настоящее имя Джон Генри Бродриб (1838—1905). Он был первым лицедеем, возведенным в рыцарское достоинство за гениальную игру в шекспировских пьесах. Театр становится любимым развлечением. По всей стране открывались все новые и новые сцены, начиная от респектабельных, очень дорогих и известных, кончая однодневками, которые переносили свои деревянные скамьи и шатер с места на место.

Возможно, по причине любви к театру, три сестры из маленького городка в Америке, расположенного неподалеку от Нью-Йорка, Кэти, Ли и Маргарет заявили, что они вошли в контакт с духом умершего медника, похороненного под полом их дома. Девочкам захотелось оказаться в центре большого действия, но они еще не представляли себе его размаха. Родители, не поверившие сначала их рассказу, потребовали доказательств, и девочки продемонстрировали, как они получали ответы от привидения с помощью постукиваний: один удар — «да» и два — «нет». Это было продемонстрировано друзьям и родственникам, и скоро уже весь город знал про удивительную семью. Сестрам было предложено устроить публичную демонстрацию своих способностей, что они и сделали при довольно большом стечении народа. С этого момента к их дому потянулось множество желавших установить контакт с ушедшими в мир иной близкими.

Вскоре у сестер появились последователи, которые, переезжая в другие города, продолжали ту же практику, зарабатывая деньги на каждом сеансе. Слухи о вызывании духов распространились по всей Америке, а затем и Европе. В Лондоне почти в каждой гостиной, на каждом приеме или балу устраивались спиритические сеансы. Они стали привычной частью времяпрепровождения в викторианской Англии. В условиях строгих нравов, когда общение между девушками и молодыми людьми было очень сильно ограничено, спиритические сеансы стали прекрасным поводом, чтобы перебраться несколькими словами, не вызывая ни у кого подозрений. Кроме того, можно было сидеть рядом плечо к плечу, а в большинстве случаев и рука в руке, поскольку участники должны были образовывать единый круг. Часто сеансы были просто предлогом, чтобы пообщаться почти в интимной обстановке со своим предметом интереса. Ведь волнения, которое молодые люди испытывали от такой близости, в темноте никто не видел.

Обычно несколько гостей садились в круг за стол вместе с предсказательницей (в основном это были женщины) и наблюдали, как она входила в транс. Свет выключался, чтобы не мешать призывать духа, кото-

рый принадлежал краснокожему индейцу или древнему египтянину. Медиумы подразделялись на две категории. Одни из них предпочитали разговаривать за духов сами. Исторгавшиеся из них низкие, загробные голоса и мужской тембр поражали публику, верившую, что это голос духа исходит из тела медиума. Другие же получали ответы с помощью стуков и двигавшегося стола, на котором по кругу был написан алфавит. Передвижение стрелки, закрепленной в центре, или просто линейки от одной буквы к другой показывало ответ потусторонней силы на заданный вопрос. Часто во время сеансов лица сидевших обдавались ледяным или, как говорилось, могильным холодом, свеча задувалась без видимой причины. Иногда кто-нибудь из притихшей компании ощущал прикосновение к плечу или голове, неожиданно открывались окна, хлопали занавески. Все это пугало и убеждало в истинности контакта с загробным миром.

Спиритизм стал настолько модным, что медиумы вынуждены были придумывать все новые трюки, чтобы уверить присутствовавших на сеансе людей в своих неординарных способностях. Самыми известными медиумами в Англии XIX века были Эвсапия Палладино и Даниэль Дуглас Хьюм. Эвсапия была неграмотной итальянкой, которая сумела убедить всех в своих необыкновенных способностях в спиритизме. Во время транса она, как казалось присутствовавшим, могла перемещать по воздуху тяжелую, громоздкую мебель и даже, в особых случаях, летать. Кроме того, она умела материализовать пару рук в дополнение к тем, что сцепленные лежали на столе.

Даниэль Дуглас Хьюм, в отличие от остальных медиумов, работал в ярко освещенной комнате. В 1894 году сэр Уильям Крукс — изобретатель катодных лучей и известный экспериментатор в атомной физике писал о своей встрече с Хьюмом: «Я однажды видел его выхватившим голыми руками из ярко горевшего пламени раскаленный докрасна кусок угля. Положив его во впадину на ладони и прикрыв сверху другой рукой, он начал сильно дуть, нагнетая температуру, как в горне печи, до тех пор, пока уголь не стал белым и пламя,

прорываясь наружу, не стало лизать пальцы». На сеансах Хьюма предметы висели в воздухе, музыкальные инструменты играли без посторонней помощи, и однажды он сам перелетел из одной комнаты в другую.

Одним из самых поразительных явлений, о котором свидетельствовали очень многие люди, было верчение стола. Участники садились вокруг, клали кончики своих пальцев на его край и ждали в темноте, что же произойдет. Через некоторое время стол начинал содрогаться, заставляя нервных участников подпрыгивать от неожиданности и страха. Когда же, успокоившись, они садились опять, прикасаясь пальцами к поверхности, качание повторялось. Постепенно движение стола становилось все сильнее и сильнее, казалось, что он танцует по комнате. При этом все участники клялись, что они его не толкали и дотрагивались только слегка. Подобные эпизоды были зафиксированы на пленку много раз, и нет сомнений в том, что стол действительно двигался. Как же это происходило?

Многие ученые задавались целью разгадать этот феномен. Среди них был и Майкл Фарадей. Он провел два эксперимента, чтобы понять, двигался ли стол самостоятельно или его передвигали сидевшие за ним люди. Во-первых, он попросил группу экспериментаторов положить руки не на поверхность стола, а на картон, тремя слоями покрывавший его, между которыми был нанесен медленно застывавший клей. Такая подготовка была рассчитана на то, чтобы при первом же движении рук они скользнули бы вдоль картона. Если стол сам начинал качаться, то руки бы слегка заповздали, сдвигая за собой картон, но если руки были первыми, то верхний слой картона бы сдвинулся, что и произошло во время эксперимента.

Свои объяснения феномена качающегося стола Фарадей опубликовал в газете «Таймс» и некоторых научно-популярных журналах, где объяснял, что после долгого сидения в застывших позах мышцы заставляли пальцы и руки непроизвольно подергиваться, приводя стол в движение. При этом, чувствуя качание, люди, сидевшие с другой стороны, автоматически пытались надавить на стол, чтобы его остановить, и тем

самым они неосознанно слегка двигали его в свою сторону, что и приводило к перемещению. Правда, многие участвовавшие в спиритических сеансах, несмотря на объяснение Фарадея, были убеждены, что вступали в контакт с потусторонним миром, так как не только слышали голоса своих умерших близких, но и любимые выражения, которые они часто повторяли при жизни. Они хотели верить и верили, находя в этом комфорт и успокоение измученной душе. Многие медиумы были конечно же талантливыми трюкачами. Со старившись и уже не практикуя, они признавались, что сеансы являлись не чем иным, как хорошо подготовленным спектаклем. Все зависело только от их способности убедить зрителя в том, что происходившее у них на глазах есть на самом деле контакт с загробным миром. Потерявшие близких люди хотели верить в чудо и получали его. В 1888 году сестры Фокс публично признались, что никогда не верили в духов и всю историю затеяли исключительно от скуки, научившись издавать своими суставами на руках и ногах странные звуки. Однако даже их признание уже не могло остановить волну спиритизма. Отовсюду стали появляться предсказатели, гадалки, вошел в моду гороскоп.

Иногда, стараясь убедить всех в присутствии потусторонней силы, медиумы прибегали к помощи фотографий, на которых действительно можно было разглядеть расплывчатый образ привидения, а иногда всего лишь пятно. Помогая экстрасенсам в начале (*сенс* — по-английски чувство, ощущение, то есть дословно — это человек, обладавший дополнительным пятым чувством, помимо осязания, зрения, вкуса и слуха), фотография, усовершенствовавшись, стала их врагом.

Балы

Медиумы довольно часто приглашались и на балы. В то время как часть гостей резвилась на танцах, другая располагалась в таинственной темноте. Задача хозяйки состояла в том, чтобы удовлетворить потребности обеих сторон и все подготовить для отдыха и развлечений.

«С раннего утра назначенного дня весь дом был поставлен с ног на голову. Слуги, почти незаметные до сих пор, больше не старались скрыться с глаз, как только видели господ. Все были заняты делом. Пол в гостиной был натерт до блеска, там же расставлены диваны и диванчики, кресла, стулья. На возвышении приготовлено место для оркестра. По неписаным законам того времени, гостиная для танцев освещалась дополнительно. Везде, где только возможно, у стен были расставлены и развешаны дополнительные светильники, чтобы ни одно лицо в зале не могло скрыться в темноте. Правда, учитывая, что яркий свет мог раздражать нежные глаза дам, свечи ставили в затемненные стеклянные плафоны.

В соседней небольшой комнате рядом с танцевальной залой был накрыт стол для желавших выпить чаю и перекусить до ужина. Продумана была каждая мелочь. Для пожилых гостей, не желавших танцевать, готовилась комната для игры в карты, обустроивались туалетные комнаты для джентльменов и дам. Залы поражали натертым до блеска паркетом, украшенными цветами горками и пирамидами, яркими китайскими пергаментными фонариками, развешанными в коридорах.

Миссис Фолти, немного уставшая от всех забот этого дня, едва успела проверить каждую парадную комнату, напомнить дворецкому о праздничных ливреях для лакеев, садовнику — об украшении гирляндами дорожек в парке, домоправительнице — о порядке, в котором нужно подавать к ужину блюда, и, наконец, одеться к балу, когда стали прибывать первые гости. Вместе с Мэри, миссис Гольдберг и Люси она встречала гостей перед парадной лестницей, ведущей наверх в главную залу. Леди входили первыми, целовались с хозяйкой или жали ей протянутую руку, а за ними следовали их мужья. Местное общество показалось Люси немного более раскрепощенным, чем у них в городе. Декоры были глубже, платья подняты спереди чуть более дозволенного так, чтобы показалась туфелька. Во всем замечалась близость к столице — в модах, в разговорах, в шутках. Шляпки были меньшего размера, юбки заужены книзу и заканчивались шлейфом, цветовая гамма приглушена, и очень популярен цвет пожухлой листвы.

Бал открывался танцем миссис Фолти с почетным жителем города виконтом Эшером, благородным седовласым джентльменом, который двигался на удивление легко для своих лет. После того как виконт проводил свою даму и поцеловал ей в благодарность руку, другие джентльмены стали приглашать выбранных ими леди.

Люси чувствовала себя провинциальной в своем чрезмерно украшенном цветами платье, и, глядя на высоко убранные прически, ей захотелось избавиться от завлекалочек из волос, которые, причесывая ее, намеренно оставила горничная Дженни. Если, готовясь к балу и глядя в зеркало, она казалась себе очаровательно шаловливой, то сейчас перед всеми этими людьми она чувствовала себя выглядевшей глупо, растрепанно и старомодно. Она так была собой недовольна, что когда Берти подошел к ней и спросил: «Могу ли я иметь честь танцевать с вами?» — она буркнула: «Благодарю, но у меня уже все танцы расписаны!»»

В приведенном здесь эпизоде показано, что бал являлся событием в жизни каждого человека независимо от его возраста, пола и положения. Люди не только приятно проводили время и встречали старых знакомых, но и заводили новые знакомства, которые могли быть очень полезны в будущем. В эпоху, когда развлечения еще не вошли в каждый дом вместе с телевизором, радио и компьютером, взрослые порой веселились как дети, играя на балах в разные игры и хохоча до слез. Танцы в это время не были прерогативой только молодых людей. Седовласые старцы и одетые в чепчики матроны делали по натертому паркету круг-другой к общему удовольствию присутствовавших, поощрявших их размять старые косточки.

«За кадрилию следовала мазурка, затем шла полька. Грязь выбивалась из-под ног танцующих, уже воск стал капать на кружившихся под канделябрами, а Люси все еще не приглашали. Приглядываясь к поведению местных барышень, она с удивлением обнаружила, что Берти, оказывается, очень популярен и они, отказывая другим кавалерам, предпочитали его.

Против своей воли Люси отмечала, что он танцует очень хорошо и ладно. Наконец миссис Фолти вспом-

нила о своих обязанностях шаперон (великосветской свахи) для Люси на этот вечер и стала знакомить ее с молодыми людьми. Ее подопечная тут же была приглашена на вальс и была счастлива показать Берти, как изящны в танце ее движения и что ее замечают кавалеры. Однако на этот счет она волновалась напрасно.

Молодые люди, как всегда и везде, сначала приглядывались к незнакомке, а после того, как она была выбрана кем-то еще, то и дело подходили к ней, чтобы записаться на танец.

— Могу я иметь честь ангажировать вас на номер 12?

— Если у вас не занят еще номер 15, я был бы счастлив вальсировать с вами!

В конце концов вся ее бальная книжечка оказалась расписанной, но Берти к ней так больше и не подошел.

Это было время, когда уважение к старшим ценилось настолько, что если молодым людям делалось кем-то замечание, то не остановиться, не выслушать с почтением и не принять к сведению являлось огромным неуважением, после чего ни один отец не захотел бы отдать такому наглецу в жены свою дочь. Молодежь все делала с оглядкой на старшее поколение, не желая вызвать неудовольствие, ведь именно пожилые влиятельные люди и определяли мнение общества. Нравы были очень строги, каждое нарушение этикета мгновенно подмечалось пожилыми леди, которые, сидя на удобных диванах в танцевальной зале, от нечего делать ругали молодежь. Ведь в это время в обществе появилось очень много людей, которые достигли своего положения благодаря деловой хватке, а не родословной. Новые англичане хоть и учились этикету и манерам, но не впитали их с молоком матери, как большинство настоящих джентльменов и леди. Хотя последние смотрели на них свысока, они все-таки вынуждены были принимать безродных богачей в своем обществе. Одним из лучших вариантов брака для их детей считалось поженить деньги на титуле, что в основном и происходило. Бал в этом случае оставался лучшим местом, где подобное знакомство могло состояться.

Шаперон, бывшие у каждой девушки до ее замужества, оценивали молодых людей, которых они под-

водили знакомиться со своими подопечными. Все разговоры, по правилам, должны были происходить только в их обществе. Именно поэтому так популярен стал язык жестов.

«Их ложа была во втором ярусе. Они удобно устроились, и Люси стала разглядывать обмахивавшихся веерами дам и джентльменов, сидящих внизу в партере.

— Ты заметила? — проследив ее взгляд, спросила Мэри.

— Что заметила? — не поняла Люси.

— Эта дама, на которую ты смотрела, только что дала понять кому-то из зала: “Смелее, отбросьте сомнения!”

— Как ты это узнала? — удивилась Люси.

— Ты что же, не знаешь языка жестов? — поразились Мэри. — Это первое, чему тебя учит сваха!

— У меня еще не было постоянной свахи! — заметила Люси. — Я еще и не думаю о замужестве!

— Ну, конечно, ты моложе меня, у тебя еще все впереди. Но поверь мне, что язык жестов или разговор веером — это то, что любая девушка должна знать в первую очередь. Это так удобно!

Люси заинтересованно посмотрела на Мэри.

— Вот, например, тебе понравился кто-то. Если это не сын друзей дома, то у тебя не будет никакого шанса поговорить с ним наедине. Все время кто-нибудь будет рядом. Или сваха, или родственники, или слуги. А так ты, по крайней мере, можешь сказать главное! Хотя бы дать понять, что он тебе интересен!

— Мэри, ты должна научить меня! Ну, пожалуйста!

— Ну, хорошо. Вот три основных знака: веер впереди в правой руке, вот так, — показала она. — Это означает “...вы слишком торопитесь!”. Обмахивания веером левой рукой, вот так, от себя — “...я люблю другого!”. Веер в правой руке поднесен к щеке — “...я люблю тебя!”.

— Как все просто! А знают ли этот язык молодые люди?

— Поверь мне, что они учат его так же добросовестно, как и мы!»

Полутона были нормой в общении людей викторианского периода. Говорили полунамеками, имели в ви-

ду что-то и очень редко говорили прямо. Так откровенно и просто между собой, как в приведенном отрывке, могли разговаривать только юные и очень хорошо знакомые девушки. Манерность и уклончивость поощрялись и принимались всеми за норму.

После танцев гости приглашались к ужину в зал с уже накрытым длинным столом, где были расставлены карточки с именами гостей. Кроме красивых ваз, свечей, цветов и предметов сервировки, на стол ничего не ставилось. Рассаживаясь, гости снимали перчатки (по этикету обнажать руки разрешалось только за столом). Пока лакеи разливали первое блюдо, устричный суп, проголодавшиеся за время танцев гости переговаривались друг с другом. За супом перемены следовали одна за другой, каждая из которых торжественно вносилась лакеями на огромных блюдах. По английской традиции они ставились на расположенные вдоль стен низкие буфеты, откуда лакеи раскладывали порции на тарелки гостям. Очень скоро блюда опустошались и там оставались только головы зверей, рыб и птиц, их скелеты и украшения из овощей. Аппетит после танцев у всех был отменный.

«— Говорят, что у синьора Кастальоне лучший повар в Италии, — заметила миссис Фолти. — У него такая известность, что в доме маэстро подают живность без голов! Вы представляете!

— Как без голов? — удивились дамы. — Но это же против всех правил приличия! Должны же гости видеть, что блюда свежие!

— Да-да, — поддержал разговор мистер Фолти, — ведь продукт, как известно, портится именно отсюда! — Он постучал себя по лбу, и все засмеялись.

— И потом, как узнать, что ты ешь? Как-то неаппетитно!

— Кроме того, — продолжала миссис Фолти, — всем известно, что основное правило хорошей кухни — это когда сладкое и кислое смешиваются при приготовлении блюд. Так вот, его повар все подает отдельно! И маэстро все сходит с рук. Вот что значит известность!»

Желе, ставшее популярным в Викторианскую эпоху, удивляло своими разнообразными формами и изыс-

канным вкусом. Мороженое завершало праздничный ужин, и гости возвращались к танцам, играм и другим развлечениям бала.

«Убирая после господского ужина оставшееся от десерта мороженое, Нэнси должна была положить остатки в холодильник — вместительный стеклянный ящик, в котором постоянно находилась принесенная из ледника глыба льда. Она убрала в холодильник нетронутое мороженое, но не знала, что делать с начатым клубничным, и решила втихомолку съесть его сама. Она поставила его в прохладное место и торопилась закончить уборку, пока оно окончательно не растаяло».

Магазины

В период индустриализации, когда налаживалось массовое производство различных товаров, повсюду в городах стали открываться новые магазины. Доставка товара производилась быстрее и дешевле, и рынок начал заполняться не только английскими изделиями, но и диковинками со всего мира. Первые этажи зданий на шумных улицах переделывались под торговые помещения, которые привлекали покупателей большими окнами-витринами с выставленными в них яркими тканями, красивыми шальями, дамскими сумочками, перчатками. Магазины отделялись дорого, используя все последние нововведения: закрывавшиеся на ночь ставни, газовое освещение, большие вывески над входом, а кроме того полотняный полосатый навес, защищавший прохожих от яркого солнца, а товары от выцветания. Каждый хозяин старался, чтобы его магазин хотя бы снаружи отвечал всем современным требованиям. Многие торговые точки, открывшиеся в это время, до сих пор продолжают свою деятельность: *Harrods* (1849), *John Lewes* (1838), *Tomas Burberry* (1856), *Fenwick's* (1882).

Базар в Сохо, открытый в 1816 году и продававший разнообразный товар под одной крышей, нанес первый удар по идее XIX века, когда каждый магазин специализировался только на одном виде продукции. Он

стал предшественником современного супермаркета. Начинает меняться и мировоззрение горожан, которые большую часть столетия считали, что женщины, появившиеся на улице без сопровождения мужчин, — это проститутки. Например, сестры Маршалл, уже упоминавшиеся ранее как мастерицы, которые сами шили себе все наряды, ходили вместе по магазинам в поисках нужных тканей, отделки, ниток, ходили даже в парк вдвоем, но не отваживались появляться на улицах, где находились клубы, пабы, театры, рестораны, поскольку там доминировали мужчины.

К 1880 году главные улицы, которые женщины по упомянутой причине ранее избегали, стали заполняться модными магазинами, и теперь здесь днем были заметны преимущественно покупательницы. Тогда же стало модным посещать дамам чайные магазины, где они могли посидеть вместе за столиками и выпить чаю с вкусными пирожными. Это нововведение сразу стало очень популярным в женской среде не только из-за того, что сюда они могли прийти без прислуги, а значит, посеCRETничать без лишних ушей, но еще и потому, что в чайных магазинах имелись дамские туалеты, чего не было ни в одном другом заведении. Раньше женщины выходили из дома только на расстояние, которое не требовало удалиться по нужде. (По той же причине, если было невозможно избежать длительного пребывания на улицах города, то некоторые дамы не надевали нижнего белья, чтобы замаскировать свои действия широкой кринолиновой юбкой.) У бедных женщин на нижнее белье просто не было денег.

Героиня Шарлотты Бронте Люси Сноу, не привычная к большому городу, думала, что идти одной по улице в Лондоне — уже само по себе приключение. «Когда она наконец дошла до кофейной комнаты в отеле, то была чрезвычайно взволнована, но успокоилась, увидев, что на нее не обращают внимания». «Я не могу отрицать, что входя я дрожала, чувствовала себя неопределенно, одиноко, жалко, желая знать, поступаю я правильно или нет, однако я ничего не могла поделать... Там было много разных людей, которые завтракали за столиками, и я подумала, что чувствовала бы се-

бя гораздо более уверенно, если бы среди них я увидела женщин, однако там были только мужчины! Слава богу, что никто из них не показал вида, что думает, что я делаю что-то странное, один или два джентльмена взглянули на меня, но никто не смотрел открыто».

Изобретение газового освещения в 1800 году и установка его на центральных улицах Лондона к 1830 году позволили строить здесь большие магазины, такие как торговые аркады, очень популярные в это время. Возводились они для богатых людей и напоминали крытые улицы, где, переходя из одной секции в другую, покупатели продолжали оставаться под арочной стеклянной крышей, закрепленной на чугунных колоннах и рамах. Таким образом, не думая о грязи под ногами и не отвлекаясь на грубую жизнь, которая постоянно давала о себе знать на улицах, покупатели могли спокойно сосредоточиться на выборе товара.

Продукция из других стран, доставляемая на кораблях с паровым двигателем, стала гораздо доступнее и дешевле, поскольку время ее доставки сократилось во много раз. В связи с этим многие продукты питания, считавшиеся раньше привилегией богатых людей, стали появляться на столах у среднего класса и даже по праздникам у бедняков. Чай, кофе, какао, лимонад охотно покупали все сословия. Эти напитки позволили сократить количество алкоголя, выпиваемого раньше в стране. Ведь пиво пили вместо воды, а завезенный в Англию в XVIII веке джин стал национальным бедствием, из-за того что огромное количество бедняков, включая женщин и детей, спивались.

Пищевые мануфактуры довольно быстро поняли, что продукция продается гораздо быстрее, если на коробках или бутылках приклеиваются яркие, бросающиеся в глаза этикетки. Кроме того, если на них писалось, что, к примеру, горчица «Колман» используется на королевской кухне, то ее покупали охотнее, несмотря на более высокую цену. Люди в XIX веке были гораздо доверчивее, чем сейчас, о чем прекрасно повествовал О. Генри в своем произведении «Короли и капуста». Как в Америке, так и в Англии находилось много желавших воспользоваться простодушием людей. Мази от облысения, ле-

карства от всех болезней, средства, как вернуть мужскую силу, таблетки от бесплодия продавались даже в городских аптеках, правда, из-под полы. Стремясь к наживе любым способом, многие производители добавляли ядовитые вещества к продуктам, например красный свинец — в сыр, кислоту — в вино, мел — в муку и молоко. В бакалеях чай смешивался с сухими листьями деревьев, сахар и соль подмачивались для веса и т. д. Зная о мошенничестве, покупатели предпочитали покупать продукты, какие было возможно, в запечатанных коробках. Это и возможность долгого хранения продуктов являлись причинами быстрого развития консервной промышленности. Начинают производиться банки с уже сваренной фасолью в томате, кукурузой и горохом. Делаются первые консервы из мяса, которые было очень удобно брать с собой в дорогу. Правда, производители еще не нашли для изготовления банок такого сплава, который бы не окислялся при долгом хранении в них продуктов, поэтому было зафиксировано много случаев пищевого отравления. К 1848 году появилась консервированная кукуруза и была изобретена жвачка в Америке. В 1886 году там же налажено производство сгущенного молока, кока-колы и кукурузных хлопьев. Хрустящая кукуруза начала продаваться в Америке с 1853 года, но до Британии дошла только в начале XX века.

С 1870 года большие корабли-рефрижераторы стали привозить еду из-за океана, из Америки и Австралии, в европейские порты. Именно тогда в Британию попала новинка — консервированная вареная фасоль Хейнза, без которой сейчас не обходится почти ни одна английская семья. Здесь потребляется больше приготовленной фасоли, чем в какой-либо другой стране мира! Даже больше, чем в Америке, где придумали это блюдо. Согласно одной истории, консервированную фасоль начал продавать житель Лондона, которого звали Даниел Дэй Гуд, а друзья прозвали его «Добрый день!». Однако человеком, осуществившим идею производства, являлся американец Генри Джон Хейнз.

Пока его соотечественники убивали друг друга во время войны между Севером и Югом, он придумал, как

накормить обе противоборствующие армии. Хитрость заключалась в том, что еда изготавливалась в одном месте, а съедалась в другом, гораздо позднее. Сохранить фасоль, дешевый и сытный продукт, долгое время возможно было только с помощью консервирования. Консервация пищи в металлических банках, с целью ее сохранения, началась еще в 1810 году, а первая консервированная фасоль была закручена в жестянки в 1875 году. Однако Хейнз обогнал других конкурентов, так как стал приготавливать фасоль в томате, что было вкуснее, а кроме того, его фирма продавала пятьдесят восемь различных консервированных блюд, разрекламированных по всей Америке и Европе.

«За завтраком или ужином посмотрите, что на вашей тарелке? — Это готовая фасоль в томатном соусе!» — инструктировала первая реклама Генри Хейнза. Сначала люди недоверчиво относились к консервам, но затем, осознав, как это удобно, сытно и дешево, стали охотно покупать их. Для многих это был хороший выход из положения, ведь часто работа находилась на расстоянии многих километров от дома. Чтобы поспеть к началу трудового дня, надо было очень рано вставать, а вечером, иногда уже за полночь, не было ни сил, ни времени заниматься стряпней. Консервированная фасоль тогда являлась хорошим подспорьем. Для работяг, которые не имели возможности приготовить ужин дома, на улицах продавалась горячая еда.

На «прикормленное» место привозилась на телеге походная печь. Уголь в нее засыпали снизу, трубу водружали сверху, а устье печи заставлялось противнями, на которых жарилась картошка, разогревались супы, готовились разные блюда. Здесь всегда толпился народ. У кого было немного денег — покупали с пылу с жару, а остальные грелись и смотрели с завистью в рот счастливицу, поедавшему с удовольствием картошку. Кто-то покупал себе кружку кофе или чаю, а кто-то был рад и простому кипятку, лишь бы погреть желудок. Повсеместно на улицах продавались и жареные каштаны. Во многих перенаселенных домах не разжигали печей либо по причине отсутствия денег на уголь, либо из-за того, что кухня сдавалась хозяевами под жилье и остальным

жильцам не на чем было готовить. Нередко по утрам и вечерам в пекарнях выстраивалась очередь. Это работавшие матери, идя на фабрику, заносили пекарю сырое мясо, или картошку, или рыбу, и вечером, за небольшую плату, получали от него свою еду вареной или печеной.

К концу XIX столетия мороженое стало очень популярным лакомством в Англии благодаря замечательной поварихе Агнессе Маршалл, служившей у миссис Делии Смит. В 1880 году она открыла кулинарную школу в Лондоне и стала продавать свое оборудование, использовавшееся для приготовления пищи, включая ледники, которые она изобрела сама. Ей также принадлежит право создания первого вафельного мороженого под названием «Уголок» (известное у нас как «Рожок»), которое впервые появилось в 1888 году.

Каждую неделю в присутствии публики она показывала желающим, что готовить и как. Подобные практические занятия были в новинку. Множество любопытных собирались на них, стремясь попасть в первые ряды в надежде, что удастся попробовать что-нибудь из приготовленного у них на глазах. Запахи, достигавшие их носов, были так аппетитны, что зрители глотали слюны в течение всей демонстрации. Агнесса Маршалл не ограничивалась выступлениями, она также печатала статьи в журнале «Стол» и писала кулинарные книги. Первую и последнюю из них читатели раскупили мгновенно, так как они были посвящены приготовлению мороженого. Вот один из ее описываемых там рецептов:

«1 пинта крема, четверть фунта кускового сахара, 8 яичных желтков. Положить крем в кастрюльку, поставить на огонь, довести до кипения. Добавить сахар, смешанный с желтками. Полученную смесь опять подогреть, постоянно помешивая, пока не загустеет до тех пор, чтобы приставала к ложке. На этот раз до кипения не доводить. Затем процедить через сито и оставить остывать. Добавить ваниль, джем или шоколад и заморозить. Перед тем как будет готово, покрыть сверху слегка подсахаренным взбитым кремом».

Для того чтобы замораживать приготовленную смесь, она использовала обыкновенную деревянную

бочку небольших размеров, на дно которой клались лед и соль, комбинация из которых держала температуру приблизительно -18 градусов Цельсия. В эту смесь она ставила алюминиевый барабан, надеваемый на трубу, вокруг которой по кругу насыпался лед. Поворачивая верхнюю ручку, она постоянно перемешивала лед, заменяя подтаявший, и, соскребая со стенок готовое мороженое, опускала его в жидкое до тех пор, пока оно не было готово, после чего раскладывала его в вафельные формочки.

Чай с конца XIX века перестал быть монополией китайцев, как это было в течение нескольких столетий. Англичане стали выращивать чай на плантациях в своих колониях в Индии и Шри-Ланке, и цены на него значительно упали. Они же завезли овец в Новую Зеландию и Австралию, обеспечив эти страны не только шерстью, но и мясом.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КО ДВОРУ

По достижении 18 лет жизнь девушек и молодых людей совершенно менялась. Они готовились стать полноправными членами общества.

Представление девушки или молодого человека королеве означало вхождение в свет. Молодые люди проходили эту торжественную церемонию обычно после того, как заканчивали обучение в Оксфорде или Кембридже. Но презентация могла состояться и в другой период жизни — после замужества или женитьбы, перед тем как появиться на королевском балу или концерте или просто по достижении совершеннолетия. Несмотря на то что этого момента так долго ждали, всегда немного волновались. Со всех сторон на юношей сыпались долгие напутствия, как себя держать, как отвечать на вопросы и реплики. Произвести впечатление на двор было исключительно важно, ведь от этого зависела будущая карьера.

Молодых людей не опекали так, как девушек. На них в этом возрасте смотрели уже как на молодых мужчин, отвечавших за свои поступки и принимавших самостоятельные решения. А вот девушки до замужества все еще считались детьми. Однако и они нервничали не меньше. Ведь если юные леди производили нужное впечатление, то тем самым они увеличивали свои шан-

сы на хороший брак. Часто выход в свет начинался с представления королеве Виктории в торжественном, предназначенном для таких случаев зале, где юноши в костюмах конца XVIII века и юные девы, облаченные в вечерние платья с длинными шлейфами, медленным шагом, скрывая внутреннюю дрожь, двигались по бесконечной ковровой дорожке навстречу самой влиятельной женщине мира.

Мужчины на эту самую торжественную церемонию в жизни по этикету надевали бриджи, туфли с пряжками, вешали на бок шпагу. Когда подходила очередь, леди оставляли верхнюю одежду в карете и со шлейфом, перекинутым через левую руку, в сопровождении мужчин спешили в длинную галерею, где ожидали, когда все соберутся в присутственной палате. Независимо от времени года, на них открытые платья с обнаженными шеей и плечами (если только не было представлено заключение от доктора о необходимости держать эти части тела покрытыми), с длинным шлейфом в три ярда. Сзади на прическе закреплялись птичьи перья «достаточно высоко, чтобы было видно ее величеству». Когда наступало время, леди входили через указанную дверь, медленно и торжественно направлялись к трону через всю огромную залу, мягко ступая по ковру, чуть слышно шурша плывущими у них за спинами шлейфами, которые по необходимости быстро и красиво поправлял служитель дворца. Имена представляемых громко оглашались, и леди, приседая перед королевой, в знак благодарности за особую милость со стороны ее величества целовали ей руку. Если леди являлась дочерью пэра или его женой, то королева сама целовала ее в лоб. Затем представляемые приседали, кланялись снова и выходили из зала, не отворачивая своего лица от королевских особ.

Церемония всегда назначалась на три часа, после нее следовал или ужин в обществе ее величества, или бал. Поразительно, что кроме умения красиво двигаться по ковровой дорожке и правильно приседать в знак уважения королевы никаких специальных навыков и умений не отработывалось. Повторяли разве что манеры поведения за столом и оговаривали возможные

темы для разговора. Юноши и девушки вступали из своих классных комнат прямо в жизнь, где от них требовалось вести себя с полным блеском. Чтобы показать себя, они должны были уметь поддержать разговор на любом уровне, быть обаятельными и заметными без видимого старания выделиться, что считалось бы нескромным и для девушек могло снизить шансы на хорошую партию. Красиво двигаться в танце, петь приятным голосом под собственный аккомпанемент на рояле и в целом уметь произвести впечатление — вот что ожидалось от них.

Принцесса Мария Луиза вспоминала, как в юном возрасте, после представления королеве была приглашена самой Викторией в замок Балтимор в Шотландии, где венценосная семья любила отдыхать. Там взволнованная девушка обнаружила за ужином, что ее соседом по столу является сам лорд-канцлер. Она боялась произнести лишнее слово, когда ее бабушка прошептала ей на ухо: «Королева желала бы напомнить молодой принцессе, что ее обязанностью является развлекать своих соседей за столом!» Девушки не должны были много знать, они должны были быть приятной компанией. Возможно, тот факт, что юные девы из аристократических фамилий большую часть времени проводили в конюшнях со своими лошадьми, помогал им, преодолев стеснение, найти общий предмет для разговора. Джентльмены, которые искали себе невест, хотели, чтобы они были невинны, но с хорошим чувством юмора.

Вот как описывает свой дебют в обществе Вайолет Бонхам Картер, дочь премьер-министра от либеральной партии: «Выход в свет, хотя все и готовились к нему, всегда был неожидан. Несмотря на нетерпение, с которым я хотела скорее вырасти, весь процесс подготовки к этому самому важному вечеру в своей жизни я нашла чрезвычайно волнительным и очень болезненным. Я была растеряна, испугана и чувствовала себя на грани истерики. Впервые в моей жизни волосы, которые всегда спадали красиво по моим плечам, были подняты вверх в замысловатую прическу, я была зашнурована в дорогое белое сатиновое платье, не могла

дышать и чувствовала озноб. Я спустилась вниз и увидела сорок незнакомых людей, которые были приглашены к нам на ужин, среди которых находились двадцать молодых людей, одетых как официанты (черный фрак и белый галстук), только гораздо богаче. Все наставления вылетели у меня из головы. Я думала только о том, как бы не упасть. Никогда потом я не могла забыть эти свои первые минуты вступления в жизнь!»

Когда человек принадлежал к высшему обществу, то в какой-то момент жизни он обязательно должен был быть представлен ко двору. Если аристократы уже благодаря своему рождению удостаивались этой чести, то остальное население могло добиться такого почета только при наличии огромного богатства, связей, удачного замужества или женитьбы и выдающихся достижений. После этого удивительного события все двери были открыты для счастливиц и репутация их считалась незапятнанной. Какие бы за человеком ни водились грехи: сомнительный бизнес, недобродетельные поступки, порочные пристрастия — после представления ко двору никто уже не имел права подозревать его в чем-либо. На мужчине как бы немедленно ставилась печать — честный! А на женщине — добродетельная!

Общество и сезон

Большинство аристократических семей в середине апреля закрывали свои дома в имениях и отправлялись в Лондон на сезон.

«Моя семья отправлялась из Ирландии со всеми слугами. Первыми выезжали нагруженные коляски, кареты, повозки под присмотром второго кучера, где также ехали лакеи, дворецкий и садовник, затем лошади незапряженные, сопровождаемые двумя конюхами (лошадьми дорожили больше, чем средствами передвижения), затем бричка с домоправительницей, кухаркой и служанками по их выбору, а затем уже ехали мы с нашими горничными и валетами».

Дорогие дома в Мэйфэр и Белгрэйв-сквер к приезду господ приводились в порядок снаружи и внутри, и на

нижних этажах появлялись ящики с красивыми цветами.

Сезон для каждого человека в свете означал очень многое. Выехав из уже наскучившего имения, насладившись с лихвой охотой и всеми развлечениями, которые могла предоставить природа, господа наконец приезжали в Лондон, где их ждали несколько месяцев развлечений: балов, приемов, маскарадов, фестивалей, а также опер, театров, балета и пр. Высшее общество в XIX веке жило в основном на западе города, в районе Гайд-парка и Мэйфэр, несколько позже к таким respectable местам стал относиться и Белгрэйвсквер. Многие, желая продлить сезон, начинали съезжаться в Лондон к Рождеству, которое празднуется в Англии 25 декабря. Как писали в XIX веке — сезон зависит от парламента, а парламента зависит от спорта.

В городе приехавшие семьи стремились сохранять свои привычки и совершать утренние прогулки верхом. «Моя сестра ехала на своем любимом коне в сторону Гайд-парка по Оксфорд-стрит, там где теперь большой магазин “Selfridge’s”, когда неожиданный порыв ветра поднял ее юбку, обнажив сапоги и бриджи. Чрезвычайно смущенная, она посмотрела вперед и успокоилась, не увидев ни души».

Ей очень повезло, поскольку Лондон в это время уже был переполнен жителями. Для тех, кто не заседал в парламенте, день начинался рано с прогулки верхом по Гайд-парку, желательно по Гнилому Ряду — так странно называлась посыпанная песком дорога, где часто совершали утреннюю верховую прогулку дамы. Раскланявшись по пути со знакомыми, прогарцевав эффектно перед понравившейся леди, молодые люди приглядывались к девушкам, поскольку увидеть их без сопровождения было возможно только вот на таких верховых прогулках. Их отпускали без провожатого, считая, что в это время они как бы находились под присмотром... лошади. Как ни смешно это сегодня для нас, для XIX века такое положение вещей было вполне естественным. Только во время верховой прогулки молодой человек мог увидеться и даже перекинуться словом с ранее понравившейся девушкой без свахи, тети, матушки или служанки.

Заведя лошадей в конюшни, все отправлялись домой на завтрак. Покончив с домашними распоряжениями, леди разъезжались за покупками, а мужчины, если они уже не были на службе, по своим делам. Также господа обоих полов навещали знакомых или совершали ответные визиты, которые делались из вежливости и были кратковременными. Затем мужчины отправлялись на ланч в клуб, а дамы заезжали домой, чтобы позже продолжить визиты или съездить оплатить счета, или посетить портниху. Ужин чаще всего начинался в шесть или семь часов. Это время проводили не только дома или в гостях, но часто в театре, а по средам и субботам — в опере. Балы или танцевальные вечера открывались в десять вечера и продолжались до трех часов утра.

Пик сезона выпадал на время, следующее за открытием парламента, поэтому вплоть до марта многие семьи продолжали оставаться в имениях. Только после пасхальных каникул начиналась настоящая череда увеселительных мероприятий, следовавших друг за другом. Для неженатых молодых людей и незамужних девушек кроме веселья и развлечений в это время главной целью было найти себе достойную пару. Недаром сезон называли «свадебным рынком», поскольку все лучшие женихи и невесты собирались на несколько месяцев в Лондоне. С того момента, как девушка была представлена обществу, она окуналась в шумную атмосферу балов, фестивалей, маскарадов, стараясь не пропустить ни одного. Она, говоря современным языком, ловила момент, поскольку если через два-три сезона все еще оставалась не замужем и до тридцати лет жила со своими родителями, то в обществе ее считали безнадежной и была вероятность того, что она из девушки могла превратиться в старую деву.

Леди Дороти Невил в 1849 году побывала за сезон на 50 балах, 60 вечеринках, 30 ужинах и 25 завтраках. «Моя тетя Олив, которая вышла замуж в конце своего первого сезона, не раз делилась со мной, каково ей было оставить свою классную комнату в апреле, а через несколько месяцев уже стать женой. Она тряслась от страха, когда с родителями спускалась на свой первый

взрослый ужин, боясь произнести что-нибудь лишнее, неловко себя повести и показаться в дурном свете. Однако джентльмены были очень снисходительны и терпеливы, и, скоро освоившись, она уже вполне наслаждалась их вниманием к себе. Там же, находясь с родителями, она наблюдала лучших леди в их великолепных украшениях, послов и генералов в их роскошных мундирах. Когда молодой человек подошел к ее родителям на балу и попросил у них разрешения пригласить их дочь, его имя тут же было вписано в ее бальную карточку. В конце сезона ее родители уехали и оставили ее под покровительством замужней сестры. И именно в ее доме, в зимнем саду, высокий темноволосый незнакомец, с которым она всего несколько раз сидела рядом на больших приемах, попросил ее руки. Она согласилась, потому что он был так красив!» Теперь, будучи замужем, Олив, в душе еще не выросшая маленькая девочка, сидела во главе длинного стола — фамильного сокровища ее мужа, украшенного изумрудами. Она была влюблена, но все же ей было грустно так быстро прощаться со своим детством.

В мае и июне все общество встречалось на скачках Дерби и Королевском эскорте, где дамы стремились перещеголять друг друга своими туалетами и шляпками (подобная традиция продолжается до сих пор на этих мероприятиях). Бернард Шоу описывал первый выход Элизы Дулитл в свет именно во время скачек. В июле общество развлекалось спортивными мероприятиями: регатой по Темзе и крикетом. Но поскольку пригревавшее солнышко и манящая природа настраивали мысли на отдых в имениях, на морских прогулках, путешествиях, — сезон прекращался до зимы.

Теперь все основные развлечения для высшего класса перемещались в провинцию. Если появлялись новые богатые люди, во время индустриальной революции это стало привычным явлением, то они первым делом покупали дорогой просторный загородный дом. Далее необходимо было организовать охоту для приглашенных гостей, или осмотр окрестностей верхом, или спортивные состязания на свежем воздухе. Главное — найти лазейку в общество и пригласить нужных людей.

Чтобы утвердить себя в свете и заслужить право называться джентльменами, богачам без родословной требовались годы, однако путь лежал через общепринятые развлечения на воздухе и спортивную удаль.

Не все наслаждались периодами сезонов. Многие девушки гораздо увереннее чувствовали себя верхом на лошади, чем на паркете. Непосредственность деревни сильно контрастировала с лицемерием города. Если бедняжка улавливала, что она не вписывается в лондонское общество и над ней потихоньку смеются новые подружки, которые в лицо говорят ей комплименты, она замыкалась, становилась молчаливой и получала клеймо «скучной». Если же девушка была открытой и, чтобы завоевать расположение томных городских дев, старалась заинтересовать их рассказами, то на нее вешался ярлык «простушки» до тех пор, пока она наконец не замечала, что смеются не над ее шутками, а над нею. Если же она была достаточно умна, чтобы не обидеться, а извлечь урок и, посмеявшись со всеми над собою, более не говорить лишнего и, тонко в разговоре одну за другой поставив своих обидчиц на место, заставляла их переменить к себе отношение, тогда ее позиция в свете утверждалась.

Не всем девушкам удавалось составить себе партию в первый же сезон. Многим из них этого и не хотелось, поскольку гораздо интереснее было увлекать и увлекаться, однако денежная ситуация в семье подчас подталкивала их к первому же, заинтересовавшемуся ими поклоннику. Тогда, если семья девушки рассматривала его положение в обществе как достойное, то на бедняжку оказывалось всяческое давление, чтобы она не упустила жениха. Выход в свет дочерей был дорогостоящим событием. К тому же родители должны были думать и о подраставших сестрах уже выпущенной в свет старшенькой, что заставляло их беспокоиться о том, как бы возложить материальные заботы о последней на кого-то другого. Иного шанса могло не представиться, и бедняжку вырывали из приятного романтического круга и выдавали замуж.

И если сезон вскоре заканчивался, охота за женихами не прекращалась круглый год.

Визиты и визитки.

Кому разрешалось заглянуть на часок

Рассылка визиток — первый шаг в расширении круга знакомых. Карточка для леди должна была быть деликатной, строгой и напечатанной на дорогой бумаге. Имя леди помещалось в центре, а ее адрес — в левом углу. К середине XIX века считалось уже старомодным писать имена мужа и жены вместе, и женщины теперь могли заводить знакомства независимо от супруга. Кстати, это и была обязанность леди — поддерживать отношения. Именно она должна была оставлять свою карточку и две карточки мужа для хозяина и хозяйки дома. Мужчины доставляли свои визитки только друзьям-холостякам. Визитки привозили лично. Если такое важное дело доверялось слугам или почте, это расценивалось как пренебрежение. Леди в сопровождении лакея подъезжали к домам, с которыми бы они хотели завязать знакомство, и посылали слугу узнать, дома ли хозяйка. Если нет, то она передавала ему три карточки, которые он оставлял на столе в холле. Если среди членов семьи леди были дочери, тогда она загибала правый угол на своей визитке, как бы включая их в круг знакомств. Хозяйка дома, чтобы решить, принимать ей гостью или нет, могла выглянуть из окна и даже быть замеченной приехавшей. Отказ после этого в личной встрече считался вполне приемлемым, поскольку визитерша, приехавшая неожиданно, могла нарушить ранее выстроенные планы. Однако считалось дурным тоном, если хозяйка не выезжала с ответным визитом или хотя бы не привозила свою карточку.

Когда хозяйка была дома и принимала, то гостья должна была молча проследовать за дворецким в гостиную. Здесь слуга открывал дверь и пропускал ее вперед, сам оставаясь в коридоре, и представлял: «Миссис... Гольдберг».

После этого хозяйка, по этикету, должна была подняться и, пройдя к госте, пожать ей руку, даже если она видела ее в первый раз. Затем, по правилам, она не должна была говорить: «Прошу, садитесь» или «Где бы вы хотели присесть?» — вместо этого она садилась сама

и ожидала, что гостья сделает то же самое. Лишние слова и не принятые действия, такие как показ альбомов семейных фотографий, рисунков или иллюстраций в журналах и книгах, сразу выдали бы в ней даму, далекую от светского общества. Во время короткого утреннего визита, особенно если это было новое знакомство, хозяйка развлекала гостью исключительно разговором, поскольку должна была составить для себя мнение, стоит ли ей поддерживать знакомство в будущем. Никакие угощения тогда гостье не предлагались, так же как и напитки. Однако, если незнакомка приходила в момент, когда хозяйка пила чай или поднос с кофе был принесен в то время, когда визитерша все еще находилась в доме, тогда хозяйке следовало угостить пришедшую. Последняя не должна была оставаться дольше, чем на четверть часа, именно столько отводилось на утренний визит по этикету. Если же минут через десять после ее прихода прибывал кто-то еще, то она должна была откланяться при первом удобном случае. Хозяйка при этом, поднявшись, опять жала ей на прощание руку и дергала за колокольчик, оповещая лакея. Он, в свою очередь, в холле был готов открыть перед гостьей входную дверь и давал знак ее кучеру подогнать карету.

Время визита играло очень важную роль. Рано утром, то есть до часа дня, могли заехать только очень близкие люди. После ночных развлечений общество просыпалось не спеша и увидеть даму не во всеоружии считалось бестактным. Визит незнакомых или мало знакомых людей ожидался между тремя и четырьмя часами. Это было время для оставления визиток теми, кто только приехал в город и еще не завел знакомств. Между четырьмя и пятью заезжали старые, но не очень близкие знакомые, а между пятью и шестью вечера — друзья. Приближалось время ужина, а по-английски — обеда, на который они могли быть приглашены. И вот, заехав за хозяевами, вместе с ними визитеры отправлялись в театр, на концерт или в балет. Несмотря на то что время посещения скорее приходилось на день и вечер, такие визиты все равно назывались утренними.

Для многих женщин утренние пятнадцатиминутные визиты, за время которых невозможно о чем-либо

говорить серьезно, были единственным их общением вне семьи. А оставление визитных карточек — способом, с помощью которого они контролировали свои взаимоотношения, выбирали круг знакомых и друзей.

Для того чтобы облегчить задачу, приезжие часто заручались рекомендательными письмами, которые фактически открывали для них двери в свет. Уезжая из города, они должны были опять сделать утренние визиты ко всем, кого успели узнать за это время, и развезти карточки, в которых было написано: «PPC» — три заглавные буквы французских слов, означавших: «Я уезжаю!»

ЭТИКЕТ

Основные правила для джентльменов

Если джентльмен навещал леди, то свою шляпу, трость или зонт он брал с собой в гостиную и держал в руках при встрече с хозяйкой. Оставлять их в холле считалось неслыханной вольностью и дурным вкусом, поскольку только члены семьи или очень близкие люди могли так себя вести. Войти к даме, не имея цилиндра в руках, все равно что показаться перед ней в нижнем белье, поскольку таким образом мужчина подчеркивал, что он был с ней в близких (интимных) отношениях. Только после пожатия руки он клал все эти личные вещи на ближайшее кресло или стол или же продолжал держать их в руках в зависимости от того, как он себя удобнее чувствовал. Уходя, джентльмен надевал головной убор только в холле и ни в коем случае не мог себе позволить сделать это в присутствии дамы.

1. Отправляясь вместе с леди на прогулку верхом или идя вместе с ней по улице, мужчина всегда должен был находиться по отношению к спутнице со стороны дороги, чтобы, помещая ее ближе к стене, ограждать от неприятных неожиданностей со стороны прохожих и проезжих.

2. Встречая малознакомую леди на улице или в парке, мужчина ждал, когда она первая кивнет ему или поздоровается с ним. Тогда и только тогда он приподнимал свой головной убор в приветствии. (Иначе, делая первый шаг, джентльмен мог скомпрометировать леди.)

3. Встречая малознакомую даму, мужчина не должен был заговаривать с ней, если она сама не заговорила с ним. (По той же причине.)

4. Натыкаясь на улице на хорошую знакомую, которая желала поболтать, признаком хорошего тона для джентльмена считалось, если он проходил некоторое расстояние в том направлении, в котором она следовала. Считалось неприличным заставлять леди стоять и разговаривать на улице. Этим она могла снискать себе дурную славу.

5. Поднимаясь по лестнице вместе с леди, мужчине следовало быть чуть впереди, а спускаясь — чуть сзади. (Поскольку так дамские туфельки не попадали в поле его зрения и он оставался свободен от искушения взглянуть под юбку.)

6. Прибегая к услугам извозчика в компании леди, мужчина всегда садился в экипаже спиной по ходу движения. Он не мог сесть рядом с ней на одно сиденье, если не был ей мужем, братом, сыном или отцом. Выходя из экипажа, он помогал сойти даме, стараясь при этом не наступить ей на платье.

7. В театре, на концерте или в музыкальном салоне джентльмен должен был пройти первым, чтобы найти нужные места для себя и для своей дамы.

8. Джентльмен всегда должен быть первым представленным леди, а не наоборот. Подразумевалось, что это честь для него. В свете младший по чину всегда представлялся старшему.

9. Джентльмен не должен был курить в присутствии леди.

Как должна была вести себя леди

1. Незамужняя девушка и женщина до тридцати лет никогда не должна была находиться в компании мужчины без присутствия свахи или родственницы. Исключение делалось только для случаев, когда рано утром она шла в церковь, но даже тогда ее должна была сопровождать либо другая леди, либо родственник мужского пола, либо слуга. В случаях, когда ее младшая

сестра не могла ее сопровождать, так же как и гувернантка и горничная, ей рекомендовалось оставаться дома и ограничиться прогулкой в саду.

2. Ни при каких обстоятельствах леди не должна была сама приходить к мужчине, если только она не нуждалась в совете профессионального или делового характера, который никто не мог ей дать, кроме него.

3. Леди не должна была надевать по утрам жемчуга или бриллианты.

4. Леди никогда не должна была танцевать более трех танцев с одним и тем же партнером.

5. Леди никогда не должна была перебивать собеседника и, столкнувшись со знакомой или знакомым в обществе, делать вид, что не узнала их. Только особые случаи извиняли подобное поведение. Однако при этом именно леди позволялось прервать и остановить наглеца, если он был настойчив в своем домогательстве, вновь и вновь напоминая ей об их знакомстве, которое она не хотела признавать. В этом случае рекомендовался пристальный, ледяной взгляд на обидчика при полном молчании. Считалось, что этого было достаточно. Если же нет, то холодный кивок, отбивавший желание продолжать ухаживание, остужал пылкого поклонника. После этого рекомендовалось немедленно удалиться. Когда же не помогала холодность, то пускалось в ход последнее защитное средство, применявшееся только в экстремальных ситуациях, и леди говорила наглецу: «Сэр, я не имела чести быть с вами знакомой!»

6. При разговоре голос леди должен был всегда звучать ровно и достойно, независимо от обстоятельств. Эмоции не приветствовались в обществе, поскольку это выдавало истинные чувства, которые, по этикету, учились скрывать с детства. Чрезмерная радость или восторг выказывали неискренность в светских манерах, а это характеризовало леди не с лучшей стороны.

С помощью специальных упражнений учили держать голову, спину, осанку, сохранять необходимое выражение лица, на котором единственное, что позволялось в случае восторга, — легкая улыбка и восклицание «Это прелестно!», а в случае недовольства — поднять брови. Расслабить спину настоящая леди могла только

в собственной комнате перед своей горничной. Японское выражение «не потерять свое лицо» очень подходило к поведению в обществе!

В книгах по этикету того времени было написано: «Леди не должны делать ничего сами, но они обязаны говорить другим людям, что делать и как».

Викторианское время славилось своими противоречиями. С одной стороны, леди работали в доме наравне со служанками, а с другой — этикетом им предписывалось совсем обратное. И в результате каждая поступала в соответствии с финансовыми возможностями. И если леди были достаточно богаты, чтобы следовать всем правилам, то, не замарав своих белых ручек никакой работой и даже не наблюдая за тем, как она делается, учили кухарку свежевать кролика, кучера запрягать лошадей, садовника подстригать траву и кустарник, а плотника вставлять замок в дверь. Про бедных горничных даже и говорить не стоит. Каждая хозяйка считала себя экспертом по чистке мебели, стирке белья, полированию серебра. «Моя мама всегда всех поучала. Кузнеца она учила, как подковывать лошадь, кондуктора, как пробивать билеты, а машиниста, как управлять паровозом. Все всегда воспринимали это вполне доброжелательно. Они только отвечали: “Да, мэм!”, “Очень хорошо, мэм!”»

На картине Томаса Брука «Благотворительность» (1860) показано, как мать учит свою дочь делать добро: женщина держит в руках Библию, девочка — немного фруктов. Вступая из солнечного света в темный дом, они несли с собой мораль и немного витаминов для бедных.

Но было бы несправедливо говорить, что настоящая помощь не оказывалась. Молодая девушка Сара Томпсон получила записку от местной бедной женщины, в которой та просила ее оказать ей материальную помощь. Сара не только послала деньги, она, взяв соверен — значительную по тем временам сумму, отнесла ее нуждавшейся, но не отдала ей в руки, а отправилась с ней в лавку и оплатила часть ее долга. Контролировать, куда идут благотворительные деньги, было необходимо, но в то же время быть слишком вовлеченной в жизнь бедных людей считалось странным. Помощь предпочитали оказывать своему классу, а не низшему. Старались

поддерживать тех, кто только начинал скатываться вниз, как, например, «Обществу стареющих и нездоровых женщин». В своем произведении «Наш общий друг» Диккенс описывает подобную благотворительную организацию, в которую леди из Западной Англии, направив взнос в 20 фунтов (примерно 2000 фунтов нынешних), призывали вступать и остальных, чтобы помочь оступившимся или переживавшим трудности людям из среднего класса. Однако даже благотворительностью руководили мужчины. Это они решали, кому оказывать помощь и в каких количествах. Если женщины хотели сами помочь, то просто обходили дома бедных людей, живших поблизости.

Роль леди в общественной жизни страны была минимальной. Женщины среднего класса принимали участие во многих благотворительных акциях, базарах, чаепитиях, мероприятиях по сбору средств. При этом им самим вступать в какой-либо контакт с бедными настоятельно не рекомендовалось. Во-первых, общаясь с бездомными, которые годами не мылись, легко было заразиться тифом или дизентерией, а во-вторых, вступать самой в разговор считалось унижительным.

Миссис Битон думала, что «можно принести большую пользу бедным, навещая их. В основном это совершенно невежественные люди, и они будут рады, если вы поделитесь с ними своими советами в приятной манере в отношении гигиены, домашнего хозяйства, научите их, как готовить и как убирать свой дом. Ведь это именно то, что им было нужно». Бедняги вместо куска хлеба получали лекции на пустой желудок и после этого должны были благодарить «добрую даму». Однако именно такой виделось общество, согласно этикету, настоящую леди!

Рекомендации для желающих вступить в светский круг

Джентльменам следует быть предупредительными, галантными и внимательными с дамами. Слушать их совсем необязательно, но вовремя кивать и угадывать реакцию, какую должны вызывать их слова, необ-

ходимо. Помните, что слабый пол не прощает равнодушия. Ваше положение в обществе в огромной мере будет зависеть от них (ведь жены будут шептать мужу, матери — сыну, тети — племяннику), поэтому постарайтесь расположить их к себе тем, что заметите каждую из них. Compliment — самый короткий путь к сердцу любой женщины. Учитесь умению комплимента, и вы будете желанным гостем в любом женском обществе!

Некоторые джентльмены сейчас позволяют себе пренебрегать маленькими, порой незначительными знаками внимания к дамам, не желая брать на себя работу, выполняемую слугами. Поверьте, это огромная ошибка! Женщины очень наблюдательны. Они заметят каждую вашу оплошность, и как бы вы ни старались после этого показать свои достоинства, все будет тщетно! Если вы не потрудились встать, когда женщина входит в комнату, подать руку, помогая ей сойти с подножки, поднять упавшие у нее перчатки и носовой платок, открыть перед ней двери и так далее, то уважающая себя леди не простит вам уже то, что ухаживание за ней вы считали ниже своего достоинства. В своем сознании она как бы поставит на вас клеймо — низкий сорт. И хоть она и будет продолжать приветливо улыбаться, поверьте, в ее сознании вы упали навсегда!!!

Входить на бал, прием, раут нужно уверенно и не спеша, на секунду другую остановиться в дверях, оглядывая общество и давая возможность другим заметить себя. Ваши движения должны быть замедленными, даже слегка ленивыми. Если хозяйка не была у двери в тот момент, когда вы вошли, тогда хорошим тоном будет найти ее, поблагодарить за приглашение и сделать комплимент тому, как она выглядит, и тому, как все организовано.

Не задерживайтесь около одного человека. Перемещайтесь по залу, разговаривайте со всеми понемногу. Так вы быстрее составите круг знакомых и удалитесь, заинтересовав их, но не надоев. Относитесь к людям с интересом и уважением (хотя бы делайте вид). При разговоре с вышестоящими не переусердствуйте в старании быть приятными. Сладость хороша, пока не приторна. Цену себе нужно знать, но не бравировать этим, иначе вы будете выглядеть как заноза. Если услы-

шали что-то нелицеприятное, то лучше всего выйти из положения, обратив все в шутку. Если вас обидел человек ниже вас, то предпочтительнее пропустить грубость мимо ушей, тем самым показав, что наглец вас даже не задел. Если же обидчик выше вас по положению, то делать из него врага тем более глупо и опасно. Лучше посмеяться со всеми над собой и принять к сведению. Обиду надо воспринимать как урок, а за уроки надо платить — в данном случае своим самолюбием. Если же подобное повторится в обществе, предворяя это, рекомендуется заранее приготовить ответ ироничный и шуточный, который выставил бы вашего обидчика в глупом свете. Правда, использовать эту пулю надо только в крайнем случае и не для тех, от кого в той или иной мере может зависеть ваша будущность. Иначе, став факиром на час, вы можете уничтожить для себя все перспективы на потóm. Не стремитесь услышать и увидеть больше того, что вам следует. В этом случае всегда выигрывают те, кто толстокож к обидам в свой адрес. Помните, что обида и оскорбление прилипают только к тем, кто их замечает. А раут — это не место, где люди соревнуются в том, у кого лучше зрение или слух.

Леди рекомендовалось лучше опоздать, чем прийти раньше. Тогда вы будете всеми замечены и не покажете, что ради раута отбросили все свои дела. Даже если перед этим вы мчались со всех ног, придите в себя, отдышитесь и только потом вступайте в общую залу. И помните, что скорая речь кажется плебейской, как будто вы привыкли, что вас все время перебивают. Медленно произнесенная фраза звучит значительнее.

Ходите маленькими шажками, не качайте двумя руками одновременно, не забывайте держать спину и голову и не торопитесь.

Чтобы чувствовать себя увереннее, необходимо показывать, что вам все здесь не в новинку. Смотреть с налетом легкой скуки на красивые излишества, равнодушно — на богатство дома. Ухаживания за собой и знаки внимания принимать как должное. Важно уметь, в нужный момент приподняв брови, показать, что вы чувст-

вуете себя хозяйкой положения, однако этого не следует делать в присутствии хозяйки дома.

Не стоит чрезмерно демонстрировать чувство благодарности. Имидж избалованной заботой женщины подойдет гораздо лучше.

Ни в коем случае не стоит показывать своих негативных эмоций! Не сердиться на слуг, не сетовать на изменивших вам подруг, на ветреность вашего любимого. Тем самым вы только дадите другим пример подобного обращения с вами. Всегда и везде лучше демонстрировать, что у вас все хорошо и благополучно, что все относится к вам великолепно и страшно рады вашему обществу. Только не переусердствуйте, иначе ваши знакомые станут потихоньку посмеиваться над вами. Если же все-таки вам хочется поделиться с кем-то наболевшим, делайте это с улыбкой на устах, как мать говорит о нашаливших детях, тогда вы не утратите своей привлекательности. Запомните, в свете все должны казаться, а не быть! Людей, кто жалуется или заставляет всех скучать за долгими разговорами, вряд ли пригласят опять. На раутах будьте поверхностны, шлифованы, презентабельны. Но при этом не старайтесь показать, что вы лучше, умнее или красивее всех. Это малопривлекательно для окружающих и часто небезопасно. Слишком заметную соперницу перестанут приглашать. Мужчина же, который умнее своего начальника, скорее всего лишится места.

Вы будете всегда желанным гостем, если ненавязчиво в разговоре подчеркнете достоинства других людей, хозяев и тех, чье мнение о вас вам небезразлично. Старайтесь побольше спрашивать. Люди предпочитают говорить, а не слушать. И кроме того, это избавит вас от угрозы сказать что-то лишнее. Однако, даже если вы будете соблюдать все эти условия, вы не произведете впечатление светского человека, если у вас не будет прямой осанки (развернутых плеч и высоко поднятой головы). Это абсолютно необходимое условие. Ведь многие люди, возможно, спросят о вас, но не подойдут. Тогда у них останется в памяти то, как вы держались, как слушали окружавших, как сами говорили, хотя они не будут знать о чем.

Слушая собеседника, не следует все время смотреть ему в глаза (если только вы не мужчина и не хотите завоевать леди). Это хорошо в общении с близкими людьми, которые вам дороги, но не на светских раутах. Стойте вполоборота, в красивой позе и, оглядывая зал, лишь время от времени поворачивайтесь к своему собеседнику или собеседнице, слегка кивая в знак того, что вы слушаете. Если же заговорите сами, то медленностью речи заполните условный отрезок времени, отведенный для вашей реплики. Тем самым вы избежите глупостей и не скажете лишнего. Если же это все же произошло, то уверенными интонациями и значительностью поведения исправьте оплошность. Помните, главное не то, что вы говорите, а как вы говорите (ведь чаще всего люди на раутах слушают вполуха, а то и не слушают вовсе), не то, что вы делаете, а как вы это делаете! Выбирая тему для разговора, старайтесь, чтобы она была интересной для всех и не слишком серьезной. Так делала Элиза Дулитл в «Пигмалионе» Бернарда Шоу: «Какая замечательная погода! Не правда ли?» Хорошо иметь несколько смешных, подходящих для всех случаев жизни историй. Однако конечно же они должны быть короткими, иначе все забудут, о чем идет речь. И еще одно главное правило: никогда не используйте раут для изливания души! У Оскара Уайльда говорилось: «Нет ничего скучнее искренности!»

Правила поведения за столом содержали семь запретов и только одно разрешение. Вот некоторые из них:

Пережевывайте пищу двадцать раз.

Не ешьте быстро (иначе это будет расценено как жадность или, что еще хуже, — как голод).

Не ешьте много.

Не занимайте много места (имеется в виду в разговоре за столом).

Ни в коем случае не старайтесь привлечь к себе внимание!

Общественное мнение было мерилom поведения, таковым осталось оно и сейчас. Последний пункт в правилах наглядно показывает, как отличается викторианское представление о поведении в обществе от современного.

ОСНОВНЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ XIX ВЕКА, ИЗМЕНИВШИЕ НАШУ ЖИЗНЬ

Великая выставка

В 1851 году принц Альберт добился от королевы разрешения на организацию выставки величайших мировых достижений. Конкурсные архитектурные планы выставочного павильона стали поступать в Королевскую академию художеств. Один из них принадлежал Джозефу Пакстону, садовнику герцога Девонширского, оранжерея которого очень нравилась принцу Альберту. Его проект огромного здания из стекла был утвержден, хотя и вызвал очень много споров. Пугали, что такие стены могут быть разбиты градом и ветром; предсказывали, что если галереи упадут, то будут жертвы среди посетителей. Предполагали, что все стекло покроется птичьим пометом. Правда, для защиты от этой угрозы решено было отловить ястребов, которые бы уничтожали воробьев и голубей.

В результате великолепное здание, само являвшееся примером современных технологий и строительных методов, вознеслось прозрачным куполом над Гайд-парком. Оно было так красиво и воздушно, так необыкновенно и впечатляюще, что его стали называть Хрустальным дворцом. В главном павильоне под стеклянной тридцатиметровой крышей росли в кадках огромные пальмы, с которых свисали настоящие бананы. Сквозь стены толпы зевак, завидовавшие посетителям, могли видеть демонстрируемых механических монстров,

бьющие прямо посреди павильонов фонтаны, чудесную модную мебель, расположенную среди заморских растений. Популярность выставки была неслыханная. За двадцать недель ее посетило шесть миллионов человек, и это при том, что население Лондона в то время насчитывало всего три миллиона. Счастливики, видевшие Великую выставку, как она называлась, хвастались, что в Хрустальном дворце можно было познакомиться со всем, чем славилось производство того времени — от перочинного ножа с 80 лезвиями и швейной машинки новейшей конструкции до последней модели паровоза и артиллерийского орудия.

Идея выставки так понравилась во всем мире, что между 1851 и 1900 годами была проведена сорок одна похожая демонстрация технических достижений в таких странах, как Франция, Германия, Индия, Австралия и Америка. К Нью-Йоркской выставке 1858 года скопировали Хрустальный дворец, однако он сгорел, так же как и его прототип, перенесенный с прежнего места. Каждая следующая выставка стремилась превзойти предыдущую, и в 1889 году к Парижской выставке была построена знаменитая Эйфелева башня. В 1900 году там же был воссоздан уголок России — возведенные павильоны являлись копиями известных зданий и церквей Москвы и Петербурга.

Но вернемся в Лондон 1851 года. За шесть месяцев работы Великой выставки ее посетило четверть всего населения Британии. Удовольствие не из дешевых — шиллинг или 12 пенсов за вход для простой публики. А сначала цена билетов была так высока, что приобрести их могли позволить себе только высшие классы, проводившие на выставке целый день, на зависть глазевшей сквозь стеклянные панели публике.

Идея самой экспозиции была ненова. Подобные смотры достижений науки и техники проводились с 1845 года, однако в таком грандиозном масштабе это организовывалось впервые. Принц Альберт, который всей душой поддерживал проект, не был слишком популярен среди высшего общества. Только когда идею поддержали все известные люди страны, он публично заявил о своем желании ее осуществить. Заинтересо-

ванность второго лица в государстве значительно ускорила дело, и 1 мая 1851 года, в солнечный день после долгого ненастья, состоялось торжественное открытие выставки.

Еще с ночи публика стала собираться в Гайд-парке. К девяти часам утра количество желавших осмотреть выставку составило 300 тысяч человек. К полудню на открытие приехала королевская чета, и оркестр заиграл национальный гимн. После долгих речей с выстроенного к этому случаю постамента королева Виктория и принц Альберт отправились осматривать грандиозную экспозицию. Виктория была необыкновенно горда мужем, приписывая весь успех лично ему. Она записала в свой дневник: «Возгласы одобрения и радости раздавались повсюду, восторг и восхищение — на всех лицах! Громадность здания со всеми восхитительными декорациями и необыкновенной экспозицией — все это сделал мой любимый муж — творец этого фестиваля объединенной индустрии и искусства со всего мира! Все это меня глубоко тронуло, и я этого никогда не забуду! Господь, благослови моего драгоценного Альберта и мою дорогую страну, показавшую себя в таком величии сегодня!»

Ее энтузиазм был настолько велик, что она много раз посещала выставку. Только в мае 1851 года она была там пять раз и провела в целом пятьдесят часов. Пример королевы оказался заразительным. Целые деревни приезжали полюбоваться небывалым зрелищем. Целые экскурсии на поездах были организованы Томасом Куком, чье имя и сейчас носит известное туристическое агентство. До семисот пассажиров приезжало лишь в одном железнодорожном составе, и среди них сотни туристов из Франции, Германии, Америки и других стран, включая Россию. Можно понять всех этих людей, ведь в Хрустальном дворце было на что посмотреть! Скульптуры, фонтаны, огромные пальмы, знаменитый бриллиант Кох-и-Нур, дразнивший своими драгоценными гранями, выставленный для показа публике в ажурной чугунной клетке, минералы, лесоматериалы, ножи, швейные машинки, модели кораблей, настоящие усовершенствованные паровозы.

Совмещалось несовместимое. Все, что могло восхитить и заинтересовать, было представлено там. Шампанское из ревеня, сгущенное молоко, консервы — новые продукты XIX века. Медицинская экспозиция из Европы: искусственные носы, стеклянные глаза, протезы, кресла для вырывания зубов — невероятным образом сочеталась с тончайшим шелком, кружевами, вышивкой, бархатом из Азии. Чучело настоящего слона из Индии с красивым золоченым балдахином стояло рядом с последними моделями настоящих паровозов из Америки, как бы приготовясь к гонке, которую техника безусловно выиграет. Узорчатые дорогие персидские ковры свешивались с красивых кронштейнов на инкрустированную редкими породами дерева мебель из Китая. Огромное дерево, которое решили не пилить, когда строили здание выставки, возвышалось над гулявшей публикой. Мужчины толпились около револьверов Кольга, фермеры изучали устройство массивных машин, заменивших плуг, но больше всего публики собиралось вокруг механизмов, произведенных в Британии, — паровых молотов, ткацких станков, хлопковых прядильных агрегатов. Особенно поражало всех устройство, складывавшее бумагу в конверты и заклеивавшее их. Оно повторяло движение человека и контролировалось всего двумя детьми, переворачивавшими шестьдесят конвертов в минуту.

Несмотря на то что публики было невероятно много, ее довольно неплохо кормили: ветчина, картофельная запеканка, пудинги и яблочные пайи запивались немалым количеством лимонада, содовой воды и имбирным пивом. Крепкий алкоголь продавать не разрешалось. Устроители выставки боялись пьяных безобразий при столкновении столь разношерстной публики. Большой популярностью пользовалось разноцветное фруктовое желе — аристократический десерт, который быстро оценил рабочий класс. Впервые в мире внутри публичного заведения были предусмотрены места, где женщины, деликатно выражаясь, могли попудрить носики, и мужчины, пользуясь выражением сильного пола, освободить свои мочевые пузыри. С каждого пользователя взималась плата в одно пенни за

посещение туалетной кабинки. Организаторы выставки поначалу яростно возражали против этого нововведения, напоминая, что посетители пришли знакомиться с достижениями, а не решать свои личные проблемы. Опровергая их мнение, почти 830 тысяч человек оценили удобства и оставили там свои пенни, бесчисленное количество мужчин впервые познакомилось с писсуарами, за пользование которыми плата не взималась. Отсюда, вероятно, и пошло английское выражение «истратить пенни», что означает именно то, что вы думаете.

Великая выставка была успешной не только с эмоциональной, профессиональной, но и с материальной точки зрения. Она принесла прибыль в 185 тысяч 437 фунтов, благодаря которой ближайшие к Гайд-парку земли были скуплены, и в дальнейшем на них построили музеи: национальной истории, научный, Виктории и Альберта, а также Королевское географическое общество, Альберт-холл, Имперский колледж науки и технологии — шедевры с архитектурной и познавательной точек зрения.

Фотография

Ранее единственной возможностью взглянуть на новые земли, города, ландшафты, не отправляясь в далекое путешествие, были картины. Изыскатели, открывая невиданные страны, привозили эскизы с изображением народностей, которых они видели там, диких зверей, цветущих растений. Послы нанимали художников, чтобы те запечатлевали необыкновенные наряды при дворах, писали портреты обворожительных красавиц, именитых людей. Архитекторы, восхищаясь чужеземным зодчеством, покупали виды чудесных зданий, а также делали сами их зарисовки, чтобы использовать в своих проектах. Даже короли, выбирая себе заморских невест, полагались на их портреты, срисованные с натуры известными художниками. Профессия была очень востребована. Каждая новая художественная выставка была настоящим событием. Каждый стремился побывать на ней, чтобы

высказать свое мнение и обсудить увиденное со знакомыми. Картины с заграничными пейзажами стоили дорого, поскольку показывали места, где скорее всего никогда не сможет побывать простой обыватель. Ну а собственный портрет, сохранявший привлекательность стареющего лица, мечтал иметь каждый человек. Художники приглашались, чтобы запечатлеть важные моменты жизни, необычные события и просто быт. Популярными картинами могли сделать художника очень богатым. Художник Фриз получил за картину «Железнодорожная станция» четыре с половиной тысячи фунтов — столько получал хороший врач за десять лет работы. На ней он изобразил лондонскую станцию Падингтон, готовившийся к отправлению поезд, вещи, грузившиеся на крышу вагонов первого и второго классов, богатую публику, столпившуюся на перроне, а также простых людей, торопящихся занять места в своем вагоне. Эта картина была необыкновенно популярна в провинции. С нее были проданы многочисленные копии, проценты за которые выплачивались художнику. Некоторые живописцы прилично зарабатывали на портретах красивых девушек, выскивая натуры на улицах, иные занимались зарисовками моделей одежды для них, а кто-то грешил и рисунками голых натурщиц. Спрос был на все.

С 1840 года художники почувствовали, что впервые за всю историю человечества их искусство, с помощью которого можно было передать все, что видел человеческий глаз, оказалось на втором плане.

Самую первую в мире фотографию сделал в 1802 году Том Уэджвуд. Он нанес на кожу раствор нитрата серебра, который очень чувствителен к свету. Сверху разложил листья папоротника и оставил образец на солнце приблизительно на полчаса. Солнце преобразовало раствор нитрата серебра в серебро, которое чернеет от света, тем самым обозначив на коже силуэты листьев. К сожалению, молодой человек не смог найти способа фиксации (закрепления) своего творения. На свету изображение чернело, пока не ис-

чезало совсем. Уэджвуд умер в 36 лет, а поживи он подольше, секрет фотографии мог быть раскрыт на сорок — пятьдесят лет раньше. Сколько удивительных лиц, событий могло бы быть запечатлено! Его первые фотографии хранились более ста лет в Королевской академии художеств, пока наконец чудесные видения не исчезли навсегда. Любоваться ими разрешалось не более нескольких секунд при свечах.

Эксперименты по созданию моментальных снимков продолжались, пока не был разработан процесс, доминировавший в фотографии в течение ста пятидесяти лет. Джон Гершель изобрел способ получения изображения с помощью цианида, более дешевый и простой, чем с использованием серебра, но обладавший одним недостатком. Снимок получался голубым, и хотя в глазах современников это было чудом, для портрета его нельзя было использовать. В 1835 году француз Луи Жак Дагер изобрел аппарат, который позволял получать изображение на металлических пластинах. В 1844 году Уильям Генри Фокс Тальбот, продолжавший эксперименты с использованием серебра, принял на вооружение достигнутое Гершелем и улучшил технологию проявления, закрепления негативов и печатания снимков. Самым главным его достижением было то, что количество печатных фотографий с одного негатива теперь могло быть несчетным, к тому же он открыл, как печатать их на бумаге. В этом же году он издал книгу «The Pencil of Nature» («Карандаш природы»), где разъяснял секрет своего метода и иллюстрировал его помещенными в книгу фотографиями. Первый снимок со вспышкой был сделан в 1850 году, а первая дешевая камера, которой каждый мог управлять, была изобретена только в 1888 году американцем Джорджем Истменом, основателем компании «Кодак».

С этого момента все население Англии захотело запечатлеть себя, членов своей семьи, счастливые моменты жизни. Очень популярными стали *carte de visite*, то есть портретные фотографии. Однако началось все с королевской семьи. В 1860 году Виктория милостиво разрешила сфотографировать себя с Альбертом и детьми. Снимки затем были опубликованы в Королев-

ском альбоме и проданы миллионным тиражом. Первые жители Британии смогли не только близко увидеть правящую семью, но и скопировать необыкновенные туалеты. А когда Альберт умер, семьдесят тысяч его фотографий были проданы только за одну неделю. Пришло время портретов знаменитостей.

Скоро люди захотели узнать не только, как выглядят известные, богатые люди, но и как они живут. Пейзажи, интерьеры стали публиковаться в большом количестве по примеру немецких почтовых открыток. Однако печатание фотографий продолжало оставаться сложным, трудоемким процессом до тех пор, пока в 1887 году Джорж Истмен не изобрел камеры, в которых пленка скатывалась роликом, а не вставлялась рамкой, как было до того. Вскоре появился его «кодак». С этого момента повсюду запестрели рекламные плакаты «Вы нажимаете на кнопку, мы делаем все остальное!» с предложением любому желавшему приобрести камеру, с помощью которой можно было сделать сотни фотографий, а затем прислать аппарат назад на фабрику, чтобы снимки были проявлены и напечатаны.

Цветной пленки в это время еще не существовало. Шотландский ученый Джеймс Клерк Максвелл — первый профессор экспериментальной физики в Кембридже — стал экспериментировать с тремя цветами: красным, синим и зеленым. Смешивая их, он добивался любого нужного оттенка. Он получил цветную фотографию кусочка ленточки, сделав первоначально три черно-белых снимка через красный, синий и зеленый фильтры. Затем он закреплял позитивы на стекле и проектировал их одновременно на экран через те же цветные фильтры. Таким образом, появившееся изображение оказывалось трехцветным. Цветные фотографии были получены. Но несмотря на несомненный успех, они не стали широко распространенными до тех пор, пока братья Люмьер не запатентовали простую, на один снимок, цветную пластинку. Их способ был проще в обращении и более доступен.

Мгновение остановилось и даже приобрело яркие краски!

В 1878 году выигравшая на скачках лошадь была сфотографирована в момент ее движения англичанином, эмигрировавшим в США, Эдуардом Мэйбриджем, с помощью двенадцати фотографических камер. Позже он увеличил число камер до двадцати четырех, а для того, чтобы приводить их в действие, через равные промежутки времени, использовал специальный часовой механизм. Именно этот сюжет и был впервые показан в 1895 году в бегущих картинках.

Движущиеся картинки

Идея движущихся картинок витала в воздухе в течение многих лет. Разнообразные игрушки в викторианское время были нацелены на произведение подобного эффекта. Они варьировались, начиная от книг-перевертышей, когда при быстром перелистывании страниц казалось, что девочка, изображенная на них, подбрасывает мяч, а мальчик бежит за собачкой; крутящегося барабана-развлечения для взрослых, где через щели было видно раздевавшуюся до корсета даму; или очень популярного праксиноскопа, напоминавшего вазу на ножке, где вместо фруктов в центре находился барабан с зеркальными гранями, а на стенках — изображение всадника на лошади. При вращении барабана в зеркале отражались менявшиеся скакуны, создавая иллюзию галопировавшей лошади.

Все эти забавы строились по принципу движущихся картинок, хотя как раньше, так и сейчас сами изображения оставались без движения. Быстрая замена их создавала иллюзию движения. Трудность состояла в необходимости очень большого количества картинок, а также в последовательном проецировании их с большой скоростью.

Эдуард Мэйбридж вошел в историю в 1885 году, показав публике свои первые достижения в этой области. Его картинки были сделаны разными фотографическими камерами, выстроенными одна за другой так, что каждый последующий снимок слегка отличался от предыдущего. К сожалению, его сложная система позволяла показать за один раз только дюжину изображений, но и короткое

мгновение, на которое они оживали, казалось публике настоящим чудом! Первые, наиболее приближенные к сегодняшнему дню движущиеся картинки были показаны работавшим в английском городе Лидсе французом Луи Ле Принсом. В октябре 1888 года он сделал серию фотографий движения транспорта и пешеходов, происходивших на известном Лидсском мосту. Работа производилась с одной единственной камеры. Стеклопластиковый диапозитив скользил вниз по спиральному желобку до паза, меняя изображения одно за другим перед объективом, создавая впечатление непрерывавшегося движения. Он зафиксировал позитивное изображение на стеклянных пластинках, благодаря чему они хранятся до сих пор. Эдисон заинтересовался его изобретением, и Ле Принс хотел продать его в Америку. Он упаковал свое оборудование, готовясь к отплытию, однако перед началом долгого пути захотел навестить Францию и привести в порядок семейные дела. Брат посадил его на поезд до Парижа, и больше его никто никогда не видел. Полиция проводила одно расследование за другим, но, как и в его бегущих картинках, действие не имело своего завершения. Ни сам изобретатель, ни его багаж никогда не были найдены. После исчезновения Ле Принса в течение восьми лет продолжались изыскания в открытой им области. В них принимали участие многие, включая братьев Люмьер, пока 20 февраля 1896 года в политехникуме на Риджент-стрит они не организовали первую платную демонстрацию своих достижений. Прimitивные фильмы, вызывающие улыбку умиления сегодня, были настоящим чудом XIX века. Благодаря тем документальным кадрам нам кажется знакомой эпоха, мы знаем, как выглядели улицы, экипажи, вывески на магазинах, одежда людей, их развлечения, работа, жизнь. Игровое кино появилось несколько позже и открыло эмоциональную сторону отношений между людьми.

Резина

Сырая резина, или, как она еще называлась, каучук, была эластичной, везде прилипавшей и забавлявшей многих людей субстанцией, которая до определенного

времени практически не использовалась. Джозеф Пристли обратил на нее внимание в 1770 году. Он стал использовать каучук для стирания линий, нарисованных карандашом. С помощью ластика, называемого в Англии резинкой, карандашные наброски легко можно было заменять новыми, и этот предмет стал очень востребован.

С начала XIX века многие изыскатели экспериментировали с каучуком, пытаясь добиться от этого материала различных результатов. Благодаря этому стали появляться резинки для нижнего белья, заменившие веревки, подошвы для обуви. В 1824 году Чарлзом Макинтошем был изготовлен первый водонепроницаемый плащ, названный его именем, часто упоминаемый позднее в английской литературе. Конан Дойл одевал в такой плащ Шерлока Холмса, Чарлз Диккенс в своих историях использовал макинтош для преследования преступников. В том же году Майкл Фарадей открыл еще одно свойство резины — непроницаемость для воздуха. Наложив один слой материала на другой и спрессовав концы, он сделал прекрасный контейнер для водорода, с которым в тот момент экспериментировал. Далее его изобретение стало использоваться для развлечений в виде летающих змеев, воздушных шариков, сразу ставших чрезвычайно модными и популярными. А заметив прыгучие свойства резины, из нее стали делать мячи.

Возможности каучука продолжали исследовать. Приблизительно в 1840 году Чарлз Гудийр, промышленник из Филадельфии, делая собственные изыскания, случайно перегрел смесь каучука с серой и белым свинцом доле положенного. Рассматривая полученное, он заметил, что часть соединения сгорела, но сам материал оказался хотя и более податливым, но гораздо прочнее и крепче исходного. Этот процесс позднее назвали вулканизацией. По каким-то причинам американцы не монополизировали это изобретение, и Англия, взявшись серьезно за производство резины, увеличила экспорт сырого материала из Бразилии с 31 тонны в 1827 году, до 20 тысяч тонн в 1900-м. Очарованная возможностями каучука, Виктория приказала

посадить необыкновенные деревья в Кью Гадене — ботаническом саду Лондона.

Вулканизированная резина стала использоваться для колес кебов, экипажей и общественного транспорта вместо железных ободьев. Она лучше тормозила и несколько смягчала звук. Но все же плоские ободья из цельной резины еще далеко отстояли по своим качествам от тех шин, которые используются сегодня. В 1845 году Роберт Уильям Томсон изобрел «воздушные колеса», как называли сделанные из парусиновых труб и пропитанные резиной покрытия, вставленные в кожаный футляр. Он намеревался использовать новые шины для любых видов транспорта, приводимых в движение и лошадьми, и паровыми двигателями. Поскольку к его изобретению отнеслись скептически, он устроил демонстрацию-показ в Лондоне, в Риджентс-парке.

Для эксперимента Томсон взял два одинаковых экипажа. На одном из них были деревянные колеса с железными ободьями, а на другом — его воздушные резиновые шины. Наблюдателями безоговорочно было признано, что экипаж с воздушными колесами сдвинулся с места гораздо легче и плавнее. Они также были чрезвычайно удивлены, не услышав привычного в таких случаях грохота колес по мостовой. Несмотря на общепризнанную победу, изобретение не использовалось в течение сорока лет.

В середине XIX века производство удивительных колес было еще очень дорого. Через сорок лет сынишка шотландского ветеринарного врача, ездивший в школу на трехколесном велосипеде, стал жаловаться отцу на то, что у него уже мозоль на заднем месте от езды по булыжной мостовой. Думая, как помочь сыну, Джон Бойд Данлоп вспомнил об изобретении воздушных колес и решил установить их на велосипеде сына. Мальчишка не только перестал жаловаться на боль, но и опередил всех своих друзей в школьных соревнованиях. И тогда довольный ветеринар убедил капитана белфастской велосипедной команды Вилли Хьюма использовать их для соревнований на поле королевского колледжа. А надо сказать, что в это время самой

распространенной моделью велосипеда являлся пенни-фартинг (две монеты, используемые в названии, были разного размера, как серебряный рубль и копейка). Сиденье ездока находилось на большем колесе (от 28 до 56 дюймов в диаметре) — пенни, а второе (маленькое) устанавливалось сзади для равновесия. Такой странный для нас велосипед был привычен в 1889 году, когда упоминаемое состязание состоялось. Тогда Вилли Хьюм выехал, на удивление всех присутствовавших, на двух одинаковых колесах с надутыми шинами и с сиденьем, расположенным на раме ближе к заднему колесу (привычная нам модель). При его появлении зрители повскакали со своих мест и стали смеяться и показывать на него пальцами. Веселье продолжалось до тех пор, пока он не выиграл состязание. Два его противника, сыновья богатого промышленника, увидев невиданный результат, достигнутый благодаря удивительным шинам, захотели поставить такие же на свои велосипеды. И с этого момента производство «воздушных колес» стало массовым.

Идея совмещения утренних водных процедур с физической нагрузкой, полезной для здоровья, осуществилась в душе, соединенном с велосипедом, где при кручении педалей лилась вода. Чем быстрее крутили, тем сильнее струя воды. Велосипеды стали чрезвычайно популярны с 1860 года. К концу XIX века было зарегистрировано 25 тысяч патентов. Двухколесные, трехколесные, с передним высоким колесом, и для трех седоков сразу, приводившиеся в движение ногами и руками. Их делали из самых невероятных материалов, наделяли пропеллерами на руле, устанавливали надувные сиденья, чтобы предохранить от дискомфорта при долгой поездке, на них ставились паруса и даже крылья. Не додумавшись до цепной передачи за несколько тысяч лет, человечество вдруг сошло с ума на приспособлениях, где оно могло применить это нововведение.

Сейчас без резины уже трудно представить себе наш быт. С утра и до вечера мы окружены вещами, в которых в той или иной степени присутствует каучук. Он остается у нас на теле следом от резинки, заглушает

звук движения машин на улице, ложась прокладкой между пластиковыми окнами, взмывает вверх воздушными шариками. Резиновое дерево еще не открыло человечеству всех своих тайн, исследовать которые предстоит еще многим поколениям после нас.

Электричество

В Средние века люди думали, что гром и молния — это наказание Господнее за людские провинности, а в XVIII веке они начали серьезно исследовать причину этих явлений.

Еще предками было замечено, что, когда звонари начинали в грозу звонить в колокол, оповещая деревню о начавшемся пожаре, их часто убивало ударом молнии. Не умея объяснить причины происходящего, народ всегда боялся грозы и истово крестился, чтобы защитить себя. Теперь всем известно, что находиться на самом высоком здании, каким в то время была церковь, при ударах молнии очень опасно.

Американский дипломат и ученый Бенджамин Франклин одним из первых начал пристально изучать природу грозы. В 1752 году он проделал свой известный эксперимент в Филадельфии, когда запустил воздушного змея в грозовую тучу. Веревка, державшая змея, была мокрая и, зарядившись электричеством от грозы, явилась проводником для искр, прошедших по ней в землю. Зная о возникавшей при этом опасности, Франклин хорошо изолировал себя и не пострадал во время опыта, как это случилось с профессором Георгом Рихманом из Санкт-Петербурга на следующий год. В 1754 году Франклин придумал первый в мире громоотвод, принцип которого до сих пор используется в разных странах.

Он предложил для защиты зданий от грозы устанавливать на самом высоком месте крыши железный прут (позолоченный, чтобы не ржавел). Ведя его вниз вдоль всего здания, конец необходимо заземлять (закапывать в землю). В 1818 году под влиянием опытов со статическим электричеством, проводимых учеными всех

стран, Мэри Шелли написала книгу под названием «Франкенштейн, или Современный Прометей», в которой студент-медик использовал электричество, чтобы оживить мертвое тело. Популярность книги, последовавшая после издания, доказала, что этому неизвестному в то время физическому явлению приписывали магические, чудодейственные свойства, способные воскрешать мертвых. Однако до конца XVIII века исследователи работали только со статическим электричеством.

Только в 1799 году итальянский физик Алессандро Вольта открыл возможность получения электричества с помощью двух различных металлов, таких как медь и цинк — основы любой батарейки. Вольта написал о своем изобретении президенту Английского королевского общества, и новость быстро распространилась в научном мире. С этого момента ученые поняли, что человек в состоянии производить электрический ток, когда захочет, вне зависимости от погоды и капризного поведения статического электричества. Английский ученый Гемфри Дэви построил свою собственную батарею, которую позднее усовершенствовал, проводя исследования в электрохимическом направлении, выделив электролизом калий и натрий из едких щелочей.

4 сентября 1821 года Майкл Фарадей впервые обнаружил вращение магнита вокруг проводника с током и вращение проводника с током вокруг магнита, а фактически создал первую модель электродвигателя. Его идеей воспользовался Уильям Стерджин для последующего применения ее в телеграфе, в часах и к концу столетия в лампах и моторах.

А начиналось все с простых предметов ежедневного обихода: «Для женщин всех возрастов и социальных принадлежностей рекомендуется электрический корсет, необходимый для приобретения стройной фигуры и прекрасного здоровья! В наших корсетах самые угловатые фигуры становятся грациозными и элегантными, все внутренние органы мгновенно укрепляются! Грудь добавляется в своем здоровом развитии. Вы чувствуете необыкновенную бодрость во всем теле!» Электрический корсет был типичным для викторианского

периода сомнительным приспособлением, на котором наживались многие ловкачи. Они пользовались безоговорочной верой населения в магическую, исцеляющую силу нового явления — электричества.

Инженер Джеймс Уимшерст был одним из многих, кто, несмотря на полученный электрический ток, продолжал интересоваться статическим электричеством. За восьмидесятые годы XIX века он создал более 90 различных механизмов, способных его получать. Самым известным из них является электрофорная машина, до сих пор демонстрируемая на уроках физики в каждой школе.

В 1871 году немецкий ученый Стейнер использовал слабый электрический ток в медицине при запуске остановившегося сердца пациента. Полученный положительный эффект так окрылил ученых, что внушил им фальшивую мысль, что человек может достигнуть практически любых результатов. Идеи, как побороть стихию, повернуть русла рек, и даже — контролировать природу, постоянно витали в воздухе и в XX веке.

Развитие науки

Однако не только электричеством интересовались ученые в это время. Наблюдался расцвет науки во всех областях. В Дорсете — части страны, очень богатой окаменелостями, были обнаружены останки ихтиозавра и птеродактиля. Немного позже на севере Йоркшира, на большой высоте над уровнем моря, в пещере, в слое ила были обнаружены кости гигантских оленей, трехсот видов различных хищников и даже слона. Ил в пещеру, по предположению ученых, был занесен во время Всемирного потопы. А животные, возможно, были напуганы поднимавшейся водой и скрывались в пещере. Утверждение являлось спорным, так как единственный вход в пещеру был таким узким, что еле-еле мог пролезть человек, а не то что слон. Все эти находки опровергали ранее выстроенные теории о жизни на Земле. Они доказывали не только то, что когда-то в Йоркшире был тропический климат, но и то, что жизнь началась задолго до Всемирного потопы. Чарлз Дар-

вин, долгое время занимавшийся изучением животного мира в Северной Америке, поразил общество своей теорией о происхождении человека. Он обдумывал ее в течение двадцати пяти лет, не решаясь высказать обществу, пока не нашел нужные доказательства, подтверждавшие его правоту. Это был настоящий взрыв в науке, ставивший под сомнение все религиозное учение. В то время ученые не подозревали о настоящем возрасте нашей планеты. Читая теорию известного ученого, они с трудом принимали новую точку зрения, что процесс создания Земли и жизни на ней был постепенным и естественным, занимавшим многие миллионы, а то и миллиарды лет. Настоящей сенсацией стало утверждение о происхождении человека от обезьяны. Чарлз Дарвин должен был обладать настоящим мужеством, чтобы защищать свою теорию, противоречившую всем общепринятым утверждениям, которые складывались в умах людей веками. Священнослужители встали на защиту Ветхого Завета, не понимая, что Великая Книга, по которой Господь создал Землю с морями и океанами на ней, растительный, животный мир и человека всего за шесть дней, была написана тысячи лет назад для примитивного сознания, чтобы людям легче было воспринять Бога. Ведь если бы две тысячи лет назад в неподготовленные умы людей попытались бы вложить идею о том, как возникала жизнь, то они не в состоянии оказались бы принять ее.

Наука в XIX веке развивалась небывалыми темпами во всех областях. Физика, химия, математика, медицина заявили о себе новыми открытиями. Современная наука во многом базируется на достижениях, сделанных в викторианское время. Изучались не только причины происходивших явлений в природе, ученые старались узнать лучше и человеческий мозг.

Психиатры докапывались до причин душевных заболеваний, в том числе раздвоения сознания. Под впечатлением от этого Р. Л. Стивенсоном была написана книга «Странная история д-ра Джекиля и м-ра Хайда». В ней рассказывалось о доброжелательном и добропорядочном докторе, который изобрел наркотик, принимая который, он становился изувером и убий-

цей, называвшим себя Эдуардом Хайдом. Производство это сразу же стало очень популярным. Люди, читавшие его, находили и в себе противоречивые черты, у каждого в душе было то, чем можно гордиться, и то, что старались прятать не только от окружающих, но порой и от себя самого. Роман Достоевского «Преступление и наказание» был переведен на многие языки, включая английский, и сразу стал очень известным. Другая книга, «Дракула», принадлежавшая перу ирландского государственного служащего Абрахама Стокера, писалась под влиянием мистических настроений, захватывавших общество. Он был вдохновлен исследованиями ученых в области переливания крови. Это произведение написано с такой образностью, что до сих пор заставляет читателей верить в реальное существование вампиров. Когда автора спросили, что побудило его написать эту книгу, он ответил, что идея пришла к нему в ночном кошмаре после ужина, на котором подавали особым образом приготовленного краба.

Средства сообщения. Телеграф

Совсем недавно, для того чтобы послать сообщение, нужно было написать письмо и отправить его со скоростью, с посылным на лошади или с кораблем по водному пути. Не существовало никакого другого способа, который бы сделал это быстрее. В 1840 году была образована почтовая служба под названием «Пенни пост». За одно пенни письмо могло быть послано в любую точку страны. До этого цена за отправку письма зависела от расстояния. Благодаря железной дороге доставка настолько подешевела, что теперь оплата назначалась независимо от дистанции.

В конце XIX века талантливый дилетант, американец Ричард Ловелл Эджворт придумал механическую систему сигналов, чтобы получать результат скачек раньше букмекера. Но он был достаточно обеспеченным человеком, чтобы нуждаться в такой системе для постоянного использования. Поэтому Эджворт никогда не прилагал усилий, чтобы развить ее и усовершен-

ствовать. Возможно, его больше занимали другие собственные изобретения, такие как новый вид парового двигателя или машина для резки репы, или семейные проблемы, поскольку он был женат четыре раза и имел много детей. Через двадцать лет француз Клод Шапп изобрел другую систему сигналов, которую назвал *telegraphie*, что означало «письмо на расстоянии». Она работала по принципу механического семафора. Располагавшаяся на вертикальном столбе горизонтальная балка, вращавшаяся в разных направлениях, имела на обоих концах стрелки. Они, в свою очередь, указывали в определенных позициях на номер, по которому, сверяясь с книгой, где были указаны коды (9 тысяч 999 слов и фраз), можно было определить сказанное на расстоянии. Во время демонстрации устройства 12 июля 1793 года было передано сообщение на расстояние в 21 милю за 11 минут. Однако все сказанное необходимо было тут же перепроверять, поскольку малейшая помарка могла привести к искаженному смыслу сообщения. После тем не менее успешной демонстрации никому не пришло в голову подумать об охране изобретения, и через месяц копия книги кодов попала в руки британцам.

Идея эта не была должным образом оценена. Британский почтовый офис считал ее ненужной, поскольку было достаточно мальчиков, разносивших послания, до тех пор, пока в Адмиралтействе не решили, что подаваемые на расстояние сигналы можно использовать на море. Джордж Мюррей взялся усовершенствовать телеграф, за что он был награжден в 1796 году суммой в две тысячи фунтов. Его система была гораздо проще и состояла из шести открывавшихся и закрывавшихся окошек, которые представляли собой буквы, а в некоторых случаях и целые фразы, постоянно использовавшиеся в обиходе, такие как: «прием», «сообщение послано», «ждем ответа».

Каждое утро из правительственной резиденции в Белом холле в Портсмуте на расстояние в 63 мили посылался нужный сигнал, прием которого занимал 45 секунд, с помощью этого сигнала давались необходимые указания для отправлявшихся в колонии кораб-

лей. Французская система использовалась до 1850 года, а телеграф Мюррея был забыт после 1837 года, так как был запатентован электрический телеграф, оказавшийся гораздо проще в использовании и работавший несравнимо быстрее. Это случилось после того, как Майкл Фарадей произвел свой первый электромотор.

Вскоре пришло понимание, что если проложить провода, то можно попробовать посылать сигналы на расстояния гораздо более далекие, чем это делали до сих пор. Многие взялись за эту задачу, включая американца Самюэля Финли Бриз Морзе. В 1840 году он запатентовал свой код, вошедший в историю под названием «Азбуки Морзе», и с ее помощью выработал новый метод передачи сообщений. В это время по другую сторону Атлантики Уильям Кук, увидев модель телеграфа, демонстрировавшуюся в Германии, по возвращении в Англию решил сконструировать свой аппарат, в основу которого положил музыкальный ящик.

Его изысканиями заинтересовался Чарлз Уитстоун, мечтавший передавать по проводам концерты и речи из парламента. Два изобретателя, встретившись, справедливо решили, что телеграф может быть успешно использован на железной дороге. Ведь с помощью сообщений легко контролировать систему транспорта и предотвращать крушения, возникавшие из-за несогласованных действий. Их идея была поистине гениальной! Телеграфные кабели довольно легко проводить вдоль железнодорожных линий, если это делать параллельно с прокладкой путей. Для этого практически не надо производить дополнительных работ, и в связи с этим не требовалось больших дополнительных вложений. Кук и Уитстоун запатентовали свое изобретение в июле 1837 года, в том же месяце, когда Виктория взошла на трон.

Довольно скоро без телеграфа стало невозможным представить себе ни одну железнодорожную станцию. Для его работы поначалу требовалось пять проводов, которые прокладывали параллельно рельсам. Однако система продолжала развиваться, и в конце концов только один провод стал требоваться для передачи сообщений. Создание новых железнодорожных линий

автоматически способствовало расширению возможностей телеграфа. К 1857 году все основные города в Британии были соединены между собой, а к 1870 году телеграфная сеть отошла в подчинение почтового ведомства.

В Англии XIX века развитию телеграфа способствовали личные интересы предпринимателей, так же как продвигали они и системы мобильной связи и Интернет в XXI веке. Как только провода достигали населенного пункта, местные деловые люди искали возможности для себя, как проложить телеграф от фабрики к фабрике и от дома к дому. Большие компании стали строить свои коммуникационные центры, чтобы с их помощью протянуть паутину сетей от одного филиала до другого. И в том и в другом случае прибыль являлась большим стимулом для развития прогресса. Телеграф перестал служить только государственным целям, и жители получили возможность обмениваться личными сообщениями, информируя о времени, к которому приглашались гости, извещая о рождении детей, посылая поздравления к праздничным датам.

Быстрое расширение телеграфных линий нуждалось в грамотных операторах, тогда «Электрик телеграф компании» стала нанимать на работу женщин. Вскоре их число стало неуклонно возрастать. К 1870 году в центральных офисах Лондона работало уже более 200 женщин-операторов. Конкуренция была довольно острая, и для того чтобы устроиться на работу телеграфисткой, нужно было пройти специальные экзамены. Один из нанимателей позже написал в газете «Таймс»: «Их ловкость делает женщин очень подходящими для этой работы. Они лучше образованы и гораздо грамотнее. Кроме того, с сидячей работой, для выполнения которой требуется много терпения, они справляются гораздо лучше мужчин». После такого публичного признания позиция работавших женщин значительно укрепилась. Их стали охотнее брать на работу. Телеграф же, который к тому времени достиг самых дальних точек страны, решили проложить по дну моря, чтобы, соединившись с континентом, принимать сообщения из других стран. Правда, сначала надо

было придумать, как изолировать провода. Известно, что соленая вода способна проводить электричество, и в случае, если она попадет внутрь кабеля, никакой сигнал не дойдет до места назначения.

В это время в печати появились сообщения о создании нового материала *гуттаперчи*, который получался из сока уникального дерева в Малайзии, находившейся под британским контролем. Этот материал немного напоминает резину, но не обладает ее пружинистостью и до того времени использовался только для покрытия шаров для гольфа. Как отметил Фарадей в 1848 году, гуттаперча гораздо лучше для изоляции, чем просмоленная пенька, использовавшаяся повсеместно. В 1850 году было заказано 25 миль медного кабеля, покрытого гуттаперчей, и первая телеграфная линия по дну Ла-Манша была проложена от Дувра до Кале. Правда, она проработала очень недолго, так как изоляция была недостаточная. После того как несколько позже кабель был вставлен в металлические ножны, телеграф заработал вновь. К 1900 году паутина телеграфных проводов опутала почти весь земной шар. Правительство могло давать указания и контролировать свои колонии, заводчики могли заказывать новые машины. Оказалось, что мир не так велик, как это представлялось раньше. А через 26 лет после прокладки телеграфного кабеля, связавшего Англию с континентом, первые слова были произнесены по телефону. «Мистер Ватсон, подите сюда, вы мне нужны!» — произнес Александер Грейам Белл — изобретатель телефона, обращаясь к своему ассистенту 10 марта 1876 года.

Прадедушки современных компьютеров

Сегодня мы живем в мире, в котором компьютеры играют огромную роль. Молодому поколению даже невозможно представить себе жизнь без них. А ведь компьютеры существуют всего лишь около 20—25 лет. Те семена, которые взошли сегодня, на самом деле были брошены в землю в XIX веке двумя чрезвычайно талантливыми людьми: Чарлзом Бэббиджем и Джорджем Булем.

Чарлз Бэббидж родился в 1791 году в Лондоне. В Кембридже он изучал математику, к тридцати годам был избран в Королевское научное общество и читал лекции в Королевском институте. Еще будучи студентом, он стал вынашивать идею о машине, способной считать без ошибок. Он был поражен, листая учебник по логарифмам в библиотеке, количеством ошибок, совершаемых людьми. Как математик, он знал, что многие арифметические действия имеют удивительно малые отличия. Например, если взять числа до 7, возвести каждое по отдельности в квадрат и посмотреть различия между получившимися результатами, то это будет выглядеть так:

Цифры	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Квадрат	0	1	4	9	16	25	36	49	64	81
Разница между квадратами	0	1	3	5	7	9	11	13	15	17
Разница между разницей	0	1	2	2	2	2	2	2	2	2

Бэббидж понял, что таблица квадратов может быть построена не с помощью перемножения цифр, а с помощью складывания их разниц.

К примеру, можно получить квадрат 4, перемножая $4 \times 4 = 16$. А можно, сложив разницы между квадратами, то есть $1+3+5+7=16$.

И его идея счетной машины состояла именно в том, чтобы она, проделывая математические операции, такие как возведение в квадрат больших чисел, вычисление площадей, синусов, косинусов и логарифмов, опиралась именно на разницу между квадратами и другие последовательности, которые он открыл.

Он назвал свое изобретение «разностная машина». Бэббидж изготовил небольшую модель всего лишь с шестью шестернями и показал ее Королевскому научному обществу. Несмотря на небольшой размер и количество производимых операций, ограниченных количеством зубчатых колес, его изобретение получило безоговорочную поддержку. Он был награжден золотой медалью, и правительство вручило ему грант на постройку машины со всеми уникальными возможностями. Однако у Бэббиджа произошло недопонимание с

канцлером казначейства. Он просил полторы тысячи фунтов и получил согласие, так как в казначействе решили, что это полная сумма. Бэббидж же рассчитывал на нее только как на первичный взнос. Когда, получив требуемые деньги, через некоторое время он пришел за новой суммой, канцлер рассердился, но после давления со стороны правительства выделил ученому 17 тысяч фунтов, что было по тем временам невиданной суммой. Бэббидж нанял прекрасного инженера Джозефа Клемента для создания машины, а сам со спокойной совестью отправился в путешествие. Когда он вернулся, возникли разногласия денежного характера с Клементом, которые привели к тому, что работа так и не была закончена, а деньги потрачены. Бэббидж решил попросить у правительства дополнительных средств и получил ответ: «За 17 тысяч мы не получили ничего, кроме брюзжания математика. За эти деньги хотелось бы иметь хотя бы его умную игрушку!»

В ответ Бэббидж предложил идею еще более дорогостоящую, которую он назвал «аналитическая машина». Это изобретение было гораздо более продвинутым. Вместо того чтобы проделывать одну операцию, к примеру, высчитать логарифм, машина программировалась ее, сохраняла информацию (файл) в своей ячейке, при этом другая ее часть производила вычисления. Не осознавая того, Бэббидж изобрел механическую форму современного компьютера. Правительство отказало ему в деньгах, и аналитическая машина никогда не была построена.

Мы бы и не узнали об ее изобретении, если бы не талантливая поклонница Бэббиджа, Августина Ада Кинг, графиня Лавлейс, дочь знаменитого поэта Джорджа Байрона. Правда, она видела своего легендарного отца в последний раз в далеком детстве, когда после шумного развода с ее матерью он приходил с ней проститься. Графиня обладала прекрасным математическим умом и по достоинству оценила изобретения Бэббиджа. Она описала его аналитическую машину в таких подробностях, до которых скорее всего недодумался бы и сам автор. Леди Лавлейс не только объяснила принцип работы несуществовавшей машины, но и показала облас-

ти, где она могла быть использована. Фактически она изложила первые компьютерные программы, с помощью которых надеялась рассчитать математику нашего мозга. Однажды Ада написала Бэббиджу: «Чем больше работаю, тем больше чувствую, как я гениальна!» К сожалению, всему в истории свое время, даже открытиям. Ада Лавлейс действительно была гениальна, и возможно, проживи она дольше, с ее-то энергией компьютер был бы создан еще при ее жизни. Однако судьба убирает тех, кто подошел к решению слишком рано. Бедняжка умерла от рака в тридцать шесть лет, выполнив свою роль на Земле — оставив завещание потомкам.

Бэббидж так и не осуществил на практике своих гениальных задумок. С возрастом он становился все сварливее и свою энергию направил против уличных музыкантов, ворча, что всю сознательную жизнь был вынужден слушать их ужасную музыку. Это не прибавило ему популярности. Люди встречали его негодующими возгласами, показывали на него пальцами, швырялись дохлыми кошками. Когда он умер 18 октября 1871 года, только одна карета провожала его на кладбище. Однако его изобретение все же заработало. Ровно через двести лет после его рождения в Научном музее Лондона завершили сборку главной секции разностной машины, а в 2001 году к ней присоединили и принтер.

Вторым человеком XIX века, наиболее приблизившимся к созданию компьютера, был Джордж Буль. Его отец, башмачник из Линкольна, обанкротился, когда Джордж находился еще в подростковом возрасте. Помогая семье, Джордж забросил учебу и, не найдя работы в родном городе, отправился за 40 миль в Донкастер, чтобы стать учителем. Он страшно скучал по дому и часто писал матери, что никто в Донкастере не печет крыжовниковый пай так, как она. Он очень любил читать, но не имея денег на книги, специально выбирал очень сложные для прочтения, чтобы потратить на них как можно больше времени. С этой точки зрения, книги по математике были самыми сложными, и юноша специально покупал только их. Академия, где преподавал молодой человек, была очень религиозной, и

Джордж не раз обвинялся в том, что грешит, не только читая свои книги по воскресеньям, но и производя математические вычисления в голове во время церковной службы.

Однажды по дороге на работу ему было видение. Что предстало перед ним в тот момент, мы никогда не узнаем, но благодаря этому случаю родилась мысль, что если с помощью алгебры можно объяснить работу физического мира, то почему бы не попробовать с ее помощью понять и мир умственный. Булю понадобилось несколько лет, чтобы выпестовать эту идею. В 1854 году он опубликовал книгу под названием «Исследование закона мысли». Ему не удалось разгадать секрет человеческого мозга, но его заслуга состоит в том, что он придумал совершенно новый вид алгебры, называемой «Булевой алгеброй» в его честь. Это логическая алгебра, создающая математический рисунок мира. Здесь разница между одними и теми же предметами показывается с помощью цифр. Например, две чашки — одна пустая и одна полная — будут описаны по его системе как 0 и 1, и всю информацию, таким образом, можно сортировать по этой системе. Его работа была высоко оценена при жизни, но по-настоящему она нашла себе применение только совсем недавно, через сто лет после открытия. Правда, по системе Буля цифра эта должна выглядеть как 001, ведь только в конце пришел результат, когда стали строить первый электронный компьютер. В нем был свой порядок переключателей, которые могли быть включены и выключены, подразумевая 1 и 0. К ним необходимо было добавить еще сотню, для чего и применили Булеву алгебру.

Сегодня внутри каждого компьютера, мобильного телефона, микроволновой печи цифровое обеспечение основывается на идее Буля, возникшей у него во время того таинственного видения.

В XIX веке дремавшее ранее человечество как будто проснулось и озарилось шквалом идей, проектов и открытий, которые кардинально изменили жизнь в стране и во всем мире, чему свидетельницей удалось быть самой королеве, правившей долгих шестьдесят лет. До сих пор любой эпизод повседневности базируется на достижениях, сделанных в то время. Любая область нашей жизни крепко стоит на корнях, пущенных в Викторианскую эпоху.

После смерти любимого мужа королева Виктория не снимала траур до конца своих дней. В последние годы она уже не слишком интересовалась государственными делами и большую часть времени проводила в Шотландии, в своем любимом Балтиморе. Напавшая на управленческую машину и в ее отсутствие не давала сбоев. Приезжая время от времени в Лондон, она, приподняв тучное тело с сиденья кареты, подслеповато шурилась из окна на новые громады зданий, одобряя богатый и добротный стиль. «Полюбовался бы Альберт!» — думалось ей. Не забывала она подъезжать и к Хрустальному дворцу, где происходила Великая выставка, которой он так гордился. Правда, здание несколько лет стояло пустым и ветер гонял в нем сухие опавшие листья. «Дворцу так же одиноко без своего хозяина, как и мне, — думалось ей. — А ведь когда-то здесь было так много света, музыки, счастья!» Она всматри-

валась в жизнь снаружи и думала: «Вот и моя душа, как этот стеклянный ларец, прозрачна и пуста, а череда огромных залов — это строй одиноких лет, что я прожила без него!»

Королева Виктория умерла в 1901 году. Своей смертью она как бы подвела черту под целой эпохой необыкновенных достижений, которые с такой гордостью представлял ее муж когда-то в Хрустальном дворце.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ И ИЗОБРЕТЕНИЯ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

- 1829, 4 июля — начало истории британских омнибусов.
- 1832—1836 — американцем Отисом изобретен первый паровой одноковшовый экскаватор.
- 1834 — Чарлз Бэббидж сформулировал идею и основные принципы работы «аналитической машины», которая являлась прообразом современного компьютера.
- 1837 — Виктория становится королевой в возрасте 18 лет.
Изобретение азбуки Морзе.
- 1838—1842 — первая англо-афганская война.
- 1839 — Уильям Генри Фокс Тальбот впервые выступил с обоснованием негативно-позитивного процесса в фотографии, названного им позже калотипией.
- 1840—1842 — англо-китайская война (первая «опиумная»).
- 1840 — Британия устанавливает свой контроль над Новой Зеландией. Первая почтовая марка «Черный пенни» поступает в продажу.
- 1842 — Британия получила контроль над островом Гонконг (Сянган) на 99 лет.
Выходит закон, запрещавший женщинам и детям работать в шахтах.
- 1845 — голод в Ирландии из-за неурожая картофеля.
- 1846 — проведена первая операция с применением анестезии.
- 1847 — принят акт, запрещавший женщинам и детям, не достигшим 18 лет, работать более десяти часов.
- 1848—1849 — революции в Европе. Публикация «Манифеста Коммунистической партии», написанного К. Марксом и Ф. Энгельсом.
- 1848 — Впервые в Англии созданы курсы для учителей-женщин. Первый парламентский акт о здоровье населения.
- 1849 — изобретение безопасной булавки американцем Уолтером Хантом. Использовалась для подгузников и других целей.
- 1851 — изобретение швейной машинки «Зингер».
Начало золотой лихорадки в Австралии.
Открытие Великой выставки в Хрустальном дворце Лондона.
- 1852, 2 декабря — Наполеон III был провозглашен императором Франции.
В Англии выпущена первая газовая плита с духовкой.
Закончено строительство нового здания парламента.
Установка первого общественного (мужского) смываемого туалета в Лондоне.
- 1853—1856 — Крымская война.
- 1853 — начало производства рифленого металла.
- 1855 — Жан Батист Жолли открыл первую химчистку.
Налажено промышленное производство безопасных спичек.
- 1857—1859 — восстание сипаев в Индии.
- 1858 — проложен телеграфный кабель через Атлантический океан, связавший Англию и Америку.
- 1859, 1 сентября — инженером Джорджем Пульманом был произве-

ден первый спальный вагон повышенной комфортности — так называемый «пульмановский вагон».

Опубликован главный труд Чарлза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора...».

Эдвин Дрейк пробурил первую нефтяную скважину в Пенсильвании.

1860 — в Англии появляется туалетная бумага. Изобретатель, британский промышленник Джеймс Оллок неудачно попытался наладить ее производство и продажу.

Уилки Коллинз создает первое детективное произведение «Женщина в белом».

Изобретение электрической лампочки Джозефом Своном.

1861—1865 — Гражданская война между Севером и Югом в США.

1861 — отмена крепостного права в России.

Смерть принца Альберта.

1863 — Джордж Пульман создал первый вагон-ресторан.

Пущена первая в мире линия метро (в Лондоне).

1864, 17 февраля — основание организации Международный Красный Крест в Швейцарии, первоначально — Добровольное общество помощи военнопленным, больным и раненым воинам.

1865, 14 апреля — смертельно ранен президент США Авраам Линкольн.

1867, март—июнь — продажа Россией Аляски и других своих земель на Северо-Американском континенте Соединенным Штатам Америки.

1 июля — Канаде был предоставлен статус доминиона в соответствии с актом о Британской Северной Америке, принятым английским парламентом.

Изобретение динамита шведским ученым Нобелем.

Изобретение пишущей машинки.

Хирург Джозеф Листер выдвинул идею, что раневая инфекция, приводящая к огромной послеоперационной смертности, вызывается живым заразительным началом, внесенным в рану извне, и впервые разработал теоретически обоснованные мероприятия по борьбе с хирургической инфекцией, благодаря чему процент смертей после операций сократился с 45 до 15.

1868 — последний преступник из Англии сослан в Австралию.

1869, 10 мая — в США была пущена первая железная дорога, соединившая восток и запад страны.

15 июня — Джон Хайт из штата Нью-Йорк запатентовал изобретение целлулоида.

Состоялось открытие Суэцкого канала.

Появился первый пневматический неавтоматический тормоз на железной дороге.

1870, 9 июня — умер Чарлз Диккенс.

Изобретение детской коляски и бутылочки с резиновой соской для кормления младенцев молоком.

Завершение процесса объединения Италии.

1871, 18 января — в Версале была провозглашена Германская империя. Завершился процесс объединения Германии.

1873, 20 мая — Леви Штраусом и Джейкобом Дэвисом получен па-

- тент на производство первых джинсовых брюк (*Levi's*) с медными заклепками на карманах.
- 1874 — первая выставка импрессионистов в Париже.
- 1875 — установление контроля Британией над Суэцким каналом.
- 1876 — изобретение телефона Александром Беллом.
Королева Виктория провозглашена императрицей Индии.
- 1877—1878 — русско-турецкая война.
- 1877 — пароход «Парагвай», первое судно, оборудованное рефрижераторной установкой, доставило груз замороженного мяса из Австралии во Францию.
Изобретение фонографа Томасом Эдисоном.
- 1879, 4 ноября — житель городка Дейтон в штате Огайо Джеймс Ритти запатентовал первый кассовый аппарат.
Изобретение лампы накаливания Томасом Эдисоном.
Вернер фон Сименс представил на Берлинской выставке первую в мире электрическую железную дорогу, «электролокомотив» с вагонами, задуманный как подземный поезд.
- 1880-е — поступление в широкую продажу наручных часов, преимущественно женских.
- 1880 — выход на линию первых коммерческих трамваев (Санкт-Петербург).
- 1882 — парламентский акт, позволявший женщине распоряжаться ее недвижимостью.
Британия устанавливает контроль над Египтом.
Изобретение электрического утюга.
Инженер Вернер фон Сименс создал в Германии первый троллейбус.
- 1883 — публикация романа Роберта Стивенсона «Остров сокровищ».
- 1884 — в Лондоне на Оксфорд-стрит открылся первый общественный женский туалет.
- 1885 — Готлиб Даймлер (Германия) поставил на деревянный велосипед двигатель внутреннего сгорания (прообраз мотоцикла).
Начало строительства первых небоскребов в Америке.
Получение искусственного шелка графом Шардоннэ в Безансоне.
- 1886, 28 октября — торжественное открытие статуи Свободы в Нью-Йорке.
Карл Бенц изготовил трехколесную повозку с двигателем внутреннего сгорания (прообраз автомобиля).
Открытие богатейшего месторождения золота в Южной Африке.
Изобретение Жозефиной Кокрейн посудомоечной машины.
- 1887 — выходит первый роман Артура Конан Дойла «Этюд в багровых тонах», который познакомил читателей с Шерлоком Холмсом.
Королева Виктория празднует золотой юбилей своего правления.
- 1888 — ветеринар Джон Бойд Данлоп получил патент на изобретение пневматических шин.
- 1889, 6 мая — в Париже завершилось строительство Эйфелевой башни.

- 1891 — в Англии принят закон о бесплатном начальном обучении детей.
Налажено производство электрических фонариков.
- 1892 — начало строительства Транссибирской железнодорожной магистрали в России.
- 1893, 29 августа — Уиткомбом Джадсоном, инженером из Чикаго, была запатентована застежка «молния».
Получение вискозы химиками Кроссом, Биваном и Бидлем.
- 1894—1895 — Японо-китайская война.
- 1894, 30 июня — открытие моста Тауэр в Лондоне.
Британия объявляет об установлении протектората над Угандой.
Построена копия Эйфелевой башни в Блэкпуле — курортном городе Англии.
- 1895, 28 декабря — состоялся публичный сеанс синематографа в парижском «Гранд-кафе» на бульваре Капуцинов.
Вильгельм Рентген открыл излучение, названное им X-лучами, и создал первые рентгеновские трубки, конструкции которых в основных чертах сохранились до нашего времени.
Кинг Кемп Жилетт изобрел безопасную бритву.
- 1896, 17 августа — в Лондоне произошло первое дорожно-транспортное происшествие со смертельным исходом. Автомобиль двигался со скоростью 12 километров в час. Погибла женщина, мать двоих детей.
Первые современные Олимпийские игры в Афинах.
В Британии был принят закон, изменивший ограничение скорости на дорогах с 4 миль в час (6,4 километра в час) до 14 миль в час (22,5 километра в час).
Первые в Англии соревнования механических экипажей по маршруту Лондон — Брайтон.
- 1897 — королева Виктория празднует свой бриллиантовый юбилей.
Открытие золота на Клондайке в Канаде.
- 1898 — война между США и Испанией.
- 1900 — первый пробный полет дирижабля конструкции Фердинанда Цепелина.
- 1901 — смерть королевы Виктории в возрасте 81 года.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
Пример королевской семьи — образец для подражания всей Англии	8
<i>Глава первая.</i> ПОСЛЕДСТВИЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ	14
Городская жизнь	17
Чем жила улица	25
Крепкие напитки. Скажи мне, что ты пьешь, и я скажу, кто ты!	32
Транспорт	37
Три великих корабля Брюнеля	44
Одна ступень вниз	46
Создание полиции	52
Строительство канализации	63
<i>Глава вторая.</i> РАБОТА, НА КОТОРУЮ ВЫ БЫ НЕ СОГЛАСИЛИСЬ	67
Кто выгробал земляные туалеты	71
Что выбрасывалось викторианцами	75
На что шли куриный помет и дерьмо собачье	78
Собиратель костей и тряпичник	79
Молочник в Лондоне	81
Как прожить на тридцать шиллингов в неделю	82
<i>Глава третья.</i> ДВОРЦЫ И ПАРКИ, ХИБАРЫ И ДВОРИКИ	86
Исключительно с приглядной стороны	86
Жилища для рабочего класса	93
Устройство дома	98
<i>Глава четвертая.</i> СЕМЬЯ	107
Кто в доме хозяин?	121
Семья и деньги	126
<i>Глава пятая.</i> БЕДНЫЕ КРОШКИ И СУЧЬИ ДЕТИ	131
Как держать детей в строгости	131
«...ты не смеешь не оправдать нашего доверия!»	137
Дети рабочих окраин	143
Школы	148
<i>Глава шестая.</i> ЧТО РАЗРЕШАЛОСЬ ПОРЯДОЧНОЙ ДЕВУШКЕ	155
Невидимки	155
Свадьба	171

<i>Глава седьмая. БРАЧНЫЕ УЗЫ И СЕМЕЙНЫЕ СВЯЗИ</i>	177
Существа второго сорта	177
Двойная игра	181
Женский вопрос	188
<i>Глава восьмая. УКЛАД ЖИЗНИ В БОГАТЫХ СЕМЬЯХ</i>	190
Верхняя и нижняя прислуга	198
О чем молчал дворецкий	209
Домоправительница	218
Кухарка	227
Леди, к советам которой прислушивались в каждом доме	233
Кто такой валет	235
Кучер	239
Что должна была знать и уметь горничная	243
Лакей	256
<i>Глава девятая. КАК ОДЕВАЛИСЬ ВИКТОРИАНЦЫ</i>	264
Как одевались леди. Что носила женская прислуга	264
Как одевались джентльмены. Что носила мужская прислуга	280
<i>Глава десятая. ЗДОРОВЬЕ</i>	283
Город и болезни	283
Роженицы и младенцы	287
Сестры милосердия для своих ближних	292
«Мои старые слабости»	296
Медицина	299
<i>Глава одиннадцатая. КАК РАЗВЛЕКАЛИСЬ ВИКТОРИАНЦЫ</i> ...	306
Балы	315
Магазины	321
<i>Глава двенадцатая. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КО ДВОРУ</i>	328
Общество и сезон	331
Визиты и визитки. Кому разрешалось заглянуть на часок	336
<i>Глава тринадцатая. ЭТИКЕТ</i>	339
Основные правила для джентльменов	339
Как должна была вести себя леди	340
Рекомендации для желавших вступить в светский круг	343

<i>Глава четырнадцатая. ОСНОВНЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ XIX ВЕКА, ИЗМЕНИВШИЕ НАШУ ЖИЗНЬ</i>	348
Великая выставка	348
Фотография	352
Движущиеся картинки	356
Резина	357
Электричество	361
Развитие науки	363
Средства сообщения. Телеграф	365
Прадедушки современных компьютеров	369
Послесловие	374
Основные события и изобретения Викторианской эпохи	376

Диттрич Т. В.
Д 49 Повседневная жизнь викторианской Англии / Таня Диттрич; предисл. и послесл. авт. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 382[2] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-02978-1

Легко судить обо всем, не зная деталей и подробностей. А ведь именно они и делают жизнь не контурной и иллюзорной, а ясной и правдивой. Убедиться в этом вы сможете, прочитав книгу о повседневной жизни Англии во время долгого правления королевы Виктории (1837—1901).

В XIX веке дремавшее ранее человечество как будто проснулось и озарилось шквалом идей, проектов и открытий, которые кардинально изменили ситуацию не только в Британии, но и во всем мире. Великие изобретения дали толчок развитию производства, промышленность изменила облик городов, города наложили свою тяжелую длань на людей, в них обитающих, а люди, как всегда, приспособились к новым условиям и откликнулись на перемены новыми идеями. Быть может, все происходило и по-иному, но... Инерция этих изменений настолько сильна, что и сейчас, можно сказать, любая область нашей жизни крепко стоит на корнях, пущенных в Викторианскую эпоху.

УДК 94(420)“18”
ББК 63.3(4Вел)52

Диттрич Татьяна Васильевна
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **И. В. Черняков**
Художественный редактор **Е. В. Кошелева**
Технический редактор **Н. И. Михайлова**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Л. М. Марченко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 06.12.2006. Подписано в печать 10.04.2007. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Усл. печ. л. 20,16+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 73677.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsej@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-02978-1

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495)787-64-20

8(495)787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495)787-65-39 8(495)787-63-64

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

С. Лолаева, Г. Черкасов
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДЕПУТАТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ

Б. Григорьев, Б. Колоколов
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЖАНДАРМОВ

Н. А. Никитина
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЬВА ТОЛСТОГО
В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Н. Будур
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВИКИНГОВ

Б. Мейер-Стабли
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БУКИНГЕМСКОГО ДВОРЦА
ПРИ ЕЛИЗАВЕТЕ II

Ж. Сустель
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АЦТЕКОВ НАКАНУНЕ
ИСПАНСКОГО
ЗАВОЕВАНИЯ

ISBN 978-5-235-02978-1

9 785235 029781 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ